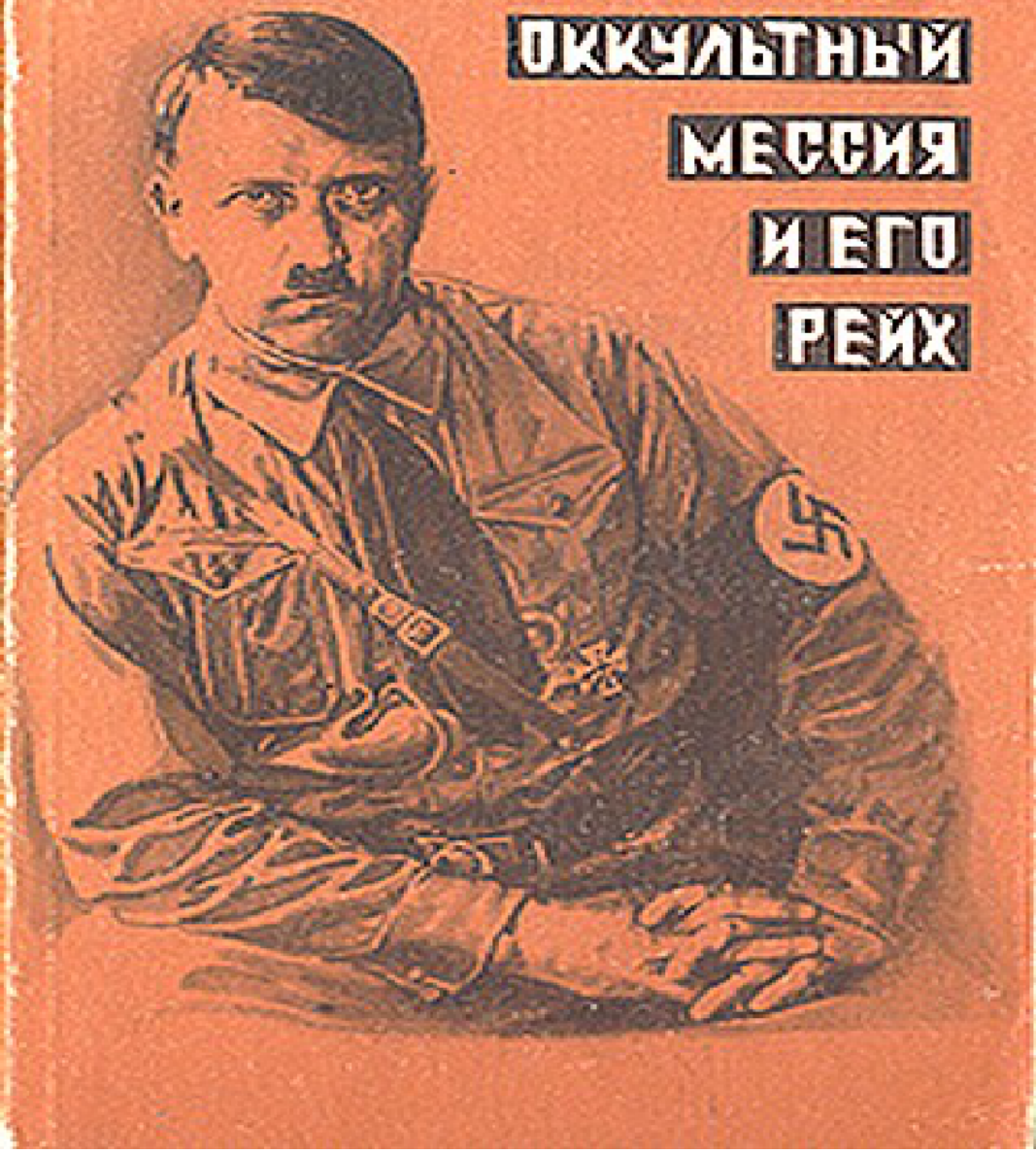
В. ПРУССАКОВ

ОККУЛЬТНЫЙ МЕССИЯ И ЕГО РЕЙХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Где, когда и как начинается фашизм?

Эта книга - предупреждение!

Исследование независимого историка Валентина Пруссакова можно оценивать неоднозначно, но историю надо знать.

- Оккультный мессия и его Рейх
  - От издательства
  - К читателю
  - Пруссаков Валентин
    -
    - Корни
    - Детство и юность
    - «Грустнейший период моей жизни»
    - Начало
    - Дитрих Эккарт
    - Спаситель и его апостолы
    - Пивной путч
    - Гаусхофер, святая книга и новое начало
    - Единственная любовь
    - Приход к власти
    - Установление диктатуры
    - Бескровные завоевания
    - Начало Второй мировой войны
    - Ошеломляющие победы
    - 1941
    - Решающий поворот
    - Тайна доктора Мореля
    - Окончательное решение еврейского вопроса
    - Заговор 20 июля
    - Крушение
    - Последние дни Адольфа Гитлера
    - Последняя тайна Гитлера
  - Пруссаков Валентин
    - Тайные корни
    - Духовные предтечи
    - Дитрих Эккарт
    - Оккультный мессия
    - Розенберг, Гесс и другие
    - В оккультном помрачении
    - Черный орден Генриха Гиммлера
    - Архитекторы эволюции

- «Дети дьявола»
- Астрологи, ясновидцы и прочие
- Теория полой земли
- Аненербе
- Святой Грааль найден?!
- Поражение магов

○ Пруссаков Валентин

○ Гитлер Адольф
- Часть 1
  - 1. Моя родина
  - 2. В Вене
  - 3. Австрия и немцы
  - 4. Мюнхен
  - 5. Мировая война
  - 6. Революция
  - 7. Начало моей политической жизни
  - 8. Германская рабочая партия
  - 9. Признаки распада
  - 10. Нация и раса
  - 11. Зарождение Национал-социалистической партии
- Часть 2
  - 1. О марксизме, расе и государстве
  - 2. Государство и народ
  - 3. О «гражданах» и «подданных»
  - 4. Начало борьбы
  - 5. Борьба с красными
  - 6. Вождь и движение
  - 7. О федерализме
  - 8. Работа агитационная и работа организационная
  - 9. О роли и организации штурмовиков
  - 10. Рабочие союзы
  - 11. Германская политика союзов после войны
  - 12. Восточная политика
  - 13. На суд истории

○ Розенберг Альфред
-
- Русско-еврейская революция

○ «Секретная книга Гитлера»
-
- Секретная книга Гитлера

○ Вагенер Отто

- О Христе и социализме
- Исключая Россию!
- О расовом смешении
- Период радикальных перемен
- Еврейство и цель сионизма

Дитрих Отто
- Воспоминания о Гитлере

Риббентроп Иоахим фон
- Это был великий человек

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Оккультный мессия и его Рейх

От издательства

Где, когда и как начинается фашизм? Все мы, простоявшие долгие ночные часы у баррикад российского парламента, видели своими глазами, как начинается фашизм.

Эта книга – предупреждение!

Исследование независимого историка Валентина Пруссакова можно оценивать неоднозначно, но историю надо знать[1]. Необходимо также знать, как работала нацистская пропагандистская машина. Поэтому мы помещаем в издание как «Моя борьба», так и другие приложения. Мы верим, что читатель сделает собственные выводы из прочитанного.

Коллектив издательства

К читателю

Эта книга об Адольфе Гитлере.

И не ждите от нас дежурных оправданий по схеме «плюрализм» – «гласность». Этот способ хорош, когда речь идет о реанимации некогда запрещенных имен, будь то Петлюра, Троцкий или генерал Власов. К этому способу прибегают тогда, когда не уверены в своей правоте. И у нас тоже был искус прибегнуть к этому способу.

Но помимо юридического словоблудия существует и другое – память, совесть, ответственность. Ребенок, родившийся в России, одним из первых узнаёт имя «Адольф Гитлер» как символ беды, поразившей его страну в 1941 году, и уже тогда начинает ненавидеть это имя. Взрослея, он узнаёт все новые и новые подробности, ненависть его становится осознанной, он видит, что происходит в мире и вокруг него, он понимает: для возрождения «чумы» в любой момент могут быть воссозданы все условия, и он боится этого... Но вот парадокс – именно его страх и его ненависть – палка о двух концах... впрочем, об этом вы прочитаете в книге.

Нам нелегко было решиться на издание «Оккультного мессии», Гитлер – не Троцкий и не Петлюра. Повторяем, существуют вещи, которые выше новоизобретенных «плюрализмов», тем более в России, где культ коллективной нравственности всегда стоял над законотворчеством, и где всякое действие оценивается прежде всего с позиции соответствия идеалам народной морали, вырабатывавшейся столетиями и вопреки всем усилиям не похороненной до сих пор.

И все-таки мы издаем эту книгу.

Нам надо знать своих предков. Каждый из нас – сын своей матери и своего отца, и в то же время мы – дети общей Истории, чей родник, открытый Первым Днем Творения, породил океан, имя которому – Мы, Мы и наш мир, Мы и наши войны, Мы и наши победы и поражения, Мы и наша любовь и ненависть, Мы и наша История. Вот и книга эта о нашей Истории, а значит – обо всех нас.

Написал эту книгу Валентин Пруссаков, русский писатель-эмигрант, живущий ныне в Соединенных Штатах Америки – этом оплоте традиционно западного «либерализма» и имеющий там репутацию «правого», «реакционера»... К фигуре Валентина Пруссакова можно относиться по-разному, но вот в чем ему не откажешь, так это в железной, доходящей норой до жестокости, логике фактов и событий, что и характерно

для «Оккультного мессии». Отсутствие каких-либо эмоций, симпатий и антипатий является необходимым признаком серьезного исторического исследования, тем более если предмет его столь одиозен.

Пруссаков оценивает своего героя не как «правый» или «левый», а как ученый, исследователь анализирует он появление и развитие того, что мы называем «феноменом Гитлера»... Ведь все мы знаем, к чему это привело, но кто из нас с уверенностью сможет дать ответ на вопрос «почему?»

«Оккультный мессия и его Рейх» впервые выходит в России. Мы издаём его очень маленьким тиражом, собственно говоря подобным тиражом (4000 экземпляров) книги вообще не издаются, по крайней мере в России, но у нас есть свой расчет. И заключается он в том, что «Оккультного мессию» купят не те, кто жаждет прочитать очередную порцию фраз о «человеконенавистнической идеологии» и «союзе наиболее реакционной части буржуазии». Здесь нет кровавых концлагерных сцен, здесь вы не прочтете душераздирающих подробностей пыток и опытов над людьми, да и антифашистское сопротивление тоже весьма мало интересовало автора. Зато здесь есть главное – Политика, Экономика, Идеология – три кита, опираясь на которых, серьезный читатель, как мы надеемся, сумеет правильно понять события, происходившие в Великой Европейской державе в первой половине XX столетия.

Мы публикуем в приложении главы из книги «Моя борьба», завещание Гитлера, воспоминания соратников нацистского фюрера, другие первоисточники. Все это также издается у нас впервые. Мы полностью осознаем свою ответственность по поводу этих публикаций и надеемся быть правильно понятыми; можно сколько угодно писать об Адольфе Гитлере и о его Рейхе, но без опубликования первоисточников нам не поверит ни один серьезный читатель, точно так же как историю античности мы изучаем по античным рукописям, а историю России по древнеславянским свиткам. В конце концов, имеем ли мы право отказаться от научного подхода ради наших и ваших чувств! История – это зеркало, глядя в которое мы видим наше будущее, и зеркало это должно быть открыто взору.

Д.В. Лаптев

Главный редактор издательства

Пруссаков Валентин
Адольф Гитлер
(Штрихи к портрету)

«Адольф всегда оставался психологической загадкой для меня».

Август Кубичек, ближайший друг Гитлера в юношеские годы

«Вы никогда не будете знать, о чем я думаю».

Адольф Гитлер

Об Адольфе Гитлере, как сообщает американец Роберт Уайт в своей книге «Психопатический бог», написано больше, чем о комлибо еще в мировой истории, за одним исключением – Иисус Христос. Не прошло и полувека после его смерти, а уже существуют (?) 50 тысяч серьезных работ о нем и созданном им Третьем рейхе. Причем, интерес не исчезает с годами, «гитлеровские волны» периодически возникают в разных странах, и... гитлериана продолжается.

Хотя о жизни Гитлера написаны десятки тысяч страниц, она все еще остается во многих отношениях загадочной. Действительно, как могло случиться, что неудачник и недоучка из Вены, фактически самый настоящий бродяга, стал полновластным диктатором одной из величайших и культурнейших стран мира? Как удалось ему загипнотизировать и подчинить своей воле миллионы людей? Надо признаться, что вряд ли когда-нибудь удастся найти ответы, удовлетворительные для серьезного исследователя, на эти и на некоторые другие вопросы. Поистине, как заметил английский историк Алан Буллок, «чем больше узнаешь о нем, тем больше возникает вопросов».

При написании этой книги я вовсе не намеревался сказать новое слово. Моя цель была значительно проще: дать краткое описание жизни и личности Адольфа Гитлера. Тем более, что все, обнаруженное мною на русском языке, поражает не только

отсутствием объективности, но главное – несерьезностью, каким-то чарличаплинским подходом.

С именем Гитлера связана одна из глубочайших, магических тайн истории, поэтому правду о нем нужно знать безотносительно принадлежности к тому или иному лагерю.

Корни

Адольф Гитлер появился на свет в 6 часов 30 минут вечера 20 апреля 1889 г. в австрийском городке Браунау-на-Инне, неподалеку от границы с Германией. Стоит заметить, что местность вокруг Браунау снискала себе известность рождением там многих людей, отличавшихся необычной, сверхъестественной психической чувствительностью. Таких людей называют медиумами. Почти все историки почему-то предпочитают не замечать того любопытного факта, что у замечательного медиума Вилли Шнейдера и у будущего фюрера была одна и та же кормилица. Не наделила ли она и Адольфа медиумистическими данными, в частности, даром понимать и выражать подавленные, скрытые эмоции масс?

В величайшем Германском рейхе, созданном Гитлером, весьма большое внимание уделяли семейным корням. С чрезвычайным усердием, как известно, изучали родословные. В собственной же родословной вождь всех германцев предпочитал не копаться, да и другим не рекомендовал. И надо сказать, что далеко не случайно: до сих пор имя его деда точно не установлено.

В 1837 г. в австрийской деревне Строунс незамужняя Анна Мария Шикльгрубер родила мальчика, которого назвали Алоисом. Через пять лет она вышла замуж за мельника Иоганна Георга Гидлера – брата человека, на чьей ферме она жила вместе с ребенком. Теоретически один из братьев мог быть его отцом.

В 1930 г., когда Адольф Гитлер получил довольно странное письмо, содержащее туманную информацию о его предках, он поручил нацистскому юристу Гансу Франку заняться расследованием. Поиски привели Франка в город Грац. Именно там Анна Мария работала поварихой в доме богатой еврейской семьи Франкенберг, где был 19-летний сын. Возникло серьезное подозрение, что он и являлся отцом Алоиса. Подозрение это усиливалось еще и тем фактом, что Франкенберги выплачивали Анне Марии пособие, пока мальчику не исполнилось 14 лет.

Отцовство же Иоганна Гидлера представляется более чем сомнительным, ибо уже женившись на девице Шикльгрубер он не предпринял никаких шагов, чтобы узаконить ее сына. Алоис оставался Шикльгрубером почти до 40 лет. Потом он сменил фамилию и стал Гитлером. В 1876 г. его приемный дядя Иоганн Непомак Гидлер убедил приходского священника в Дёллерхейме произвести соответствующие изменения в свидетельстве о крещении, подтвердив под присягой отцовство брата. Слово

«незаконнорожденный» было вычищено, и Алоиса признали сыном Иоганна Георга Гидлера, более благозвучно, Гитлера.

По мнению же Ганса Франка, дедом Адольфа Гитлера, скорее всего, являлся еврей Франкенберг. Такое открытие, разумеется, доставило мало радости вождю нацистов, и он сделал все возможное, чтобы покончить с порочащими его слухами и разговорами. В мае 1938 г. через несколько недель после аннексии Австрии боевые силы Вермахта проводили тренировочные учения в окрестностях Дёллерхейма. После этих учений деревня, где родился отец Гитлера и где находилась могила его бабки, перестала существовать. Что это – простая случайность? Подобное предположение почти исключается, в особенности, если вспомнить о поклонении перед Фюрером, существовавшем в Третьем Рейхе, и о свойственной нацистам заботе о сохранении национальных памятников, монументов и всего того, что относилось к памяти предков.

Алоису Гитлеру, скромному чиновнику таможенной службы, уже перевалило за 50, когда родился его сын, Адольф. Папаша Алоис – обрюзгший, с вечно насупленным лицом и совершенно лысый – являл собой тип домашнего тирана. 28-летняя мать Адольфа, миловидная Клара Пёльцль, ничем не походила на него. Она была мягкой, полной смирения женщиной, запоминавшейся своими большими, лучезарными глазами.

Трудно сказать, что привлекло Клару в человеке значительно старше ее, отличавшимся тяжелым и грубым характером. Анна Мария, мать Алоиса, умерла, когда ему было всего 10 лет. Ее муж, Иоганн Георг Гидлер, вел жизнь бродяги и беспробудного пьяницы. Воспитал мальчика его дядя – Иоганн Нипомак.

Оба они, как Клара, так и Алоис, были людьми пришлыми в Браунау. Они происходили из Вальдвиртеля – лесного района, прилегающего к границе сегодняшней Чехословакии.

В Вальдвиртеле жили, как говорится, тесно. Почти все находились в родственных связях друг с другом. Браки между двоюродными родственниками были делом обычным. Прадед Клары приходился дедом Алоису. Таким образом, Алоис и Клара, будучи родственниками, в соответствии с законами католической церкви нуждались в специальном разрешении от римского папы для заключения брака.

Алоис Шикльгрубер приобрел профессию сапожника, но в 39 лет, женившись на богатой даме со связями старше его на 14 лет, добился осуществления давней мечты: он стал государственным чиновником. Немецкий историк Конрад Хейден пишет:

«Будучи бездомным молодым человеком Алоис

> Гитлер изучил сапожное ремесло, однако страстно желал поступить на государственную службу. Мечта чуть ли каждого маленького человека! Алоиса Гитлера описывали, как сурового, корректного, трудолюбивого, старательного чиновника; во многих отношениях он был полной противоположностью своему сыну».

После долгих лет бедности и сиротского прозябания Алоис стал уважаемым обеспеченным бюргером. Через шесть лет совместной жизни умирает его жена. Он не слишком страдал от одиночества и спустя всего шесть недель женился на поварихе, от которой у него был незаконнорожденный сын. У этой женщины однако вскоре обнаружился туберкулез, и через год она умерла. Вновь Алоис, неспособный, по-видимому, обходиться без женской компании, быстро нашел ей замену. Он женился на Кларе Пельцль спустя три месяца после смерти второй жены.

Надо заметить, что Алоис знал Клару еще ребенком. Она работала служанкой в доме его богатой первой жены. Клара родила Алоису шестерых детей: четырех сыновей и двух дочерей. Но лишь один сын смог перейти рубеж детства и стать мужчиной. Его звали Адольф.

Детство и юность

Семейство Гитлер жило в Браунау-на-Инне до 1892 г.; в том году семья переехала в Пассау. Историк Франц Джетцингер пишет:

> «В августе 3892 г., когда Адольфу было три года и четыре месяца, отправились они в Пассау, Нижняя Бавария, где и оставались до апреля 1895 г.
>
> Таким образом, самый насыщенный впечатлениями период детства Адольф провел среди немецких, а не австрийских детей, подражая не только их речи, но и ощущая себя одним из них».

В 1895 г. Алоис приобрел ферму неподалёку от Ламбаха, а через два года Адольф начал посещать школу при местном бенедиктинском монастыре. Там у него появилась мечта стать католическим священником, и он хорошо зарекомендовал себя в хоре. Однако увлечение католицизмом оказалось недолгим, хотя любовь к ритуальной стороне, возможно, сохранилась на всю жизнь.

Вскоре папе Алоису приходит в голову мысль, что он может обойтись без работы, жить на пенсию и сбережения. Семья перебирается в Леондинг, близ Линца.

Алоис хотел, чтобы сын пошел по его стопам и стал государственным служащим. Но у юного Адольфа была совсем иная мечта: его влекло искусство. Однажды он признался в этом отцу и сказал, что будет художником. Услышав о планах сына, папаша Алоис буквально лишился дара речи. Придя же в себя, он заорал: «Никогда, пока я жив!» Между отцом и сыном завязалась горячая словесная перепалка, завершившаяся тем, что Алоис пустил в ход кулаки. Следует заметить, что такое случалось нередко, и склонный к проявлению насилия, зачастую без всяких на то причин, почтенный чиновник и отец семейства прибегал к рукоприкладству. Клара, тихая и покорная до самопожертвования, всегда делала все возможное, чтобы всех утихомирить. Адольф, не слишком ладивший с отцом, питал к ней ничем не соизмеримую любовь. Впоследствии он скажет: «Интеллигентность в женщине не очень-то важна. Моя мать, например, выглядела бы жалкой простушкой в обществе так называемых цивилизованных женщин. Она жила исключительно для мужа и детей. Зато она дала сына Германии».

В первые школьные годы Адольф учился прилежно и хорошо.

Но, по его словам, постоянные ссоры с отцом, упорно хотевшего видеть в нем будущего чиновника, привели к тому, что он утратил всякий интерес в получении высоких оценок.

Среди своих ровесников Адольф слыл заводилой. Франц Джетцингер пишет:

> «Его часто видели во главе ватаги ребят. Адольф был вдохновителем и организатором детских забав и развлечений, в которых демонстрировал присущие ему ловкость и проворство. Особенно популярной была игра в „полицейских и воров“...

Адольф, как сказали мне, никогда не относился к драчунам. Он предпочитал использовать язык вместо кулаков. Его отличали бдительность и находчивость. Больше всего он любил военные игры и всегда руководил ими».

С шестого класса школьные отметки Адольфа становились все хуже и хуже. В 16-летнем возрасте, так и не закончив средней школы, он оставляет учебное заведение. С той поры Гитлер постоянно обвинял учителей в своем академическом неуспехе. «Большинство из них,– писал он позже, – были чем-то вроде психических больных и довольно многие из них закончили жизнь как абсолютные сумасшедшие». Обвинять других в собственных неудачах – черта, присущая в большей или меньшей степени всем, но Гитлер развил ее у себя до самых крайних пределов. Ему всегда был необходим козел отпущения, и трудно припомнить случай, чтобы он не сумел отыскать его.

Однако один из учителей оказался приятным исключением: ему удалось, как говорится, заворожить юного Адольфа. Это был Леопольд Пётш, преподававший историю в средней школе. Его вдохновенное красноречие увлекло Гитлера. В «Моей борьбе» фюрер вспоминает:

> «Мы слушали его затаив дыхание. Он использовал наш развивающийся националистический фанатизм как средство для обучения, часто взывая к чувству нашего национального достоинства...
>
> Этот учитель сделал историю моим любимым предметом.
>
> И действительно, хотя у него не было подобного намерения, благодаря ему я стал маленьким революционером.
>
> Кто бы изучал германскую историю под руководством такого учителя и не стал бы врагом государства, в котором правящая династия оказывает

столь пагубное влияние на судьбы нации?

И кто бы мог оставаться лояльным к династии, которая как в прошлом, так и в настоящем, изменяла нуждам германского народа ради своих личных корыстных интересов?».

В 12-летнем возрасте Адольф уже пан-германист. Он стремился, как он напишет через много лет, «понять подлинный смысл истории».

В январе 1903 г. после обильного возлияния в местной таверне престарелого Алоиса Гитлера хватает удар, и он умирает. Похоронив мужа, Клара продает их дом в Леондинге и переезжает с семьей в Линц. Ее пенсии вполне хватало на то, чтобы прокормить сына Адольфа и младшую дочь Паулу.

Бросивший школу Адольф отказался подыскивать себе работу или же обучаться какому-нибудь ремеслу, как делали большинство юношей, оказавшихся в подобном положении. Даже сама мысль о постоянной, регулярной службе внушала ему отвращение, и надо заметить, что не только тогда, в 16-летнем возрасте, но и в течение всей его жизни. У него никогда не было постоянной работы до той поры, пока он не стал полновластным диктатором великой страны.

Вместо того, чтобы попытаться чем-то помочь матери, Адольф предпочитал блуждать по городу. Примерно три года после ухода из школы он провел в прогулках по улицам Линца, мечтая о карьере художника. Вечерами часто ходил в оперу. Особенно увлекала его мистическая музыка Рихарда Вагнера.

Небольшие деньги, имевшиеся у него, он тратил также на покупку книг. Читал же он много. Лучший друг юности Август Кубичек вспоминает: «Уже в Линце Адольф начал читать классиков. О „Фаусте“ Гете он заметил, что эта книга содержит больше, чем может вместить человеческий ум... Из работ Шиллера его захватил, главным образом, „Вильгельм Телль“. Глубокое впечатление произвела на него и „Божественная комедия“ Данте...»

В те дни «музыки, книг и одиноких размышлений» Адольф задумывается и над «болезнями мира». Один из друзей его юности пишет: «Адольф был всегда против кого-нибудь или чего-нибудь. Я никогда не видел, чтобы он к чему-то относился легко, безразлично».

Этот же друг описывает молодого Гитлера как «бледного, худощавого и болезненного вида юношу, обычно робкого и молчаливого». Но он припоминает и неожиданные вспышки истерического гнева, вызванные теми, кто не соглашался с ним

или высказывал противоположную точку зрения.

Таким образом, можно сказать, что уже в линцевский период у Гитлера стали заметными некоторые черты характера и особенности мышления, сыгравшие впоследствии решающую роль. Он плохо ладил с людьми, ему было трудно находить с ними общий язык, и его гнев выплескивался на всех тех, кто придерживался иных взглядов.

В 18 лет судьба нанесла Гитлеру сокрушительный удар, от которого он никогда не оправился полностью. Он провалился на вступительных экзаменах в Венскую Академию искусств. Его технически аккуратные, но, увы, безжизненные рисунки произвели на экзаменаторов настолько дурное впечатление, что они порекомендовали ему отказаться даже от мысли стать художником.

Эта неудача явилась сильнейшим потрясением в жизни Гитлера. До самых последних дней он считал себя художником, которому отказали в признании глупые учителя.

Вскоре последовал еще один удар. В следующем году всего за несколько дней до рождества умирает от рака его мать.

«Это был жуткий удар. Я уважал моего отца, но мать любил. Ее смерть положила неожиданный конец всем моим планам. Бедность и тяжелая действительность требовали принятия быстрого решения. Передо мной стояла проблема каким-то образом заработать себе на жизнь», – скажет потом Гитлер.

Легко сказать «каким-то образом». Но как? У него не было никакой профессии. Он всегда презирал грубый ручной труд. Не лучше относился и ко всякой конторской работе «от звонка до звонка». Он никогда прежде не заработал и шиллинга. Тем не менее, будущее не вызывало у него чувства страха. Распрощавшись с родственниками и сказав им, что вернется лишь добившись успеха, Адольф уезжает из родного Линца.

> «С единственным чемоданом, набитым одеждой и бельем, и с неукротимой волей в моем сердце я отправился в Вену.
>
> Я очень надеялся, что мне удастся стать „кем-то“, но только не государственным чиновником, как отец».

Адольф Гитлер прибыл в Вену с откровенно скудным капиталом: мизерная пенсия, выдававшаяся сиротам госслужащих, знание истории, любовь к Вагнеру, интерес к пангерманской политике, упорное нежелание делать какую-либо, неинтересную работу и ... ощущение собственного высокого предназначения. Самым ценным, пожалуй, была «неукротимая воля», о которой он писал.

«Грустнейший период моей жизни»

Для молодого Адольфа, полного высоких надежд и грандиозных мечтаний, венский период жизни был сплошным разочарованием. С 1909 по 1913 г. он жил в одном из красивейших и культурнейших центров Европы, оставаясь человеком-невидимкой для подавляющего большинства жителей австро-венгерской столицы:

> «Для меня Вена – город, связанных у многих с приятными и веселыми впечатлениями, – является грустнейшим периодом моей жизни».

В начале нашего века Вена считалась музыкальной столицей мира. Жизнь города был наполнена музыкой: музыкой великий композиторов, некогда живших там – Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт… И конечно же, «из каждого окошка» раздавались вальсы любимого венцами Иоганна Штрауса.

Но молодой Гитлер не разделял всеобщего веселья. Атмосфера беспечности и беспредельной жажды удовольствий, царившая кругом, была ему глубоко чуждой и непонятной. Продолжая рисовать эскизы величественных зданий, он не сделал даже малейшего усилия, чтобы поступить в Школу Архитектуры. Почему? Можно предположить, что больше всего он боялся того, что его еще раз отвергнут. А этот удар был бы непереносим…

В ноябре 1909 г. бедность вынуждает его покинуть меблированную комнату и порвать всякие отношения с ближайшим другом Августом Кубичеком: тот блистал в консерватории, и гордый Адольф не хотел, чтобы тот свидетельствовал неудачи и унижения своего бывшего ментора.

Гитлер уходит на самое дно: в мир ночлежек и благотворительных похлебок. Временами же находит себе довольно странные заработки: очищает улицы от снега, выбивает ковры, работает носильщиком на вокзале… Становятся заметными следы заброшенности и неухоженности: одежды лоснятся, небрежная прическа, плохо выбритое лицо. Он превращается в самого настоящего бродягу.

Вопреки популярной легенде Гитлер никогда не был маляром. Любая постоянная работа внушала ему сильнейшее отвращение. Изредка он продавал свои акварели и получал несколько геллеров. Это удовлетворяло его артистические амбиции в какой-то степени, но отнюдь не потребности желудка.

> «Голод был тогда моим верным телохранителем; он никогда не оставлял меня ни на секунду и принимал участие во всем, что бы я ни делал. Моя жизнь была постоянной борьбой с этим безжалостным другом».

В сегодняшней Америке его назвали бы бродягой. Да, таким он и был по своему внешнему виду. Но в отличие от тех, кто слонялся вместе с ним по улицам Вены и жил случайными заработками, Гитлер никогда не искал забвения в дешевых удовольствиях. Он не пил и не курил. Почти все свободное время (а его хватало!) он тратил на чтение.

Специалист по Гитлеру, историк Алан Буллок пишет:

> «Он проводил время, главным образом, в публичных библиотеках, но его чтение было беспорядочным и бессистемным: древний Рим, восточные религии, йога, оккультизм, гипноз, астрология...»

Это якобы «беспорядочное» чтение создало необходимую базу для создания в будущем «новой религии» – национал-социализма. (Видеть в национал-социализме лишь политическое движение, обусловленное социально-политическими факторами, представляется ошибочным).

В начале жизни Гитлер был искренним католиком. В юношеском возрасте он утрачивает христианскую веру, но сохраняет католическую любовь к ритуалу, священничеству и к всеобъемлющей идеологии. Чтение Шопенгауэра содействовало отказу от христианства и пробуждению интереса к восточным религиям, зачастую не признающими различия между добром и злом. Страстный книжник, он уверяет своих читателей в «Моей борьбе», что всегда обращался к книгам за ответом на любой вопрос. Он настаивает, что обладает наилучшим методом чтения: «Помнить существенное и полностью забывать несущественное». Вопрос, конечно, заключается лишь в том, что считать существенным. В случае Гитлера существенным всегда было исключительно то, что соответствовало его эмоциональной оценке, его собственным представлениям.

Так, он взял от Шопенгауэра фатализм и идею воли, но отбросил буддизм и пессимизм. Он позаимствовал у Ницше концепцию эволюции, волю к власти и сверхчеловека, но «забыл», что великий философ твердо настаивал на том, что сверхчеловек обязан побороть не других, а самого себя. Он принял у Вагнера расизм, героизм и язычество, но отбросил его арианизированное христианство. От Блават-ской, Чемберлена, фон Листа и Либенфельса он брал, что хотел, и абсолютно «забывал» о

несоответствовавшем его собственному мировоззрению.

Он изучал восточные религии и хотя никак не мог согласиться с тем, что жизнь – бесконечный «круг страданий», ибо считал ее борьбой, в которой побеждает сильнейший, принял у них методы достижения трансцендентального сознания, находящегося за пределами рациональной мысли.

Тогда же в Вене Гитлер открыл, что и на Западе имеется своя эзотерическая традиция, более подходящая для европейских людей, которую часто определяют как «поиски святого Грааля». Из книги «Застольные разговоры Гитлера» становится очевидным, что ему были хорошо знакомы основы не только восточного, но и западного оккультизма.

Многому, в частности, он набрался из журнала «Остара», издававшегося Либенфельсом, с которым, согласно некоторым свидетельствам, он лично повстречался в 1909 г.

«Остара» была типичнейшим венским изданием того периода. На ее страницах странно уживались эротические, мистические и сентиментальные мотивы, не соединенные какой-либо четкой политической программой. Либенфельс часто писал о том, что белокурые арийцы должны править миром, подчинив или же уничтожив всех темноволосых, расово смешанных.

Последних он считал неполноценными, наделенными, однако, необычайной сексуальной силой. На страницах «Остары» постоянно появлялись изображения арийских женщин, подчиняющихся волосатым, обезьяноподобным созданиям. Заголовки журнала способствовали возбуждению у читателей ощущения собственного превосходства и одновременно чувства страха:

ВЫ БЕЛОКУРЫ? ТОГДА ВЫ СОЗДАТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И ХРАНИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ!

ВЫ БЕЛОКУРЫ? ЕСЛИ ДА, ПОМНИТЕ: ВАС ПОДСТЕРЕГАЮТ ОПАСНОСТИ!

«Остара» вызывала у своих читателей первобытный страх перед беспредельной силой евреев: их контролем финансов, их влиянием в мире искусства и театра, их отвратительной похотливостью...

Один из биографов издателя Либенфельса утверждает, что Гитлер получил от него посвящение, вступил в его масонского типа организацию «Орден Новых Храмовников» («Новых Тамплиеров»). Однако на этот счет имеются известные сомнения: Адольф Гитлер был слишком горд, чтобы стать чьим-либо последователем.

Из чтения книг и личного знакомства с далеко не лучшими сторонами жизни в течение тех скитальческих венских лет он

почерпнул почти все, что стало его внутренним багажом, жизненным знанием. Впоследствии в «Моей борьбе» Гитлер писал:

> «Вена была тяжелейшей, суровейшей школой в моей жизни. Я прибыл в этот город почти юношей, а покидал его серьезным, набравшимся опыта мужем.
>
> В этот период я начертал для себя картину мира и философию, которые стали гранитными основами всех моих действий. К тому, что я познал тогда, ничего не надо было ни добавлять, ни изменять».

Что же он познал тогда, когда бродил по австрийской столице в возрасте от 20 до 24 лет? Что было «картиной мира и философией», которая позже привела к делам, потрясшим весь мир? Чрезвычайно важно ответить на эти вопросы, чтобы понять многое из происходившего в мировой истории в 30–40-е годы нашего столетия.

Прежде всего, Гитлер пришел к выводу, что в жизни человеческой нет ничего лучше «войны и победы». Самым достойным занятием, по его мнению, было воевать и подчинять другие народы. Мир, решил он, плох для человечества, ибо спокойная безмятежная жизнь разлагает людей, делает их мягкотелыми.

А что он думал о миллионах людей, погибших во время войн совсем молодыми? О миллионах других, ставших калеками? Гитлер нисколько не заботился о них. «Такова жизнь, – заявлял он, – трудная и жестокая».

В те же венские годы у Гитлера возникла и идея превосходства немцев над другими нациями. Они, как уверял он, сильнее, искуснее и интеллигентнее англичан, американцев, итальянцев, русских и всех остальных. Немцы были, фактически, расой господ, считал он. Другие народы годились лишь для того, чтобы быть их рабами.

Молодой бродяга набрался в Вене идей, которые он впоследствии применил на практике в Германии. Гитлер понял, что успех политической партии зависит от ее умения привлечь миллионы людей. Для этой цели необходимо искусство пропаганды, которое часто, по его мнению, равнозначно искусству лжи. Однажды он заметил, что чем больше ложь, тем лучше, ибо люди охотнее верят большой лжи, чем малой.

Гитлер считал также, что политическая партия должна использовать террор для достижения своих целей. Это означало не только применение силы для подавления оппонентов, но и допустимость их убийства.

Наконец, Гитлер открыл и огромную, ни с чем не сравнимую силу ораторского мастерства. Если человек способен увлечь массы своим красноречием, полагал он, то обязательно добьется успеха в политике. «В основе великих религий и политических движений в истории всегда была магия разговорного слова»... – говорил он.

Гитлер блестяще осуществил на практике то, что проповедовал. Вне всякого сомнения, он был великим оратором. Тысячи людей, как завороженные, слушали его выступления. Необходимо признать, что в умении использовать чары разговорного слова Гитлеру не было равных в XX столетии.

В Вене у Гитлера возникла осмысленная ненависть к евреям. В «Моей борьбе» он утверждает, что хорошо помнит тот день, когда стал убежденным юдофобом. Гуляя по городу, он неожиданно столкнулся с человеком, выглядевшим для него крайне странно из-за длиннополого пальто и больших бакенбардов. «И это еврей? – было его первой мыслью. – Когда я всматривался в чужеземное лицо, мой вопрос принял другую форму: и это германец?»

Гитлер продолжает: «Где бы я ни видел евреев, чем больше смотрел на них, тем больше убеждался, что они отличаются от остального человечества. От одного лишь их лицезрения я заболевал. Я начал ненавидеть их... Я стал юдофобом». Ненавистником евреев Гитлер оставался до конца жизни.

Весной 1913 г. в возрасте 24 лет Гитлер покидает Вену и уезжает в Мюнхен. В своей автобиографической книге он говорит о нескольких причинах переезда. В частности, заявляет, что не мог терпеть расового смешения в Вене, особенно бесило его присутствие евреев. «Всюду евреи, и их становится все больше», – пишет он и добавляет, что его сердце всегда принадлежало Германии.

Была и еще одна причина, из-за которой Гитлер уезжает из Австрии – это желание избежать военной службы: ему была невыносима мысль о том, что «придется находиться в одном строю с евреями!»

Когда Гитлер прибыл в Мюнхен, у него не было буквально копейки за душой. Для всех окружающих он, несомненно, казался законченным неудачником. У него не было ни друзей, ни семьи, ни дома, ни работы. Но у него, тем не менее, были ценнейшие качества, столь необходимые для достижения успеха – неукротимая воля и непоколебимая уверенность в собственном великом предназначении. Он нисколько не сомневался, что будет вознагражден судьбой. Только как и когда? Пока он еще не мог ответить на эти вопросы.

Начало Первой мировой войны в 1914 г. принесло Гитлеру долгожданное избавление от всех неудач и разочарований. Он писал: «Я не стыжусь сказать, что упал на колени и благодарил небеса». От короля Баварии Людвига III он получил разрешение сложить в баварском полку.

Так Первая мировая война, принесшая гибель миллионам людей в различных странах, дала бывшему венскому бродяге 25-летнему Адольфу Гитлеру новый старт в жизни.

Начало

В годы Первой мировой войны вопреки всему тому, что будут впоследствии говорить его враги и политические оппоненты, Адольф Гитлер был храбрым и отважным солдатом. В течение четырех лет воинской службы он выполнял трудные и рискованные обязанности связного между штаб-квартирой и передовыми позициями, постоянно являясь удобной мишенью для вражеских пуль и снарядов. Тем не менее, в своем полку он оказался одним из немногих, кто остался в живых после Ипрского сражения в 1914 г. и был награжден орденом Железного Креста второго класса. В 1916 г. за участие в битве при Сомме ему дали Железный Крест первого класса – эту награду получали лишь те, кто проявлял особое геройство.

Несмотря на очевидные боевые заслуги Гитлер дослужился только до капрала. Медленное продвижение по службе, вероятно, не в последнюю очередь объясняется и тем, что для большинства однополчан он оказался чудаком, не отличавшимся общительностью и склонным к странным высказываниям. Одним из его боевых соратников рассказывал:

> «...Часто сидел, не обращая ни на кого внимания, в глубокой задумчивости, обхватив голову руками. Затем неожиданно вскакивал и начинал возбужденно говорить о том, что мы обречены на поражение, ибо невидимые враги Германии опаснее, чем самое мощное орудие противника».

Другой однополчанин вспоминал:

> «Мы с трудом терпели его. Он был среди нас белой вороной: не соглашался, когда мы единогласно проклинали войну и мечтали о ее скорейшем окончании».

Мнение Гитлера о самом себе было, конечно, совсем иным. Стоит обратить внимание и на то, что его письма военного времени полны веры в собственное высшее предназначение и покровительство Провидения.

«Это абсолютное чудо, что я жив... Только благодаря чуду я продолжаю оставаться здоровым и невредимым», – писал Гитлер.

В последний месяц войны он, однако, становится жертвой горчичного газа, примененного англичанами. Гитлер временно

теряет зрение: «... мои глаза превратились в раскаленные угли; вокруг меня сплошная тьма».

В госпитале он узнает о капитуляции Германской империи.

> «Опять мрак сгустился перед моими глазами; я с трудом дошел до кровати, накрылся с головой простыней и уткнулся в подушку.
>
> С того дня, когда я стоял у могилы матери, я не знал, что такое слезы... Итак, все напрасно. Впустую жертвы и лишения, голод и жажда; бесконечные часы, когда мы, подавив трепет сердца, выполняли наши обязанности; напрасной оказалась и смерть двух миллионов... Во имя чего же немецкий солдат превозмогал чудовищную жару и снежные заносы, переносил бессонные ночи и бесчисленные марш-броски? Во имя чего он лежал в аду артиллерийского огня и не содрогался в лихорадке газовых атак... А что сказать о тех, кто был там, в тылу?
>
> Ничтожные выродки и преступники».

Гитлер продолжает:

> «В те ночи ненависть душила меня, ненависть к тем, кто ответственен за происшедшее.
>
> Вскоре я понял свое предназначение в мире».

Как удалось ему распознать свое собственное призвание? Одному из соратников по борьбе он скажет позже, что озарение свыше, «сверхчувственное видение приказало спасать Германию». Адольфу Гитлеру было тогда 30 лет. Малоизвестный капрал сделал выбор, который отразится на жизни десятков миллионов людей: «Я принял решение, иду в политику».

Перспективы политической карьеры в Германии для австрийца без друзей и без надлежащих средств были явно не слишком радужными. К тому же и образования определенно не хватало. В какой-то момент казалось, и он сам осознал безнадежность своего положения. «У совершенно безвестного человека, каким я был тогда,– напишет он в „Моей борьбе“, – не имелось ни малейшей базы для политической деятельности». Но он обладал непоколебимой, железной верой в самого себя. Он был уверен, что рано или поздно представится возможность: «Судьба не может обмануть». Вскоре реальная действительность подтвердила правоту капрала-мечтателя.

Не желая приспосабливаться к мирной жизни, Гитлер и после окончания войны продолжал оставаться в армии. Здесь, по

крайней мере, не нужно было думать о пропитании и крыше над головой. Его отправили в Мюнхен, где он получил работу при политическом департаменте. Гитлер стал чем-то вроде осведомителя: в его обязанности входило наблюдение за различными политическими партиями и группировками, подозревавшимися немецким офицерством в подрывной деятельности, иными словами, в склонности к коммунизму, социализму и пацифизму.

В сентябре 1919 г. начальство приказывает ему обратить внимание на маленькую политическую группу, называвшую себя Германской рабочей партией. Гитлер отправляется на их собрание, проводившееся в одной их мюнхенских пивных. Всего, по его подсчету, собралось человек 25. Ему не удалось, однако, рассмотреть ничего подозрительного или хотя бы примечательного. Да и вообще, вряд ли эти «потертые, измятые» люди представляли какое-либо значение или интерес. Когда на следующий день он получил от них приглашение вступить в их партию, он «не знал, что делать: сердиться или смеяться».

Но... в то же время в этих полуголодных, неряшливо одетых людях имелось что-то весьма привлекательное для бывшего венского бродяги. Они были близки ему и понятны. Вернувшись в казарму, Гитлер неожиданно столкнулся с тем, что назвал «труднейшим вопросом моей жизни: должен ли я присоединиться? После двух дней мучительных колебаний и раздумий я, наконец, пришел к выводу, что должен сделать этот шаг. Это был самый решительный шаг в моей жизни».

Адольф Гитлер
становится седьмым членом Комитета Германской рабочей партии.

Как объяснить его выбор, сделанный им вопреки первому неблагоприятному впечатлению? Невозможно ответить на этот вопрос, если не предположить, что он руководствовался либо своей гениальной интуицией, либо располагал какой-то информацией, дававшей основания считать, что маленькая политическая группа представляет собой нечто более значительное, чем виделось поверхностному наблюдателю.

Для обнаружения корней Германской рабочей партии нужно вернуться назад в 1912 г., когда на конференции оккультистов образовалось «магическое братство» – Германский орден. Среди его отцов-основателей были Теодор Фритч, редактировавший антиеврейский журнал и мечтавший о создании националистического рабочего класса; Филипп Стауф – последователь ариософа Гвидо фон Листа; Герман Поль – также ученик Листа и канцлер нового ордена. Внутренние распри,

раздиравшие братство, привели к тому, что в 1915 г. Поля лишили канцлерства, после чего он основал свой орден – орден Рыцарей Святого Грааля. Вскоре к нему присоединился некий Рудольф Глауэр – астролог и авантюрист, практиковавший суфистскую медитацию, ненавидевший евреев, восхищавшийся работами Листа и Либенфельса и называвший себя бароном фон Себоттендорфом. Этого самозванного барона назначили гроссмейстером ордена в Баварии. В 1918 г. с согласия и одобрения Поля Себоттендорф организует другое самостоятельное братство – Туле Гезельшафт (Общество Туле). Символом этой организации масонского типа стала свастика с мечом и венком.

Туле, базировавшееся в Мюнхене, было вначале всего лишь еще одним «народным, оккультным братством», взявшим свое название от доисторической легендарной нордической цивилизации, ушедшей под воду, как и знаменитая Атлантида. Идеология тулистов представляла собой смесь идей Блаватской, Листа, Либенфельса и Чемберлена. В их ритуале преобладали вагнеровские темы, которые являлись доминирующими и в предыдущих аналогичных братствах.

В хаосе, возникшем после Первой мировой войны, Туле находит новые возможности для развития своей деятельности. Себоттендорф выступает как страстный поборник контрреволюции против евреев и марксистов, которые, по его заявлениям, захватили власть. Вокруг Туле происходит объединение националистов всех мастей и окрасок, а также бывших солдат, не находивших себе места в мирной жизни. Тулисты играли ведущую роль в подготовке правого путча в 1920 г., сокрушившего коммунистическое правительство в Мюнхене.

Общество «чудаков-антикваров и любителей мифологии» развило кипучую пропагандистскую деятельность, приобретя, в частности, газету «Мюнхенер Беобахтер унд Спортблатт», превратившуюся через несколько лет в «Фолкишер Беобахтер» – главный печатный орган нацистов.

Тулисты, и прежде всего Себоттендорф, утверждали, что рабочий класс отравлен левой еврейской пропагандой, которой необходимо противодействовать любыми средствами. Было решено создать рабочий кружок для распространения политических идей Туле. В январе 1919 г. кружок соединился с другой организацией – Комитетом независимых рабочих, возглавляемых слесарем Антоном Дрекслером. Продуктом этого объединения и явилась Германская рабочая партия.

Таким образом, маленькая политическая организация, в которую вошел Адольф Гитлер, имела поддержку довольно

влиятельного общества масонского типа. Как говорил позже Себоттендорф: «Члены Туле были именно теми людьми, на помощь которых Гитлер мог рассчитывать, и они также ассоциировали себя с ним. „Следовательно, Германская рабочая партия была вовсе не „ничтожной и незначительной“. К тому же она имела среди своих союзников капитана армии Эрнста Рема. Этот профессиональней вояка имел связи с высшим офицерством. Впоследствии Рем использовал определенные контакты для финансирования Германской рабочей партии. Познакомившись же с Гитлером, он мгновенно понял, что тот обладает «фантастическими потенциальными данными“.

Необходимо особо отметить, что у численно небольшой политической организации был и другой союзник – человек, сыгравший колоссальную роль в формировании Гитлера. В самых последних словах «Моей борьбы» будущий фюрер Германии скажет о нем: «…я хочу также назвать одного из лучших, того, кто посвятил свою жизнь пробуждению своего, нашего народа, в своих трудах, мыслях и, наконец, в своих делах.

Дитрих Эккарт

Кто такой Дитрих Эккарт, почему он «один из лучших» для того, кто крайне редко признавал авторитеты? Немецкий историк Конрад Хейден утверждает: «Эккарт несет ответственность за духовное формирование Адольфа Гитлера». Поэтому, очевидно, будет нелишним сказать хотя бы несколько слов об этом учителе.

Дитрих Эккарт – поклонник Шопенгауэра и Ницше, принадлежал к числу посвященных оккультистов. Ведя богемный образ жизни, он писал стихи, пьесы, статьи. Из его обильной продукции особую известность и популярность приобрел сильно романтизированный перевод ибсеновского «Пера Гюнта». За Эккартом ходила дурная слава заядлого пьяницы и наркомана. Он настолько пристрастился к морЛию, что как-то даже угодил в психушку, где, подражая маркизу де Саду, ставил пьесы, актерами в которых выступали его друзья по несчастью.

В 1919 г., живя в Мюнхене и продолжая круто выпивать, он пропагандировал свои политические взгляды в злачных местах города. Эккарт открыто заявлял, что Германией должен править диктатор. В книге Хейдена «Фюрер» приводится мнение, высказанное будущим ментором Гитлера в винном погребке Бреннессель:

> «Во главе нам нужен парень, способный переносить звуки рвущихся снарядов. Никто из офицеров не подойдет, ибо люди потеряли к ним уважение. Лучше всего – рабочий, умеющий хорошо болтать... Ему не понадобится много мозгов... Он должен быть холостяком, чтобы привлечь в наши ряды женщин».

Эккарт верил, что ему предназначено судьбой приготовить путь для такого лидера, и он говорил об этом друзьям из Туле. Известны его контакты со многими тулистами и, в частности, с самим Себоттендорфом. Они видели в нем своего, посвященного.

С Гитлером он впервые встретился в 1919 г., и они сразу нашли общий язык. Вскоре тулисты услышали от Эккарта: «Вот тот, для кого я – пророк и предтеча».

Однако какую пользу для себя мог извлечь Алольф Гитлер от общения с посвященными и братьями? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Специалисты по оккультным делам Павелс и Бержье пишут:

> «Туле... остров, находившийся на крайнем севере и

неожиданно затонувший. Подобно Атлантиде, Туле является магическим центром исчезнувшей цивилизации. Эккарт и его друзья верили, что не все тайны, не все знание Туле ушло под воду без следа... По их убеждению, лидерами нашего мира должны быть посвященные – те, кому даровано священное знание великих мудрецов глубокой древности. На такого рода вере строилась арийская доктрина Эккарта и Розенберга, и эти пророки магической формы социализма вложили свои идеи в медиумистический ум Гитлера.

Общество Туле было серьезным магическим братством. Его деятельность не ограничивалась интересом к мифологии, соблюдением бессмысленных ритуалов и пустыми мечтаниями о мировом господстве. Братьев обучали искусству магии и развитию потенциальных возможностей. В том числе и умению контролировать тонкую, невидимую и всепронизывающую силу, называемую английским оккультистом Литтоном „врилом“, а индусами „кундалини“. И еще, может быть, самое главное: учили технике коммуникации с так называемыми Тайными Учителями, или Неизвестными Сверхлюдьми, незримо руководящими всем происходящим на нашей планете. Весьма вероятно, что Гитлер научился кое-чему у тулистов и, в частности, хорошо усвоил ту истину, что глубокая концентрация воли и твердая личная убежденность в собственной правоте способны буквально творить чудеса».

Под руководством Эккарта бывший капрал выявил свои необычайные дремавшие таланты. Оккультисты могли бы сказать, что благодаря технике магии он развил заложенный в нем потенциал, а психологи, по-видимому, заметили бы, что ему удалось просветить собственное подсознание. Как бы там ни было, с поразительной быстротой Адольф Гитлер стал поистине движущим духом пропагандистской кампании, вытащившей крошечную партию из плохо проветриваемых пивных на массовые митинги, проводившиеся на городских площадях.

Гитлер на деле доказал, что является гениальным, прирожденным оратором. Впервые он выступил на публичном митинге 19 октября 1919 г. Немецкий историк Иоахим Фест пишет: «В горьком, непрерывном потоке слов вырывались чувства ненависти и бессилия одинокого человека; произошел как бы взрыв после долголетней апатии; горячечные образы и обвинения

обрушивались на слушателя; совершенно забыв о сдержанности, он говорил до полного истощения». Такие выступления настолько истощали его, что требовалось несколько кружек крепкого мюнхенского пива для восстановления нормального состояния.

Слава о великом ораторе быстро разнеслась по всему городу, и люди часто ходили на митинги, чтобы только послушать герра Гитлера. После его выступлений многие уходили обращенными в новую веру. Американец Алан Буллок пишет:

> «Его власть завладевать аудиторией напоминает об оккультном искусстве азиатских шаманов; он обладает чувствительностью медиума и магнетизмом гипнотизера».

Ораторское мастерство сделало Гитлера наиболее выдающейся фигурой в партии. Он работал без устали. Знакомые по Вене откровенно удивлялись его неизвестно откуда взявшемуся трудолюбию. Летом 1920 г. он настоял на переименовании партии. Она стала называться Национал-социалистической германской рабочей партией. Такое название могло привлечь как националистов, так и пролетариев.

Следующим шагом явилось формирование отрядов штурмовиков, которые приобрели широкую известность по двум буквам, символизировавшим их: СС. Молодчики в коричневых рубашках сеяли панику среди политических противников. Они врывались на митинги, устраивавшиеся левыми партиями и группировками, избивали, а иногда и убивали их участников. Гитлер называл это духовным террором.

Для набирающей силы нацистской партии, объявляющей себя квази-религиозным движением, было необходимо продемонстрировать свое явное отличие от других. Возникла нужда в символе. Из имевшихся разных предложений Гитлер остановил свой выбор на идее тулиста д-ра Фридриха Крона: свастика. Как утверждал масон Крон, свастика символизирует собой «борьбу за победу арийского человека».

Наблюдая за ростом популярности Гитлера, Дитрих Эккарт счел полезным представить его мюнхенскому высшему свету. Надо сказать, что это было делом нелегким: находясь в компании, Адольф чувствовал себя неловко, робел и предпочитал в одиночестве переминаться с ноги на ногу в углу. Однако именно такой тип высокомерных и одновременно несколько диковатых молодых людей обладает странной привлекательностью для богатых женщин среднего возраста. Они обратили внимание на напряженный мистический взгляд голубых глаз Адольфа; быть может, чисто женской интуицией разгадали его неординарность и

будущее величие. Среди этих женщин была фрау Брукманн, интересовавшаяся оккультизмом и разделявшая ариософские взгляды Гвидо фон Листа. С помощью ее и некоторых других скучающих богатых дам, жаждавших острых ощущений, пополнялась казна нацистской партии. Между прочим, вскоре удалось приобрести газету, о которой уже упоминалось: «Фолкишер Беобахтер». Вполне естественно, что редактором назначили Дитриха Эккарта.

К лету 1921 г. лидерство Адольфа Гитлера уже ни у кого не вызывало сомнений. Вскоре члены партии начала приветствовать его, вытягивая руку и салютуя: «Хайль Гитлер!» Стоит сказать о том, что, по всей вероятности, известно далеко не всем: в точности так же поднимали руку и члены масонского братства Золотой Зари, когда на своих радениях они вызывали тайные силы Земли, или Почвы.

Влияние партии определенно росло, и ее фюрер превратился в заметную фигуру на общественно-политическом небосклоне. В выдвижении Гитлера была огромная заслуга Эккарта, и он сам отлично осознавал этот неоспоримый факт. В письме другу, написанном им в 1923 г. за несколько дней до смерти, Дитрих Эккарт писал: «Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но это я, кто нашел для него музыку. Мы снабдили его средствами связи с Ними. Не скорбите по мне: я повлиял на историю больше, чем любой другой немец».

Спаситель и его апостолы

«Вы понимается теперь глубокое значение нашего национал-социалистического движения? Тот, кто видит в национал-социализме всего лишь политическое движение, мало что знает о нем».

Адольф Гитлер

Вряд ли кто-нибудь будет отрицать тот факт, что нацистская партия без особого труда нашла путь к умам и сердцам очень многих немцев. Чувство ненависти, затаившееся в их подсознании, искало выхода наружу, и Гитлер умело направил его по вполне определенному пути. Будучи прирожденным психологом, он отлично понимал, что ненависть – лучший цемент для объединения и сплочения масс. Люди склонны более четко определять неприятное им, вызывающее злобу и раздражение, чем то, что нравится, что настраивает на положительные эмоции.

А первые нацисты вне всякого сомнения могли точно сформулировать, что они ненавидят. Они упорно отказывались смириться с военным поражением Германии в Первой мировой войне и утверждали, что в падении империи повинны евреи, нанесшие удар в спину. Они ненавидели Версальский договор, продиктованный победителями и превративший их страну в третьеразрядную державу. Они ненавидели Веймарскую республику, подписавшую договор, и заявляли, что она управляется евреями, марксистами и либералами, стремящимися разрушить остатки германского величия. Они ненавидели скуку гражданской жизни, определяемой буржуазными ценностями, к которым они не могли и не желали приспосабливаться. Они ненавидели интернационализм, интеллектуализм и материализм коммунистов. Но больше всего они ненавидели евреев, считая, что те виноваты во всех несчастьях, обрушившихся на Германию.

Как случалось и раньше со многими народами, оказывавшихся в тяжелых условиях, немцы мечтали о чудесном избавлении, ждали спасителя. «Откуда он придет, никто не может сказать. Из королевского дворца или из рабочей хибары. Но все знают: он – вождь, который однажды объявит о себе, и он – тот, кого мы страстно ждем. Тысячи и сотни тысяч рисуют его образ в своем воображении, миллионы голосов зовут его, единая германская душа ищет его». Так писал в 1922 г. Курт Гессе, не

зная, возможно, что Адольф Гитлер уже стал фюрером для нескольких тысяч немцев.

С помощью магии разговорного слова, которой он владел и совершенстве, Гитлер сумел выразить чувство ненависти, переполнявшее сердца его соотечественников. Он сумел также отразить и их глубоко затаенные желания и надежды. Фюрер отлично знал, кому и что нужно, что следует обещать. Для националистов – обещание вернуть германское величие. Для социалистов – отрицание власти финансового капитализма, лишенное марксистской диалектики. Для бывших солдат – возврат к духу окопного товарищества и призыв к новому сражению с врагами отечества. Для пролетариев – обещание устойчивости заработков и защиту от махинаций работодателей. И наконец, для оккультистов – надежда, что их мечты перестанут быть мечтами и осуществятся в реальности.

Некоторые историки недооценивают важности и значения оккультизма в развитии национал-социалистического движения. Действительно, Гитлер откровенно презирал всяких «чудаков и дураков», вертящихся вокруг оккультизма. Тем не менее, в национал-социализме весьма ощутим эзотерический элемент. Как точно подметил Герман Раушнинг: «Его корни спрятаны в тайных местах».

Идеи, составившие сущность нацизма (об этом уже говорилось раньше), были взяты из писаний таких мистиков и оккультистов, как Блаватская, Чемберлен, Лист и Либенфельс. Саму же нацистскую партию породила организация масонского типа – Общество Туле. Что же касается Гитлера, го он, пройдя через мистический опыт еще в Вене, завершил свое духовное формирование под руководством такого наставника, как адепт Туле Дитрих Эккарт. В 20-е годы, как отмечает ряд исследователей, в нацистском движении наблюдался гармоничный союз между оккультизмом и политикой.

Помня об этом, расскажем о судьбе человека, которого нацисты считали своим злейшим врагом, хотя он не был ни коммунистом, ни евреем, ни даже политиком. Он был оккультистом. Звали его – Рудольф Штейнер.

Он появился на свет в Австрии в 1861 г. После окончания школы поступил в Венский университет, где выказал блестящие способности как в искусстве, так и в науках. В возрасте 29 лет начал работать в архиве Гете и вскоре приобрел репутацию серьезного ученого-исследователя. Примерно в те же, «гетевские», годы Штейнер стал регулярно заниматься медитацией. В 1899 г. он вступил в теософское общество Блаватской, и почти сразу же его назначили генеральным секретарем германского отделения.

Штейнер присоединился также и к скандально известному братству Ordo Templi Orientis, в котором обучали сексуальной магии. Впрочем, он недолго пробыл в этом масонском обществе, а в 1909 г. порвал с теософами. После этого он сформировал свое собственное Антропософское общество, процветающее и поныне в разных странах Запада.

Штейнер часто говорил, что стремится помочь человечеству. Он верил, что человеческий мозг обладает колоссальными неиспользованными возможностями, которые мы можем развить для нашей общей пользы. Справедливость его теории подтверждалась им на собственном опыте: он стал превосходным художником и скульптором; изобрел искусственные удобрения, не наносящие вред почве; создал радикально новую систему образования, основал так называемые штейнеровские школы, существующие и поныне.

В созданном им учении Штейнер делал основной упор на внутреннем развитии личности. Главное же, он был убежден, что наш мир – плацдарм для действия невидимых сверхъестественных сил. Некоторые из этих сил находятся на службе Добра, другие – содействуют Злу. Он предсказал наступление демонической эпохи, приход которой, по его словам, подготавливается адептами определенных магических братств и членами тайных обществ.

Нацисты люто ненавидели этого человека. Несмотря на то, что Штейнер никогда не касался политических проблем, вооруженные штурмовики врывались на собрании антропософов и угрожали смертью последователям австрийского оккультиста. Штейнеру пришлось искать убежища в Швейцарии. Но и этого казалось недостаточным для. Эккарта и Гитлера: они относились к нему так, как будто он являлся серьезным препятствием на их пути к власти. В 1924 г. нацисты подожгли центр Рудольфа Штейнера в Дорнахе, в Швейцарии. Глубоко переживал гибель своего любимого детища, основатель антропософии скончался через год.

Совсем иной оказалась судьба другого мистика – Хьюстона Чемберлена. Ом встретил Гитлера в Байрейте в 1923 г. Фюрер произвел на английского мистика столь сильное впечатление, что он обратился к тому с посланием уже на следующий день: «Вам предстоят великие свершения... Моя вера в германизм нисколько не пошатнулась, хотя, должен признаться, мои надежды пребывали в упадочном состоянии. В один момент Вы сумели изменить мое душевное состояние. Тот факт, что в нужное время Германия произвела на свет Гитлера, доказывает ее жизнеспособность... Да поможет Вам Бог!..»

Чемберлен вступил в нацистскую партию и начал писать для ее изданий. В одной из своих статей он называет Гитлера спасителем, которому Всевышний предназначил быть лидером немецкого народа.

В свою очередь, нацисты относились к Чемберлену с величайшим почтением и именовали его пророком и мудрецом. «Фолкишер Беобахтер» превозносила гений англичанина-германофила и утверждала, что написанные им «Основы девятнадцатого столетия» являются «евангелием нацистского движения». Когда Чемберлен лежал на смертном одре в январе 1927 г., он нисколько не сомневался, что Гитлер осуществит предсказанную им великую миссию.

Любопытно отметить, что фюрера представил Чемберлену другой человек со склонностями к мистицизму, довольно странная и загадочная личность: Альфред Розенберг. В 1919 г. он прибыл в Мюнхен как беженец из советской России. Вскоре он встретился с Дитрихом Эккартом и вступил в общество Туле. По словам очевидцев, нищему эмигранту удалось быстро найти общий язык с Эккартом и получить заметный статус в правых кругах благодаря вывезенному им из Москвы необычному документу. Это были «Протоколы сионских мудрецов». В них приводилась запись тайных заседаний всемирного сионистского конгресса 1897 г., на которых евреи составляли планы захвата мирового господства. На сегодняшний день некоторые историки считают эти протоколы фальшивкой, состряпанной Сергеем Нилусом по заданию царской охранки. Розенберг представил совсем иную версию. По его словам, к нему на квартиру в Москве явился «таинственный незнакомец», который «положил книгу на стол и исчез, не произнеся ни слова».

Английский историк Фрэнсис Кинг пишет, что нацисты относились к «Протоколам» по-разному: одни верили им, другие хотели верить им и старались уничтожить все сомнения относительно их достоверности, третьи нисколько не заботились о достоверности, в то время как кто-то считал документ подлинным. Именно последнюю позицию, в конце концов, и занял Гитлер.

Гитлер разглядел в записях сионских мудрецов, прежде всего, потрясающий пропагандистский материал, и поэтому Розенберг быстро занял высокое положение в нацистском движении. Надо сказать, что его роль расценивается весьма различно: англичанин Льюис Спенс говорит, что Розенберг был злым гением нацизма; немец Иоахим Фест видит в нем абсолютно заурядную личность, живущую в мире собственного воображения. Правда же, по-видимому, в том, что Розенберг имел сильное влияние на Гитлера

и нацистов в 20-е годы, но затем «русский» (так его иногда называли противники и завистники) был оттеснен более жестокими и целенаправленными соперниками. К 1940 г. он оказался почти не у дел и получил полупрезрительную кличку «теоретик».

Однако на заре нацизма, когда ему покровительствовал Эккарт, сведший его с Гитлером, все обстояло совершенно иначе. После встречи с фюрером Розенберг стал пылким нацистом и начал активно писать для нацистской прессы. Его огромная продуктивность и обширная эрудиция в сфере «патологического национализма» обеспечили ему статус главного партийного идеолога. Это положение еще более укрепилось после выхода в 1930 г. «Мифа XX века» – важнейшей книги национал-социализма, следующей лишь за «Моей борьбой» Адольфа Гитлера.

В своем пространном труде, начинающемся словами: «Сегодня мировая история должна быть написана заново», – он интерпретирует историю как расовый конфликт, черпая вдохновение и цитаты у Чемберлена, Гобино и их последователей, а также весьма произвольно трактуя Ницше.

Розенберг стремился создать не просто еще одну теорию, а совершенно новую религию. Это стремление объединяло его с Чемберленом, но он пошел дальше, предложив ее основу: «Сегодня рождается новая вера: миф крови. Соединив веру и кровь, мы отстаиваем божественную природу человека, его целостность... нордическая кровь и есть та материя, которая должна заменить и преодолеть все старые таинства».

Розенберг проповедовал новое сознание – сознание крови. Он отрицал не только христианство, но и германское неоязычество, нападал на астрологию. Для него религия крови была единственной истиной, ибо «базировалась на очевидных фактах жизни». Он мечтал о национальной религии крови, в ритуалах которой «отразится правда человеческого существования». В христианстве же ведущий нацистский идеолог не видел ничего, кроме пустых обрядов.

Гитлер во многом соглашался с Розенбергом, и его записанные монологи наглядно свидетельствуют об этом. «Все религии одинаковы, неважно, как они себя называют. У них нет будущего, тем более в Германии... Будь то Ветхий Завет или Новый, нет никакой разницы: все то же самое, старое еврейское надувательство... Нельзя быть одновременно немцем и христианином. Надо выбрать одно. Нам нужны свободные люди, которые чувствуют и знают, что Бог находится в них самих... Наши крестьяне не забыли их истинную религию... Она еще

живет… Крестьянину нужно сказать о том, что разрушила церковь: все тайное знание природы – божественное, бесформенное, демоническое… Мы скинем внешний покров христианства и обнаружим религию, свойственную нашей расе… с помощью крестьян мы сможем уничтожить христианство, потому что в них, в детях земли, есть подлинная религия, коренящаяся в природе и крови».

С благословения Гитлера Розенберг составил параграфы устава будущей Церкви Национального Рейха. В них говорилось о беспощадной борьбе с чужеземной христианской верой, требовалось запрещение библии и замена ее другой книгой – «Моя борьба».

В последнем параграфе устава «Новой Церкви» было сказано: «В день ее основания христианский крест должен быть снят со всех церквей, храмов и часовен и заменен единственным непобедимым символом – свастикой».

Если бы Германия одержала победу во Второй мировой войне, то подобное могло бы осуществиться. Хотя Розенберг и утратил свое влияние, но христианство имело значительно более могущественного противника в лице Мартина Бормана, откровенно заявлявшего: «Национал-социализм и христианство непримиримы».

В тот же самый период, когда бывший студент Московского университета Альфред Розенберг развивал свои религиозные идеи, находившие понимание и поддержку у Гитлера, другой оккультист прокладывал себе дорогу к нацизму. Это был молодой невротик, мюнхенский студент Рудольф Гесс. Большинство историков рисуют его человеком замкнутым, слабым и нерешительным. Геополитик Гаусхофер, к которому Рудольф питал особое расположение, описывает Гесса следующим образом: «Он находился во власти эмоций и страстно увлекался странными, фантастическими идеями… верил в то, что звезды влияют на его личную и политическую жизнь… Я навсегда запомнил выражение его ясных глаз, в них было что-то сомнамбулическое».

Важно отметить, что так же, как и Розенберг, Гесс принадлежал к Обществу Туле. Хотя этот странный оккультист всегда считал своим гуру Гаусхофера, в 1921 г. он открывает для себя другого великого учителя – Адольфа Гитлера. Побывав на митинге Германской рабочей партии, нервный мюнхенский студент испытывает экстаз религиозного обращения, после чего твердо решает посвятить всю жизнь беззаветному служению фюреру. Жена Гесса впоследствии скажет, что его необычайная привязанность к Гитлеру носила магический характер. Подобно

Розенбергу, Гесс жаждал создания новой религии, но его основная идея не имела примесей мистицизма и была значительно проще: он заменил Бога Гитлером. Гесс часто повторял: «Гитлер – воплощение чистого разума». В своем безграничном поклонении перед фюрером он дошел до того, что утверждал его безошибочность: «С гордостью мы видим, что есть один человек, который находится за пределами критики. Это – фюрер. Все мы чувствуем и осознаем: он всегда прав и всегда будет прав. Наш национал-социализм зиждется на полной лояльности и молчаливом исполнении его приказов. Мы верим, что фюрер повинуется высшему зову, требующему изменения курса германской истории. Нет и не может быть никакой критики этой веры».

Если Гитлер был одержим жаждой полной власти, Гесс искреннейшим образом стремился лишь к одному: служить и повиноваться. Он полностью посвятил себя служению «майн фюрер». Даже на скамье подсудимых в Нюрнберге, когда Третий Рейх лежал в руинах, Гесс оставался верным тому, кого считал посланцем высших сил: «Мне было даровано судьбой много лет жить и работать под началом величайшего сына моего народа... Я ни о чем не сожалею. Если бы мне предстояло прожить жизнь еще раз, я бы прожил ее в точности так же».

Беспредельная преданность Рудольфа Гесса снискала ему расположение Адольфа Гитлера, сделавшего его своим личным адъютантом, а затем и заместителем вождя нацистской партии. Следует заметить, что Гитлер терпимо относился к определенным интересам Гесса, осуждаемым им у других. Так, нацист № 2 был совершенно иррационально увлечен оккультными науками: астрологией, ясновидением, гомеопатией и т.п. В течение шести лет он разыскивал магическое питье, способное принести ему и его жене наследника. Когда они, наконец, преуспели в этом деле, Гесс положил под колыбель ребенка частицы земли, присланные из разных уголков Германии, т.е. совершил магический ритуал, известный с древнейших времен...

Личность Гесса казалось полной противоположностью другому лидеру, тоже пробившемуся на передовые нацизма в двадцатые годы. Это – Герман Геринг. Так оно и было, но кое в чем наблюдалось странное сходство. Внешне же, конечно, они ничуть не походили: меланхоличный, замкнутый, склонный к депрессии любитель тайных знаний, с одной стороны, и летчик, повеса и гуляка, герой прославленной эскадрильи Ритхофен. В отличие от многих бывших военных, примкнувших к движению, Геринг сумел прекрасно приспособиться к мирной жизни. Он работал летчиком-испытателем в Дании и Швеции. Там, в

Скандинавии, ему повстречалась прекрасная баронесса – Карин фон фох-Катцоу. Влюбившись в нее, он забирает ее с собой в Германию и женится на ней в 1922 г. Будучи страстным немецким националистом Геринг с отвращением относился к пошлости Веймарской республики, занялся политикой и, частично под влиянием жены, стал нацистом. «Я вступил в партию, потому что был революционером, а не из-за какого-то идеологического вздора», – заявил он позже, и большинство историков видит в нем врага мистицизма и вообще любой идеологии. Тщеславный, хитрый и жестокий, Геринг объединял в себе шарм джентльмена-авантюриста и безжалостную расчетливость удачливого гангстера. Он восхищался искусством и презирал культуру, был любящим мужем и отцом и создателем гестапо. Но сам он не видел никаких противоречий в собственном характере. «Я всегда был таким, какой я есть, – упорно настаивал толстый Герман, – последним человеком Ренессанса!»

Гитлер соглашался. Когда к нему приходили с жалобами на безудержное хвастовство и пьяные вакханалии Геринга, фюрер лишь пожимал плечами и говорит: «Дайте ему быть самим собой – человеком Ренессанса!»

В этих словах – ключ к разгадке характера одного из ведущих нацистов. С великими князьями эпохи Возрождения Геринга объединяли не только любовь к показухе, артистическая утонченность и неутолимая жажда богатства и власти, но также и отсутствие веры, сочетаемое со вспышками любопытства к эзотерическим идеям. Его, пожалуй, трудно назвать оккультистом. Но, тем не менее, в Скандинавии он был членом масонской организации, проповедовавшей идеи арийского мистицизма – Общество Эдельвейс. Позже он вступил в германскую Лучезарную ложу, иначе называвшуюся Врил.

В своих увлечениях оккультизмом Геринг никогда не доходил до абсурда, как Гесс. Не было у него времени и для занудного философствования в духе Розенберга, но говоря о нем, не стоит забывать о том, что и он имел отношение к определенным братствам, где общался с адептами тайных знаний.

Основная же ценность Геринга для нацистского движения в начале 20-х годов была в том, что он придал движению ореол респектабельности. Надо сказать, что еще больше него повлиял в этом направлении другой герой войны – генерал Эрих фон Людендорф. Сомнительно, что найдется какой-либо другой немец, повинный больше него в захвате России большевиками и в военном разгроме Германии. Ведь именно он одобрил идею отправить в запломбированном вагоне Ильича и Ко. Несмотря на это, он упорно настаивал, что армии был нанесен смертельный

удар в спину евреями и марксистами. Человек редкой политической наивности, Людендорф увлекался неоязычеством и полагал, что с возрождением поклонения Вотану Германия может вернуть себе былое величие. Познакомившись с Гитлером через Рема генерал был буквально зачарован фюрером и вскоре объявил о своей поддержке движения.

Геринг и Людендорф во многом способствовали росту популярности нацизма среди аристократических, богатых и влиятельных кругов. Но, разумеется, появились восторженные поклонники и среди других слоев населения. Один из них – «человек масс», журналист-порнограф Юлиус Штрейхер. Заметим, между прочим, что и он принадлежал к обществу Туле. В 1922 г. вместе с руководимым им нюрнбергским отделением германской социалистической партии Штрейхер присоединился к Гитлеру. В издаваемой им газете «Дер Штурмер», напоминавшей по стилю венскую «Остару», публиковались антиеврейская порнография самого низкого пошиба. Даже кое-кто из нацистов возмущался грязным пером Штрейхера и его отвратительными манерами. Но Гитлер, по крайней мере, в определенный период питал к нему искреннее расположение. Иные историки полагают, что это объясняется тем, что в «Дер Штурмер» отражались тайные сексуальные фантазии фюрера: рисунки, изображающие безобразных, носатых и волосатых евреев, соблазняющих белокурых немецких красавиц, вполне можно рассматривать как иллюстрации к кошмарным видениям молодого Адольфа в «Моей борьбе».

Что же касается Штрейхера, то он стал верным апостолом Гитлера сразу, как только увидел его на митинге: «Неожиданно чей-то голос воскликнул: „Гитлер идет!“ Воодушевленные некоей таинственной силой, тысячи мужчин и женщин вытянули руки в приветствии. Вновь и вновь повторяя „Хайль Гитлер“, они наполнялись какой-то странной энергией… Теперь он говорил… Каждый чувствовал: этот человек говорит по зову божьему, как посланец небес… В тот момент я знал, что наступила решающая минута и для меня самого. В тот момент я понял, что могу быть только последователем. Но он – фюрер!» – так говорил Штрейхер.

Юлиус Штрейхер оставался верным последователем Гитлера до конца. Когда в Нюрнберге его вели на виселицу, он безостановочно повторял «Хайль Гитлер, хайль Гитлер!»…

Такова была коллекция довольно разных людей, представлявших собой передовой отряд нацизма в начале 20-х годов. На первый взгляд, немного было общего, скажем, у аристрората Геринга и у сына деревенского учителя вульгарного Штрейхера. Однако стоит обратить внимание на то, что все они

отдали дань тайным знаниям, оккультизму. Их всех, по-видимому, можно считать посвященными в той или иной степени. И еще: их объединяла вера в то, что высшие силы послали Германии спасителя – Адольфа Гитлера.

Пивной путч

Год 1923 был во многих отношениях решающим и драматическим не только для Германии, но и для Адольфа Гитлера. Инфляция достигла катастрофических размеров. Если по окончании войны немецкая марка относилась к американскому доллару 4:1, то в начале 1923 г. один доллар приравнивался к семи тысячам марок, а в ноябре того же года немецкие деньги вообще перестали что-либо стоить. Из-за того, что Германия не смогла выплатить определенной суммы в виде репараций, требовавшихся от нее победителями, Франция ввела свои войска в индустриальный Рур. Для гордых немцев оккупация промышленного сердца их страны казалась актом неслыханного оскорбления, нанесенного им «презренным соседом»...

Исходя из соображений, что чем хуже, тем лучше, Гитлер решил, что пришло его время. Успех марша Муссолини на Рим в 1922 г. произвел на него сильнейшее впечатление, и он полагал, что и ему следует привести подобную акцию. В течение нескольких месяцев он обдумывал марш на Берлин, намереваясь сбросить тамошнее правительство «гнусных предателей». Но в конце концов отказался от этого плана: нацистская партия была сильна лишь в Баварии. Поэтому выбор Гитлера пал на Мюнхен.

Вечером 8 ноября 1923 г. 34-летний лидер нацистской партии повел вооруженных штурмовиков в Бургербраукеллер – огромную пивную на одной из окраин города. Там проводилось политическое ралли в поддержку баварского правительства, организованное теми людьми, которым принадлежала власть: Густавом фон Каром, исполнявшим обязанности главы правительства, генералом Отто фон Лоссоу – командующим вооруженными силами в Баварии и полковником Гансом фон Шейссером – начальником баварской полиции.

События в пивной развивались следующим образом. Во время выступления Кара неожиданно раздался выстрел. После чего Гитлер влез на стол и, чтобы привлечь внимание к собственной персоне, разрядил свой пистолет в потолок. Кар остановился, пытаясь понять, что же происходит. Очень скоро ему все стало ясно.

Окруженный группой штурмовиков, размахивающих пистолетами и винтовками, Гитлер поднялся на трибуну. Отодвинув Кара в сторону, он прокричал: «Национальная революция началась!»

Затем Гитлер приказал всем трем правительственным деятелям сойти со сцены и пройти вместе с ним в маленькое

смежное помещение. Там, наведя на них пистолет, он потребовал, чтобы они присоединились к его революции.

Фюрер, часто пребывавший в мире собственного воображения, все же был в достаточной степени реалистом и отлично понимал, что у него нет никаких шансов разгромить армейские части и баварскую полицию. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как прибегнуть к методу шантажа и угроз. Наведенный заряженный пистолет может быть убедительнее любых аргументов. Но Кара, Лоссоу и Шейссера не удалось запугать: они отказались присоединиться к гитлеровской революции.

Почти во все критические моменты жизни Гитлер демонстрировал замечательную способность принимать быстрые решения, умение обмануть, перехитрить противника. Эту способность проявил он и тогда, в 1923 г.

Оставив трех упрямцев под вооруженной охраной, он вернулся в пивную и объявил толпе, что Кар, Лоссоу и Шейссер – баварский триумвират, как их называли, – присоединились к нему для формирования нового национального правительства Германии. Что касается его самого, то он возглавит это правительство. Главнокомандующим новой германской армией станет генерал Эрих Людендорф.

Ложь, поражающая своей невероятностью, почти всегда срабатывает. Толпа восторженно зааплодировала, не имея понятия о том, что баварская троица находится под замком, а генерал Людендорф даже ничего не знает о начавшейся революции! Однако Гитлер уже послал за ним. Вскоре тот прибыл. Хотя генерал откровенно возмущался тем, что Гитлер не проконсультировался с ним заранее, однако заявил о своей поддержке. Людендорф сумел быстро убедить Кара, Лоссоу и Шейссера или, по крайней мере, думал, что убедил их. Гитлер, престарелый генерал и баварская тройка поднялись на трибуну. Каждый из них произнес краткую речь и поклялся поддержать новое революционное правительство.

Но дальше объявления революции дело не продвинулось, Гитлер не позаботился о том, чтобы занять стратегические центры города, т.е. не сделал того, что является важнейшим при любом перевороте. Он не удосужился даже занять телеграф, и сообщение о пивном путче моментально достигло Берлина. Из столицы последовал приказ: немедленно принять меры к подавлению восстания.

По-видимому, не было нужды долго убеждать Кара, Лоссоу и Шейссера в необходимости наведения порядка. Незаметно исчезнув из пивной, они собрали армейские и полицейские силы.

Сообщив, что их заявления о поддержке революции были сделаны под наведенным пистолетом и потому не имеют никакого значения, они потребовали, чтобы нацисты прекратили нарушать законный порядок и разошлись.

К рассвету 9 ноября Гитлер понял, что потерпел поражение. Он намеревался сделать революцию с армией и полицией, а не против них. Фюрер предложил Людендорфу отступить за пределы города.

Почтенный генерал отступать наотрез отказался. Он настаивал на том, чтобы промаршировать со штурмовиками через центр Мюнхена, взять город и объявить его столицей нового революционного правительства. Людендорф был уверен, что ни армия, ни полиция не осмелятся выступить против такого заслуженного человека и патриота, как он. Под его напором Гитлер, вопреки здравому смыслу и собственной оценке положения, согласился.

Вскоре после полудня 9 ноября на узкой улочке в самом центре Мюнхена показалась колонна штурмовиков, ведомая Людендорфом, Гитлером и Герингом. Навстречу им вышло примерно сто вооруженных полицейских.

Кто первым открыл огонь, установить точно не удалось. Как бы там ни было, возникла перестрелка. Через 60 секунд уже стали ясны ее результаты: 16 нацистов и 3 полицейских лежали мертвыми или умирающими. Геринг получил тяжелое ранение, а остальные революционеры, включая и Адольфа Гитлера, спасая свои жизни, припали к тротуару. Лишь один Людендорф продолжал гордо вышагивать между нацеленными дулами винтовок. Он несомненно выглядел трагикомической одинокой фигурой. Ведь никто из нацистов не последовал его примеру, даже фюрер предпочел спасаться бегством. Вскочив в оказавшийся поблизости автомобиль, он отправился в загородный дом, где несколько дней скрывался от полиции.

Мюнхенская репетиция по захвату власти завершилась полным крахом. Пивной путч носил довольно странный и, можно сказать, опереточный характер. Последствия же его были поистине катастрофическими: нацистская партия запрещена, ее лидеры арестованы и посажены в тюрьму, ожидая суда за измену. Многим людям в Германии казалось, что пришел конец как Гитлеру, так и нацизму.

Но сам фюрер, что не может не поражать в столь незавидной ситуации, продолжал хранить безграничную веру в свою миссию. Его глубокая внутренняя уверенность была подтверждена друзьями и последователями, а также гороскопом, начертанным астрологом по имени фрау Элсбет Эбертин, которая писала:

«Звезды показывают, что к этому человеку следует относиться чрезвычайно серьезно; ему предназначено быть лидером в грядущих сражениях. ...Он пожертвует собой ради германского народа и встретит любые невзгоды с мужеством и храбростью».

Вопреки общему рациональному мнению, Гитлер чувствовал, что фиаско в Мюнхене не являлось концом ни ему самому, ни нанионал-социализму. Дальнейшие события показали, что он был прав.

Искуснейшим образом Гитлер использовал собственный процесс в пропагандистских целях. Он с презрением отвергал аргументы обвинителей и утверждал патриотическую сущность своего призвания: «Не нужно принуждать человека, призванного стать диктатором. Он сам жаждет этого. Никто не подталкивает его, он сам движется вперед. В этом нет ничего нескромного... Тот, кто чувствует, что призван править, не имеет права говорить: „Если вы выберете меня...“ Нет! Это его долг выступить вперед».

К тому времени, когда судьи готовы были объявить обвинительный приговор, Гитлер психологически овладел всеми присутствующими в зале суда. В своем последнем слове он заявил: «Не вам, господа, судить нас. Приговор вынесет вечный суд истории. То, что вы скажете, я знаю... Вы можете объявить нас виновными тысячу раз, но богиня вечного суда истории посмеется и разорвет на клочки приговор этого суда, ибо она оправдает нас».

Гаусхофер, святая книга и новое начало

В глазах миллионов немцев, ненавидевших республику, Гитлер был героем и патриотом. В зале суда никто не мог тягаться с ним в красноречии и находчивости. Он выглядел победителем, и о нем кричали заголовки газет во всем мире. Так ему впервые удалось заявить о себе как о личности во всегерманском масштабе.

1 апреля 1924 г. суд приговорил его к пяти годам заключения в крепости Ландсберг. С самого начала было ясно, что он не будет отсиживать весь срок. И действительно: уже после девяти месяцев пребывания в довольно комфортабельных условиях (с ним обращались, скорее, как с почетным гостем, а не как с заключенным) Адольф Гитлер вышел на свободу.

Нужно заметить, что время, проведенное им в заключении, было использовано наилучшим образом. Там, в Ландсберге, он начал диктовать Гессу свою «Моя борьба», ставшую святой книгой нацизма. В этой книге сильно заметно влияние профессора Карла Гаусхофера, посещавшего Гитлера в тюрьме по просьбе Гесса.

Историк Иоахим Фест отмечает:

> «Посредничество между Гаусхофером и Гитлером являлось главным личным вкладом Рудольфа Гесса в зарождение и очертание идей нацизма».

Если Дитрих Эккарт во многом помог Гитлеру овладеть искусством пропаганды, то Гаусхофер расширил его видение и научил геополитике. Подлинным наваждением для профессора была идея жизненного пространства. Глубоко убежденный в превосходстве северных народов и в тлетворном воздействии евреев на ход мировой истории, Гаусхофер полагал, что арийская раса ведет свое происхождение из Центральной Азии, и потому настаивал на необходимости захвата ее территории. В «Моей борьбе» постоянно встречается упоминание о важности жизненного пространства, а в 14-й главе дискутируется проблема безопасности жизненной зоны и роль географии в военной стратегии – прямое отражение тюремных бесед с Гаусхофером.

Думается, что стоит обратить внимание и на то, что многие историки предпочитают не замечать: мюнхенский профессор немало повлиял на Гитлера и в духовном отношении. Гаусхофер не любил об этом распространяться, но еще до Первой мировой войны он отдал большую дань оккультизму: прошел выучку у Гурджиева, у тибетских лам и у адептов японского тайного

общества Зеленого Дракона. Подобно Гитлеру, Гаусхофер никогда не говорил о своих эзотерических интересах, ибо отлично знал, что такого рода разговоры вызывают у непосвященных лишь полупрезрительную усмешку. Он же предпочитал, чтобы в нем видели только трезвого, рационально мыслящего ученого.

По мнению писателя Джеральда Шустера, Гаусхофер ознакомил Гитлера с восточным учением о чакрах – энергетических центрах, расположенных в семи центрах человеческого тела. У большинства людей эти центры пребывают в дремлющем состоянии, но их можно развить с помощью определенных упражнений, и перед теми, кому это удается, открываются необычайные возможности: в их распоряжении оказываются сверхчеловеческие силы и магическое видение, называемое третьим глазом, или иногда глазом Циклопа.

Есть ли малейшее свидетельство того, что Гитлер знал о такого рода вещах? Мало что понимавший в оккультных делах Герман Раушнинг вспоминал:

> «Гитлер всегда говорил о каком-то глазе Циклопа. Он был зачарован этими идеями и любил погружаться в них».

Весьма возможно, что Гаусхофер поощрял также и веру Гитлера в неизбежность появления Сверхчеловека, ибо он сам далеко не случайно посетит Тибет, который Блаватская и Гурджиев считали родиной Неизвестных Сверхлюдей.

Как бы там ни было, под влиянием Гаусхофера или без него, но за время заключения у Гитлера еще больше возросла вера в самого себя, вера в то, что Всевышний избрал его для определенной миссии. Убежденный в этом, он считает необходимым изложить свои взгляды.

Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости», но Макс Аман, заведовавший издательским делом нацистов, воспротивился столь длинному названию. Он настоял на сокращении – «Моя борьба».

Книга под таким названием довольно быстро приобрела известность, и продавалась в Германии лучше всех других книг за исключением только библии. По своей же сути «Моя борьба» – расширенное изложение идей, которых Гитлер набрался в Вене. Он лишь весьма незначительно изменил их в соответствии с теми проблемами, перед которыми стояла Германия в начале 20-х годов. Попытаемся очень кратко суммировать идеи святой книги нацизма.

Первая задача Германии, заявлял Гитлер, выздороветь после

кошмарного разгрома 1918 г. Он требовал отказа от Версальского договора, подписанного под нажимом победителей. Германию следует освободить от выплаты репараций, и ей необходимо вновь создать мощные вооруженные силы. Германия должна стать властелином планеты. Каким образом любимая им страна может достичь этого?

Прежде всего, считал Гитлер, необходимо «окончательно рассчитаться с Францией, смертельным врагом немецкого народа». Франция, утверждал он, должна быть разрушена. Затем, когда тыл на западе будет обеспечен, Германия может заняться восточными делами. Начать следует с тех стран, где проживает немецкое население: Австрия, Чехословакия и Польша. После них наступит черед «большой добычи».

Этой добычей была Россия. В своей книге Гитлер более чем откровенно писал:

> «Говоря о территории в Европе, которую следует завоевать, мы имеем в виду, в основном, только Россию. Эта страна существует для людей, обладающих силой взять ее».

У него не было и мысли о том, что будет трудно одолеть Россию. Советский Союз, полагал он, созрел для крушения. Как видим, Гитлер отнюдь не скрывал свои намерения. Поэтому, пожалуй, нельзя не согласиться с американским журналистом Уильямом Ширером, писавшим:

> «Кто может сказать, что Гитлер еще в „Моей борьбе“ не начертал со всей определенностью планов новой мировой войны? Он захватит Францию, а затем повернется на Восток.
>
> В течение ряда лет, работая в Берлине, я наблюдал захват Гитлером одной страны за другой. Я поражался лишь тому, что мало кто из политических деятелей внимательно читал его книгу, ибо он осуществлял в точности то, о чем писал».

В «Моей борьбе» Гитлер предупреждал и своих соотечественников о том, что их ждет, если он придет к власти. Его никак не обвинишь в скрытности и неоткровенности: он клялся покончить с республикой, уничтожить демократию и объявить себя фюрером немецкого народа. Помимо того, подчеркивал лидер нацистов, предстоит свести счеты с евреями. В «Моей борьбе» Гитлер был настолько откровенен, что невольно возникает вопрос: как могло случиться, что почти никто не

отнесся всерьез к его предупреждениям?

Говоря о книге нацистского вождя, стоит отметить также, что она носила сильный отпечаток той философии, с которой он ознакомился в Вене. Вот несколько примеров его мыслей:

> «Человечество росло в вечной борьбе, и только с наступлением вечного мира оно погибнет...
>
> Природа на стороне сильнейших. Они должны господствовать. У них имеются все права на победу.
>
> Нежелающие сражаться в этом мире не заслуживают того, чтобы жить. Даже если это трудно принять – так оно и есть!»

С такого рода оригинальными идеями Гитлер приступил к воссозданию нацистской партии и выработке новой стратегии и тактики для захвата власти. Неудача пивного путча послужила ему хорошим уроком, и он твердо решил отказаться от всяких дальнейших попыток вооруженного восстания.

Когда в 1925 г. Адольф Гитлер вышел из тюрьмы, нацистская партия оказалась разбитой на мелкие группировки, яростно враждовавшие между собой. Однако довольно скоро ему удалось объединить их и стать вновь бесспорным лидером.

Новая стратегия партии выглядела значительно более степенной и благоразумной, чем прежняя. Гитлер прекратил проповедовать захват власти силой, теперь он ратует в пользу терпеливой пропагандистской кампании, в результате которой рано или поздно может быть одержана победа на выборах. «Мы будем держать наши носы по ветру и обязательно пройдем в Рейхстаг», – сказал он одному из своих приятелей.

Через две недели после выхода из крепости Ландсберг Гитлер обещал баварскому правительству, что если снимут запрет, наложенный на нацистов, его партия ограничится лишь мирными демократическими средствами. Запрет был снят. Но Гитлер не сдержал обещания.

27 февраля 1925 г. он выступил на первом массовом митинге возрожденной нацистской партии в Бургербраукеллер, в той самой пивной, где начался путч. Возбужденный энтузиазмом толпы и уносимый собственным красноречием, он не сдержался и стал угрожать новой волной насилия. Баварское правительство ответило без замедления: ему запретили публичные выступления. Запрет, поддержанный и остальными германскими государствами, был в силе целых два года.

Это, несомненно, оказалось тяжелым ударом для того, чье ораторское искусство являлось сильнейшим оружием, привлекавшим к нему массы. Большинство людей в Германии

думало, что молчание Гитлера равносильно его поражению.

Но опять их мнение оказалось ошибочным. Они забыли, что Гитлер был не только оратором, но и великолепным организатором. Он умел привлекать к себе молодых и энергичных людей. Например, в тот период в его орбите оказался журналист с философским дипломом – Йозеф Геббельс. Любопытно, что в 20-е годы будущий министр пропаганды высоко оценивал достижения Советского Союза и считал его «естественным союзником Германии против дьявольских соблазнов и коррупции Запада».

Вынужденный отказаться от публичных выступлений, Гитлер направил всю свою кипучую энергию на создание такой политической организации, какой Германия не знала. Он намеревался создать своего рода государство внутри государства. С помощью такой организации будет легче взять власть в подходящий момент.

«Мы признавали, – скажет Гитлер позже, – что недостаточно свергнуть старое правительство. Прежде всего нужно построить новый вид государства».

Именно этим он и занимался. Сначала все шло медленно, ибо экономическое положение Германии, как и всего западного мира в 1925 г., наконец, улучшилось. С приметами благополучия пришло чувство облегчения после долгих лет войны, тревог и голода.

Для Гитлера и нацизма новая ситуация не сулила ничего хорошего: экономическая стабильность и довольство масс – не та атмосфера, в которой могут процветать революционные, радикальные движения. В конце 1925 г. в партии числилось только 27 тысяч человек. К концу 1928 г. после нескольких лет тяжелой работы членство увеличилось в четыре раза. Но на национальных выборах в Рейхстаг в том же году попало только 12 нацистских депутатов из общего числа – 491.

Период с 1925 г. до Великой депрессии 1929 г. в политическом плане можно охарактеризовать следующим образом: кропотливая работа и не слишком заметный прогресс. Зато личная жизнь Гитлера, как отметит он позже, была в эти годы «интенсивной и интересной».

В первый раз по-настоящему он узнал чувство любви.

Единственная любовь

В XX веке с легкой руки «папаши Фрейда» стало модным разоблачать и разоблачаться, изыскивать пикантные подробности интимной жизни знаменитостей. Историки, занимавшиеся изучением жизни бывшего венского бродяги, ставшего идолом Германии, разумеется, не могли не затронуть сексуальной сферы. Чего только они не понаписали! Одни, говоря об особой близости, существовавшей между ним и Рудольфом Гессом, обвиняли в гомосексуализме; другие, исходя, в основном, из собственной кипучей ненависти к «самому страшному монстру нашего времени», лезли из кожи вон, чтобы доказать, что он был импотентом, мазохистом, патологическим извращенцем... Однако большинство серьезных исследователей, старавшихся держаться в рамках объективности и не давать волю буйной фантазии (например, американцы У. Ширер и Д. Толанд), не обнаружили у фюрера каких-либо отклонений в сексуальном плане.

В жизни Адольфа Гитлера, как и в жизни почти каждого человека, помимо многих глубоких привязанностей и мимолетных увлечений, была одна большая настоящая любовь.

Летом 1928 г. 39-летний Гитлер убедил свою овдовевшую сводную сестру Анжелу Раубаль приехать к нему из Вены, чтобы стать экономкой в его доме, первом, который он мог назвать своим собственным. Эта женщина была дочерью отца Гитлера от первого брака. Будучи старше Адольфа на шесть лет, она покинула отчий кров, когда он был еще подростком. Анжела вскоре вышла замуж, занялась воспитанием детей и лишь изредка виделась со своим сводным братом.

Приобретенная Гитлером вилла Оберзальцберг находилась неподалеку от городка Бертесгаден в Баварских Альпах – одном из самых красивых мест Западной Европы. До самых последних дней жизни его неудержимо тянуло туда. Прекрасный горный вид, чистый разреженный воздух, гордая отдаленность от жилья, повседневных тревог, суеты... Все настраивало на торжественный и философский лад, напоминало о столь любимом им ницшевском Заратустре.

К тому же имелись и практические основания для поселения в окрестностях Бертесгадена: оттуда было всего три часа езды до Мюнхена, где располагалась штаб-квартира нацистской партии. А до австрийской границы было и того ближе.

Весьма вероятно, что Гитлер выбрал свою альпийскую резиденцию с учетом и того, чтобы в случае осложнений с германскими властями незамедлительно перебраться в Австрию.

Дело все в том, что отказавшись вскоре после выхода из тюрьмы в 1925 г. от австрийского гражданства, он так и не получил немецкого. Фактически он был бесподданным. Именно по этой причине он не мог даже выставить свою кандидатуру на какой-либо государственный пост. Удивительно странное и парадоксальное положение для лидера политической партии! Более того, до той поры, когда в конце концов Гитлер обзавелся немецким гражданством, ему, подобно всем нежелательным иностранцам, угрожала насильственная высылка из Германии. Понятно, что во избежание ареста и депортации было чрезвычайно удобным обзавестись домом поблизости от границы.

Фрау Раубаль – женщина располагающей наружности и превосходная повариха – приехала в Оберзальцберг вместе с двумя дочерьми: Фридль и Гели.

Гели было двадцать лет. Распущенные белокурые волосы, правильные черты лица, очаровательная улыбка и приятный голос делали ее очень привлекательной.

Адольф влюбился в нее буквально с первого взгляда. Она считалась его родственницей, ее можно было назвать племянницей или, по крайней мере, полуплемянницей Гитлера. Но для него, 39-летнего мужчины, никогда не знавшего настоящей любви к женщине, это не имело никакого значения.

Он начал брать ее с собой повсюду, куда бы ни шел – на митинги и конференции, на длительные прогулки в горы, в кафе и театры Мюнхена. Они стали неразлучны, и, естественно, это не могло пройти незамеченным. Поползли слухи и шепотки по углам. Даже некоторые нацистские бонзы высказывали протест против связи их лидера с его юной родственницей.

Все эти укоры и разговоры приводили Гитлера в бешенство. Его личная жизнь, неоднократно заявлял он, никого не касается, и он резко обрывал тех, кто пытался в нее вмешиваться. Совершенно очевидно, что Гитлер никогда не сомневался в том, что его чувство к Гели – единственная великая любовь всей жизни. И действительно, так оно и оказалось.

Что же касается Гели, то о ее чувстве судить довольно трудно. Разумеется, ей льстило внимание человека, которого знали и о котором говорили по всей стране. Бесспорно, что ей нравилось бывать в его компании. Но любила ли она когда-нибудь по-настоящему «дядю Адольфа»? Сомнительно. В последней стадии их отношений у нее такого чувства явно не наблюдалось.

Произошла серьезная размолвка. Что явилось ее причиной? На этот счет строились самые различные предположения (особенно изощрялись господа фрейдисты!), однако реальная причина размолвки остается тайной и по сию пору.

Доподлинно известно лишь очень немногое. Оба они были склонны к сильнейшей ревности. Гитлер не отпускал от себя Гели буквально ни на шаг, не давал ей возможности иметь то, что называется личной жизнью. Так, она хотела вернуться на какое-то время в Вену, чтобы продолжить обучаться пению. У нее была своя цель, своя маленькая амбиция – стать опереточной актрисой. Гитлер запретил ей и мечтать о поездке в Вену.

Начались ссоры, сопровождавшиеся взаимными обвинениями в эгоизме и нетерпимости. Гитлер не выносил, когда ему противоречили, он немедленно впадал в ярость. Гели же стремилась жить независимо, и полное подчинение было ей не по нраву.

В конце лета 1931 г. их трехгодичная любовная связь завершилась трагически. Гели объявила свое окончательное решение: она возвращается в Вену. Гитлер ответил ей: «Ни за что и ни при каких обстоятельствах». Произошла тяжелая сцена, свидетелями которой явились соседи. Когда 17 сентября 1931 г. Гитлер выходил из их мюнхенской квартиры, чтобы сесть в машину и направиться в Гамбург, Гели выкрикнула ему вдогонку:

– Итак, ты не разрешаешь мне поехать в Вену?

– Нет! – заорал ее ревнивый любовник и хлопнул дверцей автомобиля.

На следующее утро Гели Раубаль была найдена мертвой в своей комнате. Официальное расследование установило причину смерти – самоубийство. В этой версии не сомневается никто из историков: дальнейшая совместная жизнь с Адольфом представлялась ей невозможной, и она предпочла смерть.

Гитлер был потрясен случившимся. Его друзья неотлучно находились при нем, ибо опасались, что он может последовать примеру своей возлюбленной. Через неделю после похорон Гели в Вене Гитлер получил специальное разрешение австрийского правительства на въезд в страну. Всю ночь он прорыдал у ее могилы. В течение долгих месяцев ничто не могло его утешить.

Гитлер всегда был склонен к аскетизму. Уже давно отказавшись от алкоголя и табака, теперь, после смерти Гели, он отказался и от мясной пищи, стал вегетарианцем.

Люди, пользовавшиеся особым доверием фюрера, вспоминали, что Гели была единственной женщиной, которую он любил. Он всегда говорил о ней с удивительным почтением и нередко со слезами на глазах. Портрет Гели в его спальне на вилле в Оберзальцберге оставался там до самой смерти фюрера.

Глубокая и нежная страсть Гитлера к юной Гели Раубаль, по-видимому, будет всегда относиться к числу неразгаданных мистерий. Он никогда больше всерьез не влюблялся. Мысли же о

женитьбе, одновременно с горькими раздумьями о неизбежной гибели пришли к нему лишь в те дни, когда Берлин оказался в железном кольце наступающих русских армий.

Приход к власти

Великая депрессия, начавшаяся с краха на ньюйоркской бирже в 1929 г., предоставила Гитлеру шанс, на который он рассчитывал и который терпеливо ожидал в течение долгих лет.

Экономическая жизнь Запада оказалась парализованной. Банки закрывались. Дела шли под откос. Торговля остановилась. Миллионы людей остались без работы. Повсюду царили хаос, отчаяние и голод. Такая ситуация наблюдалась во многих странах Запада, но, может быть, хуже всего пришлось Германии.

Иоахим Фест пишет:

> «Дух безнадежности парил надо всем. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств. И, как всегда в подобные моменты истории, у людей пробудилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали вовсю. В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченные смысл и значение.
>
> Обладая исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательные стремления масс.
>
> ...У его противников, несмотря на знание обстановки и достаточное красноречие, не хватало веры в будущее. Гитлер же, наоборот, оказался оптимистичным, напористым и необычайно уверенным».

Первая реальная возможность для нацистов и их вождя возникла осенью 1930 г. Тогдашний канцлер Брюнинг назначил национальные выборы на 14 сентября 1930 г. Он нисколько не сомневался в победе «демократического большинства». Его надежды были сильно поколеблены Гитлером, организовавшим яростную пропагандистскую кампанию. Лидер нацистского движения указывал немецкому народу путь к свету. Он обещал порвать Версальский договор, восстановить экономику и дать каждому немцу работу. Гитлер, как всегда, не договаривал до конца. Некоторыми мыслями он предпочитал делиться лишь с особо доверенными лицами. Так, журналисту Рихарду Брейтингу «не для публикации» фюрер говорил:

> «Мне не нужна буржуазия; буржуазия нуждается во мне и моем движении. Я дал миру концепцию национал-

социализма и я буду претворять ее в жизнь и, если понадобится, с помощью силы. В этом отношении я чувствую себя эмиссаром Судьбы... Я буду бить в барабан, пока Германия не пробудится... Буржуазия правит посредством интриг, но ей нечего делать в моем движении, потому что мы не принимаем ни евреев, ни их пособников в нашу партию.

...Основной принцип экономической программы моей партии – принцип власти. Я хочу власти, я хочу индивидуальности. Я хочу, чтобы каждый человек понимал, что общественное должно преобладать над частным. Государство должно сохранять контроль; каждый собственник должен чувствовать себя слугой государства; его обязанность не использовать свое имущество во вред государству или против интересов соотечественников.

...Естественно, мы положим конец политике профсоюзов в ее теперешней форме. Эта политика разрушает государство. Между 1925 и 1928 г. бюджет увеличился па 18 миллиардов марок в результате профсоюзной политики относительно заработной платы, пенсий, пособий по безработице и т.п. Это бессмысленная трата денег, и ей нужно положить конец. Как вы сами понимаете, я не могу говорить об этом на публичных митингах. Есть также и другие темы, предназначенные не для всех».

Миллионы отчаявшихся людей, влачивших жалкое нищенское существование, поверили ему. Если два года назад за нацистов проголосовало всего лишь 810 тысяч человек, то в 1930 г. – 6,5 миллионов. Если раньше они занимали только 12 мест в Рейхстаге, то теперь число их депутатов достигло 107. Буквально за одну ночь нацисты стали второй крупнейшей партией Германии.

Этот потрясающий успех вдохновил Гитлера. Весной 1932 г. он решает выставить свою кандидатуру в президенты против фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, добивавшегося переизбрания. Гинденбург, командовавший германской армией в Первой мировой войне, считался национальным героем. Тем не менее, нацистский фюрер полагал, что сумеет одолеть его на выборах.

Надо заметить, что Гитлер не имел законного права претендовать на пост президента, ибо, как уже упоминалось, у него не было германского гражданства. Но он с легкостью

преодолел это формальное препятствие. 25 февраля 1932 г. министр внутренних дел крошечного немецкого государства Брюнсвик (член нацистской партии) назначил Гитлера атташе представительства Брюнсвика в Берлине. Вряд ли хоть один немец помнил, что у малюсенького государства имелось представительство в столице. Вся эта история выглядела откровенно комически. Однако, став атташе, Гитлер автоматически получал германское гражданство, а вместе с ним и право баллотироваться в президенты.

Вопреки большим ожиданием нацистов Гитлеру не удалось победить Гинденбурга. Хотя, следует подчеркнуть, что число голосовавших за него выросло вдвое по сравнению с предыдущими выборами: 13,5 миллионов человек. Это составляло 37 процентов от общего числа. Гинденбург был переизбран, получив 53 процента голосов. Десять процентов избирателей отдали предпочтение коммунистам.

Большинство немцев все еше отказывалось признать Гитлера. В том же 1932 г. он дважды пытался добиться большинства на выборах в Рейхстаг. В первый раз нацисты собрали примерно 14 миллионов голосов и получили 230 депутатских мест. Но вот на вторых выборах они потеряли два миллиона избирателей и 34 кресла в Рейхстаге.

После этой неудачи высказывалось мнение, что «волна нацизма отступает», что для Гитлера и его партии прошли лучшие времена. Многим казалось очевидным, что ему никогда не прийти к власти путем свободных выборов.

Но ведь в политике существуют иные, подчас невидимые и малозаметные средства. Хитрый политик и тонкий психолог, Гитлер выработал новый план. Он решает добиваться поддержки «старых реакционеров» – прусской аристократии, офицерства и представителей крупной торговли. К концу 1932 г. с помощью интриг и махинаций эти реакционные круги фактически уже завладели контролем над республикой. В мае того года они убедили престарелого фельдмаршала снять Брюнинга с поста канцлера и назначить на его место Франца фон Папена. Последний – бывший армейский офицер и весьма недалекий человек, не пользовался авторитетом даже в собственной партии: Католический Центр. 1 декабря 1932 г. его заменил генерал армии Курт фон Шлейхер.

Несмотря на их различия, Папен и Шлейхер имели одну общую цель: они намеревались покончить с германской республикой и восстановить монархию Гогенцоллернов. Если бы им удалось достигнуть этого, пришел бы конец гитлеровской мечте стать диктатором. У фюрера на этот счет не было никаких

иллюзий. Поэтому он начинает заигрывать со «старыми идиотами». Одновременно ему приходится бороться с разладом в рядах собственной партии.

После потери нацистами голосов на ноябрьских выборах Григор Штрассер, являвшийся в партии вторым человеком, пришел к выводу, что Гитлеру никогда не удастся собрать большинство голосов и стать канцлером. В декабре 1932 г. он убеждал Адольфа принять предложение Шлейхера занять пост вице-канцлера. Для Гитлера же была ненавистна уже сама эта идея: он никак не может быть вторым...

7 декабря между ним и Штрассером вспыхнула ссора, грозившая разделить партию. Страсти накалились до предела. Геббельс присутствовал при их разговоре и в своем дневнике записал:

> «Несколько часов фюрер безостановочно ходит из угла в угол. Он огорчен. Наконец, он останавливается и говорит: „Если партия развалится на части, я положу конец всему этому выстрелом из пистолета“».

Нацистская партия не развалилась, и Гитлер не застрелился. В критический момент Штрассер заявляет об отставке и... уезжает на отдых в Италию.

Адольф Гитлер всегда умел пользоваться слабостью своих противников. Теперь он полностью подчиняет себе партию и проводит чистку сторонников Штрассера. Он вынуждает всех нацистов признать его абсолютный диктат.

Укрепив свой авторитет в партийных рядах, Гитлер возобновляет поиски путей к достижению политической власти. Ради этого он готов заключить контракт с кем угодно, хоть с самим чертом. Таким чертом в данном случае оказывается Папен, стремившийся отомстить Шлейхеру, заменившему его на посту канцлера. Папен, как хорошо знал Гитлер, все еще оставался фаворитом Гинденбурга, который при отсутствии партийного большинства в Рейхстаге, назначал канцлером, кого хотел.

4 января 1933 г. Гитлер и Папен тайно встретились и разработали детали соглашения. Они договорились сформировать правительство, в котором Гитлер будет канцлером, а Папен – вице-канцлером. В знак благодарности за помощь в получении высшего поста фюрер обещал назначить министров из людей, близких к Папену.

После этого перед заговорщиками оставалось одно препятствие: суметь уговорить президента Гинденбурга одобрить их сделку. Интриганы приступили к обработке не только престарелого фельдмаршала, но и его сына – Оскара фон

Гинденбурга. Они приложили также немалые усилия к тому, чтобы заполучить поддержку армейских генералов, прусской аристократии и ведущих представителей делового мира.

30 января 1933 г. незадолго перед полуднем Гитлера срочно вызвали в канцелярию президента. В гостинице «Кайзерхоф», располагавшейся напротив, трое человек застыли у окна в мучительном ожидании. Это были Геринг, Геббельс и капитан Рем. Глава штурмовиков наводил бинокль на двери канцелярии. Он должен был определить по выражению лица Гитлера, как позже скажет Геббельс, «произошло ли чудо».

Через несколько минут после полудня в дверях появился Гитлер, сияющий от счастья. Его глаза, отметил Геббельс в своем дневнике, были «полны слез». Так, путем закулисной сделки с людьми, к которым он питал глубокое отвращение, и которые откровенно презирали его, считая выскочкой, бывший венский мечтатель стал канцлером Германской республики.

Установление диктатуры

В начале 1933 г. позиция нового канцлера казалась неустойчивой. Во-первых, он все еще в какой-то мере подчинялся Гинденбургу. Во-вторых, его могли сместить после следующих выборов в Рейхстаг. Принимая эти и некоторые другие детали во внимание, нацисты предприняли разнообразные меры для укрепления положения своего фюрера.

В немалой степени им помог пожар Рейхстага 27 февраля 1933 г. Надо сказать, что до сих пор точно не установлено, кто несет ответственность за поджог германского парламента. Многие историки высказывают предположение, что он явился делом рук сторонников Гитлера. Как бы там ни было, разрушение Рейхстага содействовало нацистам в достижении их целей. Гитлеровские пропагандисты немедленно обвинили коммунистов в организации заговора и попытке переворота. Нацисты заявили, что располагают документальным подтверждением коммунистического вмешательства.

Уже на другой день Гитлер объявил о переходе страны на особое положение, что фактически отменяло гарантии личных и социальных свобод. Геринг, как глава полиции Пруссии, поклялся перед тысячами штурмовиков, что покончит с красными. Немногим позже отыскали и подходящего человека: им оказался голландский коммунист, гомосексуалист и не очень нормальное существо по имени Маринус ван дер Люббе. Без излишних проволочек и серьезного разбирательства его обвинили в поджоге и поспешно казнили. Но был ли он в самом деле виновен? Действовал ли он один или кто-то стоял за ним, направлял его действия? До настоящего времени эти вопросы остаются неотвеченными.

После пожара Рейхстага нацисты перестали маскироваться, стесняться в средствах и откровенно перешли к осуществлению своей программы. Профсоюзы были распущены, вместо них создан Рабочий фронт во главе с фанатичным поклонником Гитлера Робертом Леем. 10 мая студенты сжигали книги еврейских и коммунистических авторов, запрещенных новым режимом. В Пруссии Геринг основал гестапо и произвел чистку всех государственных чиновников. Представители нацистской партии захватили контроль над всеми административными учреждениями.

За короткий период Гитлеру удалось сделать Германию нацистской сверху донизу. Стерев границы между исторически сложившимися германскими государствами, он впервые в

истории объединил страну и привлек к себе миллионы восторженных и самоотверженных людей.

Однако, несмотря на очевидные и впечатляющие достижения, ему было рано почивать на лаврах. В Германии существовали две мощные, противоборствующие силы: СА (штурмовики) и армия. Для СА нацистская революция протекала слишком медленно. Хотя у них были развязаны руки в отношении евреев, и Геринг, использовавшийся СА в качестве вспомогательных полицейских отрядов, разрешил им убивать врагов, штурмовики выражали заметное неудовольствие, ибо хотели значительно большего. Эрнст Рем и другие главари СА настаивали на второй революции, после которой уже вся власть должна была бы перейти в их руки. Руководители штурмовых отрядов вели себя поистине, как средневековые наем.ники, не получившие ожидаемой доли добычи, Рем и его окружение требовали, чтобы СА заменила армию и стала своего рода государством внутри государства. Они заявляли: «Серый утес должен быть затоплен коричневым потоком».

Естественно и понятно, что армия видела в штурмовиках угрозу собственному привилегированному положению. У генералов и офицеров не было ни малейшего желания погружаться в коричневый поток Эрнста Рема. Они презирали штурмовиков и считали их низами общества, подонками. Когла жаждавшие революционных потрясений «коричневые ребята» устроили погромы и бесчинства по всей Германии, генералы дали понять Гитлеру, что если СА и дальше останется необузданной, президенту Гинденбургу придется объявить переход страны на военное положение.

Перед Гитлером возникла серьезнейшая дилемма. Любая ошибка с его стороны могла привести к волнениям и даже к гражданской войне. Симпатии фюрера, разумеется, были на стороне старых товарищей, неоднократно демонстрировавших ему свою преданность. К тому же он знал, что генералы относятся с недоверием к нацизму, а его самого считают «капралом-выскочкой». Он также знал, что СА насчитывала три миллиона человек, в то время как армия – жалкие сто тысяч. Тем не менее, он не мог позволить себе роскошь быть сентиментальным и нереалистичным: армия обладала поддержкой Гинденбурга и уважением всего народа. Помимо того, Гитлер был достаточно опытным политиком и отлично понимал, что несмотря на теперешнюю малочисленность, армия – основа будущего Германии, а штурмовики – только огромная толпа уличных горлопанов и хулиганов. Их непрекращающиеся требования социальной революции вызывали раздражение и беспокойство, а

шумное и нахальное поведение коричневых молодцов отрицательно сказывалось на репутации нацистского правительства как дома, так и за рубежом. Вдобавок ко всему, укрепившийся авторитет Рема пришелся не по вкусу Гиммлеру и Герингу, и они стремились к смещению сильного соперника.

После нескольких месяцев нелегкого раздумья Гитлер, наконец, принял решение, поражающее, с одной стороны, своей исключительной правильностью, а с другой – потрясающим вероломством. Он соглашался на требования генералов при условии, что армия гарантирует ему полную поддержку. Получив соответствующие заверения, фюрер отдал приказ гиммлеровским эсэсовцам покончить с СА. 30 июня 1934 г. СС осуществила знаменитую Ночь длинных ножей. Все лидеры штурмовиков, включая и самого Рема, были безжалостно убиты. После этой операции чернорубашечные, эсэсовские соединения стали автономной, привилегированной организацией, стоящей выше партии.

Но больше всего от проведенной чистки выиграл, конечно, сам Адольф Гитлер. Когда президент Гинденбург умер в августе 1934 г., генералы принудили каждого офицера дать клятву полного повиновения «фюреру Германского Рейха и народа – Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему Вермахта». В течение короткого периода была проведена определенная перетасовка высшего офицерского состава, после чего вся власть действительно оказалась сосредоточенной в одних руках.

Немецкий народ почти не сопротивлялся установлению диктатуры. Люди верили или делали вид, что верили лозунгам Геббельса. К тому же, не надо забывать, что существовал реальный страх перед гестапо, во главе которого стояли Гиммлер и Гейдрих. Но справедливости ради нужно сказать и то, что многие вполне искренне радовались уничтожению демократических свобод: повсюду хватает таких, которые предпочитают следовать приказам и повиноваться скорее, чем находиться в ситуации, когда надлежит самим принимать решение. С приходом нацизма трудящиеся Германии обрели устойчивые рабочие места и отличное медицинское обслуживание. Если свобода означает иногда голод и неопределенность, то не лучше ли, когда государство берет на себя заботу об основных нуждах? Помимо того, нацизм дал многим людям цель и смысл жизни, наделил их чувством принадлежности к чему-то высшему, надличному – экстаз самоотречения.

Сами же нацистские лидеры обрели то, к чему долго и страстно стремились: полную власть. Герман Геринг

контролировал экономику; Иозеф Геббельс контролировал ум, цензурировал новости и являлся главным арбитром по вопросам культуры и искусства; Генриху Гиммлеру подчинялись все полицейские силы, от которых не мог защитить ни один суд. Каждый район имел своего гаулейтера. В каждом квартале имелся свой осведомитель. Гейдрих заводил дела на всех тех, кто обнаруживал хоть малейшее отклонение от нормы. Тем же, кто не демонстрировал беспрекословную верность нацизму, грозили «лагеря по перевоспитанию». Однако суровые меры подавления коснулись лишь незначительного меньшинства. Основная масса населения приветствовала новую власть, и немцы гордились своей страной больше, чем когда-либо прежде.

Национал-социалисты, как и все тоталитаристы, проявляли огромную заботу о подрастающем поколении. Об их намерениях яснее всех высказался сам Гитлер:

«Молодежь должна научиться мыслить и действовать по-германски. Мы выбьем из нее дурь классового сознания и прочую чушь... Я хочу воспитать молодежь, перед которой содрогнется мир. Они должны быть активными, властными, неустрашимыми и жестокими. Я хочу видеть в глазах молодых искру гордости и независимости хищного зверя... Молодежь – наша надежда... Национал-социализм только начинается!»

Молодые люди лавиной хлынули к фюреру. К ним присоединились миллионы восторженных женщин, для которых, как утверждали нацисты, вся жизнь должна сводиться к трем понятиям: церковь, дети и кухня.

В начальный период приветствовали нацистов и многие интеллектуалы, воображавшие, что новый режим принесет «бешеную языческую свободу». Но со временем они поостыли, ибо увидели: эта свобода была лишь для тех, кто придерживался определенных взглядов. Ждало разочарование и оккультистов, в том числе и ариософеких, наивно полагавших, что нацисты будут относиться к ним с известным почтением.

В 1934 г. берлинская полиция запретила любые формы предсказания будущего. Последовала конфискация оккультистских книг по всей Германии; владельцев книжных магазинов, специализировавшихся в эзотеризме, «убедили» продавать другую литературу. Масонство было обличено и запрещено. Даже Себоттендорф, основатель Туле Гезельшафт, обнаружил, к своему глубокому удивлению, что является персоной нон грата. Его книга «До прихода Гитлера» и лекции, в которых он раскрывал оккультные, основы нацизма и влияние тулистов, привели к аресту и заключению. Освободили Себоттендорфа только при условии, что он немедленно покинет

территорию Рейха и не будет распространяться об оккультных связях нацистов.

После непродолжительного периода терпимости к пронацистским эзотерическим братствам их снова стали преследовать. В 1937 г. были запрещены всякие оккультистские объединения; лидеров масонских лож нередко отправляли за решетку. В длинном списке запрещенных тайных обществ оказались теософы, антропософы и даже орден «Новых Храмовников» (тамплиеров), руководителю которого Ланцу фон Либенфельсу запретили печатать свои произведения. Быть оккультистом стало опасно.

Хорошо известно, что Гитлер и большинство приближенных к нему особо доверенных лиц питали немалый интерес к «тайному знанию». Чем же объяснить устроенную ими оккультную чистку? Джеральд Шустер пишет:

> «Во-первых, ни один тоталитарный режим не может терпимо относиться к секретным обществам. Во-вторых, став лидером нации, Гитлер хотел показать респектабельность нацистского движения и не желал допускать распространения слухов о собственной озабоченности эзотерическими вопросами, которые наверняка нанесли бы ущерб его престижу. В-третьих, как маг, он видел опасность деятельности других магов, действующих независимо от его собственной воли. В-четвертых, он настаивал на том, чтобы магия существовала только для нацистской элиты и могла практиковаться лишь орденом, полностью подчиненным ему и его желаниям, т.е. СС. К 1939 г. СС стала единственным оккультным, магическим объединением Германии».

О позиции, занятой им в отношении оккультистских братств, Гитлер говорил достаточно откровенно в монологе о масонстве, записанном Раушнингом:

> «Все их практикуемые мерзости, скелеты, мертвые головы, гробы и всякие таинства – просто игрушки для детей. Но в них имеется опасный элемент, с которым необходимо считаться. Они образуют вид священнической знати. Они развили эзотерическую доктрину не только сформулированную, но и связанную посредством символов и мистерий со степенями посвящения. Иерархическая организация и посвящение через символические обряды, магически действующие на

воображение – опасный элемент... Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера?.. Орден, иерархический орден секулярного священничества... Мы сами или масоны, или церковь – имеется место лишь для одного из трех, и не больше... Мы – сильнейшие из трех, и потому избавимся от двух других».

В другой раз Гитлер сказал Раушнингу следующее:

«Я открою вам секрет: я решил основать новый орден... Человеко-Бог – это великолепное творение будет предметом поклонения... Но есть и другие вещи, о которых мне не позволено говорить».

Невольно напрашивается вопрос: кто же направлял Гитлера, давал ему разрешение, о чем говорить или не говорить? Как бы там ни было, из его бесед с Раушнингом ясно, что для осуществления своих планов фюрер намеревался взять на вооружение искусство магии.

К чему же он стремился, чего хотел достичь? Прежде всего, Гитлер хотел расширить границы Германии и обеспечить известное жизненное пространство. Он мечтал превратить Третий рейх в самую сильную империю, когда-либо существовавшую на земле.

Однако это было далеко не все. Третий рейх не должен был стать просто еще одной империей: он должен был представлять собой совершенно новый тип цивилизации с новыми ценностями и новыми людьми. Евреев – главных загрязнителей крови и души, следовало отправить подальше за пределы Рейха. Рассматривался, например, план переселения их на Мадагаскар. Остальных расово неполноценных нужно использовать как рабов. Немцы же будут наслаждаться невиданным материальным комфортом. Над ординарными гражданами немецкого государства должна возвышаться иерархия членов партии, а еще выше – нацистская элита. Из самых лучших представителей молодежи выйдут герои и полубоги, которым предстоит заселить землю.

Таковы были мечты мистика из Вены, ставшего диктатором великой европейской страны. Мало кто из немцев выражал сомнение в правильности его устремлений. По-видимому, он был абсолютно прав, когда однажды заметил: «Какое счастье для правителей, что люди не думают!»

«Мы просто верили!» – лаконично объяснял поведение подавляющего большинства немцев Бальдур фон Ширах. Они

никогда не спрашивали и послушно выполняли приказу. С готовностью отказавшись от личных свобод, они вполне довольствовались участием в факельных шествиях и присутствием в охваченной экстазом толпе.

Американский журналисть Уильям Ширер, находившийся в Берлине в 30-е годы, писал: «Сегодня, если судить по поведению огромного большинства его соотечественников, он достиг вершины, никогда ранее не достигавшейся ни одним германским правителем. Он стал даже до его смерти мифом, легендой, почти богом...»

В возрасте 45 лет Адольф Гитлер завершил полное подчинение себе Германии и немецкой нации. Теперь, подобно Наполеону, он мог приступить к завоеванию других стран и народов.

Бескровные завоевания

Первые захваты чужих территорий были осуществлены Гитлером не на полях сражений, а за столом дипломатических переговоров.

Несмотря на отсутствие формального образования и какого-либо опыта в иностранных делах, он наглядно продемонстрировал, что способен обмануть и перехитрить лучших государственных деятелей Европы. Захваченные союзниками в ходе войны различные документы дают дополнительные штрихи к портрету фюрера-завоевателя.

Между 1933 и 1935 гг. в обход Версальского соглашения Гитлер начал тайно вооружать Германию. Весной 1935 г. он открыто отверг военные ограничения мирного договора и дал указания Герингу приступить к созданию военно-воздушных сил. Также стали предприниматься меры для увеличения военно-морского флота.

Уже через год фюрер сделал свой первый смелый ход. 7 марта 1936 г. он направил части новосозданной армии в демилитаризованную рейнскую зону. Это явилось нарушением не только Версальского соглашения, к подписанию которого принудили Германию победители, но и позднейшего договора в Локарно, подписанного ею добровольно.

Гитлеровский марш-бросок в демилитаризованную зону был неслыханной дерзостью. Французская армия имела полное право отбросить немцев назад. Более того, французы могли это сделать без особого труда: они все еще обладали лучшими вооруженными силами в Европе. Только что образованная немецкая армия вряд ли бы отважилась вступить с ними в бой. Однако французы, сдерживаемые Великобританией, не шелохнулись. Две западные демократические державы, как полагает большинство специалистов, имели в тот момент все шансы одержать легкую победу. Но они упорно не хотели воевать, они стремились к миру и были готовы платить за него почти любую цену. Обладая исключительно развитой интуицией, Гитлер догадывался об этом. Тем не менее, отдав приказ армии о занятии рейнской зоны, он находился в состоянии мучительного напряжения.

«48 часов после броска на Рейне, – признавался Гитлер впоследствии, – были самой кошмарной нервотрепкой в моей жизни. Если бы французы начали продвигаться, нам не оставалось бы ничего другого, как отступить наподобие побитых собак. Военные ресурсы, имевшиеся в нашем распоряжении, не годились даже для скромного сопротивления».

Фюрер признавал также, что ответные действия французов могли бы явиться концом для него самого и для нацистского движения.

«Наше отступление, – говорил он, – должно было означать полное крушение. Нас спасла лишь моя поразительная уверенность».

Если в 1936 г. западные страны могли без больших осложнений остановить Гитлера, то уже через год лихорадочная гонка вооружений сделала германскую армию подготовленной к серьезным сражениям. Теперь начало следующей войны зависело, в основном, от планов фюрера и его генштаба.

Вечером 5 ноября 1937 г. Гитлер собрал своих генералов и объявил им, что принял решение начать войну. «Нет, не в самое ближайшее время, – объяснял он, – но самое позднее к 1943 г. Необходимо приступить к соответствующим приготовлениям». Между тем, как заметил фюрер, первые завоевания будут достигнуты мирным путем. Сначала его родная Австрия, а затем – Чехословакия. Гитлер предвидел, что эти страны можно «присоединить» с помощью лишь угрозы войны. Так оно и произошло.

Утром 12 февраля 1938 г. фюрер принимал на своей альпийской вилле канцлера Австрии Курта фон Шушнига. Глава австрийского правительства начал разговор с похвалы великолепному виду на покрытые снегом Альпы. Гитлер резко оборвал его: «Мы встретились вовсе не для того, чтобы говорить о погоде или красотах природы».

После этих слов, которые никак не назовешь вежливыми, он обрушил на почтенного гостя поток оскорблений: «Вы сделали все, чтобы избежать нашей дружественной политики... Вся история Австрии – один непрерывный процесс предательства. Могу зам сказать прямо теперь, герр Шушниг, что я твердо решил положить конец всему этому...»

Когда Шушниг попытался сказать, что его страна сыграла значительную роль в истории, Гитлер заорал: «Полный ноль! Я говорю вам: полный ноль!»

Находясь уже в состоянии неистовства, он продолжал: «Я повторяю вам еще раз: так дальше не пойдет. Я наделен исторической миссией, и я выполню эту миссию, ибо она предназначена мне Провидением! Стоящие на моем пути будут безжалостно раздавлены!»

До Шушнига дошло, что быть раздавленной – удел Австрии. В конце своего яростного монолога Гитлер предъявил австрийскому канцлеру ультиматум. Он потребовал, чтобы его правительство в течение одной недели передало все дела австрийским нацистам.

Принимая во внимание тот факт, что они находились в полной зависимости от фюрера, такой шаг был равносилен передаче власти ему самому. Понимая это, Шушниг заколебался.

«Герр Шушниг, – еще сильнее закричал не слишком гостеприимный хозяин, – если вы не подпишете этот ультиматум и не согласитесь на мои требования в течение недели, я прикажу нашей армии войти в Австрию!»

Гость из Вены не выдержал натиска и подписал. Однако и эта уступка не воспрепятствовала входу германских войск в его страну. Хотя Шушниг, как и обещал, назначил нацистов на ключевые посты в правительстве, он вызвал бешеный гнев фюрера тем, что посмел назначить плебисцит. На нем австрийский народ должен был бы сам решать свою судьбу – желает ли он оставаться свободным и независимым.

Плебисциту не суждено было состояться. Его объявили на 13 марта, но Гитлер не счел нужным дожидаться исхода голосования: в ночь на 11 марта силы Вермахта вступили на территорию Австрии.

Так состоялось триумфальное возвращение Адольфа Гитлера на родину. В те дни он чувствовал себя исполнителем возложенной на него божественной миссии. Выступая перед восторженными жителями Линца, фюрер сказал: «Когда много лет назад я ушел из этого города, вера переполняла мое сердце. Та же самая вера живет в моем сердце и сегодня. Если Провидение увело меня когда-то из этого города, ибо мне было предназначено стать лидером Рейха, то Оно же доверило мне и миссию присоединения моей родины к Германскому Рейх».

Несколько дней спустя состоялся торжественный въезд Гитлера в Вену. Нетрудно представить себе чувства сладостного возмездия, с какими он вступал в город, который отверг его в молодости и в котором довелось ему изведать нищету, голод и унижения. Выступая перед многотысячной толпой радостно возбужденных венцев, он сказал:

> «Я верю, что Божья воля направила молодого человека отсюда в Рейх, чтобы сделать вождем нации и присоединить его родину к Рейху. Существует высший порядок вещей. Когда герр Шушниг нарушил подписанное им соглашение, я почувствовал в ту же секунду зов Провидения. И все происшедшее затем – лишь исполнение воли Провидения».

После Австрии пришел черед Чехословакии. Сначала Гитлер потребовал «возвратить» Германии три с половиной миллиона судетских немцев и территории, на которой они жили – Судеты.

(Эта область, являющаяся частью исторической Богемии, входила в состав Австро-Венгерской империи, но никогда не принадлежала Германии).

До странного легко Гитлеру удалось заручиться поддержкой Невилля Чемберлена, тогдашнего премьер-министра Великобритании. Мистер Чемберлен был готов пожертвовать «отдаленной страной», как он изволил называть Чехословакию, чтобы только сохранить мир. Надо сказать, что британский премьер выглядит весьма печальной и жалкой фигурой во всей этой истории. Конечно, он искренне хотел мира, но оказался чудовищно близорук и не понимал того, что любые уступки фюреру лишь способствуют разжиганию его аппетита. И хуже всего, он не понимал, что бескровный захват новых земель усиливал Германию и ослаблял позицию западных союзников – его собственной страны и Франции. Слепая и чересчур доверчивая политика британского премьера едва ли не закончилась катастрофой для демократических стран Запада.

К середине сентября 1938 г. Чемберлен убедил чехословацкое правительство в необходимости мирной передачи Судет Германии. 22 сентября состоялась встреча между ним и фюрером, на которой он доложил о своем «достижении». По его словам, оставалось только выработать технические детали. «Прошу меня очень извинить, – ответил наивному британцу Гитлер, – но ваш план больше не годится».

Лицо Чемберлена вытянулось, и на нем отразились удивление и гнев. Фюрер настаивал на том, чтобы германская армия немедленно вошла в Судеты. «Если же чехи окажут сопротивление, – сказал он, – будет война».

29–30 сентября в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Германии, Италии, Франции и Великобритании. На этой конференции Гитлер добился своего. Чемберлен и Франсуа Деладье уступили. Они согласились на то, что Германия может ввести войска в Судеты на следующий день. Так Гитлер совершил еще один бескровный захват. Новая легкая победа лишь разожгла в нем аппетит завоевателя.

«Этот Чемберлен, – несколько дней спустя жаловался он в узком кругу, – испортил мой въезд в Прагу!» Гитлер намеревался войти в чехословацкую столицу во главе германских войск.

Прошло несколько месяцев. 15 марта 1939 г. фюрер принимал в берлинской канцелярии президента Чехословакии. Надо заметить, что за истекшее время территория этой страны сильно посократилась. После получения Судет Гитлер с помощью различных угроз и измышлений отделил словацкую часть. Нацисты также развернули яростную пропагандистскую

кампанию: они утверждали, что чехи преследуют немцев, живущих на их территории. (Опять на практике осуществлялся принцип: большая ложь срабатывает лучше малой!). На встрече в Берлине чешский президент Эмиль Хача, пожилой и не слишком здоровый человек, умолял проявить «щедрость» и дать чехам «право жить национальной жизнью». Вождь Германского Рейха не имел ни малейшего намерения быть щедрым. Он вел себя еще менее вежливо, чем в отношении австрийского канцлера год назад.

«Я предупреждал вас, – кричал Гитлер, – что если Чехословакия не изменит своей политики, я полностью разрушу эту страну! Вы не вняли моим предупреждениям. Что ж, я отдаю приказ германским войскам войти в Чехословакию и присоединить ее к Германскому Рейху!»

Президент Хача сидел ни живой, ни мертвый. Как позже вспоминал очевидец, «он совершенно окаменел».

Гитлер же продолжал угрожать. «У чехов, – сказал он, – имеются две возможности. Если они окажут сопротивление, то будут сломлены со зверской силой. Если же сдадутся, к ним будет проявлена милость, и им предоставят определенную степень национальной свободы». Затем последовали типично гитлеровские тирады, сочетавшие лицемерие с угрозой расправы.

«Я делаю все это не из чувства ненависти, – говорил он, – а ради обеспечения безопасности Германии. Если бы осенью (в Мюнхене) Чехословакия не уступила, чешский народ был бы уничтожен! Никто бы не помешал мне! Никто даже не обратил бы внимания... Я сочувствую чешскому народу. Поэтому-то я и пригласил вас приехать сюда. Это мое последнее проявление доброй воли в отношении чешского народа. Возможно, что ваш визит предотвратит наихудшее. Время идет. В 6 утра наши войска придут в движение».

Фюрер сказал, что любезно предоставит чешскому президенту некоторое время на обдумывание его предложений. «Я понимаю, что это нелегкое решение, – заключил он, – но я предвижу возможность длительного мира между двумя нашими народами. В противном же случае Чехословакию ждет полное уничтожение».

После этих слов Гитлер покинул своего гостя. Было 2 часа 15 минут ночи 15 марта 1939 г. Из смежной комнаты появились командующий германских ВВС Герман Геринг и министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. Они продолжили обработку бедного Хачи. Если он откажется подписать сдачу, угрожал «толстый Герман», немецкие самолеты уже утром разбомбят Прагу и превратят ее в руины. Перед чешским

президентом разложили бумаги для подписания и …он потерял сознание. «У Хачи обморок!» – громко закричал Геринг, потребовав срочно вызвать врача.

В течение нескольких минут нацистские бонзы испытывали самый настоящий страх: боялись, что гость может умереть. В таком случае их обвинят в совершении убийства в германской Канцелярии! К счастью, личный врач Гитлера Теодор Морель сумел оживить Хачу с помощью инъекции. Затем еле живой старик подписал ультиматум о сдаче…

Согласно воспоминаниям одной из секретарш, после этого улыбающийся фюрер выбежал из своего кабинета и радостно объявил: «Дети! Это лучший день в моей жизни. Я войду в историю, как самый великий немец!»

Аннексия Чехословакии означала неизбежное приближение войны: вступив на путь захватов, фюрер, подобно другим завоевателям, уже не мог остановиться. В «Моей борьбе» Гитлер писал, что наихудшее преступление – оставлять дела неоконченными; он жестоко обрушивался на всякие полумеры. То, что он называл полумерами, другие называют умеренностью.

«В этом он выказывал заметное свойство немецкого характера. Немцы склонны к крайностям. Они хотят всего немедленно. Подобно избалованным детям они раздражаются, если не получают сразу того, к чему стремятся. Но как только они достигнут одного, их охватывает страсть к иному. Неумение вовремя остановиться всегда было причиной поражений Германии».

Это мнение было высказано французским послом в Берлине Андре Франсуа Понсе.

Начало Второй мировой войны

В гитлеровских планах завоеваний после аннексии Чехословакии стояла Польша. Он, разумеется, отдавал себе отчет в том, что справиться с поляками будет потруднее. Их страна обширнее и более населена, чем Австрия и Чехословакия. Среди ее потенциальных союзников числились Франция, Англия и, возможно, даже Россия. Если бы все эти страны действовали совместно, они, вероятно, могли бы легко одолеть нацистскую Германию.

Однако никогда нельзя быть уверенным в так называемых союзниках. Франция вроде бы была союзницей Чехословакии, но в Мюнхене она помогла Англии выдать эту маленькую страну. Франция формально являлась союзницей и Польши. Тем не менее, после происшедшего в Мюнхене поляки не могли особенно надеяться на ее помощь.

А как насчет британского «лёвы»? Чемберлен, кажется, начал прозревать и лучше разбираться в намерениях Гитлера. 31 марта, ровно через две недели после занятия Гитлером Праги, английский премьер заверил Польшу, что если она подвергнется нападению, Англия и Франция придут к ней на выручку.

Гитлер ответил на этот шаг по-своему: 4 апреля он отдал секретный приказ генеральному штабу подготовиться к вторжению в Польшу 1 сентября. Кроме того, он заключил «стальной пакт» с фашистской Италией, подписанный в Берлине 22 мая. Согласно этому пакту Италия должна была присоединиться к Германии в случае войны.

На следующий день, 22 мая фюрер вновь созвал совещание военачальников в берлинской Канцелярии. Сохранившаяся запись этого совещания ярко рисует характер и образ мышления Гитлера.

«Неизбежно будет война. Нам нечего бояться!» – воскликнул он, обращаясь к генералам.

Он объяснил им, что продвижение на Восток даст Германии жизненное пространство и обеспечит всех немцев необходимыми запасами продуктов. Он признавал, что атака может привести к столкновению с Западом, т.е. с Англией и Францией.

«Англия – наш враг, – заявил фюрер. – Конфликт с ней – вопрос жизни или смерти!»

У Гитлера не было уверенности относительно того, какую позицию займет Советский Союз. И если Советы присоединятся к Западу, сказал он, «это вынудит меня нанести сокрушительные удары по Англии и Франции».

Предсказание Гитлера относительно первоначальной стадии войны поражает своей исключительной точностью. «Сначала мы займем Бельгию и Голландию»,– заявлял он. Оккупация этих стран являлась очень важной в стратегическом отношении.

Генералы осмелились напомнить их фюреру, что Бельгия н Голландия – нейтральные страны. «Декларацию нейтралитета можно игнорировать», – ответил им Гитлер. Никто не возразил ему. «Нас не интересует, что правильно и что неправильно, – продолжал он поучать генералов. – Наша задача состоит в том, чтобы сразу же нанести противнику сокрушительный удар. Мы должны поставить Англию на колени!»

Что же касается Польши, «она будет атакована при первой возможности. Мы не можем надеяться на повторение чешского варианта. Будет война!»

После этого совещания военные специалисты неоднократно давали понять Гитлеру, что Германия не обладает достаточными силами, чтобы победить Польшу, если на ее стороне выступит Советский Союз вместе с западными странами. К слову сказать, именно в этот период – весна–лето 1939 г. – Англия и Франция усиленно ухаживали за Сталиным, призывая его присоединиться к их альянсу в случае нападения немцев на Польшу. По мнению германского генштаба, если бы им тогда удалось склонить на свою сторону советское руководство, войну было бы лучше не начинать.

Фюрер оказался в исключительно трудном положении. Он рвался в бой, но, казалось, все было против него и его планов. Гитлер всегда говорил о том, что не может быть никаких соглашений с Советским Союзом, «попавшим под контроль еврейского большевизма».

В одном из своих выступлений в 1937 г. он заявил буквально следующее:

«Я рассматриваю большевизм, как самый ужасный яд, который можно дать людям. Я не хочу, чтобы мой народ, мои люди имели какой-то контакт с этим учением... любое соглашение с теперешней большевистской Россией будет совершенно бессмысленно для нас. Глупо думать, что национал-социалистическая Германия выступит когда-либо, чтобы защитить большевизм. С другой стороны, мы никогда не примем помощи от большевистского государства, ибо я опасаюсь, что в тот момент, когда какая-либо нация примет такую помощь, она будет обречена на неминуемую гибель».

Однако любой политик знает, что бывают ситуации, при которых необходимо забыть об идеологических расхождениях, по крайней мере, на время. В 1939 г. Гитлер сделал один из самых

хитрых и коварных ходов в своей жизни. Несмотря на глубочайшую и искреннейшую ненависть к коммунистам и коммунистическому СССР, он решает договориться с Советами. Это оказалось неожиданно легче, чем кто-либо мог предполагать. Нужно заметить, что советский диктатор Иосиф Сталин не уступал нацистскому вождю ни в жестокости, ни в вероломстве. В тот самый момент, когда в Москве велись переговоры с военными делегациями Англии и Франции, он за их спиной приступил к обсуждению сделки с Адольфом Гитлером.

Циничное, с обеих сторон, соглашение между «двумя социалистическими государствами» было подписано Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. По этому соглашению Советский Союз обязался не вмешиваться ни в какую войну, начатую немцами. В ответ – эта часть договора хранилась в секрете и не подлежала оглашению – нацисты пошли на уступки (разумеется, за чужой счет). Гитлер и Сталин согласились поделить Польшу между собой. Помимо того фюрер признавал право Советов аннексировать балтийские государства: Латвию, Литву и Эстонию. Эти тайные концессии увились ценой, заплаченной Гитлером за невмешательство СССР в его политические дела.

«Нью Йорк Таймс» писала в те дни:

> «Смертоносный взрыв не мог бы причинить большего ущерба в Лондоне, чем последняя новость о том, что нацистское и советское правительства согласились подписать пакт о ненападении за спинами британской и французской военных миссий в Москве. Гнев и удивление – первая реакция здесь. Эти чувства еще более усиливаются от того, что, как выясняется, западные правительства не имели ни малейшего понятия о происходившем».

Опять Гитлеру удалось перехитрить противников. Очевидно, что именно договор со Сталиным позволил ему начать Вторую мировую войну. Сталин же полагал, что спасает коммунистический Советский Союз и коммунистическую власть от немецкого нападения. «Вождь всего прогрессивного человечества» заблуждался и, проявив, в общем-то, не свойственную ему близорукость, он развязал руки немецкому генштабу. Его ошибка дорого стоила европейским народам; она привела к трагическим последствиям для русского народа, понесшего неисчислимые потери и очутившегося на волоске от гибели.

22 августа, за день до формального официального

подписания соглашения, Гитлер сказал своим генералам:

> «Мой пакт, господа, предназначен только для выигрыша времени. Мы уничтожим Советский Союз».

Но война с СССР намечалась в будущем, теперь же фюрер обрел свободу действий в отношении Польши. Ни подтвержденная Британией готовность выступить на польской стороне, ни послание Муссолини, сообщавшего, что Италия воздержится от участия в войне, не могли уже изменить его решения. Он игнорировал и тот факт, что многие высокопоставленные нацисты и офицеры, опасавшиеся англо-французской военной мощи, выражали молчаливое неодобрение.

Дипломатические шаги, предпринятые им в конце августа и направленные на смягчение позиции Британии и Польши, служили, главным образом, дымовой завесой, под прикрытием которой шли полным ходом военные приготовления. 31 августа агенты гестапо спровоцировали на границе с Польшей несколько инцидентов, предназначенных для оправдания начала военных действий.

1 сентября 1939 г. в 5 часов 45 минут утра гитлеровские войска вошли в Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. Вторая мировая война началась.

«Если каким-то нациям и суждено погибнуть, – заявил Гитлер, – то немецкий народ, понятно, не принадлежит к их числу. Мы боремся за наши права. Мы не хотим войны. Мы подверглись нападению».

Ошеломляющие победы

В течение первых трех лет войны немецкая армия одерживала победу за победой. Гитлеровские войска с поразительной легкостью продвигались вперед и захватывали одну страну за другой.

Сопротивление поляков было преодолено за три недели. Французы и англичане, несомненно, могли бы помочь Польше, ударив по общему врагу с запада, но они предпочли отсиживаться за укрепленной линией Мажино. В Германии подобное повеление союзников окрестили «зитц-криг» – сидячая война. Американский журналист Уильям Ширер вспоминает:

«В один из осенних дней 1939 г. я посетил так называемый Западный фронт, проходивший вдоль Рейна. Я видел французских солдат на противоположном берегу, строивших укрепления. Кое-кто из них с увлечением играл в футбол. Ни одна из сторон не открывала огонь. Странная война! В Польше, куда я отправился через несколько дней, все выглядело иначе. Города и поселки лежали в руинах. Повсюду валялись неубранные трупы погибших».

Дольше всего сопротивлялась Варшава. Но и она сдалась вскоре после того, как Красная армия начала наступление с востока. Маленькая страна, понятно, не могла устоять, оказавшись в тисках двух вооруженных гигантов. Гитлер и Сталин быстро поделили Польшу между собой.

Согласно рассказам очевидцев из окружения фюрера, военные успехи способствовали развитию у него имперских замашек и усилению свойственной ему мегаломании (мании величия).

Через шесть недель после захвата Польши (23 ноября 1939 г.) Гитлер созвал заседание генштаба и дал указание относительно дальнейших действий на Западном фронте. Большое наступление должно было начаться с занятия нейтральных стран – Бельгии и Голландии.

Почти все военные спецы Германии возражали против операций на Западе, ибо считали, что армия еще не готова. Некоторые никак не могли согласиться с нарушением нейтралитета двух маленьких стран. Не обращая внимания на их доводы, Гитлер настаивал на своем:

> «Мое решение не подлежит изменениям! Действия против Англии и Франции начнутся в наиболее подходящий момент. Нарушение нейтралитета Бельгии

> и Голландии совершенно неважно. Никто не судит победителей. Мы не будем относиться к нарушению нейтралитета столь по-идиотски, как в 1914 г.».

После этих слов, чтобы покончить со всеми сомнениями, Гитлер заявил:

> «Решающий фактор в этой борьбе – это я сам! Никто не может заменить меня! Я верю в силу своего интеллекта. Никто и никогда не достигал того, чего достиг я! Хоть мир и ненавидит нас теперь, но я веду немецкий народ к высочайшей вершине. Судьба Рейха зависит только от меня. Я же буду действовать соответствующим образом. Я не остановлюсь ни перед чем. Я уничтожу каждого, кто будет противостоять мне!»

Справедливости ради следует сказать, что Гитлер умел не только произносить громкие слова и сотрясать воздух, но и чрезвычайно трезво рассчитывать. В последующие семь месяцев у многих, как в Германии, так и за ее пределами, рассеялись сомнения в его военном гении.

Вопреки возражениям большинства генералов он спланировал и осуществил смелую операцию, в результате которой оказались побежденными Дания и Норвегия.

На рассвете 9 апреля 1940 г. германские грузовые суда в сопровождении военных кораблей вошли в пять основных портов Норвегии и в порт Копенгагена. Солдаты, сидевшие в трюмах, выскочили на берег. Вся оккупация была произведена чуть ли не без единого выстрела. Дания фактически капитулировала уже через два часа. Что касается упрямых норвежцев, то они отказывались подписать сдачу еще около трех недель.

10 мая 1940 г. немецкие войска перешли границы Бельгии и Голландии, а затем вторглись во Францию. Через 10 дней танки Вермахта достигли Аббервилля на берегу Ла Манша. «Фюрер вне себя от счастья!» – записал в ту ночь в своем дневнике генерал Йодль. К июню французы были полностью разбиты и умоляли о заключении перемирия. Любопытно, что Гитлер еще до кампании точно предсказал дату входа его войск в Париж. Франция подписала безоговорочную капитуляцию 22 июня 1940 г.

Быстрота германских завоеваний не знала прецедента в истории, и поэтому Геббельс скоропалительно назвал Гитлера величайшим полководцем всех времен. Объективно говоря, его победы действительно ошеломляют. Польша была завоевана в 27 дней, Дания – за 1 день, Норвегия – за 23, Голландия – за 5, Бельгия – за 18, Франция – за 39, Греция – за 21, Крит – за 11,

Югославия – за 12. Неудивительно, что после такого триумфа Гитлер еще больше уверовал в собственную гениальность и безошибочность.

Разгромив Францию, он неожиданно для некоторых наблюдателей обратился с мирными предложениями к Англии. Однако те, кто внимательно читал «Мою борьбу», не удивлялись. Гитлер всегда считал англичан расово близкими и называл Англию естественным союзником. Правда, он часто гневался на нее из-за того, что она попала под влияние врага и допускает еврейское засилие. Тем не менее, Гитлер неоднократно подчеркивал, что желает сохранения британской империи и совсем не заинтересован в ее падении. Он жаждал жизненного пространства на востоке и не имел никаких территориальных претензий к туманному Альбиону. Согласно его видению и понятиям, Англия не имела основания отвергать мирные предложения Германии.

К несчастью для фюрера (может быть, и к несчастью для британской империи), бразды правления в Англии взял Уинстон Черчилль, решивший бороться до конца. В чем причина подобной непримиримости? Была ли она продиктована истинно английскими интересами? Ряд историков, в том числе, например, Дэвид Ирвинг, утверждает, что Черчилль, находившийся лично в сильной зависимости от еврейских финансистов, проводил политику в интересах мирового сионизма.

Получив отказ из Лондона, Гитлер стал размышлять над перспективами вторжения «на этот маленький остров». Но особого энтузиазма к проекту обуздания Англии он не испытывал. Поистине, не лежала у него душа к этому. Да и вообще: остров маленький, но попробуй его занять! Несмотря на то, что германская армия в 1940 г. была значительно сильнее английской, имелись определенные трудности в переброске ее через канал: неизбежно пришлось бы столкнуться с прославленным британским флотом. Единственное возможное решение: разбомбить английские суда с воздуха. Но и это представлялось нелегким делом: королевские военно-воздушные силы проявили огромное мужество и выдержку в боях с немецким Люфтваффе.

Попытка вторжения в Англию так никогда, и не была предпринята. Почему? Чаще всего это объясняют тем, что Гитлер испытывал своего рода водобоязнь. «На земле я – герой, – якобы сказал он одному фельдмаршалу, – а вот на воде – просто настоящий трус».

Имеется и другое, более чем странное объяснение, впервые

высказанное Джеральдом Гарднером в книге «Современное колдовство».

> «Английские колдуны особой ворожбой остановили его от вторжения. Они встретились и совместными усилиями направили в мозг Гитлера мысль: „Ты не можешь пересечь море. Ты не можешь пересечь море. Не можешь приземлиться...“ Я не утверждаю, что они остановили Гитлера. Я лишь говорю: такая церемония была проведена. и хотя все было готово к вторжению, он никогда не сделал даже попытки. Колдуны сказали мне, что более ста лет назад их предки внушили ту же идею Наполеону Бонапарту».

Можно, конечно, при желании и похихикать над колдунами, но факт тот, что вопреки публичным обещаниям «наказать английского врага», фюрер постепенно утратил всякий интерес к планам оккупации Англии. Вместо этого он довольствовался эпизодическими ночными бомбежками и рейдами подводных лодок в Атлантике против британских торговых судов.

10 мая 1941 г. произошло сенсационное событие, поразившее весь мир: Рудольф Гесс, один из ближайших и вернейших соратников Гитлера и его заместитель по партии, сел в одноместный «Мессершмит-110» и полетел в Шотландию. Приземлившись, Гесс попросил местного фермера отвести его в дом герцога Гамильтонского, с которым он встречался в 1936 г. На следующий день, увидевшись с герцогом, незваный гость заявил, что «фюрер... желает остановить кровопролитие».

Знал ли заранее «любимый Адольф» о полете в Англию того, кто в течение долгих лет был его послушной тенью? Большинство историков дают отрицательный ответ и придерживаются мнения, что Гесс совершил вояж по собственной инициативе. Весьма правдоподобно выглядит информация, сообщаемая Альбертом Шпеером в его воспоминаниях «Внутри Третьего Рейха»:

> «...25 лет спустя в тюрьме Шпандау Гесс уверял меня со всей серьезностью, что идею полета внушили ему сверхъестественные силы. Он говорил, что вовсе не намеревался противодействовать планам Гитлера. „Мы гарантируем Англии сохранение ее империи; в обмен на это она поможет нам в нашей борьбе в Европе“. С таким посланием он отправился в Англию... Надо сказать, что подобного рода мысли возникали у Гитлера раньше, и он время от времени возвращался к ним в течение войны».

Явно смущенный историей с Гессом, Гитлер объявил на весь мир, что его заместитель сошел с ума, и лишил своего старейшего товарища высокого поста. Заместителем фюрера по партии был назначен активный партиец Мартин Борман.

Постепенно шумиха вокруг полета Гесса стала стихать, и Гитлер вплотную занялся подготовкой похода на Восток против «нового друга и союзника» – СССР.

Почему он, одолевший легко и быстро почти всю Европу, принял это роковое решение? Ведь никому из западных завоевателей никогда не удавалось победить Россию. В «Завещании Адольфа Гитлера» – записях, сделанных им уже в бункере под грохот русской артиллерии, он сам дает следующее объяснение:

«Наиважнейшее решение, принятое мною в ходе этой войны – атаковать Россию. Я всегда считал, что мы должны любой ценой избегать войны на два фронта, и можете не сомневаться, я долго размышлял над судьбой Наполеона и его испытаниями в России. Почему, в таком случае, можете спросить, эта война против России и почему в это время?

Мы уже оставили всякую надежду покончить войну посредством успешной оккупации Британии. Кроме того, эта страна, предводительствуемая ее дурацкими лидерами, отказалась бы признать нашу гегемонию в Европе до тех пор, пока на континенте существовала великая деожава, Фундаментально враждебная Третьему Рейху. Война тогда бы могла затянуться надолго, война, в которую, помимо британцев, вступили бы активно и американцы. Фактор военного потенциала Соединенных Штатов, наращивание вооружения у нас и у наших врагов, близость английского берега – все это делало крайне невыгодным для нас вести затяжную войну. Время, заметьте, всегда время, работало против нас. Для того, чтобы убедить Британию свернуться, чтобы вынудить ее заключить мир, было необходимым лишить ее надежды противостоять нам на континенте вместе с противником, чья мощь равнялась нашей собственной. У нас не было выбора, мы должны были любой ценой выбить русский элемент из европейского баланса сил. У нас была и другая причина: смертельная угроза, которую Россия представляла нашему существованию. Мы были абсолютно убеждены в том, что неизбежно наступит день, когда она ударит по нам.

Наш единственный шанс одолеть Россию заключался в том, чтобы взять инициативу в свои руки, ибо вести оборонную войну являлось непрактичным...

Почему 1941? Принимая во внимание постоянно

увеличивавшуюся силу наших западных врагов, мы должны были действовать безотлагательно. Сталин тоже не сидел сложа руки. На двух фронтах время было против нас. Реальный вопрос не „почему уже 22 июня 1941 г.“, но скорее: „почему еще не раньше?“ Если бы не трудности, созданные нам итальянцами с их идиотской кампанией в Греции, я атаковал бы Россию на несколько недель раньше. Для нас основная проблема была в том, чтобы сдерживать русских как можно дольше, ибо лично я опасался того, что Сталин мог перехватить инициативу.

Другая причина: Россия задерживала поставку крайне необходимого нам сырья. Вопреки обязательствам с их стороны, эти поставки с каждым днем замедлялись, и была опасность, что однажды они совсем прекратятся. Если русские не желали давать нам того, что обязались по договору, нам ничего не оставалось, как пойти и получить необходимое силой. Я пришел к такому решению немедленно после визита Молотова в ноябре, когда мне стало ясно, что рано или поздно Сталин оставит нас и перейдет на сторону врага. Не стоило ли потратить время на более тщательную подготовку? Нет, ибо в этом случае мы упустили бы инициативу; короткая передышка могла бы обойтись очень дорого. Нам пришлось бы подчиниться советскому шантажу относительно Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Мы не могли этого допустить. Третий Рейх – защитник и покровитель Европы, не мог принести эти дружественные страны на алтарь коммунизма. Подобное поведение было бы бесчестным, и нас следовало бы покарать за него. Как с моральной, так и со стратегической точки зрения, это было бы плачевным гамбитом. Война с Россией стала неизбежной, что бы мы ни делали. Откладывать ее означало лишь одно – сражаться в еще менее благоприятных условиях.

Поэтому сразу же после отбытия Молотова я принял решение свести счеты с Россией, как только позволят то погодные условия».

Так Гитлер объяснял в 1945 г., но в 1941 г., он, помимо всего прочего, продолжал верить написанному им самим 17 лет назад в «Моей борьбе»: «...попавшая в лапы еврейского большевизма Россия, созрела для крушения». Кроме того, опьяненный невиданными военными успехами, фюрер был убежден в собственной непобедимости.

В феврале 1941 г., когда полным ходом шли приготовления, Гитлер сказал своим генералам:

«Как только „Барбаросса“ (кодовое название для русской кампании) развернется, весь мир затаит дыхание».

1941

22 июня 1941 г., к удивлению многих, и, как говорят свидетели, неожиданно даже для самого Иосифа Сталина, немецкие войска без объявления войны перешли границы Советского Союза.

Началась жесточайшая и кровопролитнейшая схватка в истории.

В тот день, 22 июня, Гитлер обратился к гражданам Третьего Рейха:

«Сегодня около 160 русских дивизий стоят у наших границ. В течение последних нескольких недель имели место постоянные нарушения границы... Русские летчики неоднократно вторгались в наше воздушное пространство, они вели себя так, будто уже чувствовали себя хозяевами принадлежащих нам территорий. В ночь с 17 на 18 июня русские патрули проникли на территорию Рейха и отступили назад лишь после продолжительной перестрелки. Это показало нам, что наступил час, когда необходимо предпринимать шаги против заговора, плетущегося, с одной стороны, еврейско-английскими военными торгашами, и с другой – еврейскими заправилами большевистского центра в Москве».

Успехи германской армии поначалу превзошли самые радужные ожидания. К середине июля немецкие танки находились уже в 200 км от Москвы. К октябрю была оккупирована почти вся Украина, Ленинград оказался в кольце блокады, и советская армия понесла колоссальные потери в живой силе и технике.

Нужно отметить, что в некоторых местностях население приветствовало приход немцев. Алан Буллок пишет:

«Имеется достаточно свидетельств, что, когда немецкие войска вошли на Украину и прибалтийские государства, на них смотрели, как на освободителей. Однако обращение, которому подверглись местные жители, как со стороны гражданской администрации, так и от СС, продвигавшихся вслед за армией, быстро рассеяло эти иллюзии. Вместо того, чтобы попытаться вбить клин между народом и советским правительством, Гитлер предпочитал обращаться с жителями Восточной Европы, как со славянскими унтерменшами, годными лишь для рабского труда».

Уместно подчеркнуть, что подобная человеконенавистническая политика находилась в полном соответствии с русофобскими и антиславянскими взглядами, нацистского руководства. Для того, чтобы не быть голословными,

приведем некоторые подлинные изречения лидеров нацизма.

Адольф Гитлер:

«Что же касается потешной сотни миллионов славян, то мы выберем лучших из них и приведем их в надлежащий нам вид. Остальных же мы изолируем в их собственных свинарниках. И всякий, кто осмелится говорить о поощрении местных жителей и цивилизовывании их, отправится прямиком в концентрационный лагерь».

Герман Геринг:

«В этом году от 20 до 30 миллионов людей умрут от голода в России. Может быть, это хорошо и должно быть, что определенным народам предстоит исчезнуть... В лагерях для русских пленных они уже начали поедать друг друга».

Генрих Гиммлер:

«Погибнут ли 10 тысяч русских женщин от истощения или выживут, копая танковый ров, меня совершенно не интересует: важно, чтобы был сделан этот ров для Германии».

Мартин Борман:

«Славяне существуют, чтобы работать па нас. Как только мы перестанем нуждаться в них, они могут умереть...»

Очевидно, что в 1941 г., когда войска под штандартами национал-социализма победоносно маршировали от норвежского берега до песков ливийской пустыни, гитлеровцы не считали нужным считаться с сентиментами жителей оккупированных территорий, ибо им казалось, что они на практике подтверждают правоту теории о расовом превосходстве.

Следует признать, что не только в Берлине, но и в западных столицах – в Лондоне и Вашингтоне – полагали, что Советскому Союзу пришел конец.

3 октября, вернувшись с Восточного фронта, Гитлер выступил с заявлением, транслировавшимся по всеми миру:

«Утром 22 июня началась величайшая битва в мировой истории. С тех пор прошло более трех с половиной месяцев, и сегодня я могу сделать следующее заявление. Все с той поры происходило согласно плану... Однако мы неправильно оценили один момент. Мы не имели представления о колоссальных приготовлениях этого врага против Германии и Европы, о той громадной опасности, которая существовала, и о том, что мы едва спаслись от уничтожения не только Германии, но и всей Европы. Сегодня я могу сказать об этом. Я говорю об этом сегодня в первый раз, потому что только теперь я могу заявить, что враг разбит и никогда больше не поднимется вновь».

Советская армия, бесспорно, потерпела исключительно тяжелое поражение, но списывать ее со счетов было рано. На

помощь ей пришли два фактора: суровая зима и... явные промахи фюрера.

В преддверии холодов немецкие генералы планировали нанести сокрушительный удар по Москве и захватить столицу СССР. Но Гитлер решил иначе: он хотел прежде всего взять Ленинград и завершить оккупацию Украины. К тому времени, когда его войска перегруппировались для штурма Москвы, наступили холода, а вместе с ними поднялись и сильнейшие метели. Советская армия получила возможность оправиться от первых шоковых поражений.

Почему Адольф Гитлер допустил столь очевидный просчет? Как могло случиться, что он, всегда чуткий к нуждам своей армии, не позаботился о соответствующем обмундировании для русской кампании, снабдив солдат всего лишь шарфом и парой шерстяных перчаток. Объяснение, по-видимому, следует искать в том, что фюрер, хотя и очень не любил говорить об этом, всю жизнь находился во власти странных эзотерических теорий. Верил им и с их помощью – в данном случае «ледяная теория» Хорбигера – составлял планы на будущее.

Хорбигер утверждал, что его теория – «величайшее достижение арийской науки» – позволяет предсказывать погоду на всей планете на месяцы и даже на годы вперед. Ведущие нацисты были склонны с ним соглашаться, и Гиммлер, сам завзятый оккультист с неумеренным интересом к магии, нанял убежденных хорбигерианцев в метеорологическое бюро Аненербе (оккультный департамент СС). Эти горе-метеорологи напророчили, что русская зима 1941–42 гг. будет необычайно теплой. Гитлер, проявив поистине сверхъестественное доверие, принял их слова на веру, и поэтому не счел нужным снабжать армию настоящей зимней одеждой.

Результаты чрезмерного доверия хорбигерианской «науке» оказались катастрофическими для Германии. Первый снег выпал в начале октября. К ноябрю температура упала ниже ноля. Одетые в летнюю форму, без шапок-ушанок, без зимних сапог – без всего, столь необходимого в русскую зиму, солдаты Вермахта страдали от обморожения и нередко замертво падали, пытаясь отправить естественные потребности на открытом воздухе. 5 декабря, когда температура достигла –40 по Цельсию, советская армия предприняла контрнаступление.

Стремясь во что бы то ни стало войти в Москву, Гитлер запретил отступать, совершенно игнорируя условия, в которых очутились его войска. Москву взять не удалось, а давление русских становилось все более немилосердным. Генерал Гудериан, командовавший танковыми частями, настаивал на

необходимости тактического отхода, но Гитлер резко возразил ему: «О холоде позабочусь я сам. Атакуйте!» Не полагал ли он, что является главным представителем огня на земле и может распоряжаться льдом? Что бы он ни думал, чего бы ни желал, немецкие солдаты не могли больше сдерживать натиск русских, и его доселе непобедимая армия потерпела под Москвой первое поражение. В боях за Москву армия Гитлера потеряла свыше миллиона человек...

Тогда же, в декабре 1941 г., Гитлер допустил и серьезнейший политический просчет. 7 декабря японцы вероломно напали на американский порт Перл-Харбор. Это нападение вынудило Соединенные Штаты объявить войну против Японии, но не против Германии. Тем не менее, почти незамедлительно фюрер объявил войну Америке. Журнал «Ньюсуик» писал в те дни:

«Германия и Италия объявили нам войну... Фюрер выступил в Рейхстаге, и дуче обратился к тысячам чернорубашечников на Пьяцца Венеция. Речь Гитлера звучала хриплым проклятием Соединенным Штатам. Его голос срывался и чуть ли не переходил в истерический. Любопытно отметить, что не было обычных зловещих угроз и обещаний неизбежной победы».

Объявляя войну Америке, Гитлер не счел нужным принять во внимание тот факт, что ресурсы этой страны значительно превосходили потенциал Третьего Рейха. Но он, судя по всему, больше не жил в мире, в котором реальность играла какую-то роль. Убежденный, что является посланцем Провидения, Гитлер, по замечанию философа Брасиллаха, был готов «пожертвовать счастьем всего человечества, своим собственным и своих соотечественников, если только того потребуют мистические силы, приказам которых он повиновался». В своем возвышении он был многим обязан магическому подходу к действительности, но этот же самый подход, в конечном итоге, и привел к его падению.

В канун 1942 г. настроение у немцев было далеко не радостным: ведь появился еще один могущественный противник – США. Некоторые из них не успели забыть, что вступление Америки в первую мировую войну сыграло серьезную роль в поражении Германии.

Однако нацистские лидеры продолжали твердить об их вере в силу германского оружия и выражали уверенность в скорой победе. В своем новогоднем обращении к народу Третьего рейха Гитлер заявил, что Россия будет разбита в 1942 г. В заключение он сказал:

> «Да поможет нам всемогущий Бог в наступающем году».

Решающий поворот

Напряжение войны стало сказываться на внешнем виде фюрера. И неудивительно, ибо он взвалил на себя непомерный груз: лично руководил всеми операциями на 1500-километровом русском фронте.

Когда итальянский министр иностранных дел граф Чиано увидел его ранней весной 1942 г., фюрер выглядел уставшим и постаревшим. «Зимние месяцы в России тяжело отразились на нем, – записал римский гость в своем дневнике. – Я впервые обнаружил, что у него много седых волос».

Доктор Геббельс, один из неизменных конфидантов Гитлера, отмечал то же самое:

> «Я заметил, что он становится совсем седым. Он сказал мне, что страдает от головокружений. Его состояние весьма беспокоит меня».

Наблюдательный министр пропаганды подметил и такую любопытную деталь:

> «У него обнаружилось физическое отвращение к снегу и холоду. Больше всего он страдает от того, что эта страна (Россия) все еще покрыта снегом».

В первые месяцы 1942 г. Гитлер убедил самого себя, что только он может руководить вооруженными силами Германии и вести их к победе. В итоге он произвел фактически полную смену высшего командного состава и назначил себя верховным главнокомандующим. Взяв полностью бразды правления на фронте, фюрер постановил возобновить наступление в России с приходом лета.

Поначалу, как обычно, удача сопутствовала Гитлеру на всех фронтах. К концу июня его талантливый полководец генерал Эрвин Роммель, руководивший немецкими силами в Северной Африке, вынудил англичан отойти в Египет (немцы сражались там совместно с итальянцами). Под предводительством Роммеля итало-германские войска достигли Эль-Аламейна и находились всего в 60 км от Александрии и дельты Нила. Позиция Британии в Средиземноморье, в Египте и на Ближнем Востоке выглядела обреченной. Премьер-министр Черчилль позже признавал, что для него наступил один из тяжелых периодов войны.

Следует сказать, что нелегкие проблемы, стоявшие перед

британским премьер-министром, не ограничились только Египтом. В Атлантическом океане немецкие подлодки действовали чрезвычайно эффективно и топили одно за другим английские и американские суда, груженные продовольствием и оружием. Если бы события и дальше продолжали развиваться подобным образом, Британия, по-видимому, была бы обречена на голодную смерть.

Главное же: положение в России давало основания на самые радужные надежды. Новое наступление было назначено на 22 июня – годовщину нападения.

К 23 августа части 6-й армии заняли позиции у самой Волги, к северу от Сталинграда. Они отрезали основной путь, по которому нефть с Кавказа поступала в армию и в промышленные центры севера. Оставшись же без нефти, современная армия не может сражаться, и потому русские, как и англичане, оказались на грани катастрофы.

Советские нефтяные источники также оказались захваченными немцами. К 25 августа нацистские танки находились на Кавказе всего в 45 км от нефтяных вышек у Грозного. Опять, как и в декабре прошлого года, когда немецкие войска подошли к Москве, Гитлер, казалось, со дня на день мог торжествовать победу. Он сказал своим генералам, что русские кончены. О том же фюрер заявлял на весь мир осенью 1941 г. Тогда он допустил серьезный стратегический промах. И вот теперь, в конце лета 1942 г., убежденный, что с русскими покончено, Гитлер совершает абсолютно невероятную ошибку, непонятную для всех, кто мало-мальски смыслит в военных делах.

Не надо было быть специалистом, чтобы видеть, что немецкие армии на Волге и Кавказе были чересчур растянуты. Поэтому на флангах они представляли собой удобную мишень для русских контратак. Начальник штаба генерал Гальдер указал Гитлеру на то, что Сталин подготовил свежие войска численностью в полтора миллиона для такого рода действий. Он убеждал верховного главнокомандующего в том, что следовало бы отойти назад. Вместо того, чтобы внять доводам генерала, фюрер пришел в неописуемую ярость. Гальдера разжаловали, и в начальники штаба произвели Курта Зейтцлера.

Зейтцлер дал Гитлеру аналогичный совет. Это вызвало у фюрера очередную вспышку гнева.

– Где немецкий солдат ставит ногу, – кричал он на новоназначенного генерала, – там и остается!

«Лучший полководец всех времен» запретил отступать, как от Сталинграда, так и с Кавказа. Такой же приказ был дан Роммелю

и в Северной Африке. Из-за непонятного и рационально не объяснимого упрямства Гитлера последовали жуткие поражения, приведшие к катастрофическим последствия для Германии и немецкого народа.

В Египте англичанам, которых американцы бесперебойно снабжали танками, самолетами и другим вооружением, не оставалось ничего другого, как проявить признаки жизни. Возглавляемая генералом Бернардом Монтгомери 8-я армия атаковала роммелевские итало-германские силы в Эль-Аламейне ночью 23 октября 1942 г. К 2 ноября англичанам удалось осуществить решающий прорыв. Войскам Роммеля угрожало полное уничтожение, необходимо было отойти назад.

Роммель телеграфировал Гитлеру в Берлин, испрашивая сто разрешения отступить на каких-то 40 километров. Ответ фюрера обнаружен историками после войны в бумагах генерала: «Не может быть и речи об отступлении хотя бы на один шаг. Нужно бросить в бой каждое оружие, каждого человека. Ваша обязанность показать подчиненным вам людям путь, ведущий к победе либо к смерти. Адольф Гитлер».

Против собственной воли и вопреки собственной оценке положения Роммель повиновался. Однако 4 ноября, потеряв больше половины своей армии, он принимает решение спасти оставшихся в его распоряжении людей. В течение 15дней немцы отступили не на 40 км, а на 700! Нацистский вождь никогда не мог простить этого Роммелю.

Битва при Эль-Аламейне стала началом конца как национал-социализма, так и самого Адольфа Гитлера. Вскоре после этой битвы последовала еще более кошмарная катастрофа, которую можно было бы избежать, если бы верховный главнокомандующий не утратил всякий контакт с реальностью.

Люди, принадлежавшие к узкому кругу, уже тревожно шептались по углам и спрашивали друг друга: «Что с фюрером?» Никто не решался ответить на этот вопрос, но все, хотя и продолжали пребывать под его чарами, видели: Гитлера словно подменили. Он перестал поражать собеседников оригинальными, ясными и простыми до гениальности мыслями и наблюдениями. Исходившие от него приказы вызывали, по меньшей мере, недоумение.

Гитлер часто повторял: «Концентрация сил для защиты Сталинграда – серьезнейшая ошибка со стороны русских». Однако его противник, как оказалось, думал по-другому. Русская контратака на Донском фронте в районе Сталинграда, о которой его предупреждали генералы, началась в метель на рассвете 19 ноября 1942 г. В течение 24 часов немецкие позиции были

прорваны, и возникла угроза, что 6-я армия окажется отрезанной от Сталинграда.

Генерал Зейтцлер требовал немедленно вывести войска из пределов осажденного города, где проходили жестокие и кровопролитные уличные бои. Этого предложения было вполне достаточно, чтобы вывести фюрера из равновесия.

– Я никогда не уйду с Волги! – кричал он в бешенстве на начальника генштаба.

Гитлером был подписан приказ, обязывавший 6-ю армию окопаться в Сталинграде и даже не думать о том, чтобы покинуть его. Так и произошло. 22 ноября, всего через несколько дней после начала русской контратаки, 6-я армия оказалась полностью отрезанной от остальных немецких сил: две советские армии соединились в Калаче, в 40 километрах от Сталинграда.

Паулюс, командующий обреченной 6-й армией генерал, тщетно посылал радиограмму Гитлеру, прося его разрешения на то, чтобы попытаться вырваться из окружения. Фюрер отказал. Он обещал прислать подкрепление, но оно опоздало.

За три дня до рождества в бункере произошла бурная беседа.

«Я просил Гитлера, – сообщал впоследствии генерал Зейтцлер, – дать разрешение на прорыв. Я дал понять ему, что это последний шанс спасти армию Паулюса. Гитлер остался глух. Напрасно я описывал ему жуть сталинградских условий: отчаяние, голодающие солдаты... раненые, погибающие из-за отсутствия надлежащего ухода, тысячи замерзших...»

«На Гитлера, – подчеркивает Зейтцлер, – ничего не действовало. Он не внял также и жалостным мольбам самого Паулюса. 24 января 1943 г. командующий 6-й армией попросил разрешения сдаться. Он объяснял: „Войска не имеют ни амуниции, ни пищи... Эффективное руководство в таких условиях не представляется возможным. 18 000 раненых без снабжения, одежды и медикаментов... Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Крушение неизбежно. 6-я армия запрашивает разрешения на сдачу, чтобы спасти жизни оставшихся“.

Ответ Гитлера найден среди нацистских документов, захваченных союзниками:

> «Сдаваться запрещаю. 6-я армия должна удерживать занимаемые позиции до последнего человека и последнего патрона».

Магические чары Гитлера еще продолжали действовать на его генералов: Паулюс повиновался или, по крайней мере, пытался повиноваться. Но агония 6-й армии подходила к концу. 30 января в Берлин пришла радиограмма: «Полное крушение не может быть

отложено более, чем на 24 часа».

Фюрер прореагировал на эту новость довольно своеобразно: он произвел Паулюса в фельдмаршалы! Почему? В чем причина возвышения командующего обреченной армии? Гитлер объяснил своим генштабистам: «В истории еще не было случая, чтобы немецкий фельдмаршал оказался захваченным в плен». Однако, как известно, нет правила без исключения. На следующий день новоиспеченный фельдмаршал вместе с 24 генералами и 91 тысячью солдат отправился сдаваться.

Далеко от завьюженного Сталинграда, в хорошо отопленных комнатах Восточной Пруссии, Гитлер клокотал от гнева и возмущения.

Сохранился стенографический отчет происходившего в штаб-квартире 1 февраля 1943 г. Гитлер был в окружении генералов Зейтцеля, Кейтеля, Йодля и других. Как обычно, говорил, в основном, только он.

– Паулюс должен был застрелить себя, в точности так же, как в древние времена предводители бросались на мечи, когда видели, что терпят поражение. Даже Варус приказал своему рабу: «Теперь убей меня!»

Затем Гитлер рассуждал о жизни и смерти:

> «Что есть жизнь? Жизнь есть нация. Каждый человек в любом случае должен умереть. Нация выше жизни каждого отдельного индивидуума. Как можно бояться момента смерти, с которым приходит освобождение из этой юдоли слез и печали? Не является ли долгом каждого человека избавить себя от страданий?
>
> Погибло так много людей. И после всего этот самый Паулюс оскверняет героизм других в последнюю минуту. Он мог бы освободить себя от всякой печали и вознестись в обитель вечности и национального бессмертия. Но вместо этого он предпочел отправиться в Москву!
>
> Он – последний фельдмаршал, назначенный мной в эту войну».

Шок сталинградской катастрофы ощущался по всей Германии. Миф о непобедимости Вермахта был разрушен. Газеты объявили национальный траур. Альберт Шпеер, вспоминая о тех днях, пишет:

> «Сталинград потряс нас не только как трагедия солдат 6-й армии, но более того – поставил вопрос о том, как подобное несчастье могло произойти под

командованием Гитлера. Ибо с его именем в прошлом всегда был связан только успех и очередной триумф. Теперь же впервые мы были разгромлены без какой-либо компенсации...

...В начале войны на востоке Гитлер, находясь в плену теории о неполноценности славян, называл войну против них детской игрой. Но чем больше затягивалась война, тем больше русские вызывали у него уважение. Он поражался стоицизму, с которым они приняли первые поражения. Говорил с восхищением о Сталине, сравнивая его с самим собой».

После Сталинграда Гитлер как в физическом, так и в психическом плане находился в плачевном состоянии. Он начал принимать огромное количество медикаментов для снятия нервного напряжения. Побочный эффект этого лечения становился заметен всем, кому приходилось с ним общаться.

Генерал Гудериан, видевший фюрера вскоре после сталинградской битвы, с трудом узнал его:

«Руки Гитлера тряслись. В его набухших глазах сквозила полная опустошенность. Он возбуждался больше обычного. Придя же в гнев, совершенно утрачивал самоконтроль».

Вероятно, он уже чувствовал безнадежность дальнейшей борьбы и обреченность собственной судьбы и национал-социализма. Значение происшедшего под Сталинградом, пожалуй, лучше других выразил Геббельс, писавший:

«Понимаете ли вы, что произошло? Целая школа мысли, вся концепция вселенной потерпела поражение. Духовные силы раздроблены, час возмездия приближается».

Тайна доктора Мореля

Доктор Теодор Морель был личным врачом Гитлера в течение многих лет. С его именем связано огромное количество слухов и подозрений. Большинство наблюдателей считало его шарлатаном. Он отличался плохими манерами, неряшливостью в одежде и был алкоголиком. Одно время делали намеки на его еврейское происхождение. Но тщательное расследование пришло к выводу, что достопочтимый доктор чисто арийского происхождения.

Почему Гитлер, славившийся чрезвычайной разборчивостью в людях, выбрал человека, который не вызывал ни у кого симпатий? Не содействовал ли сей эскулап постепенному превращению фюрера в психического и физического инвалида, неспособного принимать правильные решения? Полагают, что после деклассификации некоторых секретных документов стало возможным ответить на эти вопросы.

Американец Глен Инфельд, имевший доступ к архивным материалам Третьего Рейха, в своей книге «Тайная жизнь Гитлера», в частности, пишет:

> «Морель представлял собой тип человека, обычно вызывавшего у Гитлера отвращение. Он был очень толст, смугл, имел жирные черные волосы и носил очки с толстыми, выпуклыми стеклами. Но даже хуже физических характеристик были личные манеры, абсолютно не соответствовавшие гитлеровскому нервическому образцу. От него постоянно исходил дурной запах, его же неумение вести себя за столом стало притчей во языцех. Однако одна вещь свидетельствовала в его пользу: к концу 1937 г. благодаря прописанным „доктором-мужланом“ медикаментам Гитлер впервые почувствовал себя хорошо после нескольких лет недомоганий. Фюрер решил, что может не обращать внимания на недостатки Мореля, если тот способен вылечить его.
>
> В самом начале 1937 г. Морель произвел тщательное обследование Гитлера. Доктор пришел к заключению, что его пациент «страдал из-за гастритных проблем и из-за неправильной диеты. Припухлость отмечена в нижней части живота; левая половина печени увеличена; правая почка причиняет боль. Отмечена экзема на левой ноге, связанная, очевидно, с расстройством пищеварения».

...Морель быстро прописал так называемый мутафлор, одну или две капсюли, принимаемые ежедневно в течение месяца после завтрака. Пищеварительная система Гитлера начала функционировать более нормально, экзема исчезла через шесть месяцев, и он начал поправляться. Фюрер был доволен. В сентябре он пригласил Мореля в качестве почетного гостя на партийное ралли, на котором Гитлер впервые после многих месяцев, избавившись от экземы, смог носить сапоги.

Употребление мутафлора не вызывало споров в медицинских кругах, но некоторые другие средства, прописанные Морелем, откровенно удивляли. Например, для облегчения проблем, связанных со скоплением газов в желудке, он выписал антигазовые таблетки д-ра Костера, от двух до четырех после приема пищи. Состав этих таблеток явился предметом больших споров во врачебной среде, и, быть может, их побочный эффект на Гитлера изменил курс истории.

Но в 1937 г. фюрер был благодарен за облегчение, приносимое ему лекарством. По его оценке, Морель являлся величайшим медицинским светилом в Третьем Рейхе, и в последующие восемь лет, несмотря на усиливавшуюся критику доктора по всей Германии, Гитлер не изменил своего мнения. Куда бы Гитлер ни ездил, туда же отправлялся и Морель. Чем больше таблеток давал ему Морель, тем счастливее Гитлер чувствовал себя. И он никогда не уставал говорить, что Морель – единственный человек, сдерживающий обещания. Морель сказал Гитлеру, что вылечит его в течение года, и выполнил сказанное. Гитлер не сознавал тогда, что лечение, принесшее вначале столь хорошие плоды, в конечном итоге будет способствовать его физическому краху.

...С именем Юнити Митфорд связано начало странной истории, детали которой до сих пор полностью не раскрыты. Юнити была английской аристократкой и близким другом Гитлера. Она с восторгом разделяла его идеи, преклонялась перед ним и стремилась помочь сближению между нацистской Германией и Англией. Когда 3 сентября 1939 г. Франция и Англия объявили войну Германии, она поняла тщетность своих усилий. Юнити Митфорд отправилась в мюнхенский парк – Английский сад и выстрелила себе в голову. Попытка самоубийства оказалась неудачной, но ранение привело к параличу нервной системы. Несколько месяцев английская поклонница фюрера находилась в бессознательном состоянии. Гитлер направил к ней лучших врачей, включая и Мореля, но все старания были безрезультатны. В конце концов, он договорился об отправке ее домой, в Англию через нейтральную Швейцарию.

Морелю поручили сопровождать неудачливую самоубийцу. Поездка в Швейцарию, состоявшаяся в декабре 1939 г., стала поворотным пунктом в жизни Адольфа Гитлера, хотя ни он, ни Морель не понимали этого.

После того, как Юнити Митфорд передали на попечение ожидавшего ее английского врача, Морель взял на несколько дней отпуск. Цюрих в то время кишел агентами всевозможных разведывательных служб, но он игнорировал этот факт. Тщеславный Морель решил: было бы неплохо, чтобы в швейцарских медицинских кругах узнали о том, что он – личный доктор Гитлера. Один из тех, кому он поведал об этом, немедленно связялся с Алленом Даллесом, уже активно включившимся в американскую разведывательную деятельность и часто посещавшим Швейцарию. Опасаясь, что Морель подозрительно отнесется ко встрече с американцем, Даллес послал к нему своего человека – бывшего полицейского офицера из Мюнхена, чтобы тот «подружился» с ничего не подозревавшим доктором. Этот немецкий агент американцев разузнал о таблетках (против скопления газов в желудке), прописанных Гитлеру и обнаружил, что Морель был заинтересован в открытии фирмы в Швейцарии, производящей данное лекарство. Мореля больше не удовлетворяла закупка со стороны: ему захотелось немного подзаработать. Даллес сумел организовать дело таким образом, чтобы его агент совместно с охваченным жадностью эскулапом открыли маленькую фармацевтическую фирму.

С первого дня действия новой компании началось и медленное отравление Гитлера. Дозы стрихнина, входившего в состав таблеток, постепенно увеличивались. Но только в конце 1944 г., когда у доктора Карла Брандта и доктора Эрвина Гизинга возникло подозрение, произвели анализ, и секрет был раскрыт. Однако Гитлер не поверил их заявлению и... оба бдительных врача попали в немилость.

Имелся, по крайней мере, еще один человек, не доверявший Морелю и относившийся с большим подозрением к нему. В интервью от 4 сентября 1948 г. мать Евы Браун, фрау Франциска Браун, в частности сказала:

> «Все ненавидели Мореля, и даже Ева пыталась избавиться от него. Она называла его шарлатаном. Я часто слышала, как Ева говорила фюреру, что инъекции Мореля отравляют его, но Гитлер не соглашался. Он всегда отвечал, что отлично чувствует себя после инъекций. По моему мнению, доктор Морель был британским агентом, который хотел, чтобы Гитлер не

мог реалистично думать и принимать правильные решения».

Фрау Браун была близка к истине. Морель являлся невольным орудием союзников. Его швейцарский «друг» американский агент, кроме стрихнина добавлял и атрофии. Когда он в дальнейшем встречался с Морелем в Швейцарии, то рекомендовал ему использовать и другие лекарства для лечения Гитлера. К 1944 г. Морель прописал 28 (!) медикаментов для фюрера. Некоторые из них принимались ежедневно, другие– только в случае необходимости… Постоянный прием лекарств в течение многих лет, поощряемый агентом из Цюриха, привел к нарушению психического баланса Гитлера…

Ева Браун как-то жаловалась:

«Я не верю Морелю. Он такой циник. Он проводит эксперименты над всеми нами, как будто мы подопытные кролики…»

…Уже к 1942 г. для его генералов и внутреннего круга было ясно, что с Гитлером произошли физические и психические изменения. Гиммлер больше не считал его нормальным и даже спрашивал своего личного врача, доктора Феликса Керстена, не полагает ли он, что фюрер психически болен.

Таблетки и инъекции Теодора Мореля медленно, но верно разрушали организм фюрера. Быть может, в «медикаментах» следует искать объяснение его многих иррациональных приказов, и ими объясняется утрата им связи с реальностью? И, кто знает, может быть, этот служитель медицины, соблазнившийся небольшим гешефтом, невольно сыграл роковую роль в жизни не только Адольфа Гитлера, но и всего Третьего рейха.

Окончательное решение еврейского вопроса

Под Эль-Аламейном и Сталинградом потускнела главная мечта Адольфа Гитлера: установление так называемого Нового Порядка. Он считал, что для осуществления этого порядка необходимо, прежде всего, избавиться от нежелательных элементов, главным образом, от евреев.

Вне всякого сомнения, Гитлер был юдофобом. Его можно обвинять в чем угодно, но только не в лицемерии и притворстве. Он выразил свои взгляды достаточно красноречиво, как в «Моей борьбе», так и в многочисленных выступлениях. Например, 5 ноября 1941 г. он сказал:

> «Еврей – воплощение эгоизма. Их эгоизм простирается так далеко, что они даже неспособны рисковать собственными жизнями ради защиты своих же интересов...
>
> Мы можем жить без евреев, но они не могут жить без нас. Когда европейцы поймут это, они одновременно осознают необходимость солидарности, соединившей бы их всех вместе. Еврейство препятствует этой солидарности. Оно существует исключительно благодаря тому, что этой солидарности не существует».

О планах в отношении еврейства фюрер заявил вполне откровенно 30 января 1942 г.:

> «Мы даем себе отчет в том, что эта война может закончиться либо гибелью арийских наций, либо исчезновением еврейства из Европы. 3 сентября я говорил в Рейхстаге – а я не люблю преждевременных пророчеств – и я сказал, что эта война не закончится исходом, который представляют евреи, т.е. угасанием арийских европейских наций. Результатом этой войны должно быть разрушение еврейства».

Гитлер, позаимствовавший идеологическую основу во многом от Хьюстона Чемберлена и Рихарда Вагнера, неоднократно утверждал несовместимость интересов еврейства и арийских европейских наций. Кроме того, для него еврей всегда ассоциировался с носителем враждебной ему коммунистической идеологии. Однако в некоторых случаях он был склонен чуть ли

не отрицать собственные убеждения. Так, лауреату Нобелевской премии Максу Планку он говорил:

> «Я ничего не имею против евреев, как таковых. Но евреи же поголовно коммунисты, а эти господа – мои враги, против которых я борюсь… все евреи держатся друг за друга, как буквы в алфавите… Это зависит от самих евреев – провести различительную черту в своих рядах. Но они не делают этого, и, следовательно, мне не остается ничего другого, как бороться без разбора против всех евреев».

В высказываниях Гитлера по еврейскому вопросу, сделанных им в разное время, можно, конечно, отыскать предостаточно противоречий, но безусловно одно: он хотел вынудить евреев уйти из Европы. Именно в этом он усматривал окончательное решение. Некоторые же историки, в основном, из талмудистов и состоящих у них на содержании, ничтоже сумняшеся утверждают, что Гитлер стремился к физическому уничтожению европейского еврейства. Однако серьезный английский историк Дэвид Ирвинг, потративший годы и немалые средства и имевший доступ к архивным материалам разных стран, не согласен с ними. Его аргументированное мнение по этому вопросу систематически заглушается хорошо оплачиваемыми крикунами о так называемом уничтожении (холокосте). Тем не менее, иногда ему все же удается выступить с лекциями перед аудиторией, желающей знать правду и не довольствующейся жвачкой, преподносимой еврейской мировой прессой. К сожалению, русский читатель совершенно не знаком с работами Ирвинга. Считая нужным хоть в какой-то степени восполнить этот пробел, обширно процитирую одно из выступлений английского исследователя. Выступая 31 марта 1986 г. в Ванкувере, Канада, он, в частности, сказал своим слушателям следующее:

«На нашей стороне были крупнейшие лжецы, и, вне всякого сомнения, мы продолжали лгать и после окончания войны. Маховик пропаганды, как известно, очень трудно остановить… Те, кто лгал в годы войны, т.е. наши господа политики, во многих случаях продолжали оставаться на своих постах и в дальнейшем. Они говорили: „Радуйтесь, ребята, мы одержали блестящую победу над самим дьяволом во плоти…“ Но то, что хорошо для пропагандистов, не всегда годится для историков. К сожалению, больше таких историков, которые заинтересованы в удержании теплых мест и в делании карьеры, чем в установлении и утверждении истины.

По окончании войны, разумеется, мы позаботились о

подготовке соответствующих историков в Германии… Когда студенты приходят в университет, им первым делом дается список необходимых книг. Профессор, обращаясь к ним, говорит: „Вот вам список из 20 книг о господине Адольфе Гитлере. Будьте любезны прочесть их“. Еще до этого, понятно, им так заморочили голову, что они не способны самостоятельно думать и, скажем, попытаться найти решение некоторых величайших логических проблем, поставленных всем нам второй мировой войной. Например, если мы противостоим русским теперь, почему мы не сражались с ними тогда и т.д. и т.п.

Большие логические вопросы остаются без внимания только потому, что студенты боятся расспрашивать своих профессоров, ибо отлично знают, что тех, кто прежде всего ищет правды, ожидают разные неприятности, и карьеры им не сделать… Но случается, что находятся болваны, которые вопреки всему пытаются доискаться до истины. Один из таких болванов – я сам.

Припоминаю, как мне довелось выступать перед студентами в Бонне 3 года назад… Они привыкли иметь дело с книгами, написанными по известным образцам. У меня же в руках оказалась копия подлинного документа. Это был листок из блокнота Рудольфа Гесса, заместителя фюрера. Дата – 10 ноября 1938 г., т.е. та самая Хрустальная ночь. Там было всего три строчки, составлявшие «Указ 72 Блитцкрига 1938», адресованный ведущим деятелям нацистской партии по всей Германии. Случилось так, что только в середине той ночи Гитлер узнал о происходившем в стране, о том, что горели синагоги и были разбиты витрины тысяч магазинов, многие евреи убиты. Эта кровавая оргия пронеслась по всей Германии, а он узнал о ней только в 2 часа ночи.

Он созвал своих министров и сказал им: „Ради Бога, прекратите“. В результате последовали телеграммы и обращения. Один из такого рода документов, подписанный Рудольфом Гессом, я и показывал студентам в Бонне. Это был приказ, исходящий из самой высокой инстанции, гласящий совершенно недвусмысленно, что при всех обстоятельствах, любой ценой нужно остановить акции, направленные против еврейской собственности и еврейской общины. Когда я показал этот документ, наступило гробовое молчание. Как будто всю аудиторию в Бонне поразила молния! Я сказал им: „Вы удивлены, почему произошло так, что я пришел к вам спустя более 40 лет после события, и я, английский историк, говорю вам вещи, о которых ваши собственные историки, ваши собственные учителя и профессора никогда не упоминали. Этот документ показывает совершенно ясно, что Адольф Гитлер делал все, что было в его

силах, чтобы остановить безумие, вспыхнувшее той ночью. А вам говорили совершенно противоположное. И вы должны спросить ваших профессоров, по какой из двух причин они не упоминали этот документ. Первая – они не знали о его существовании. В таком случае они просто не соответствуют званию профессор и не могут преподавать историю. Вторая причина более отвратительного характера и более правдоподобная: они знали об этом документе, но всячески скрывали его, ибо он противоречит общепринятой современней версии интерпретации истории Германии. Опять-таки, по моему мнению, такие люди не годятся для преподавания истории и не заслуживают права называться историками“. С того момента, как я сказал все это, у меня не было проблем со студентами – они внимательно слушали меня более часа. Я же рассказал и о множестве других аналогичных документах из ранних лет нацизма.

Я недавно читал и перечитывал все 4000 страниц процесса Гитлера и его сообщников по Пивному путчу, знаменитому путчу 1913 г. Я не мог поверить своим глазам, когда читал показания одного полицейского чина, присутствовавшего в мюнхенской пивной в ту ночь. Этот полицейский показывал: „Я стоял рядом с герром Гитлером, когда вошел какой-то человек и сообщил, что нацисты ворвались в еврейскую, лавку где-то в Мюнхене в ту ночь 1923 г. И фюрер приказал, чтобы все эти люди были наказаны и немедленно исключены из нацистской партии, и чтобы они никогда не могли вступить в нее вновь“. Это произошло в 1923 г., и я совершенно случайно наткнулся на приведенное показание. Но с той поры и до 1944 г. и даже дальше, все достоверные документы свидетельствуют лишь об одном: Гитлер неизменно протягивал свою руку для защиты евреев.

Опять гробовое молчание. Еще бы: это представляется непостижимым. Нам всем так прочистила мозги еврейская пресса, что мы искренне верим: все происшедшее с евреями, было тщательно продуманной государственной операцией, направленной на 100%-ное безжалостное уничтожение каждого еврея на земле. Та же мысль, что человек, находившийся на самой вершине власти, неизменно защищал их, в наши дни представляется совершенно непостижимой. Действительно, всякий раз, как я говорю об этом, на меня обрушивается непрерывный поток непристойнейших оскорблений. И каждый раз, сталкиваясь с этими оскорблениями и пытаясь сохранить приятную улыбку на лице, я говорю своим оскорбителям: „У меня в кармане тысяча фунтов стерлингов. Они принадлежат любому из вас, кто сумеет отыскать хотя бы один документ, один документ военного времени, показывающий, что Адольф Гитлер

знал о происходившем в Освенциме и Треблинке и во всех других так называемых лагерях истребления. Я знаю, что вам не удастся отыскать подобный документ“.

В течение 10 лет я выступал с подобным предложением. Я обращался с ним по телевидению в Англии, Америке и чуть ли не во всем мире. И никто не продемонстрировал хотя бы единственный документ. Не могут. Однажды А.Д.Р. Тейлор (крупнейший английский историк XX века – В.П.), выступая по телевидению, заявил, что мистеру Ирвингу должно быть стыдно обращаться с такого рода предложением. Неблагородно, сказал он, обращаться таким образом и обещать тысячу стерлингов. Историкам надлежит работать с помощью иных средств. На это я ответил ему: „Что ж, может быть, вы и правы, но вас должен приводить в смущение и тот факт, что никто из историков не в состоянии доказать, что я заблуждаюсь в отношении одного из самых значительных вопросов, возникших после Второй мировой войны“. Была ли эта трагедия? Каких размеров она достигла? И если она произошла, кто отдал приказ? Они не могут предъявить даже один документ, подтверждающий, что Гитлер знал о происходившем...

Наоборот, скорее можно найти подтверждение противоположному. Например, 30 ноября 1941 г. Гиммлер, глава СС, отправился на прием к Гитлеру в его бункер. Я – единственный историк, взявший на себя труд прочесть записи телефонных разговоров Гиммлера. Они написаны от руки по-немецки, вот поэтому-то немецкие историки не используют их... они предпочитают читать отпечатанные тома документов, ибо это легче. В этих томах имеются всякие сноски, интересные фотографии, часто изображающие жестокости и зверства. Историки не считают нужным беспокоить себя знакомством с записями личных телефонных разговоров Генриха Гиммлера, сделанных в годы войны. Они не утруждают себя их прочтением, ибо они сделаны от руки, не слишком разборчивым почерком.

Но в тот особенный день, 30 ноября 1941. мы обнаруживаем, что Гиммлер звонил Гейдриху, шефу гестапо, из бункера Гитлера в 1:30 дня относительно определенных поездов с евреями, покидающих Берлин. В этом разговоре есть такие слова: „не ликвидировать, не должны быть ликвидированы“. Что случилось? Ответ, согласно моей гипотезе, в том, что Гиммлер отправился к Гитлеру и сказал ему: „Мой фюрер, поезда с евреями покидают Рейх и пределы оккупированных территорий, как вы приказали“, – потому что Гитлер отдал четкий приказ о транспортировке евреев. Он приказал вымести их с Запада на Восток – из Германии, Франции, Бельгии, Голландии и других

западных стран, подобно тому, как кто-то выметает щеткой муравьев со своего двора. Именно так он предвидел эту операцию, большую очистительную операцию. Он отдал приказ об ее исполнении, и потому Гиммлер идет к нему и докладывает: „Мы начали транспортировку, но это весьма дорогостоящая операция, особенно, принимая во внимание ситуацию на Восточном фронте. Москва в осаде, у нас критическое положение под Москвой и нам дозарезу нужен каждый поезд для перевозки оружия, боеприпасов и людей. Не можем ли мы избавиться от евреев каким-нибудь другим образом?“ И он намекает на ликвидацию, а Гитлер отвечает ему: „Об этом не может быть и речи“.

Итак, решение принято: ликвидации не должно быть. Гиммлер повторяет распоряжение Гейдриху: не убивать евреев. Но... к тому времени, когда сделан телефонный звонок с этим распоряжением, они уже убиты. Я знаю точно, что произошло с одним поездом, груженным евреями. Он прибыл в Ригу утром, и ко времени телефонного звонка эти 5000 евреев лежали во рву в восьми километрах от Риги. Я знаю об этом точно. Что же интересует меня больше всего, как биографа Гитлера, так это факт, что его приказ был проигнорирован. Постепенно начинает вырисовываться портрет довольно слабого и неэффективного диктатора, который блистательно сражался на Восточном фронте, часто поражая даже собственных генералов, но который не интересовался или, может быть, у него не хватало времени интересоваться тем, что случилось в конце гигантского изгнания евреев из Европы, приказанного им самим. Вот какая вырисовывается картина.

Я неоднократно подвергался нападкам. Историки говорят: „Ирвинг нашел один ключевой документ. Он строит на нем всю гипотезу“. Но обнаруживается все больше и больше ключевых документов, подтверждающих эту гипотезу. Например, 20 апреля 1942 г., в день рождения фюрера, Гиммлер вновь посещает Гитлера и опять звонит из бункера тому же самому Гейдриху и говорит: „Не ликвидировать цыган“. Но их уже ликвидировали, и те из них, кто остался в живых, попали громадный финансовый иск на том основании, что их уничтожали по приказам Гитлера. Однако имеется запись, сделанная собственноручно Гиммлером и указывающая на то, что Гитлер был против происшедшего. Такого рода документы обнаруживаются до 1944 г. ...Мною найдена запись телефонного разговора, принадлежащая Гансу Леммерсу, являвшимся главой германской гражданской службы. Это была очень высокая должность. Так вот, Леммерс звонит в министерство иностранных дел и говорит: „Фюрер приказал

(приказ направлен в министерство юстиции) и неоднократно говорил мне, что хочет отложить решение еврейского вопроса до окончания войны“.

Что вы на это скажете? Как можно игнорировать существование документа, говорящего о том, что Гитлер хотел отложить решение еврейской проблемы? К сожалению, мы знаем, как немецкие историки отнеслись к этому документу. Они положили его под сукно и надеются, что никто не узнает о нем. Но нельзя писать историю подобным образом. Это подлинный документ, как и другие, цитировавшиеся мной. И если вы хотите сказать историческую правду, нужно не прятать документы, а находить им объяснение...

Вырисовывающаяся картина ясно и безошибочно свидетельствует, что Адольф Гитлер – человек, против которого мы сражались, был определенно против решения еврейской проблемы в том смысле, в каком мы понимаем теперь. Он хотел отложить решение до окончания войны, и мы знаем, что бы он сделал тогда. Он вернулся бы к своему старому, излюбленному им мадагаскарскому варианту: посадить всех европейских евреев на суда и отправить их на остров Мадагаскар. Там они могли бы жить вполне счастливо: ведь нет соседних государств, которые их стращают, да и им бы не пришлось бы никого пугать. Они оказались бы в таких же условиях, как и люди, живущие в Англии, Новой Зеландии или Австралии».

Можно, разумеется, не соглашаться с гипотезой, выдвинутой Дэвидом Ирвингом. Но можно ли опровергнуть ее, если сойти с уровня эмоций и предвзятостей и основываться лишь на строго документальных данных?

Заговор 20 июля

На рассвете 20 июля 1944 г. полковник Клаус фон Штауфенберг проезжал по пострадавшим от бомбежек улицам Берлина. Он направлялся в штаб-квартиру фюрера, где в час дня ему надлежало сделать доклад о формировании новых дивизий.

Портфель полковника распирало от множества бумаг, между которыми, завернутая в рубашку, была припрятана бомба. Штауфенберг нисколько не сомневался, что она разорвет Гитлера на куски, и тогда начнется новая эра в жизни Германии.

Небольшая группа офицеров в Берлине разделяла его взгляды. После смерти диктатора они намеревались захватить столицу, объявить нацистский Рейх свергнутым и добиваться мирного соглашения. Лидерами этой группы были фельдмаршал Эрвин фон Витцлебен и генерал Людвиг Бек, бывший глава генштаба. Генералы и их сообщники отдавали себе отчет в том, что война проиграна. Убрав же Гитлера, они надеялись заключить мир на более сносных для их страны условиях.

В течение года после катастрофы при Сталинграде и Эль-Аламейне дела нацистов непрерывно ухудшались. Почти ничего не осталось от их потрясающих побед в первые годы войны.

К лету 1944 г. оказались потерянными половина Италии и почти вся Россия. За шесть недель до попытки Штауфенберга покончить с Гитлером англо-американские войска высадились в Нормандии. Они продвигались в направлении Парижа, и возникла реальная угроза того, что немцам придется уйти из Франции.

В Берлине, как и в большинстве других больших городов Германии, стали заметны следы англо-американских бомбардировок. Военно-воздушные силы Соединенных Штатов бомбили в течение дня, а британцы проводили налеты ночью. Как отмечал Уильям Ширер:

«Немцы заплатили в стократном размере за бомбежки, инициаторами которых они являлись: за Варшаву и Роттердам, за Лондон и Ковентри».

Некогда грозные германо-итальянские войска, наводившие ужас на всю Европу, производили теперь довольно жалкое впечатление. Бенито Муссолини был свергнут. Когда вечером 25 июля 1943 г. он прибыл во дворец короля в Риме, его арестовали и в машине скорой помощи доставили в полицейский участок.

Гитлер чувствовал, что неумолимо приближается день, когда доберутся и до него. Чего еще можно было ожидать после падения Муссолини? Фюрер понимал, что нельзя сидеть, сложа

руки. Он решил предпринять самые эффективные меры, чтобы спасти своего верного союзника дуче. Он приказал немецким силам в Италии: «Займите Рим и арестуйте все итальянское правительство! Взять короля и его прихвостней! Арестовать наследника и всю банду. Посадить их всех в самолет и покончить со всеми ними!»

Один из генералов спросил Гитлера о том, какой линии следует придерживаться в отношении Ватикана, расположенного в самом центре Рима. Последовал ответ:

> «Войти прямо в Ватикан. Неужели вы думаете, что я буду трепетать перед Ватиканом? Мы захватим его немедленно. Весь дипломатический корпус там. Этот сброд! Мы вытащим всех этих свиней оттуда. Впоследствии, быть может, и извинимся».

Железная воля и решимость Гитлера достигли цели. 8 сентября, в день сдачи Италии западным союзникам, немецкие войска разоружили итальянцев и практически без единого выстрела заняли чуть ли не всю Италию. Продвижение англо-американцев было приостановлено.

Но дерзость нацистов не ограничилась этим: смелая акция, проведенная коммандос во главе с Отто Скорцени, привела к освобождению Муссолини, которого без промедления отправили в Германию.

Решительные действия в Италии помогли в какой-то степени Гитлеру в восстановлении былого авторитета и престижа. Однако во всех остальных странах положение продолжало ухудшаться. К середине лета 1944 г. русские уже подошли в границе Германии на востоке, и было ясно, что это вопрос лишь нескольких недель, когда англо-американские войска под командированием Эйзенхауэра подойдут к немецкой границе с запада. Ради спасения Фатерланда, по мнению некоторых генералов, необходимо было избавиться от Гитлера.

В 1943 г. группа армейских офицеров сделала несколько попыток убить Гитлера. 13 марта они почти добились желаемого. Генерал фон Тресков сумел подложить бомбу в самолет Гитлера. Но механизм не сработал, и взрыва не произошло. Переворот в Берлине, который намечалось произвести при получении известия о гибели Гитлера в «воздушной катастрофе», пришлось отменить.

Но идея устранения фюрера продолжала существовать. К середине лета 1944 г. антинацистские заговорщики были готовы к нанесению удара. Они понимали, что откладывать больше нельзя.

15 июля фельдмаршал Роммель, командовавший тогда

армиями, противостоявшими силам противника на Западе, писал Гитлеру: «Неравная борьба подходит к концу». Он требовал покончить войну незамедлительно. Одному из своих генералов Роммель сказал в те дни: «Я даю Гитлеру последний шанс. Если он не воспользуется им, мы будем действовать».

Полковник фон Штауфенберг, несший в портфеле бомбу, предназначавшуюся для Гитлера, принадлежал к семье, отличавшейся славными юнкерскими традициями. Талантливый офицер, он был также поэтом и музыкантом. Год назад, в 1943 г., он подорвался на американской мине в Тунисе, в результате чего потерял левый глаз, правую руку и два пальца на другой руке. Это увечие, разумеется, вызывало определенные затруднения в обращении с устройством бомбы, но Штауфенберг был уверен в себе.

Бомба английского производства во многом походила на ту, которую в предыдущем году фон Тресков подложил в самолет фюрера. Она не имела часового механизма и устанавливалась совершенно бесшумно.

Штауфенберг прибыл в штаб-квартиру в Растенбурге (Восточная Пруссия) перед самым полуднем 20 июля. После краткого разговора с фельдмаршалом Кейтелем он извинился и вышел в туалет. Там он открыл свой портфель и щипцами разорвал капсулу бомбы. Через 10 минут, если не случится ничего непредвиденного, произойдет взрыв.

Ежедневная конференция фюрера с военачальниками уже началась, когда Штауфенберг в сопровождении Кейтеля вошел в маленький зал, на одной из стен которого висела карта. Фюрер сидел в центре стола, вокруг него стояло с десяток офицеров. Штауфенберг поставил портфель под стол, рядом с массивной дубовой ножкой. Таким образом, бомба находилась в двух метрах от Гитлера.

Верховный главнокомандующий вежливо поприветствовал увечного полковника и сказал, что выслушает его доклад сразу же после того, как закончится обсуждение ситуации на русском фронте. Пока один из генералов высказывал свои соображения, Штауфенберг прошептал на ухо стоявшему около него полковнику Брандту, что отойдет на несколько минут, чтобы позвонить по важному делу. Он незаметно вышел за дверь.

И в этот момент, сам того не понимая, Брандт сделал поистине судьбоносное движение. Обнаружив, что портфель Штауфенберга мешает ногам, он нагнулся и переставил его по другую сторону тяжелой подставки стола. Теперь эта внушительная дубовая плита отделяла бомбу от Гитлера. Невинное движение Брандта спасло жизнь фюреру, но ему

самому пришлось поплатиться своей собственной.

До взрыва оставались считанные минуты. Кейтель с явным раздражением заметил исчезновение молодого полковника. Ему захотелось выяснить причину столь странного поведения. Не выдержав, он вышел буквально на цыпочках. У телефона Штауфенберга не оказалось. Секретарша сообщила, что одноглазый и однорукий офицер очень спешил покинуть здание. Озадаченный и ничего не понимающий Кейтель возвратился назад. Генерал, докладывавший о положении на русском фронте, заканчивал свой отчет. Штауфенберг должен был выступать после него. Кейтель пребывал в полном замешательстве из-за его неожиданного и ничем не объяснимого отсутствия. Но скоро ему все стало ясно.

Ровно в 12 часов 42 минуты произошел взрыв. Штауфенберг, находившийся на расстоянии 200 метров, увидел огонь и клубы дыма, поднимавшиеся над гитлеровским конференц-залом. У него не было ни малейшего сомнения в том, что Гитлер и все остальные убиты. Он помчался в ближайший аэропорт, где сел в самолет, летевший в столицу. Покончив с фюрером, считал он, необходимо теперь осуществить военный переворот в Берлине.

Но бомба не убила Гитлера, а лишь слегка ранила. Прочная дубовая ножка спасла ему жизнь. Вопреки всему он был жив и полон энергии.

Всего несколько часов спустя Гитлер принимал Муссолини. Показав своему старому соратнику развалины конференц-зала, он рассказал о случившемся: «Я стоял здесь, у этого стола, и бомба разорвалась чуть ли не под моими ногами...» Затем он заключил: «Совершенно ясно, что меня хранит судьба. Я должен свершить предназначенное мне свыше».

К пяти часам вечера того же дня Гитлеру стало известно о бунте военных в Берлине. Против него восстали также и некоторые офицеры в Париже.

Во время вечернего чая один из присутствующих заговорил о расправе со штурмовиками Рема 30 июня 1934 года – о ночи «длинный ножей.» Это воспоминание привело фюрера в состояние крайнего возбуждения. Багровый от гнева, он сказал собравшимся о том, как намерен поступить со своими теперешними врагами: «Я отправлю их жен и детей в концентрационные лагеря, никому не будет пощады.»

Возмездие было облегчено провалом обоих мятежей, как в Берлине, так и в Париже. Прибыв в Берлин, Штауфенберг попытался захватить столицу и объявить нацистский режим низложенным. Однако сообщение о том, что Гитлер остался в живых, вызвало колебания и разногласия в офицерской среде. К

полуночи бунт был подавлен. Что же касается самого Штауфенберга, его расстреляли поздним вечером того же многособытийного 20 июля, поставив к стенке во дворе военного министерства.

В час ночи 21 июля вся Германия услышала хриплый и дрожащий голос Гитлера, обратившегося к немецкому народу по радио. Он сказал, что «преступление, невиданное в германской истории», завершилось полным провалом.

«Ничтожная клика амбициозных, безответственных и бездарных офицеров замыслила заговор, ставивший целью уничтожить меня... Бомба, установленная полковником Фон Штауфенбергом, взорвалась в двух метрах от меня. Она серьезно ранила несколько моих верных и лояльных соратников, один из которых скончался. Я сам остался совершенно невредим, если не считать незначительных царапин и ожогов. Я считаю это еще одним подтверждением миссии, возложенной на меня Провидением».

Гитлер закончил выступление по радио обещанием «свести счеты» с врагами. Надо заметить, что он сдержал свое слово. Тысячи лиц, заподозренные в нелояльности, как военных, так и гражданских, были осуждены на смерть. Главарей заговорщиков истязали в тюрьмах, где их вынуждали «чистосердечно признаться и покаяться». После чего проводились показательные процессы, вершившиеся «народным судом», на которых, как правило, выносились смертные приговоры.

Среди повешенных оказался фельдмаршал фон Витцлебен. Фельдмаршалы фон Клюге, Роммель и генерал Бек избежали жестокой мести Гитлера, покончив самоубийством. Роммелю за его прежние выдающиеся заслуги был предложен выбор: самоубийство или процесс по обвинению в измене. Он предпочел убить самого себя, чем быть повешенным.

Это вовсе не помешало Гитлеру публично объявить, что легендарный полководец умер геройской смертью в результате ранений, полученных в Нормандии. Он послал и телеграмму вдове Роммеля: «Примите мои искреннейшие соболезнования в связи с понесенной вами тяжелой утратой – смертью вашего мужа».

Чудом избегнув смерти и жестоко подавив армейский бунт, Гитлер, тем не менее, никогда полностью не оправился от событий 20 июля 1944 г. Генерал Гудериан вспоминал:

> «Он никому больше не верил. Все мучительнее становилось говорить с ним о делах. Положение ухудшалось с каждым месяцем. Он часто терял

самоконтроль и впадал в неописуемый гнев. В его интимном окружении никто не обладал сдерживающим влиянием».

Несмотря на заметное физическое и психическое расстройство, Гитлер сохранял колоссальную силу воли. Только благодаря его невероятной, поистине нечеловеческой силе воли истощенная и сломленная Германия могла сопротивляться мощному напору противника, действовавшего с востока и запада.

Агония войны затянулась еще на год.

Крушение

В конце августа 1944 г. для немецкого генералитета стало ясно, что война проиграна. В середине того же месяца русские армии подошли к границе Восточной Пруссии, к Варшаве и основательно продвинулись на Балканах. Германия лишилась своих союзников: Финляндия сдалась, Болгария объявила о выходе из войны, а Румыния – основной источник нефти Третьего рейха – оказалась захваченной русскими войсками.

На Западном фронте дела складывались не лучше. 25 августа американцы вэшли в Париж и начали продвижение к германской границе. Только во Франции немцы потеряли миллион человек и неисчислимое количество танков, артиллерийских орудий и автомашин. У них практически не оставалось никаких средств для защиты Фатерланда.

– С моей точки зрения, – заявит позже фельдмаршал фон Рунштадт, командовавший немецкими силами на западе, – война закончилась в сентябре.

Но не для Гитлера. В последний день сентября он объявил:

> «Если нас вынудят, мы будем сражаться на Рейне. Мы продолжим битву до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, один из наших врагов слишком устанет и откажется от дальнейшей борьбы. Я живу только для того, чтобы руководить этой борьбой...»

Находясь в таком боевом настроении, Гитлер предпринял последние отчаянные шаги. Он собрал остававшиеся людские резервы и вооружение с целью атаковать американцев там, где их позиции представлялись наиболее слабыми – в Арденнских лесах, на границе между Бельгией и Германией.

Немецкие генералы весьма скептически отнеслись к возможности успеха. Они больше не верили в военный гений фюрера. Теперь они видели в нем лишь больного, сломленного человека. Один из них вспоминал позже о том, как выглядел нацистский вождь в ночь на 12 декабря 1944 г., когда он отдавал приказ атаковать американцев:

> «Гитлер был сгорбленной фигурой с бледным опухшим лицом. Его руки тряслись. Когда ходил, заметно хромал. Больной человек...»

Возможно, что он выглядел больным. Однако его речи, как

всегда, поражали пылкостью и уверенностью. Фюрер продолжал убеждать своих генералов в неизбежности победы: «Еще несколько ударов, и с американцами будет покончено.»

На рассвете 16 декабря 1944 г., немецкие войска атаковали американцев в Арденнах. Они прорвали укрепление противника и начали продвигаться вперед. Однако американцы вскоре пришли в себя, и уже к Рождеству выяснилось, что план Гитлера провалился. В середине января 1945 г., всего через месяц после неожиданной атаки, немцам пришлось отступить на прежние позиции.

Затем русские ударили на востоке. Они предприняли крупнейшее наступление за весь период войны. Немцы были вынуждены уйти из Восточной Пруссии. Была освобождена Польша. К концу января русские войска под командованием маршала Жукова вышли на Одер. Они находились в каких-нибудь 100 километрах от Берлина.

Самым же катастрофическим для Третьего Рейха явилось то, что силезский индустриальной бассейн вблизи польской границы также оказался в руках врага. Основной промышленный район Германии – Рур, расположенный на западе, лежал в руинах после англо-американских бомбардировок. Потеря Силезии повергла Гитлера в глубочайшее уныние: страна больше не могла производить оружие, необходимое для продолжения борьбы.

«Война проиграна!» – заявил фюреру министр вооружений Альберт Шпеер, предъявив ему красноречивые цифры и факты.

Ощущение неминуемости поражения пришло и к Гитлеру. По своему обыкновению он перекладывал вину на других.

«Если немецкому народу придется уступить в схватке с врагом, это будет означать, что он оказался чересчур слабым. ...в таком случае ему суждено погибнуть».

Напряжение тяжелых военных лет заметно подорвало здоровье фюрера. Почти на всех, кто видел его в конце 1944 – начале 1945 гг., он производил впечатление физического и психического инвалида. В сентябре 1944 года Гитлеру пришлось провести несколько дней в постели. В ноябре, когда захлебнулось наступление противника на Восточном и Западном фронтах, он почувствовал себя значительно лучше. В 1945 же году каждый день приносил катастрофические известия с обоих фронтов, и вспышки его гнева приобрели откровенно истерический характер. Генерал Гудериан описывает одну из таких сцен:

«Он стоял передо мной со сжатыми и поднятыми вверх кулаками, со щеками, пылающими от гнева, весь дрожащий. Его всего переполняла ярость, он забыл о всяком самоконтроле... глаза же, казалось, вот-вот выскочат из орбит, набухшие вены

выпирали из висков».

Пребывая в сокрушенном физически и духовном состоянии, Гитлер отдает один из важнейших приказов в своей жизни. В конце марта 1945 г. русские войска и их западные союзники стали продвигаться навстречу друг другу, намереваясь встретиться в самом центре Германии. В эти дни, для того, чтобы врагу ничего не досталось, он отдает приказ о разрушении не только индустриальных точек, но и запасов продовольствия и одежды. «Все должно быть разрушено...» Если ему суждено погибнуть, то такая же судьба постигнет и весь немецкий народ.

Альберт Шпеер был одним из немногих официальных лиц Третьего Рейха, осмелившихся противодействовать безумному диктатору. Он сказал ему, что никому не дано права уничтожать германский народ.

– Мы должны сделать все возможное, – настаивал Шпеер, – чтобы поддержать хотя бы в самом примитивном виде основу для существования нации.

Но Гитлер, если судить, по крайней мере, по словам того же министра вооружений, больше не интересовался судьбами народа, в безграничной любви к которому клялся бесчисленное множество раз раньше. На Нюрнбергском процессе Шпеер приписывал ему следующее высказывание: «Если война проиграна, народ также должен погибнуть. Такая судьба неизбежна... Нет никакой необходимости заботиться о поддержании примитивного существования. Скорее наоборот, будет лучше разрушить все, ибо эта нация оказалась слабой. Будущее же принадлежит полностью сильнейшей восточной нации (Россия). Кроме того, после сражений в живых остались лишь неполноценные существа. Лучшие люди были убиты.»

Если Гитлер действительно думал подобным образом, то он хотел, чтобы после войны Германия осталась навсегда в руинах. Однако, как известно, в тот критический момент Шпеер и некоторые другие высокопоставленные деятели Третьего Рейха отказались повиноваться фюреру. К тому же, вражеские войска продвигались настолько быстро, что даже фанатичные нацисты, продолжавшие быть верными диктатору, не имели достаточно времени для осуществления разрушительных операций.

1 апреля 1945 г. американские войска заняли Рур, окружив там двадцать одну немецкую дивизию. 11 апреля они уже вышли на Эльбу около Магдебурга, всего в 50 километрах от германской столицы.

16 апреля русские армии под командованием Жукова перешли Одер и устремились к Берлину. Они достигли его предместий 21 апреля.

Дни Гитлера были сочтены.

Последние дни Адольфа Гитлера

Свой день рождения, 20 апреля 1945 г., фюрер намеревался провести в Бертесгадене. Именно оттуда, с альпийских вершин, хотелось ему руководить последней битвой за спасение Третьего Рейха. Однако он замешкался, и пока его одолевали различные сомнения, стало уже невозможным выбраться из железных тисков окружения.

Ева Браун, самоотверженно преданная Гитлеру на протяжение 30 лет, прибыла в Берлин 15 апреля, чтобы разделить с ним его судьбу. Надо сказать, что они не слишком часто встречались в течение пяти лет войны. Гитлер систематически отказывал ей в посещении разных штаб-квартир, в которых он, в основном, обитал все это время. Она же почти безвыездно жила на вилле в Бертесгадене.

Шофер фюрера Эрик Кемпка писал о Еве Браун:

> «Она была самой несчастной женщиной во всей Германии. В ожидании Гитлера она провела большую часть своей жизни».

20 апреля, его день рождения, прошел довольно спокойно, несмотря на то что с фронта продолжали поступать плохие новости. С поздравлением явились многие из старых соратников. Среди них были: Геринг, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, адмирал Карл Дениц, генералы Кейтель и Йодль...

Во время празднования дня рождения, прошедшего в бомбоубежище, Гитлер поразил собравшихся странной и ничем не объяснимой уверенностью в конечном успехе. «Русские, находящиеся у ворот города, – говорил он, – непременно будут отброшены и... уберутся восвояси.»

На следующий день фюрер отдал приказ о контрнаступлении в южных предместьях Берлина. «Каждого, кто осмелится ослушаться меня, – угрожал он, сам находясь на волосок от гибели, – ждет неизбежная смертная казнь...»

Весь следующий день Гитлер лихорадочно ждал сообщений с фронта. Это ожидание, совершенно бессмысленное, еще раз наглядно демонстрирует потерю им всякого контакта с реальной действительностью. Разумеется, никакой контратаки не было: никто из военных и не думал уже о приказах того, кто окончательно погружался в мир собственного больного воображения.

В три часа дня 22 апреля в подземном бункере

рейхсканцелярии, куда переместилась штаб-квартира, состоялось заседание высших военных чинов. Гитлер упорно вопрошал о результатах приказанного им контрнаступления. Никто из генералов, естественно, не мог ничего сказать ему об этом, зато у них были другие новости: русские танки на севере прорвали оборону и уже вошли в пределы самого Берлина.

Услышав сие сообщение, Гитлер, как вспоминают оставшиеся в живых свидетели, полностью утратил даже намек на самоконтроль. Он пришел в бешеную ярость и начал истошно орать на всех присутствовавших. «Это конец, – вопил он, сотрясаясь от гнева, – кругом изменники, лжецы и трусы. Все предали меня...» Когда же, отбушевав, нацистский диктатор пришел в себя, он замолк на несколько минут, а затем объявил, что останется в Берлине до конца. После чего был вызван секретарь, которому Гитлер продиктовал краткое заявление для прочтения по радио. Фюрер, – отмечалось в этом заявлении, – останется в столице, чтобы защищать ее до последней капли крови.

В тот же вечер он приказал генералам Кейтелю и Йодлю, своим самым верным людям в армии, покинуть город и направиться на юг, чтобы принять на себя командование остатками германских вооруженных сил. Однако исход войны уже не вызывал сомнений и у него самого. Он отлично знал, что русские и американцы неумолимо движутся по направлению к Эльбе, где, встретившись, они разрежут Германию надвое и изолируют его в Берлине.

Высокопоставленный эсэсовский офицер Готтлоб Бергер видел фюрера в тот грозный, штормовой вечер 22 апреля. Позже он рассказывал, что Гитлер выглядел «сломленным, конченым человеком». Когда Бергер принялся превозносить его за то, что он остался в Берлине, Гитлер в ответ закричал: «Все обманывали меня, никто не говорил мне правды!» «Он продолжал и продолжал, все выше поднимая голос, – вспоминал Бергер. – Его лицо стало бурокрасным, и я думал, что его может хватить удар в любую секунду.»

В поздний час того же вечера 22 апреля генерал Эккарт Кристиан в телефонном разговоре из бункера сообщал: «Конец. Гитлер сокрушен!»

На следующий день рейхсмаршал Геринг нанес еще один удар сломленному фюреру. Геринг, как Гиммлер и Риббентроп, исчезли из Берлина в ночь дня рождения Гитлера: никто из них не хотел быть захваченным русскими. Геринг отправился в Бертесгаден. Оттуда 23 апреля он послал фюреру радиограмму, в которой, указывая на то, что вождь оказался отрезанным в

столице, предлагал взять на себя функции правителя Германии. Геринг прибавил, что если ответ не поступит в течение ночи, это будет означать недееспособность Гитлера, и потому ему придется принять бразды правления.

Получив послание от Геринга, нацистский вождь буквально задохнулся от возмущения. Свидетели из приближенных к нему вспоминают:

«Геринг предал не только меня, но и Фатерланд! – кричал Гитлер. – За моей спиной он установил контакт с врагом! Вопреки моим приказам он отправился спасать себя в Бертесгаден. Оттуда осмелился послать мне этот дурацкий ультиматум! Ни совести, ни чести.»

Гитлер приказал немедленно арестовать Геринга за измену. Однако справедливости ради стоит сказать, что дородный главнокомандующий немецких ВВС не имел контактов с врагом. Зато другой нацистский лидер, шеф эсэсовцев Генрих Гиммлер пытался наладить связь с противником. И это был «честный и верный Генрих», как часто называл его Гитлер!

В тот самый вечер 23 апреля, когда Геринг отправил злополучную радиограмму, Гиммлер тайно совещался в Любеке

со шведским графом Фольке Бернардоттом. Он предлагал сдачу немецких армий на Западном фронте. Вскоре это предложение перестало быть тайной. Сам Гитлер услышал о нем в передаче БиБиСи ночью 28 апреля. Те, кто находился с ним тогда в бункере, вспоминают: «...он походил на безумца. Краска залила его лицо. Затем он впал в состояние ступора.»

За новостью о вероломстве Гиммлера немедленно последовало сообщение о том, что силы русских приближаются к рейхсканцелярии. Судя по всем данным, в течение последующих примерно 36 часов они должны начать штурм подземной штаб-квартиры. Осознание этого факта, кажется, прояснило горячечный мозг Гитлера.

Он обрел спокойствие (по крайней мере, видимое) и принял последние решения в своей жизни. К рассвету следующего дня 29 апреля он приказал арестовать Гиммлера, женился на Еве Браун, закончил свое завещание и определил, каким образом он и его супруга покинут сей бренный мир.

Приблизительно около двух часов ночи советник берлинского муниципалитета, найденный Геббельсом где-то на городских баррикадах, после краткой гражданской церемонии объявил Адольфа Гитлера и Еву Браун мужем и женой. После чего последовал свадебный завтрак в личных апартаментах фюрера в бункере. Шампанское было разлито по бокалам, и Гитлер напомнил собравшимся о более счастливых временах. Согласно

рассказам очевидцев, он произвел что-то наподобие обозрения событий своей необычной, драматической жизни. Эта жизнь, заключил он, окончена, и смерть будет для него подлинным освобождением. Разговор о смерти нагнал на гостей мрачное настроение, некоторые из них вышли из-за свадебного стола со слезами на глазах. Гитлер же незаметно проскользнул в соседнюю комнату, где начал диктовать одной из секретарш духовное завещание.

Этот любопытный документ сохранился и, бесспорно, представляет определенный интерес, ибо раскрывает ход мыслей и характер нацистского диктатора в последние часы его бурной жизни.

В своем завещании Гитлер проклинает евреев и обвиняет их в земных горестях и несчастьях. Он не забывает упомянуть и судьбу, еще раз обманувшую Германию и лишившую ее плодов победы. Опять повторяет свое утверждение прежних лет:

> «...Неправда, что я или кто другой в Германии хотел войны 1939 г. Война была спровоцирована исключительно теми государственными деятелями, кто либо сами были евреи, либо действовали в еврейских интересах».

Он указывает на полную ответственность евреев в развязывании войны.

Далее он говорит о причинах, побудивших его остаться в Берлине:

> «Я не могу покинуть город, являющийся столицей... Я хочу разделить свою судьбу с миллионами других, также решивших остаться здесь. Я не дамся в руки врагу, жаждущему лишь нового спектакля под еврейской режиссурой для развлечения истерических масс.
>
> ...Я умираю с легким сердцем, ибо знаю, что наши люди внесли уникальный вклад в историю».

В заключение Гитлер, слывший в некоторых кругах подлинным оккультным мессией, дал прогноз на будущее всего человечества.

> «С разгромом Рейха и появлением националистических движений в Азии, Африке и, быть может, в Южной Америке в мире будут существовать только две Великие Силы, способные противостоять друг другу – Соединенные Штаты и Россия. Законы, как

исторические, так и географические, неизбежно приведут обе эти силы к противоборству не только в военном плане, но и в экономической и идеологической сферах. Эти же самые законы вынудят обе эти силы стать врагами Европы. И вполне закономерно, что рано или поздно они начнут добиваться поддержки от единственного великого народа, оставшегося в Европе – немецкого народа. Я говорю об этом для того, чтобы подчеркнуть, что немцы любой ценой должны избегать превращения в марионетку, действующую в интересах того или иного лагеря.

С идеологической точки зрения трудно сказать, что более вредно для нас: еврейский американизм или еврейский большевизм. Возможно, что под влиянием событий русские полностью избавятся от еврейского марксизма, но только лишь для того, чтобы возродился панславизм в его самом свирепом и ненасытном виде. Что же касается американцев, то если они не избавятся от ига ньюйоркского еврейства, их ждет гибель еще до наступления поры зрелости. Тот факт, что они сочетают обладание колоссальной материальной силой с явным отсутствием интеллигентности, невольно наводит на мысль о ребенке, пораженном слоновой болезнью. Не суждено ли этой цивилизации погибнуть столь же быстро, как она развилась?

...Если Северной Америке предстоит погибнуть, ее падение откроет невиданные возможности для людей желтой расы. С точки зрения как юридической, так и исторической, они будут действовать с помощью тех же самых аргументов, что и европейцы, когда они захватывали континент в 16 столетии...

Совершенно ясно, что в этом жестоком мире только те белые народы, которые умеют страдать и сражаться даже тогда, когда положение кажется абсолютно безнадежным, имеют шанс на выживание и процветание. И только те народы имеют право говорить об обладании такого рода качествами, которые способны вытравить из их организмов смертельный яд еврейства».

Было 4 часа ночи 29 апреля 1945 г. Гитлер вызвал четверых свидетелей и попросил их поставить подписи под документом, предназначавшимся им для тех, кто озабочен судьбами белой расы.

Затем он поспешно продиктовал свое личное завещание, в

котором объяснял причины женитьбы на Еве Браун и тот путь, каким они оба намеревались покинуть земную юдоль.

> «Несмотря на то, что в годы борьбы я полагал, что не могу взять на себя ответственность супружеской жизни, теперь, когда моя жизнь подошла к концу, я принял решение жениться на женщине, которая после многих лет верной дружбы прибыла в город, уже почти осажденный, по своему собственному желанию, чтобы разделить мою судьбу.
>
> Она, как сама того желает, закончит свою жизнь вместе со мной... Моя жена и я выбрали смерть, чтобы избежать позора поражения и капитуляции. Согласно нашей воле наши тела будут немедленно сожжены в том месте, где я, главным образом, работал в течение тех двенадцати лет, когда служил моему народу».

Утомленный диктовкой последних посланий, Гитлер прилег лишь на рассвете. Дым пожарищ занимался над Берлином, снаряды русской артиллерии рвались у самого бункера и очень сомнительно, что ему удалось выспаться.

Днем 29 апреля по радио пришли обрывки новостей. Муссолини и его любовница Клара Петаччи были пойманы итальянскими партизанами при попытке бегства в Швейцарию. Ночью 28 апреля они были повешены в Милане, и толпа зверски надругалась над их телами. Неизвестно, дошли ли до Гитлера детали мучительной и позорной гибели дуче, которого он высоко ценил и к которому испытывал чувства искренней симпатии. Можно только предположить, что такого рода новости только способствовали укреплению его решимости избавить себя и Еву от подобной участи.

Вечером 29 апреля он отдал распоряжение секретарю относительно уничтожения остающихся бумаг и документов. После чего он вместе с Евой удалился на несколько часов в личные апартаменты.

В 2 часа 30 минут ночи 30 апреля он вышел один, чтобы распрощаться с теми, кто многие годы служил ему верой и правдой. Почти у всех на глазах выступили слезы... Одна из его секретарш позже вспоминала, что «взгляд Гитлера был устремлен кудо-то вдаль, казалось, он видел происходящее за стенами бункера.»

Днем 30 апреля, как обычно, фюрер провел конференцию военачальников, ставшую последней в его жизни. Новости были таковы, что откладывать больше он не мог. Русские, доложили ему, прорвались в Потсдамерплатц и находились на расстоянии

всего одного квартала от бункера. В любую минуту следовало ожидать начала штурма.

В 2 часа 30 минут дня шофер Эрих Кемпка получил приказ немедленно доставить 50 литров бензина... Пока он занимался этим, Гитлер и Ева Браун последний раз встретились с теми, кто принадлежал к внутреннему кругу фюрера: Геббельс, секретарь партии Борман, две женщины-секретарши и генералы Кребс и Бургдорф.

Фрау Геббельс не появилась. Находясь в одиночестве, она мучительно размышляла о том, что прежде, чем покончить самоубийством вместе с мужем, им предстоит убить шестерых малолетних детей.

У Гитлера и Евы Браун подобных проблем не было. Распрощавшись со всеми, они удалились к себе. В прилегающей к их апартаментам комнате Геббельс, Борман и несколько верных друзей застыли в ожидании. Через несколько минут раздался выстрел. Ждали, что за ним последует и второй, но его не было. Спустя примерно полчаса они тихо открыли дверь...

На диване, забрызганном кровью, лежало бездыханное тело Адольфа Гитлера. Он убил себя, выстрелив в рот. Рядом с ним лежала Ева Браун. Оба револьвера валялись на полу, но Ева не воспользовалась своим: она предпочла принять яд.

Было 3 часа 30 минут дня, понедельник, 30 апреля 1945 г.... Десять дней после 56 дня рождения Гитлера... Двенадцать лет и три месяца с того дня, как бывший венский бродяга стал канцлером Германии и провозгласил создание Третьего Рейха...

Тела Адольфа Гитлера и Евы Браун вынесли в сад, где их облили бензином и подожгли. Впоследствии, несмотря на тщательные поиски, не было обнаружено каких-либо останков. Шофер Кемпка полагает, что они были уничтожены взрывами русских артиллерийских снарядов.

Однако воспоминание об Адольфе Гитлере, по-видимому, никогда не удастся вытравить из памяти человечества. Многим людям, вероятно, он представляется лишь жутким кровавым монстром, сеявшим повсюду смерть, ненависть и разрушение. Но не следует забывать и о том, что пока он жил и побеждал, подавляющее число немцев взирало на него как на полубога, верило ему и самозабвенно следовало за ним...

Последняя тайна Гитлера

В начале мая 1945 г. представитель советских войск в Берлине заявил, что обнаружены обгоревшие трупы Гитлера и Евы Браун. Англичане и американцы незамедлительно попросили своих союзников продемонстрировать эту находку. Советская сторона проигнорировала эту просьбу.

26 мая Сталин, встретившись с Хопкинсом, сказал ему: «Я думаю, Гитлер жив и где-то скрывается». Он добавил: «Возможно, что Гитлер и компания отправились в Японию». Маршал Жуков, командовавший русскими войсками в Берлине, неоднократно говорил западным коллегам, что нисколько не сомневается в том, что действительно найден труп Гитлера. Однако 9 июня, к удивлению всего мира, он заявил, что «нет твердой уверенности в смерти Гитлера». Несколько дней спустя он сказал то же самое в разговоре с генералом Дуайтом Эйзенхауэром, и тот, в свою очередь, сделал аналогичное заявление на пресс-конференции в Париже...

Неудивительно, что к осени 1945 г. поползли упорные слухи о чудесном спасении Гитлера и Евы Браун. Их обоих «видели» чуть ли не каждый день в самых различных уголках земного шара: Аргентина, Испания, Бавария, Италия, Панама... Усилия английских и американских расследователей затруднялись тем, что Советы отказались пустить их в советскую зону оккупации. Британцу Хью Тревор-Роперу и американцу Майклу Мусманно приходилось, в основном, довольствоваться косвенными свидетелями. Они допрашивали тех, кто оказался в плену у западных союзников: Эрих Кемпка, лидер гитлерюгенда Артур Аксман, секретарши Траудль Юнге и Герда Кристиан, Геринг, Шпеер, секретарша Бормана Эльза Крюгер и родители Евы Браун. В последние дни существования Рейха из всех них только Кемпка, Юнге, Аксман, Кригер и Кристиан находились в бункере. В рассказанном ими было много противоречий. Так, Кемпка, сказал, что слышал выстрел, раздавшийся из кабинета фюрера. Аксман, стоявший с ним рядом, сказал, что не слышал никакого выстрела...

Самое ценное из того, что удалось обнаружить расследователям – завещание Гитлера в трех экземплярах. Документ, конечно, весьма примечательный сам по себе, но вовсе не являющийся доказательством смерти Гитлера. Тем не менее, оба – Тревор-Ропер и Мусманно пришли к одинаковому заключению: Гитлер умер в бункере. Они пришли к такому выводу, главным образом, из-за того, что, по их мнению, Гитлер

никак не мог исчезнуть из бункера после 30 апреля.

Лишь в 1968 г., через 23 года после крушения Третьего рейха, был опубликован давно ожидавшийся «официальный» советский отчет о смерти Гитлера. Надо сказать, что после этого отчета сомнения относительно происшедшего в бункере только усилились. В нем, в частности, ничего не говорилось об обнаружении пулевого ранения и утверждалось, что смерть наступила от отравления цианистым калием. Но ведь большинство свидетелей заявляли, что они слышали выстрел... Эсэсовец Менгерхаузен, вышедший из русского плена в 50-е годы и, по его словам, участвовавший в захоронении обугленного трупа Гитлера, показывал, что видел пулевое отверстие в правом виске. Кемпка сказал опрашивавшим его, что Гитлер выстрелил себе в рот.

Еще одно место в советском отчете вызвало серьезное недоумение у экспертов. В нем говорилось о «недостающем яичке». Как пишет американский автор Гленн Инфельд, «это утверждение вызвало возражение со стороны лиц, .интимно знавших Гитлера. Одна его близкая приятельница сказала мне: „Я хочу подчеркнуть, что у него не было никаких отклонений от нормы в половой сфере. Если я не ошибаюсь, у нормальных мужчин должно быть два яичка“.

Слова женщины, признававшейся в интимных связях с фюрером, вероятно, не стоит рассматривать как серьезное свидетельство. Но, по-видимому, никак нельзя отмахнуться от «Медицинского дела Гитлера», хранящегося в государственном архиве США. В нем содержатся показания шести врачей, осматривавших Гитлера в разное время: личного врача фюрера Теодора Мореля; доктора Гизинга; директора клиники в Берлине В. Лелейна; К. Вебера из Бад-Найгейма; А. Ниссла из Фрейбурга; Е. Бринкмана из берлинского института врачебной диагностики. Ни один из них не упоминает о том, что была замечена какая-либо аномалия при обследовании тела Гитлера.

По мнению некоторых западных историков, советский отчет 1968 г. никак не доказывает, что жизнь Гитлера оборвалась 30 апреля 1945 г. Более того, кое-кто из них уже в 70-е годы разработал «миф о спасении Гитлера». Одним из сторонников этого мифа является упоминавшийся ранее американец Инфельд. Он приводит свои «доказательства» в книге «Секретная жизнь Гитлера». Можно, разумеется, не соглашаться с его умозаключениями, но, думается, что сообщаемое им, по крайней мере, чрезвычайно любопытно.

«В марте 1970 г. я остановился в Палас-отеле в Бари (Италия), где занимался изучением одной из наиболее блестящих

операций Люфтваффе во время Второй мировой войны. Кто-то из местных жителей предложил мне встретиться с бывшим немецким летчиком Гансом Абертом, проживавшим неподалеку. Я позвонил ему, и мы встретились. Когда я заметил ему, что операция в районе Бари была одной из самых смелых и удачных воздушных операций войны, он не согласился.

– На мой взгляд, это не совсем так, – сказал он. – Операция 30 апреля 1945 г., когда я летел в Берлин, была более опасной... Я сел на реке Хавель...

Я немедленно предположил, что он ошибся в дате, ибо различными исследователями установлено, что действительно 29 апреля на Хавеле сел самолет, прилетавший забрать гитлеровского адъютанта Вилли Иоханмейера и двух других, каждый из которых хранил копию завещания фюрера.

– Нет, 30 апреля, – настаивал он.– Я должен был забрать более ценный груз, чем завещание Гитлера.

– Что же?

Аберт лишь улыбнулся: «Это был не Борман». Он отказался отвечать на все мои дополнительные вопросы. Я знаю, что он упомянул Бормана неслучайно, ибо в мировой прессе в течение ряда лет муссировались разговоры о том, что ведутся поиски заместителя Гитлера. После отъезда из Бари я совершенно забыл о сказанном Абертом, уверенный в том, что он перепутал даты. Я не думал о нем до тех пор, пока в 1973 г. не разговорился в Мюнхене с другим бывшим немецким летчиком Куртом Бартом. Он также сказал мне, что летал в район Берлина 30 апреля...

– 30-го? Вы, наверное, имеете в виду 29-го? – спросил я. Он лишь покачал головой.

– Я летел и 29-го и 30-го. 29-го мы не подобрали никого, а вот 30-го мы...

– Вы забрали кого-то 30-го?

– Я точно не знаю, ибо был в кабине...

Мое любопытство возрастало, но Барт не дал мне никакой иной информации. Как раз в тот период у меня была назначена встреча с Отто Скорцени в Мадриде. Я решил, что он является именно тем человеком, который должен знать о полетах в Берлин 30 апреля. После окончания войны и крушения Третьего Рейха Скорцени неоднократно обвиняли в том, что он участвует в тайных операциях по оказанию помощи и защите бывших нацистов в различных частях света.

20 февраля в его квартире на улице Монтера я встретился со Скорцени. Гигант со шрамом на лице радушно принял меня. Он дал мне массу интереснейших сведений о Еве Браун. Затем, как можно более деликатно, я перевел разговор на тему последний

дней Гитлера и, играя на тщеславии Скорцени, заметил:

– Такой умный человек, как вы, очевидно, мог бы найти способ спасти Гитлера.

Он внимательно посмотрел на меня, и я понял, как чувствовали себя немецкие офицеры, участвовавшие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., когда спустя несколько дней они оказались пойманными Скорцени.

Наконец, Скорцени спросил:

– Вы думаете, что Гитлер мертв?

– Конечно, – солгал я.

Он, казалось, вздохнул с облегчением.

– Да, я мог вывезти его из Берлина. У меня был план.

Скорцени объяснил мне, что ночью 30 апреля Гитлер мог бы выйти из бункера через подземный проход под рейхсканцелярией, оказаться на Герман Герингштрассе, а затем обходными путями добраться до реки Хавель. Я понимающе кивнул ему и спросил:

– Ну куда же он мог пойти оттуда? Скорцени ухмыльнулся:

– Он мог быть подобран специальным самолетом, севшим на Хавеле.

Я был потрясен. Шеф нацистских коммандос сказал мне то же самое, что Аберт в Бари и Барт в Мюнхене: Гитлер мог быть подобран самолетом 30 апреля.

– Звучит правдоподобно, но не совсем реально, – заметил я. – Я не думаю, что у Гитлера имелась возможность следовать маршруту, описанному вами, ибо русские войска были повсюду.

– Другие вырвались из бункера даже после 30. Я знаю что это было вполне осуществимо.

– Как вы можете знать? Разве вы были тогда на Одере? Он рассмеялся:

– Был ли я?

Я решил, что лучше не слишком настаивать, а повести разговор в несколько ином направлении.

– Это всего лишь красивая сказка, ибо всем известно, что Гитлер принял яд, а затем застрелил себя. Гюнше, Кемпка, Линге и другие видели труп, сожгли его и похоронили.

– Не исключено, что это был двойник, – сказал Скорцени.

Я слышал много раз, что у Гитлера были двойники. Баур (личный пилот Гитлера – В.П.) вспоминал как-то, что видел в Бреслау человека, удивительно напоминавшего фюрера.

– Если бы Гитлер решил выбраться из бункера, – сказал Скорцени, – двойник мог быть использован, чтобы никто не подозревал о побеге.

Мне известно, что Паулина Колер, горничная в Бергофе, в течение ряда лет упорно твердила, что у Гитлера имелось трое

двойников, и что только Гестапо знало их имена. «Один из них всегда в Бертесгадене, другой в Мюнхене и третий в Берлине», – уверяла она.

Теперь Скорцени намекал на то, что, может быть, двойник Гитлера, а не он сам похоронен в саду рейхсканцелярии 30 апреля 1945 г.!

– Вы полагаете, что этой был двойник? – спросил я его напрямик.

Скорцени опять рассмеялся:

– Русские утверждают, что фюрер мертв. Они, должно быть, знают, что говорят.

После моего посещения Скорцени в 1973 г. я беседовал со многими немцами, бывшими в той или иной степени близкими к Гитлеру. Никто из них не был в абсолютной уверенности в том, что его нет в живых...

Среди опрошенных мною – актриса Кристина Рейман, хорошо знавшая Фегелейна, женившегося на сестре Евы Браун. Для многих историков до сих пор неясно, почему эсэсовец Фегелейн, не игравший сколько-нибудь значительной роли в Третьем Рейхе, был казнен по приказу Гитлера. Вот, что рассказывает Рейман, видевшая в последний раз Фегелейна 27 апреля 1945 г.:

«Он выглядел очень обеспокоенным. Он постоянно твердил, что в Берлине два Гитлера. Я думала, что он просто пьян. Перед тем, как расстаться, Фегелейн сказал, что если фюрер догадается о том, что он, Фегелейн, знает секрет, Гитлер убьет его. Он не сказал мне, что это был за секрет».

Можно предположить, что Фегелейн через своих друзей из числа эсэсовских телохранителей фюрера, которые, бесспорно, должны были быть в курсе дела, узнал о плане побега, включавшем убийство двойника и исчезновение из Берлина на самолете. Он был казнен за то, что ему стал известен последний секрет Гитлера...

Вы полагаете, что все это из области фантазии?

В феврале 1966 г., примерно за два года до «официального» советского сообщения о смерти Гитлера, четверо американцев были арестованы в Бразилии по обвинению в контрабанде. Это обвинение являлось совершенно необоснованным. Они не делали абсолютно ничего нелегального и к тому же неоднократно осуществляли подобные полеты в прошлом. На этот раз, однако, их арестовали при попытке приземлиться в Трес Мариас. Арест четырех американцев вызвал шок в Вашингтоне. Несмотря на вроде бы хорошие отношения между США и Бразилией, бразильское правительство отказалось отменить приговор. Правительственные лица в Вашингтоне знали о ложности

обвинений, но никак не могли понять действительной причины ареста. В конце концов, арестованным удалось совершить дерзкий побег в США. Бразилия потребовала их выдачи, но Вашингтон, убежденный в необоснованности обвинений, проявил твердость.

Почему арестовали американцев? Несмотря на проведенное расследование, это оставалось тайной до 15 июля 1978 года. В тот день я был в Бертесгадене и поднялся в излюбленное Гитлером «Орлиное гнездо» (одна из вилл фюрера в Баварских Альпах – В.П.), где выпил немного с оказавшимся соседом, немецким туристом. Вполне естественно, что, находясь в таком месте, мы заговорили о Гитлере и Третьем Рейхе. Немец, как выяснилось, во время войны служил в абвере – армейской разведке. Когда он сказал мне, что живет сейчас в Лейпциге, я немедленно заподозрил, что мой собеседник работает для восточногерманской разведки: среднему восточному немцу не разрешается покидать «демократическую республику», чтобы путешествовать в Западную Германию. Однако мне нечего было от него скрывать, и я разговаривал с ним совершенно свободно. Случайно беседа зашла о Бормане: жив он или нет. Немец, так и не назвавший своего имени, откровенно рассмеялся, когда я сказал, что, по моему мнению, Бормана нет в живых

– Много немцев живет теперь в Южной Америке, – сказал он. – Разве вам это неизвестно?

– Да, но не столь высокого ранга нацисты, как Борман.

Его лицо залилось краской.

– Вы, американцы, недооценивали нацистов. Я утверждаю, что Борман жив и находится в Южной Америке, и там же обитают лидеры даже более высокого ранга.

Выше, чем Борман? Я был поражен сказанным им. Шпеер жил в Гейдельберге. Геббельс и Геринг мертвы. Мой собеседник явно преувеличивал, и я сказал ему об этом.

– Вот уже в это нельзя поверить. Кто...

Он прервал меня и назвал имена тех самых четырех американцев, которых арестовали в Бразилии по надуманным мотивам. Я не мог поверить собственным ушам: он связывал историю их ареста и заключения с той темой, на которую мы говорили. Я слушал не прерывая, ибо хотел узнать его версию.

– Знаете ли вы, почему их задержали? – спросил он.

– Нет.

– Потому что они видели пожилого человека близ посадочной полосы в Трес Мариас, и бразильские официальные лица боялись, что они узнали его!

С этими словами он поднялся и навсегда исчез из моего поля зрения.

Гитлер в Бразилии? Фантазия!

В 1976 г. Энрике Мюрк, бывший помощник Адольфа Эйхмана и летчик Люфтваффе был арестован в Аргентине. Вальтер Кутчман, бывший эсэсовец, обвинявшийся в убийстве евреев в Польше, был арестован также в Аргентине. По некоторым утверждениям, Борман живет в уединенном поместье где-то на севере Аргентины. Доктор Иозеф Менгеле, знаменитый «ангел смерти», живет в Парагвае. Так почему же представляется невероятным, чтобы Гитлер, уже находящийся в очень преклонном возрасте (Инфельд написал свою книгу более десяти лет назад – В.П.), проживал в Бразилии, пользуясь протекцией определенных высокопоставленных лиц? Он мог бы жить тихо и совершенно незаметно. Ведь фюрер обещал жить именно таким образом после того, как его «работа будет окончена». Союзные войска положили конец «работе» в 1945 г. И, если история, рассказанная мне в «Орлином гнезде», правда, то американцы, арестованные в Бразилии, конечно, не узнали его, ибо подобно подавляющему большинству они уверены, что Гитлер давно мертв и никак не может жить в Бразилии.

Однако можно ли утверждать, что мысль о том,, что Гитлер не умер 30 апреля 1945 г. принадлежит лишь к области чистой фантазии?

20 апреля 1978 г. (Гитлер родился 20 апреля 1889 года – В.П.) в гостинице «Тиль», расположенном в городке Италиана (Бразилия), состоялась встреча нацистов, проживающих в четырех различных странах. В то утро вход в гостиницу охранялся строжайшим образом, делалось все возможное, чтобы журналисты, фотографы и вообще посторонние держали определенную дистанцию. Когда кто-то пытался приблизиться к гостинице, немедленно появлялись нацисты с хлыстами и пистолетами в руках. Несколько человек были избиты, получили повреждения. Но ни одного из нацистов не арестовали; полиция проявляла поразительное равнодушие. Позиция, занятая бразильским правительством, представляется по меньшей мере странной. Министр юстиции заявил, что встречи нацистов Третьего Рейха не являются нелегальными, а помощник бразильского президента Эрнесто Гейзель назвал собрание в гостинице «Тиль» «всего лишь вечеринкой старых людей, испытывающих чувство ностальгии».

Был ли среди ностальгирующих стариков Адольф Гитлер? Через несколько десятилетий после крушения Третьего Рейха эта тайна – последняя тайна Гитлера – все еще остается неразгаданной.

Пруссаков Валентин
Оккультный Рейх

Тайные корни

Начало подлинной власти
совпадает с началом тайны...

Ханна Арендт

О Гитлере, нацизме и Третьем рейхе написано очень много книг. Вероятно, что больше чем о каком-либо ином периоде человеческой истории. Возникновение нацизма часто объясняется исключительно социальными или экономическими причинами. Такая чрезмерно упрощенная интерпретация одного из самых необычных исторических явлений не может удовлетворить тех, кто не разучился думать и выстоял под атаками тех, кто постоянно ведет «промывку мозгов». Поразительно, но тем не менее факт: большинство исследователей нацизма старательно уподобляются слепцам и упускают из виду весьма важный и жизненный элемент, без которого нельзя правильно понять и оценить экстраординарные события, происходившие в Германии в 20–40-е годы. Элемент этот – оккультизм.

В книге «Утро магов» французские авторы Павелс и Бержье справедливо замечают:

> «...История нацизма остается необъяснимой в свете „позитивистского века“. Глубинная психология показывает нам, что действия человека, по видимости рациональные, в действительности управляются силами, о которых он сам не знает, или которые связаны с символизмом, совершенно чуждым обычной логике... В истории гитлеризма, или вернее, в некоторых аспектах этой истории все происходит так, как если бы ведущие идеи ускользали от обычной исторической критики, и как если бы нам, чтобы понять их, нужно было бы отказаться от нашего позитивного понимания вещей и совершить усилие, чтобы войти в мир, где картезианский разум перестает сочетаться с действительностью».

Для верного понимания психологии немецкого национал-социализма полезно обратить внимание на следующее высказывание бывшего нациста Германа Раушнинга:

> «...Каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению,

позволяющая им одновременно жить в реальном мире и проецировать себя в воображаемый мир, в особенности выразилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма».

Стараясь объяснить восхождение к власти этого «великого жреца тайной религии», Раушнинг говорит, что много раз в истории «целые нации впадали в необъяснимое волнение. Они предпринимали походы флагеллантов. Их сотрясала пляска святого Витта. Национал-социализм – это танец святого Витта XX века».

Но откуда пришла эта странная болезнь? Не находя нигде Удовлетворительного ответа, Раушнинг отделывается лишь одной фразой: «...самые глубокие корни спрятаны в тайных местах». На что он намекал, что имел в виду?

Нельзя забывать о том, что Гитлер, Гесс, Гиммлер, Розенберг и некоторые другие лидеры национал-социализма были глубокими мистиками, серьезно интересовавшимися оккультными вопросами. Далеко неслучайно, что они выбрали свастику – древний арийский символ, происхождение которого затеряно в глубине веков, своим символом. Мистические наклонности высших иерархов нацизма нашли свое отражение в форме и ритуалах эсэсовцев и «гитлерюгенда» – молодежной организации. Обязательно нужно помнить и о том, что и в исключительно напряженные годы второй мировой войны нацисты не жалели тратить колоссальные деньги на Аненербе – специальное бюро, созданное по личному распоряжению Генриха Гиммлера и занимавшееся исключительно «наследием древних германцев».

Почему же некоторые историки в упор не видят все это, усматривая в нацизме всего лишь «крайнюю реакцию напуганной буржуазии»? Возьмем на себя смелость утверждать, что они, скорее всего, придерживаются распространенной среди обывателей точки зрения, что оккультизм – туманная область псевдознания, заниматься которой удел неудачников, старых дев и просто чудаков. Однако у нацистской элиты было совсем иное мнение относительно «средневековых предрассудков».

Гитлер и его ближайшее окружение видели мир иначе, чем подавляющее большинство людей в XX веке. Можно даже сказать, что они принадлежали к другой цивилизации.

Земля полая. Мы живем внутри нее.

Звезды – ледяные глыбы. Множество уже упало на землю... Вся история человечества объясняется борьбой между льдом и огнем.

Человек еще не завершен. Он стоит на пороге грандиозной мутации, она даст человеку то могущество, которое древние приписывали богам. И в мире уже существует несколько экземпляров нового человека, явившихся, может быть, из-за пределов времени и пространства.

Возможно, есть связи с Властелином Мира, «Королем Ужаса», царствующим в городе, скрытом где-то на Востоке. Те, кто подпишут с ним договор, на тысячелетия изменят жизнь на земле и придадут смысл судьбе человечества...

Таковы некоторые теории и концепции, питавшие зарождавшийся нацизм; в них верил Гитлер, верили члены группы, в которую он входил; эти теории и концепции в значительной мере определили социальные и политические факты недавней истории.

Именно из-за серьезного отношения «старых бойцов» к мистическим вопросам и их «оккультной чуткости», гонения на масонов и всякие тайные общества начались сразу же после прихода Гитлера к власти. Нацисты видели в них серьезную потенциальную угрозу. О позиции самого фюрера достаточно красноречиво говорит его монолог о масонстве, записанный Раушнингом: «Все практикуемые ими мерзости – скелеты, мертвые головы, гробы и разные таинства, – всего лишь игрушки для детей. Но в них имеется опасный элемент, с которым необходимо считаться. В масонстве образовался вид священнической знати. Они развили эзотерическую доктрину не только сформулированную, но и связанную посредством символов и мистерий со степенями посвящения. Иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие магически на воображение, – опасный элемент... Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера?.. Орден, иерархический орден секулярного священничества... Мы или масоны, или церковь – есть место только для одного из трех... Мы – сильнейшие из них, и потому избавимся от двух других».

Астролог Вильям Вульф, составлявший гороскопы для СС, в книге «Зодиак и свастика» приводит высказывание Генриха Гиммлера, свидетельствующее об интересе к оккультизму и объясняющее причину чистки любителей тайных знаний:

> «Для нас политика значит... уничтожение всех сил, исключая тех, что содействуют претворению единственной конструктивной идеи...
>
> В Третьем рейхе мы должны запретить астрологию... Мы не можем разрешить астрологам следовать их

призванию, исключая тех, кто работает на нас. В национал-социалистическом государстве астрология должна находиться на привилегированном положении. Она не предназначена для широких масс».

Большое внимание, уделявшееся нацистской верхушкой «странным наукам», выглядит закономерным, когда узнаешь о той общей атмосфере, которая царила в Германии после первой мировой войны. Авторитетный историк и один из первых биографов Гитлера Конрад Гейден писал:

> «...Лучшие из немцев находили пристанище от тягот будничной жизни в извращенном фанатизме, называвшемся „мистицизмом политического движения“.

Германия была подходящим местом для подобного развития. Вряд ли существовала какая-либо другая страна, где происходило такое количество «чудес», встречалось такое множество привидений, столь многие болезни вылечивались магнетизмом, составлялось несметное число гороскопов... Генерал Людендорф, командовавший немецкой армией в первую мировую войну, превратился в алхимика и пытался произвести золото... Он был готов верить любому предрассудку; когда люто ненавидимое им республиканское правительство отдало приказ покрасить железнодорожные барьеры в красный и белый цвета для лучшей видимости, Людендорф заявил, что этот приказ отдан потому, что Моисей вел евреев через пустыню под красно-белым полотнищем.

Другой генерал был убежден, что обладает тайной смертоносных лучей, которые вынудят самолеты и танки противника повернуть вспять на поле боя. Пароходная компания уволила своего менеджера из-за того, что его почерк не понравился графологу...

Среди приближенных Гитлера был человек, специальность которого на визитной карточке именовалась «колдун», и владелец этой не совсем обычной профессии требовал к себе самого серьезного отношения. Многие считали, что на ход мировой истории дурно влияют члены разных тайных обществ. В число таковые заносили не только масонов, но евреев и иезуитов...»

Страстное влечение ко всему потустороннему нельзя объяснить, лишь желанием бегства от тягот бытия. В Австрии и Германии еще в конце прошлого – самом начале нынешнего века зародилось полуоккультное пангерманистское движение. Широкое распространение получили популярные брошюрки с изложением расовых теорий, утверждавших превосходство арийцев и неполноценность евреев, их «вечный паразитизм». Уже

тогда на улицах Вены и Берлина можно было встретить людей предрекавших появление нового, арийского мессии.

Гитлер открыл для себя эзотеризм во время блужданий по австрийской столице в 1909 году. Английский историк Алан Буллок отмечает: «...в тот период его чтение было беспорядочным и бессистемным: древний Рим, восточные религии, йога, оккультизм, гипноз, астрология...» Источником вполне определенных познаний для будущего фюрера послужил журнал «Остара», издававшийся ариософом Ланцем (фон Либенфельсом). Согласно некоторым свидетельствам, Гитлер даже навещал его.

«Остара» была типичным венским изданием тех лет. На ее страницах мирно уживались эротические, мистические и сентиментальные темы, не соединенные какой-либо четкой политической программой. Либенфельс часто писал о том, что белокурые арийцы должны править миром, подчинив или же уничтожив всех темноволосых, расово смешанных. Последних он считал неполноценными, однако, наделенными необычайной сексуальной потенцией. На страницах «Остары» постоянно появлялись изображения арийских женщин, отдающихся волосатым, обезьяноподобным созданиям.

Журнал вызывал у своих читателей поистине первобытный страх перед беспредельной силой евреев: их контролем финансов и прессы, их разлагающим влиянием в мире искусства и театра, их отвратительной похотливостью.

Один из биографов Либенфельса сообщает, что Гитлер получил посвящение от издателя «Остары», вступил в его масонского типа организацию «Орден Новых Храмовников» («Новых Тамплиеров»). Но на этот счет имеются серьезные сомнения: Адольф Гитлер был слишком горд для того, чтобы стать чьим-либо последователем.

Для обнаружения тайных корней нацистской партии не мешает также вернуться в 1912 год, когда на конференции оккультистов образовалось «магическое братство» – Германский орден. Среди его отцов-основателей были Теодор Фриче, редактировавший антиеврейский журнал «Гаммер» и мечтавший о создании националистического рабочего класса; Филипп Стауф – поклонник ариософа Гвидо фон Листа; Герман Поль – также ученик Листа и канцлер нового ордена. Внутренние распри, раздиравшие братство с самого начала, привели к тому, что в 1915 году Поля лишили канцлерства, после чего ему пришлось основывать свой орден – рыцарей святого Грааля. Вскоре к нему присоединился Рудольф Глауэр – астролог и авантюрист, практиковавший суфистскую медитацию, ненавидевший евреев, восхищавшийся работами Листа и Либенфельса и называвший

себя бароном Себоттендорфом. Этого самозванного барона назначили гроссмейстером ордена в Баварии. В 1918 г. с согласия и одобрения Поля, Себоттендорф организует другое самостоятельное братство – Туле Гезельшафт (Общество Туле). Символом этой организации стала свастика с мечом и венком.

Туле, базировавшееся в Мюнхене, было первоначально еще одним «народным оккультным братством», взявшим свое название от легендарной доисторической нордической цивилизации, ушедшей под воду, как и знаменитая Атлантида. Идеология тулистов представляла собой смесь идей Блаватской, Листа, Либенфельса и Хьюстона Чемберлена, о котором кайзер Вильгельм II говорил, что он послан немцам самим Всевышним. В ритуале этого общества преобладали вагнеровские темы, доминировавшие и в предыдущих арийских братствах.

Себоттендорф проявил себя рьяным врагом евреев и марксистов. Помимо призывов к борьбе с иудаизмом и «иудаизацией арийского мира» Туле проповедовало приход фюрера, который покончит с ненавистной демократией. Общество, интересовавшееся, по мнению обывателей, только «тевтонской стариной», покупало оружие, приобрело газету, возбуждало террористическую активность и ненависть к евреям. Вокруг Туле группировались те, кому было суждено сыграть решающую роль в формировании нацистской партии: Альфред Розенберг, Рудольф Гесс, Готтфрид Федер, Карл Харрер и Дитрих Эккарт. Но они не могли бы осуществить свои планы без человеческого феномена по имени Адольф Гитлер. Хотя у вышеперечисленных лиц вроде бы имелись идеология, ритуалы, символы и прочие атрибуты, нацизм без личности Гитлера вряд ли был бы возможен. Тем не менее стоит отметить, что фундамент нацизма не был создан Гитлером, а возник и развился в недрах Германского ордена, ордена Новых Храмовников и, особенно, – Общества Туле. Поэтому Себоттендорф имел полное право сказать впоследствии:

> «Члены Туле были именно теми людьми, на помощь которых мог рассчитывать Гитлер, и они также отождествляли себя с ним».

Духовные предтечи

Фюрер с негодованием отметал, вероятно, по политическим соображениям, даже саму мысль о том, что он имел какое-то отношение к эзотерическим учениям. Однако факты говорят об ином: Гитлер и другие нацистские лидеры многому научились у оккультистов. Чтобы не казаться голословными, поближе ознакомимся с личностями и идеями тех, кто уже упоминался нами ранее.

Йорг Ланц (Либенфельс), сын учителя, родился в Вене в 1874 г. Он изменил дату и место рождения, чтобы сбить с толку астрологов. В детстве у него возникло сильное желание стать рыцарем-тамплиером и жить в своем собственном замке. Сильнейшее впечатление юности Ланца – опера «Тамплиер и еврейка», слушание которой приводило его в состояние экстаза. (Оккультисты всегда утверждали, что тамплиеры – средневековый религиозный и военный орден, являлся гностической сектой, стремившейся очистить мир от зла). В 1893 г., в возрасте 19 лет, он поступает послушником в цистерцианский монастырь Святого Креста. В следующем году ему на глаза попалось скульптурное изображение, которое, по-видимому, сильно повлияло на его мировоззрение: крестоносец, гордо попирающий человекоподобное существо, напоминающее безобразное животное. В этой скульптуре Ланц узрел триумф высших рас над низшими, и она стала своего рода символом его идеологии.

В 1900 г., через год после изгнания из монастыря (по его словам, «за идейные расхождения», но церковные власти намекали на «плотскую связь»), он объявляет себя «бароном фон Либенфельсом» и основывает свой «Орден Новых Тамплиеров», отличительным знаком которого избирается свастика. Внешне походящий на респектабельного ученого, Ланц привлек к себе внимание «национально мыслящих одиночек». Он поучал, что величайший грех произошел тогда, когда «героическая арийская раса» начала смешиваться с представителями «темных рас». Герой Фраджа (готтское имя для Иисуса) явился, чтобы спасти арийских женщин и научить их следовать завету: «люби своего соседа как самого себя, если он принадлежит к твоей расе». Так, по мнению Ланца, проповедовала католическая церковь в средние века. Свою теорию он называл ариософией. Самые причудливые и необычные идеи всегда отыскивают поклонников. «Барон фон Либенфельс» быстро обнаружил тех, кто был готов ему внимать. Среди них оказались и богатые люди, предоставившие в его распоряжение свой кошелек. С их помощью в 1907 г. он приобрел в Австрии

замок Верфенштейн. Было куплено и несколько других замков, переделанных в храмы новой религии, в которых проводились церемонии «рыцарей святого Грааля». Используя свою монашескую выучку, Ланц написал «тайную библию для посвященных», составившую десять томов. Расовая борьба была основной темой «библии», но много внимания в ней также уделялось астрологии, каббале, френологии, гомеопатии и вопросам правильного питания.

После реконструкции замка Верфенштейн его украсили символами тамплиеров и впервые в Европе XX века был поднят стяг со свастикой. «Барон» и посвященные его ордена, окопавшиеся вдалеке от городского шума, в тишине и покое разрабатывали планы по спасению мира и искуплению «греха наших предков». Во имя «уничтожения человека-животного и прихода высшего, нового человека» Либенфельс призвал к осуществлению радикальной программы. Ее составными элементами являлись генетическая селекция, стерилизация, депортация неполноценных и даже уничтожение целых групп посредством несильного труда или же прямого убийства. «Принесите жертвоприношения Фрадже, вы, дети богов! – писал Либенфельс. – Положите ему на алтарь детей тьмы!» Он выступал также за создание специальных «человеководческих» колоний, в которых бы можно было выращивать «настоящих арийцев».

По его убеждениям, арийские герои – «творения богов», обладали специальными электромагнетическими и радиологическими органами, придававшими им особые силы. Осуществив надлежащие евгенические меры, возможно восстановить утраченные современным человечеством способности. По поводу такого рода идей, один из биографов Гитлера Иоахим Фест говорил: «В период нестабильности и волнений возникает элитистские наклонности к тайным обществам, появляется повышенный, нездоровый интерес к сомнительным наукам... (Либенфельс) был одним из ярчайших выразителей невротического настроения своего времени. Он внес весьма специфическую окраску в идеологическую атмосферу Вены, столь насыщенную разнообразными фантазиями».

Что общего у Гитлера с Либенфельсом? По словам Вильфрида Дайма – биографа Либенфельса. будущий фюрер не только зачитывался «Остарой», но и встречался несколько раз с основателем «Ордена Новых Тамплиеров». Сам же Либенфельс считал его своим учеником и писал в 1932 г.:

> «Гитлер – один из наших... Вы вскоре убедитесь, что он победит и разовьет движение, которое заставит

трепетать весь мир».

Гитлер старался всячески скрыть следы людей и влияний, оказавших воздействие на его формирование. Либенфельсу запретили печататься после того, как Германия аннексировала Австрию в 1938 г., Гитлер приказал убить Рейнгольда Ганиша – свидетеля его неудач и жалкого прозябания в Вене. Но влияние ариософии Либенфельса, несмотря на все усилия «спятать концы в воду», дает явственно знать себя в некоторых пассажих «Моей борьбы». Например:

> «Защищая себя от еврейства, я вношу свой вклад в дело Господне... Евреизация нашей духовной жизни рано или поздно приведет к полной погибели... Грех крови и осквернение расовой чистоты – первобытный грех в этом мире и угрожает гибелью всему человечеству...
>
> С сатанинским удовольствием, светящимся на их лицах, черноволосые еврейские юнцы подлавливают ничего не подозревающую белокурую девицу, которую они испачкают своей кровью и навсегда уведут от ее народа. Еврейство использует все средства для разрушения расовых основ того народа, который оно намерено подчинить. Евреи делают все, чтобы не только систематически развращать наших девушек и женщин, но и способствовать загрязнению крови по большому счету. Это они привезли негров в долину Рейна, никогда не предавая забвению свою тайную мысль и цель – разрушить ненавистную им белую расу, сбросить ее с культурного и политического пьедестала и стать господами мира».

В приведенном отрывке Гитлер откровенно повторяет писания Либенфельса. Вряд ли удастся когда-нибудь точно установить, был ли вождь нацизма членом «Ордена Новых Тамплиеров», но имеются достаточно серьезные основания утверждать, что идеи бывшего цистерцианского монаха нашли себе применение в Третьем рейхе.

Другой венский оккультист, оказавший заметное влияние на тайную нацистскую доктрину, – Гвидо фон Лист. Он родился в семье богатого торговца. Когда ему было 14 лет, он поклялся в знаменитом соборе святого Стефана в Вене, что обязательно построит храм для поклонения языческому богу Вотану. Лист, унаследовав торговую фирму своего отца, стал секретарем австрийского Альпийского общества, члены которого, приветствуя друг друга, кричали «хайль». Самого себя он считал

посредником между современниками и древними священнослужителями германской языческой религии. Их святейшим знаком была свастика. Приняв этот же знак, он в 1908 г. организовал тайное общество «Арманен». Для древних германцев свастика являлась символом солнца, дарующего жизнь. Немецкие расисты полагали, что неравенство рас подтверждается среди прочего и неодинаковым отношением к солнцу: некоторые народы относятся к нему с большим почтением, чем другие. Поклонение солнцу стало языческим ритуалом среди немецких почвеннических групп. Листа же можно назвать пионером в деле возрождения тевтонского фольклора и мифологии, подготовившим климат для нацизма.

«Арманен» сумел привлечь в свои ряды довольно видных людей на общественном небосклоне. Среди его членов, например, были популярный мэр Вены Карл Люгер и знаменитый теософ Франц Гартман. Лист заявлял, что созданный им орден представляет лидеров арийско-германской расы, способных раскрыть тайны Вселенной. По его словам, они были подобны Богу. Нетрудно догадаться, что Лист и его ученики, считавшие себя избранными и призванными, отличались откровенно юдофобскими взглядами: «избранный народ» всегда стоит на пути у тех, кто верит в свои собственные, особые взаимоотношения с высшими силами...

Судя по именам последователей, у Листа не должно было быть финансовых помех для осуществления намеченных им целей. Прежде всего он считал необходимым восстановить утраченную или подзабытую эзотерическую мудрость. Для этого «ученики мастера» проходили курс обучения руническому оккультизму. Принято считать, что Вотан изобрел руны – древний алфавит, как часть его тайной науки. (Готтское слово «руна» значит «секрет», «секретное решение»; аналогично древнеиранское «рун» – «секрет», «мистерия»).

Мысль о том, что руны имеют оккультное значение, встречается уже у Тацита, писавшего, что германцы ставят какие-то отметки на деревьях для ритуальных целей. Лист написал книгу о рунах в 1908 году. (Совсем недавно, между прочим, ее впервые перевели на английский язык и издали в Америке. – В.П.). Как и другие немецкие оккультисты, он полагал, что в древнем алфавите, созданном Вотаном, заключена магическая сила.

Согласно английскому историку Тревору Равенскрофту – автору книги «Копье судьбы», базирующейся на откровениях некоего д-ра Вальтера Штейна, помимо изучения рун, у Листа были и другие, не совсем обычные увлечения. (Штейн обитал в

Вене в одно время с Гитлером: в 1909–1913 гг.). Глубокий интерес к оккультизму, особенно к мистериям св. Грааля, в один прекрасный день привел молодого Штейна в книжную лавку в старом квартале Вены, часто посещавшуюся и Гитлером. У ее владельца Эрнста Третцше имелась фотография, запечатлевшая его самого вместе с Листом. Книги основателя «Арманена» были в моде и пользовались известным спросом. Но неожиданно в прессе появилось разоблачающее сообщение: Лист занимался черной магией. Вся Вена была шокирована, ибо «почтенного мудреца» представили как главу кровавого братства, прибегавшего в своей практике к сексуальным извращениям и заменившего крест свастикой. Гнев охватил добропорядочных венцев до такой степени, что Листу пришлось бежать из города. Равенскрофт пишет, что д-р Штейн рассказал ему, как Гитлер научился достигать высших уровней сознания с помощью наркотических средств и сумел проникнуть в тайны средневекового оккультизма и ритуальной магии. Претцше познакомил Гитлера с расширяющими сознание наркотиками и обучил его понятиям астрологического и алхимического символизма. Гитлер якобы сказал Штейну, что Претцше присутствовал при попытках Листа материализовать «инкуба» в ритуале, призванном родить «лунное дитя».

Возможность менять уровни сознания посредством наркотиков или практикой сексуальных извращений – давно известна оккультистам. Они считают, что нарушением разных табу, совершением актов, вызывающих отвращение у большинства нормальных людей, можно овладеть силами, о которых даже трудно мечтать в обычном состоянии. В Третьем рейхе постоянно ходили слухи о сексуальных отклонениях и странностях Гитлера (в частности, ему приписывали мазохизм). Никто не может, конечно, говорить о такого рода вещах с полной уверенностью, но нельзя исключать и того, что он вспоминал о наставлениях Либенфельса, Листа и некоторых других оккультных гуру.

В 1912 г. журналист Филипп Стауфф и несколько бывших последователей Листа образовали Германский орден. Особую активность в нем развил издатель и «научный антисемит» Теодор Фриче. С 1880 г. он считался лидером пангерманского движения. Написанные им книги и брошюры принесли ему заметную известность. В 1902 г. Фриче начал издавать журнал «Гаммер», стремившийся воспрепятствовать участию евреев в немецкой культурной жизни. В этом журнале публиковались обращения, призывавшие к созданию национальной организации, стоящей «над партиями». «Только подлинно арийская организация может

дать настоящее просвещение немецкому народу».

Со взглядами Фриче солидаризировались Стауфф, Поль и несколько других бывших «листовцев». По их планам, Германский орден должен был стать тайным Бундом, противостоящим тому, что они называли еврейским тайным Бундом, «плетущим мировой заговор». Присоединиться к их организации можно было только доказав немецкое происхождение в трех поколениях. Фриче и его сторонники постоянно говорили о необходимости обучения расовой науке, о важности научного подхода в деле выведения «человеческой породы». По их мнению, источником всех несчастий являлось смешение рас. Принципы пангерманизма, как они считали, следовало распространять не только среди немцев, но и среди близких им по крови народов. Беспощадная и бескомпромиссная борьба должна вестись против всего враждебного арийскому духу. В первую очередь – против иудаизма и интернационализма.

Хотя Германский орден и выступал против масонства как интернациональной организации, служащей еврейским интересам, его структура и терминология были явно заимствованы у масонов. Поль утверждал, что это способствовало сохранению секретности и предохраняло от любопытства посторонних. Масонская концепция братства также способствовала лучшему взаимопониманию между его членами.

Среди их «святого наследия» числились свастика и руны; облачения братьев свидетельствовали о приверженности Вотану и язычеству. Глубокая тайна окружала собрания «национальных оккультистов». Не существовало описаний ритуалов Германского ордена: они не доверяли бумаге. Как бы то ни было, известно, что все происходящее в их ложах внешне походило на масонство. У них имелись степени посвящения, а мистерии раскрывались через знаки и символы, доступные пониманию лишь посвященных.

Перед Первой мировой войной, несмотря на щедрые пропагандистские усилия лидеров, рост Германского ордена проходил медленно. Английский исследователь Реджинальд Фелпс говорит: «...детские игры во всякого рода надуманные ритуалы и церемонии заметно утомлял членов ордена... Поль, кажется, полагал, что самое главное – устройство банкетов...»

Между 1914 и 1918 гг. орден фактически бездействовал, ибо большинство его участников находились на полях сражений...

Из всех, кто имел какое-то отношение к Германскому ордену, вроде бы только «великий антисемит» Теодор Фриче уцелел в памяти потомков. Его «Катехизис антисемита», написанный еще в 1877 году, выдержал более двадцати изданий. Большим успехом пользовалось и «Руководство по еврейскому вопросу»,

опубликованное в 1919 году. Благодарные последователи воздвигли в честь Фриче монумент в пригороде Берлина.

Во время Первой мировой войны все тайные общества, выражаясь языком масонов, были «усыплены». Поль ограничивался тем, что продавал бронзовые кольца с рунической гравировкой. Они обладали, по его уверениям, магическими свойствами, большая потребность в которых, понятно, ощущалась в те дни.

Лишь после окончания войны, когда пошли вовсю разговоры о том, что немцам нанесли «удар в спину», оккультные антиеврейские группы заметно активизировали свою деятельность.

Основатель Общества Туле барон Рудольф фон Себоттендорф, так же как и барон фон Либенфельс, появился на свет под совсем иным, не столь звучным именем. Он родился в 1875 г. в Силезии в семье железнодорожного рабочего и звали его Адам Рудольф Глауэр. В возрасте 26 лет он переселился в Турцию и стал турецким подданным. В 1909 г. ему повезло: в Стамбуле его усыновил барон Генрих фон Себоттендорф. Так он приобрел дворянский титул и новое имя. После тяжелого ранения, полученного в войне на Балканах, Рудольф в 1913 г. уезжает в Бреслау.

Во время пребывания в Турции он серьезно занимался восточной философией, каббалой, теософией и близко познакомился с учением суффистов. Себоттендорф не отрицал, что в тот же период состоялось и его посвящение в масоны. Как бы оправдываясь, он утверждал впоследствии, что турецкое масонство не имеет ничего общего с европейским, «уведенным евреями на путь лжи и обмана». «Необходимо показать, писал Себоттендорф, что восточное масонство продолжает оставаться верным древней арийской мудрости, преданной современным масонством, чья Конституция 1717 г. обозначила отход с правильного пути».

В 1918 г. он создает свою ложу – Туле Гезельшафт (Общество Туле) и назначает себя ее гроссмейстером. Вступить в Туле могли лишь те, кто были способны доказать расовую чистоту, отсутствие еврейской или негритянской крови. Принятые в ложу давали обет полного повиновения и верности гроссмейстеру. Сам же ахт принятия «символически означал возвращение домой потерянных арийцев».

Членство в Туле, как говорил Себоттендорф, возвышало над всем остальным человечеством: тулистам было предназначено спасти мир и подготовить приход высшей расы будущего – сверхчеловеков. Для осуществления таких целей недостаточно

медитации и самосовершенствования, следовало проявлять активность и в политическом плане.

Вокруг «активных мистиков» из Туле в 1918–1920 гг. происходило объединение националистов, а также бывших военных, не находивших себе места в мирной жизни. Не является тайной, что именно тулисты сыграли решающую роль в подготовке правого путча в 1920 г., сокрушившего коммунистическое правительство в Мюнхене.

Общество «чудаков-антикваров» и любителей мифологии» распространяло заявления о том, что немецкий рабочий класс отравлен еврейской пропагандой, которой надлежит противостоять любыми средствами. На одном из собраний постановили образовать рабочий кружок для распространения политических идей Туле. В январе 1919 г. кружок соединился с другой организацией – Комитетом независимых рабочих, возглавлявшимся Антоном Дрекслером. Продуктом этого объединения и явилась Германская рабочая партия.

Таким образом маленькая политическая организация, к которой присоединился Адольф Гитлер, с самого начала имела поддержку влиятельного общества масонского типа.

Говоря о духовных предтечах и подлинных отцах-основателях, нельзя не сказать об оккультисте, сыгравшем колоссальную роль в формировании Гитлера. В последних строках «Моей борьбы» будущий фюрер Германии скажет о нем: «…я хочу также назвать одного из лучших, того, кто посвятил свою жизнь пробуждению своего, нашего народа, – в трудах, мыслях и, наконец, в делах».

Дитрих Эккарт

Кто он такой, почему он «один из лучших» для того, кто крайне редко признавал авторитеты? Немецкий историк Конрад Гейден утверждает: «Эккарт несет ответственность за духовное формирование Адольфа Гитлера». Поэтому, очевидно, нелишне сказать хотя бы несколько слов об этом учителе.

Дитрих Эккарт – поклонник Шопенгауэра и Ницше, принадлежал к числу посвященных оккультистов. Писал стихи, пьесы, статьи. Из его обильной литературной продукции особую известность приобрел сильно романтизированный перевод ибсеновского «Пер Гюнта».

В 1919 г. он открыто заявлял, что Германия нуждается в диктаторе. В книге Гейдена «Фюрер» приводится мнение, высказанное им в мюнхенском винном погребке Бреннессель:

«Во главе нам нужен парень, не шарахающийся от шума разрывающихся снарядов. Никто из офицеров не подойдет, ибо люди утратили к ним уважение. Лучше всего – рабочий, умеющий хорошо болтать... Ему не понадобится много мозгов... Он должен быть холостяком, чтобы привлечь в наши ряды женщин».

Эккарт верил, что ему предназначено приготовить путь для такого лидера, и он говорил об этом друзьям из Туле. Известны его контакты с тулистами и, в частности, самим Себоттендорфом. Они видели в нем своего, посвященного.

С Гитлером Эккарт впервые встретился в 1919 г., и они сразу нашли общий язык. Вскоре члены Общества Туле услышали от Эккарта: «Вот тот, для кого я – пророк и предтеча».

Однако, какую пользу мог извлечь для себя Адольф Гитлер от общения с посвященными и «братьями»? Приведем мнение специалистов по оккультизму Павелса и Бержье:

> «Туле... остров, находившийся на крайнем севере и неожиданно затонувший. Подобно Атлантиде, Туле является магическим центром исчезнувшей цивилизации. Эккарт и его друзья верили, что не все тайны, не все знание Туле ушло без следа под воду... По их мнению, лидерами нашего мира должны быть посвященные – те, кому даровано судьбой соприкоснуться со священным знанием великих мудрецов глубокой древности. На такого рода вере строилась арийская доктрина Эккарта и Розенберга, и эти пророки магической формы социализма вложили свои идеи в медиумический ум Гитлера.

Общество Туле было серьезным магическим братством. Его деятельность не ограничивалась интересом к мифологии, соблюдением бессмысленных ритуалов и пустыми мечтаниями о мировом господстве. Братьев обучали искусству магии и развитию потенциальных возможностей. В том числе и умению контролировать тонкую, невидимую и всепронизывающую силу, называемую английским оккультистом Литтоном «врилом», а индусами «кундалини». Врил – это огромная энергия, из которой мы используем в повседневной жизни лишь бесконечно малую часть, это нерв нашей возможной божественности. Тот, кто становится хозяином врила, становится хозяином над самим собою, над другими и над всем миром. Кроме этого, нечего больше и желать. И к этому должны быть направлены все наши усилия...

И еще, может быть, самое главное: в Туле учили технике коммуникации с так называемыми Тайными Учителями или Неизвестными Сверхлюдьми, незримо руководящими всем происходящим на нашей планете. Если у нас не будет с Ними союза, мы окажемся среди рабов, в навозе, который послужит удобрением для того, чтобы цвели новые города...

Весьма вероятно, что Гитлер научился кое-чему у тулистов и, например, хорошо усвоил ту истину, что глубокая концентрация воли и твердая личная убежденность в собственной правоте способны буквально творить чудеса».

Представляется важным заметить, что в письме, написанном им в 1923 г. за несколько дней до смерти, Дитрих Эккарт призывал:

«Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но это я, кто нашел для него музыку. Мы снабдили его средствами связи с Ними. Не скорбите по мне: я повлиял на историю больше, чем кто-либо еще из немцев».

Оккультный мессия

Некоторые, испытав в его присутствии трепет священного ужаса, думают, что в нем пребывают ангелы, Бог или высшая сила... Откуда бралась в нем сверхчеловеческая власть .. То, что я говорю, было бы романтизмом самого низкого сорта, если бы дело, совершенное этим человеком – я имею в виду силу, действующую через него – не было бы реальностью, приведшую в изумление наш век.

Дени де Ружемон

В трудные времена люди всегда ждут мессию, спасителя. Образ всемогущего отца настойчиво маячит в воображении тех, кто устал от тягот жизни. Немцы не были исключением: после поражения в войне и унизительного Версальского договора они мечтали о чуде, надеялись на вмешательство высших сил. «Откуда он придет, никто не может сказать. Но все знают: он – вождь, который однажды объявит о себе, он – тот, кого мы страстно ждем. Тысячи и сотни тысяч рисуют его образ в своем воображении, миллионы голосов зовут его, единая немецкая душа ищет его». Так писал в 1922 г. Курт Гессе, не зная, возможно, что Адольф Гитлер уже стал фюрером для нескольких тысяч немцев.

Английский историк Равенскрофт считает: «Дитрих Эккарт и маленькая группа посвященных из Туле подготовили приход германского мессии в целой серии спиритических сеансов...» И Эккарт первым распознал в бывшем ефрейторе долгожданного спасителя.

Но что известно нам о жизни Гитлера до того момента? За несколькими исключениями лишь то, что рассказал он сам: Адольф – сын таможенного чиновника, хотевшего, чтобы он пошел но его стопам; он боготворил свою мать, умершую от рака во время его скитаний в Вене, где ему не удалось стать художником; подлинное призвание открылось ему после ранения, полученного на войне.

Обозревая его жизненный путь, можно заметить, что он был трезвым и расчетливым реалистом, хорошо знавшим, как пользоваться представлявшимися ему возможностями. С другой

стороны, есть достаточно оснований утверждать, что Адольф Гитлер был также и истинным знатоком оккультного, понимавшим смысл и значение торжественных и непонятных непосвященным ритуалов, силу и власть иного, невидимого мира.

Библиотека конгресса в Вашингтоне обогатилась тысячами книг, взятыми из личной библиотеки Гитлера после падения Третьего рейха. Одна из них – «Национализм», автором которой является известный индийский мистик и писатель Рабиндранат Тагор. На ней имеется дарственная надпись, датированная 20 апреля 1921 года и принадлежащая никому неизвестному Б. Штейнингеру: «Адольфу Гитлеру – моему дорогому брату по Арманен». «Арманен», как уже говорилось ранее, – эзотерическое братство Гвидо фон Листа, объявлявшее себя хранителем тайных знаний древних германцев. Их мудрость якобы передавалась из века в век в братствах посвященных. Сокровенное знание прочно скрывалось под покровом условных слов и знаков. В этом, конечно, нет ничего нового для тех, кто хотя бы поверхностно знаком с историей тайных обществ. Лист, как отмечалось в предыдущей главе, призывал к возрождению языческих верований. Его теориям следовал Германский орден, а позднее в них черпало вдохновение и специальное бюро СС – Аненербе.

Стоит заметить, что в библиотеке фюрера была и книга барона фон Либенфельса «Молитвослов ариософической расовой мистерии и антисемитизма». Лист и Либенфельс, как известно, проповедовали чистоту крови, ненавидели евреев и пророчили наступление «нового порядка». Оба избрали своим символом свастику.

Членство в тайных обществах обычно тщательно скрывается, поэтому не нужно удивляться тому, что нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих принадлежность Гитлера к тому или иному братству. Теоретически, если принять во внимание информацию его друзей по «венским страданиям», он мог быть членом как «Арманена», так и «Ордена Новых Тамплиеров».

Йозеф Грейнер, опубликовавший свои воспоминания в 1947 году, рисовал Гитлера увлеченным оккультистом, изучавшим телепатию, йогу и знавшим, в частности, как контролировать биение сердца.

Август Кубичек, ближайший друг юношеского периода, писал, что еще в Линце «(Адольфа)... охватывали странные идеи, и он мог в одиночестве целыми днями бродить по городу, полностью поглощенный ими». Об увлечении Гитлера германской мифологией Кубичек говорил:

> «„Эдда“ была для него священной книгой. Он знал Исландию как далекий северный остров, где еще действовали силы, участвовавшие в процессе созидания Земли...»

Оба, Кубичек и Грейнер, говорят, что Гитлера особенно интриговала власть, заключенная в воле человека. В этом интересе, по-видимому, отражалось его знакомство с тайными науками. Основная задача каждого посвященного оккультиста – трансформировать себя из простого смертного в сверхчеловека, самым главным для этого считается развитие и контролирование воли. Гитлер с юношеского возраста, в отличие от подавляющего большинства, уделял огромнейшее внимание воспитанию «железной воли». Знавшие его по Вене видели в нем романтического мистика, харизматическую фигуру, оказывающую гипнотический эффект на окружающих.

Можно долго и, вероятно, бесплодно спорить о том, был ли Гитлер членом магических братств, но, думается, что трудно оспаривать знание им оккультных традиций, секретов оккультизма. Наверно, был он знаком и с «Секретной доктриной» Блаватской. В этом труде «русская Изида», между прочим, указывала, что весь мир движется «той таинственной и божественной силой, дремлющей в воле каждого человека, и которая, если не вызвана к жизни и не развита упражнениями йоги, продолжает дремать в 999999 из миллиона и в конце концов атрофируется».

От глубокой древности до наших дней сохранилось учение о том, что глубокой концентрацией воли и умелым направлением ее можно достичь желаемых результатов. Если же желанная цель не достигнута, то происходит это только из-за каких-то ошибок в проецировании и направлении нашей мысли.

Как вспоминают однополчане Гитлера по Первой мировой войне, он был «странным парнем». Один из них рассказывал:

> «...(Гитлер) часто сидел, не обращая ни на кого внимания, в глубокой задумчивости, обхватив руками голову. Затем неожиданно вскакивал и начинал возбужденно говорить о том, что мы обречены на поражение, ибо невидимые враги Германии опаснее, чем самое мощное, орудие противника».

Письма Гитлера военного времени полны веры в собственное высшее предназначение и покровительство Провидения.

> «Это самое настоящее чудо, что я жив... Только

благодаря чуду я продолжаю оставаться здоровым и невредимым».

В последний месяц войны, однако, он становится жертвой горчичного газа, примененного англичанами. Гитлер временно теряет зрение:

«...Мои глаза превратились в раскаленные угли; вокруг меня сплошная тьма».

В госпитале он узнает о капитуляции Германии.

«Опять мрак сгустился перед моими глазами; я с трудом дошел до кровати, накрылся с головой простыней и уткнулся в подушку.

С того дня, когда я стоял у могилы матери, я не знал, что такое слезы... Итак, все напрасно. Впустую жертвы и лишения, голод и жажда; бесконечные часы, когда мы, подавив трепет сердца, выполняли свой долг; напрасной оказалась и смерть двух миллионов... Во имя чего же германский солдат превозмогал чудовищную жару и снежнке заносы, переносил бессонные ночи и бесчисленные марш-броски? Во имя чего он лежал в аду артиллерийского огня и не содрогался в лихорадке газовых атак... А что сказать о тех, кто был там, в тылу?

Ничтожные выродки и преступники».

Гитлер продолжает:

«В те ночи ненависть душила меня, ненависть к тем, кто ответственен за происшедшее.

Вскоре я понял свое предназначение в мире... Я решил, что должен взяться за политическую работу».

Как удалось ему распознать свое собственное призвание? Одному из сподвижников он скажет позже, что озарение свыше, «сверхчувственное видение приказало спасать Германию».

В Мюнхене Гитлер продолжил работу для армии, служа в ее политическом отделе. В его обязанности входило наблюдение за разными партиями и группировками, подозревавшимися в подрывной деятельности. В ходе работы он узнал и об одном из сателлитов Общества Туле – Германской рабочей партии. Вскоре армейский «политрук» присоединяется к ней и довольно быстро становится одним из ее лидеров.

Любопытное сообщение содержится в статье Р. Фелпса,

опубликованной в «Американском историческом ревью» за июль 1963 г. Оказывается, вначале номер членского билета Гитлера был 55, но затем, по какой-то неведомой причине, его поменяли на 7. Такое изменение вряд ли привлечет внимание поверхностного наблюдателя, но оккультисты хорошо знают значение семерки. Например, Лист писал:

«В семерке заложен секрет начала, развития и изменения в Великом целом во всех отношениях... в ней ощущается близость к кругу вечности...»

От Пифагора оккультисты приняли теорию о том, что каждая цифра обладает своим смыслом, своим значением. Они верят: в цифрах заключен ключ к пониманию законов человеческой и космической жизни.

Как бы то ни было, – из простого предрассудка или знания «законов космоса», – но семерка стала номером Гитлера. А даже начинающий оккультист знает, что именно эта цифра лучше всего подходит тому, кто намеревается выступить в роли спасителя.

Кем была поручена ему ведущая роль? Избрала ли его какая-то группа адептов тайного знания или же только Дитрих Эккарт? Этот вопрос остается неотвеченным и по сию пору.

Согласно Курту Людке, хорошо знавшему Гитлера и Эккарта на заре нацистского движения, в Эккарте «было нечто гениальное, и он в значительной мере – духовный отец Гитлера и предтеча нацизма. Будучи человеком состоятельным, он явился также и первым финансовым благословением для Гитлера».

Больше похоже на правду то, что Эккарт был не столько богат сам, сколько обладал многочисленными связями с «нужными людьми». У него были контакты со сливками высшего общества Мюнхена. Он ввел молодого Гитлера в этот круг и представил его, как «долгожданного спасителя». По воспоминанию Альфреда Розенберга, Эккарт говорил: «Да сбудется воля и желание Провидения, но я верю в Гитлера, – на него указывают звезды».

Трудно со всей определенностью сказать, почему выбор пал на «невзрачного ефрейтора». Очевидно, в значительной степени этому способствовал его ораторский талант. О наличии у него этого качества упоминал уже «друг юности» Кубичек. Необычайный эффект, производимый на слушателей выступлениями Гитлера, ярко описан Геббельсом в личном письме ему, датированном июнем 1922 г. «Подобно восходящей звезде Вы предстали перед нами; Вы свершили чудо, прочистив наши мозги и дав нам веру, нам, – блуждавшим в мире отчаяния и скепсиса. Преисполненный веры и уверенности в будущем, Вы возвышались над массами и продемонстрировали им свою безграничную любовь ко всем тем, кто верит в новый рейх.

Впервые мы увидели человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных жаждой наживы,– с лиц всех этих парламентских ничтожеств...

Вы выразили больше, чем вашу собственную боль... Вы высказали потребность целого поколения, блуждавшего в поисках цели в мире утраченных идеалов. Сказанное Вами – катехизис новой политической веры, рожденной чувством отчаяния в поверженном, обезбоженном мире... Настанет день, когда Германия возблагодарит Вас...»

Вопреки тому, что другие думали о нем, Гитлер еще не был готов провозгласить себя мессией. Первоначально, казалось, что он готов удовлетвориться ролью нового Иоанна Крестителя, «предшествовавшего Ему». Положение изменилось после путча 1923 г.

Мюнхенская репетиция по захвату власти, как известно, завершилась полным крахом. Последствия же «пивного путча» были поистине катастрофическими: нацистская партия запрещена, ее лидеры, включая самого Гитлера, арестованы и брошены за решетку. Многие в Германии полагали, что это все: конец нацизму.

Но Гитлер вовсе не намеревался сдаваться. Он (поразительно в столь незавидной ситуации! – В.П.) продолжал крепко верить в свое высшее предназначение. Эту веру, между прочим, подтверждал и гороскоп, составленный фрау Элсбет Эбертин:

«Звезды показывают, что к этому человеку следует относиться чрезвычайно серьезно; ему предназначено возглавить будущие сражения... он пожертвует собой ради немецкого народа и мужественно примет любые невзгоды».

1 апреля 1924 г. суд приговорил Гитлера к пяти годам заключения в крепости Ландсберг. Он провел там всего 9 месяцев, но этот короткий срок был чрезвычайно важен для развития его личности. Согласно мнению некоторых компетентных историков, большое влияние на него оказал Рудольф Гесс, разделявший с ним камеру. Нужно подчеркнуть, что только после тюремного заключения начал создаваться культ личности Гитлера. Если раньше он был для всех просто «герр Гитлер», то после отсидки в Ландсберге его уже не называли иначе, как «мой фюрер».

В тюрьме он начал диктовать Гессу и свою книгу «Моя борьба», ставшую священной книгой нацизма. В ней чувствуется сильное воздействие профессора Карла Гаусхофера, посещавшего Гитлера в тюрьме по просьбе Гесса. Если Дитрих Эккарт во многом помог будущему вождю овладеть искусством пропаганды, то Гаусхофер расширил его видение и научил геополитике. Подлинным наваждением для герра профессора

была идея жизненного пространства. Глубоко убежденный в превосходстве северных народов и в тлетворном влиянии евреев на ход мировой истории (к слову сказать, его жена была еврейкой. – В.П.), Гаусхосфер полагал, что арийская раса ведет свое происхождение из Центральной Азии, и потому настаивал на необходимости захвата ее территории. В «Моей борьбе» постоянно встречается упоминание о важности жизненного пространства, а в 14-й главе дискутируется проблема безопасности жизненной зоны и роль географии в военной стратегии – прямое отражение тюремных бесед с Гаусхофером.

Необходимо заметить, что мюнхенский профессор повлиял на Гитлера и в духовном плане. Гаусхосфер не любил распространяться об этом, но еще до Первой мировой войны он отдал большую дань оккультизму: прошел выучку у Гурджиева, тибетских лам и у адептов японского тайного общества Зеленого Дракона. Подобно Гитлеру, Гаусхофер избегал говорить о своих эзотерических интересах, ибо отлично знал, что такого рода разговоры вызывают лишь пренебрежительную усмешку у непосвященных. Он же предпочитал, чтобы в нем видели только трезвого, рационально мыслящего ученого.

Как считает американец Джеральд Шустер, Гаусхофер познакомил Гитлера с восточным учением о чакрах – энергетических центрах, расположенных в семи точках человеческого тела. У большинства людей эти центры находятся в дремлющем состоянии, но их можно активизировать с помощью определенных упражнений, и перед теми, кому это удается, открываются необычайные возможности: в их распоряжении оказываются сверхчеловеческие силы и магическое видение, называемое третьим глазом или глазом Циклопа.

Есть ли какой-то намек на то, что Гитлер имел понятие о таких, вроде бы отвлеченных и далеких от реальности вещах? Мало что смысливший в оккультизме Герман Раушнинг вспоминал:

«Темой, к которой он постоянно возвращался, был „решающий поворот мира“, или круговорот времен. Предстоит потрясение планеты, которое мы, непосвященные, не сможем понять во всем его размахе. Гитлер говорил, как ясновидящий. Он построил для себя биологическую мистику или, если угодно, мистическую биологию, образовавшую основу его вдохновения. Он придумал себе личную терминологию. „Ложная дорога ума“ означала пренебрежение человека своим божественным призванием. Приобретение магического видения представлялось ему целью человеческой эволюции.

Он верил, что сам был уже на пороге магического знания,

источника его настоящих и будущих успехов. Один профессор того времени написал помимо некоторого числа нужных работ несколько довольно странных эссе о первобытном мире, об образовании легенд, о толковании снов у народов первых эпох, об их интуитивных знаниях и о роде превосходящей власти, используемой ими для изменения законов природы. В этом нагромождении была еще речь о глазе Циклопа, глазе на лбу, который затем атрофировался, чтобы образовать шишковидную железу в мозгу. Такие идеи завораживали Гитлера. Он любил погружаться в них. Он не мог объяснить себе чудо своей собственной судьбы иначе, как действием скрытых сил. Он приписывал себе сверхчеловеческое призвание – возвестить человечеству новое евангелие...

Род человеческий, – говорил он, – испытывал с самого своего происхождения чудесный циклический опыт. Он проходил испытания, совершенствуясь из тысячелетия в тысячелетие. Солнечный период человека подходил к своему концу; уже можно было различить первые образцы сверхчеловека. Намечалась новая порода, которая должна была оттеснить прежнее человечество.

Точно так же, следуя бессмертной мудрости древних нордических народов, мир должен был постоянно омолаживаться посредством крушения отжившего и сумерек богов, точно так же, как в древних мифологиях солнцестояния представляли символ жизненного ритма не в виде прямой, продолжающейся линии, но спирали, так же и человечество прогрессировало серией скачков и возвращений“.

Когда Гитлер обращался ко мне, – продолжает Раушнинг, – он пытался выражать свое призвание провозвестника нового человечества в рациональных и конкретных высказываниях. Он говорил:

«Творение не завершено. Человек явно подходит к новой фазе превращения. Прежняя человеческая порода уже вошла в стадию гибели, лишь немногие выживут. Человечество восходит на новую ступень каждые семьсот лет, и ставка в борьбе, еще более длительной, пришествие сына божьего. Вся творческая сила будет сконцентрирована в новой породе. Две разновидности будут быстро эволюционировать, противостоя друг другу. Одна погибнет, другая разовьется. Она бесконечно далеко превзойдет современного человека...»

Возможно, что Гаусхофер поощрял и развивал веру Гитлера в неизбежность появления сверхчеловека, ибо он сам вовсе не случайно побывал в Тибете, который Блаватская и Гурджиев считали родиной Неизвестных Сверхлюдей.

Под влиянием Гаусхофера, Гесса или же без них, но за время

тюремного заключения у Гитлера еще больше укрепилась вера в самого себя, вера в то, что Всевышний избрал его для определенной миссии.

Раушнинг приводит довольно типичный разговор между Гитлером и Бернардом Форстером – мужем сестры Фридриха Ницше. В ходе беседы фюрер, в частности, заявил, что он «пока не может раскрыть смысл своей уникальной миссии. Когда наступит пора, он возвестит приход новой религии... Мы не будем больше бояться смерти. Гитлер восстановит человечество в предназначенное ему божественное состояние; люди перестанут чего-либо бояться. Они станут доверять своим инстинктам и перестанут быть жителями двух миров. Они обретут единую, вечную жизнь».

Новая религия Гитлера отражала идеи Листа и Либенфельса: она была смесью язычества, гностицизма и магии. Ее подлинный смысл мог быть открыт лишь посвященным, ибо только они готовы к ее приятию. Посвященные, чье сознание продвинуто в определенном плане, должны содействовать распространению новой религии.

Существует много свидетельств относительно медиумических способностей Гитлера. По-видимому, что связано с местом его рождения – Браунау-на-Инне. Сей городок снискал себе известность благодаря тому, что в нем появилось на свет немало людей, отличавшихся необычайной психической чувствительностью. Оккультисты непременно подчеркивают, что у прославленного медиума Вилли Шнейдера и у будущего вождя Германии была одна и та же кормилица.

Почти все наблюдавшие выступления Гитлера говорят о том, что он часто впадал в состояние, напоминающее транс. Раушнинг вспоминает слова Форстера о Гитлере:

«Бог или универсальный дух беседует с ним наедине. Он получает великую силу от соприкосновения с вечным, божественным... Он слышит голоса... (Форстер добавлял). Я слышу эти голоса, о которых говорит Гитлер. После этого я чувствую себя сильным и знаю, что мы победим и будем жить вечно».

Оккультизм учит, что, войдя в контакт со скрытыми силами посредством договора, члены группы могут вызывать

эти силы только через посредство мага, который не может действовать без медиума. Все происходило так, как если бы Гитлер был медиумом, а Гаусхофер – магом...

Раушнинг описывал фюрера:

«Глядя на него, приходится думать о медиумах. Большую часть времени это обычные, незначительные существа. Вдруг на

них, как с неба падает сила, поднимающая их над обычными мерками. Эта сила – внешняя по отношению к их действительной личности. Она – как гость с других планет. Медиум – одержимый. Исчерпав этот порыв, он вновь впадает в ничтожность. Так, несомненно, некие силы пронизывают Гитлера. Силы почти демонические, для которых персонаж по имени Гитлер – только мимолетная одежда. Это соединение банального и исключительного – невыносимая двойственность, ощущаемая немедленно при контакте с ним. Это существо могло бы быть придумано Достоевским. Таково впечатление, производимое в странном лице соединением болезненной рассеянности и беспокойной силы».

Штрассер:

> «Тот, кто слушает Гитлера, вдруг видит появление вождя человеческой славы... Словно свет возникает в темном окне...»

Буше:

> «Я взглянул в его глаза, глаза стали медиумическими... Порой он выглядел так, будто что-то вселялось в него извне. Он излучал флюид... Потом он вновь становился малеш ким, посредственным, даже вульгарным. Он казался усталым,как бы с исчерпанными до конца аккумуляторами».

Франсуа-Понсе:

> «Он впадал в род медиумического транса. Его лицо выражало экстатическое восхищение».

За медиумом, как пишут Павелс и Бержье, «стоял не один человек, а группа, совокупность энергий, магический энергоцентр. И нам кажется бесспорным, что Гитлер был воодушевлен не тем, что он выражал, а силами и доктринами, плохо связанными между собою, но бесконечно более глубокими, чем одна только национал-социалистическая теория. Мысль, гораздо более масштабная, чем его мысль, непрерывно распирает его, а он передает народу и своим сотрудникам только ее до крайности вульгаризированные обрывки».

Однако он взял и использовал только то, что служило его честолюбивому желанию завоевания власти, его мечте о владычестве над миром и о биологической селекции человеко-бога.

Но была у него и другая мечта – изменить жизнь на всей планете. Порой оказывалось, что тайная мысль выпирала из него, неожиданно просачивалась сквозь крошечную щель. Он говорил Раушнингу:

> «Наша революция – новый этап, или, вернее, конечный этап эволюции, приводящий к вытеснению истории...»

Или еще:

> «Вы ничего не знаете обо мне, мои товарищи по партии не имеют никакого представления о снах, терзающих меня, и о грандиозном здании – только его фундамент будет создан, когда я умру. Бывают решающие повороты в мире, и мы сейчас стоим перед таким поворотом времен... Произойдет потрясение планеты, которого вы, непосвященные, не можете понять... То, что происходит сейчас, это больше чем рождение новой религии...»

Австралийский журналист Стивен Роберте, живший в 30-е годы в Германии, писал, что Гитлер был для своих сторонников «полубогом, обладающим сверхъестественными силами и знающим благодаря этому, что надлежит делать». Многие наблюдатели отмечают, что фюрер пародировал Иисуса. Так, в одном из выступлений он заявил:

«Так, в одном из выступлений он заявил: „Тот, кто объявляет о своем союзе со мной, уже самим этим фактом показывает, что принадлежит к числу избранных“.

Символы мессианства отмечались в нацистской пропаганде. В витрине одного магазина в Берлине был выставлен внушительных размеров портрет Гитлера, окруженный изображениями Христа. Во время партийного ралли в Нюрнберге демонстрировалась гигантская фотография Гитлера, надпись под которой гласила «В начале было слово» (Евангелие от Иоанна), – давно излюблена эта фраза оккультистами, вкладывающими в нее особый смысл. В некоторых протестантских церквах звучали проповеди со словами, приводившими в неподдельный ужас паству. Например:

> «Адольф Гитлер – голос Иисуса Христа, возжелавшего стать плотью и кровью немецкого народа, и ставшего такой плотью и кровью».

В брошюре, озаглавленной «Что христианин не знает о

христианстве», делалось поразительное открытие:

> «Если Иегова утратил всякое значение для нас, немцев, то то же самое должно быть сказано и об Иисусе Христе, его сыне. Он не обладает теми моральными качествами, которые Церковь приписывает ему. У него определенно нет того, что необходимо каждому настоящему германцу. В самом деле, если внимательно читать его жизнеописание, он разочаровывает, как и его отец».

В детских садах учили молиться следующим образом: «Фюрер – мой свет, моя вера. Да будет благословенно имя твое, мой фюрер!»..

Образ Христа хорошо срабатывал для обработки масс. Для духовно рафинированной публики были нужны иные образы и представления. Гитлер питал большую любовь к символам святого Грааля. Он вопрошал Раушнинга: «Не создать ли нам элиту посвященных? Орден? Религиозное братство тамплиеров для охраны св. Грааля, – сокровенного сосуда с чистой кровью?» Поиск святого Грааля – понятный всем оккультистам термин, означающий стремление к тайному знанию. Как пишет Равенскрофт, Гитлер видел в Граале «путь, ведущий к духовному пробуждению», на этом пути были «ступени, обозначавшие достижение различных уровней высшего сознания». Поднявшиеся на высшую ступень осуществляют «всемирно-историческую миссию».

По утверждению того же Равенскрофта, Гитлер говорил: «Подлинные добродетели Грааля свойственны всем арийским народам. Христианство же только бросило семена разложения: прощение, слабость, фальшивое смирение... Оно явилось отрицанием эволюционных законов о выживании сильных, смелых и талантливых».

В 1937 г. в Германии были выпущены плакаты, на которых изображался Гитлер в доспехах рыцаря Грааля. Их быстро убрали. Высказывалось мнение, что произошло это «из-за того, что они опережали события и... чересчур правдиво выражали ментальность фюрера».

Как уже говорилось выше, Гитлер считал себя провозвестником прихода нового человека. Что же мешало, препятствовало его появлению? С точки зрения Гитлера, – еврейство, «ненавидящее свет и являющееся воплощением тьмы». Необходимо, полагал он, очистить землю от «еврейской заразы». Либенфельс предлагал тотальное уничтожение «иуд». Себоттендорф был также достаточно откровенен. В «Беобахтер» от

10 марта 1920 он объявлял свою «конечную пель»: «Избавиться от евреев раз и навсегда!» Основатель Общества Туле предлагал «самые безжалостные меры, в том числе концентрационные лагеря» и настаивал на том, чтобы «вымести еврейскую гадину железной метлой».

Следуя своим учителям, Гитлер видел в евреях «наше несчастье». Они внушили нам всякие «ложные понятия». Из-за их внушений мы придаем чрезмерное значение интеллекту и совести. В одном из его монологов, записанных Раушнингом, утверждается:

> «Мы находимся в конце эры разума. Интеллект стал болезнью жизни...
>
> Совесть – еврейское изобретение. В ней есть что-то от обрезания.
>
> Наступает новая эра магической интерпретации мира, в которой будет доминировать воля, а не интеллигентность.
>
> Не существует такой вещи как правда, – ни в моральном, ни в научном смысле. Новое человечество должно быть полностью противоположно еврейству».

С приходом нового человека увеличится неравенство. В этом заключалось гитлеровское противоядие против демократии. Надо вновь соорудить несокрушимые барьеры между «господами и рабами», наподобие тех, что, по его представлению, имелись в великих цивилизациях древности. Гитлер явился в мир. чтобы освободить «арийцев» от «грязной и дегенеративной химеры, называемой совестью и моралью; от нелепых требований свободы и личной независимости, переносить которую могут лишь считанные единицы». Арийцы, в первую очередь – немцы, должны быть по ту сторону добра и зла. Он освободит их от «бремени свободной воли». Он покажет с «невероятной ясностью», что понятия «индивидуальная душа и личная ответственность» лишены какого-либо смысла... Судя по популярности Гитлера, «страдающие немецкие массы» были вполне готовы «радостно приветствовать» и новую религию, и нового человека.

Посредством ночных факельных шествий, псевдорелигиозных торжественных ритуалов, оглушающих военных маршей, развевающихся громадных флагов со свастикой и т.п. методов обработки, безотказно действующих на воображение человека толпы, создавался совершенно новый тип цивилизации, призванной прийти на смену «иудео-христианскому ярму». Надо сказать, что переход этот проходил в Германии чрезвычайно быстро. У «простых людей» буквально на глазах исчезало

разъедающее их жизни беспокойство, они с гордостью ощущали себя участниками великих дел и свершений. Ведомые тонким психологом и знлтоком оккультных мистерий Гитлером, они переставали чувствовать себя заброшенными, покинутыми, никому не нужными человеческими песчинками и обретапи ралостное чувство единения с чем-то высшим и вечным. Великий вождь указал миллионам немцев путь, дал им новую надежду и новый горизонт.

Розенберг, Гесс и другие

В 20-е годы в нацистском движении наблюдался гармоничный союз между оккультизмом и политикой. Среди первых апостолов германского мессии почти все проявляли интерес к эзотерическим учениям. Вероятно, только о Геббельсе, обнаружившем в одно время неожиданные симпатии к советской России, можно сказать, что он не принадлежал к тому или иному «братству». Даже такой земной человек, как Герман Геринг – повеса и гуляка, испытывал вспышки любопытства к тайным знаниям. В Скандинавии, где ему после окончания первой мировой войны пришлось работать летчиком-испытателем, он вступил в организацию масонского типа – Общество Эдельвейс. Позже «толстого Германа» можно было встретить среди членов германской Лучезарной ложи, иногда называвшейся Врил (напомним, что словом «врил» английский писатель и оккультист Бульвер-Литтон окрестил ту невидимую и всепронизывающую силу, которая в индуистских учениях зовется «кундалини».– В.П.).

На заре нацизма Гитлер через Эккарта завел знакомство с молодым и довольно загадочным человеком, проявлявшим склонность к мистицизму и уже зарекомендовавшим себя специалистом по «иудо-масонскому заговору». Это был Альфред Розенберг, ставший впоследствии «главным идеологом». В 1919 г. он вместе с русскими беженцами прибыл в Мюнхен из захваченной большевиками России. Вскоре он встретился с Дитрихом Эккартом и вступил в Общество Туле. По свидетельству очевидцев, нищему эмигранту быстро удалось найти общий язык с Эккартом и обрести заметный статус в правых кругах благодаря вывезенным им из Москвы «Протоколам сионских мудрецов». Некоторые историки считают эти самые протоколы фальшивкой, «состряпанной Сергеем Нилусом по заданию царской охранки». Но у них были (и есть!) ревностные защитники, твердящие об их «несомненной подлинности». Например, князь М. Горчаков писал:

«Протоколы представляют собой мировую программу; в этом не сомневается никто. Чья это программа, указано в самих протоколах...

Мы, русские, должны постоянно помнить, что именно еврейством эта программа была применена и испытана на теле живой России и послужила ему сперва орудием разложения, а затем и орудием порабощения».

Розенберг представил свою версию о том, как «сионские мудрецы» попали ему в руки. По его слорам, к нему на квартиру в

Москве (кстати сказать, он был студентом Московского университета. – В.П.), явился «таинственный незнакомец», который «положил книгу на стол и исчез, не проронив ни единого звука».

Гитлер увидел в записях сионских мудрецов потрясающий пропагандистский материал и... высоко оценил «эрудицию Розенберга». «Русский эмигрант» забрался в высший эшелон нацистской иерархии.

Следует отметить, что его роль в движении рассматривается весьма неоднозначно: англичанин Льюис Спенс говорит, что Розенберг был злым гением нацизма; немец Иоахим Фест видит в нем совершенно заурядную личность, жившую в мире собственного воображения. Правда, по-видимому, в том, что Розенберг имел сильное влияние на Гитлера и нацистов в 20-е годы, но затем «русский» (так иногда его называли противники и завистники) был оттеснен на задний план более жестокими и целенаправленными соперниками. Однако вначале, когда ему покровительствовал Эккарт, сведший его с Гитлером, все обстояло иначе. Розенберг сразу же проявил себя пылким приверженцем нацизма и развил бурную писательскую деятельность. Одна за другой выходили его книги: «Влияние евреев в истории», «Аморальность в талмуде» (обе в 1919 г.) и «Преступность масонства» (1921 г.). В них доказывалось существование иудо-масонского заговора, стремящегося «подорвать основы нашей жизни». Согласно Розенбергу, объединенные усилия масонов разных стран привели к развязыванию первой мировой войны, а русская революция была инспирирована «международным еврейством».

Огромная продуктивность и обширная эрудиция в сфере «патологического национализма» сделали из него ведущего партийного идеолога. Эта репутация еще более окрепла после выхода в 1930 г. «Мифа XX века» – важнейшей книги национал-социализма, уступающей лишь «Моей борьбе» Гитлера.

В своем пространном труде, начинающемся словами: «Сегодня история мира должна быть написана заново», он интерпретирует всю историю как сплошной расовый конфликт.

Розенберг ставил перед собой задачу невиданных масштабов: он стремился создать не просто еще одну теорию, а совершенно новую религию.

«Сегодня рождается новая вера: миф крови. Соединив веру и кровь, мы отстаиваем божественную природу человека, его целостность... нордическая кровь и есть та материя, которая должна заменить и преодолеть все старые таинства».

Розенберг проповедовал новое сознание – сознание крови. Он

отрицал не только христианство, но и германское неоязычество, нападал на астрологию. Для него религия крови была единственной истиной, ибо «базировалась на очевидных фактах жизни». Он мечтал о национальной религии крови, в ритуалах которой «отразится правда человеческого существования». В христианстве ведущий нацистский идеолог не видел ничего, кроме пустых обрядов и «иудейской блевотины».

Гитлер во многом соглашался с Розенбергом и его монологи, записанные Раушнингом, являются красноречивым подтверждением.

«Все религии одинаковы, неважно, как они называют себя. У них нет будущего, тем более в Германии... Будь то Ветхий Завет или Новый, нет никакой разницы: все то же самое, старое еврейское надувательство... Нельзя быть одновременно немцем и христианином. Надо выбрать что-то одно. Нам нужны свободные люди, которые чувствуют и знают, что Бог находится в них самих... Наши крестьяне не забыли истинную религию... Она еще живет... Крестьянину нужно сказать о том, что разрушила церковь: все тайное знание природы – божественное, бесформенное, демоническое... Мы скинем внешний покров христианства и обнаружим религию, свойственную нашей расе... с помощью крестьян мы сможем уничтожить христианство, потому что в них, в детях земли, есть подлинная религия, коренящаяся в природе и крови».

С благословения Гитлера Розенберг составил параграфы устава будущей Церкви Национального Рейха. В них говорилось о беспощадной борьбе с чужеземной христианской верой, требовалось запретить библию и заменить ее другой книгой – «Моя борьба».

В последнем параграфе устава «Новой Церкви» было сказано:

> «В день ее основания христианский крест должен быть снят со всех церквей, храмов и часовен и заменен единственным непобедимым символом – свастикой».

Если бы Германия одержала победу во Второй мировой войне, то подобное могло бы осуществиться...

В тот же самый период, когда бывший московский студент Альфред Розенберг развивал свои псевдорелигиозные идеи, находившие понимание у Гитлера и у членов Общества Туле, другой оккультист прокладывал себе дорогу к нацизму. Это был мюнхенский студент Рудольф Гесс, родившийся, между прочим, в Египте. Большинство историков рисуют Гесса человеком слабым и нерешительным. Его же духовный ментор Карл Гаусхофер писал о нем следующее: «Ой находился во власти эмоций и страстно

увлекался странными, фантастическими идеями... верил в то, что звезды влияют на личную и политическую жизнь. Я навсегда запомнил выражение его ясных глаз, в них было что-то сомнамбулическое...»

Так же как и Розенберг, Гесс принадлежал к Обществу Туле. Но его подлинным гуру был всегда Гаусхофер, об идеях которого рассказывалось ранее. Другого своего великого учителя, ставшего для него идолом, – Адольфа Гитлера, он нашел в 1921 году, побывав на митинге Германской рабочей партии. Услышав Гитлера, нервный мюнхенский студент испытал экстаз религиозного обращения и решил посвятить свою жизнь служению фюреру. Позже жена Гесса скажет, что его необычайная преданность Гитлеру носила магический характер.

Беспредельная лояльность Рудольфа Гесса снискала ему расположение вождя, сделавшего его своим личным адъютантом, а затем и заместителем по партии. Следует заметить, что Гитлер терпимо относился к определенным интересам Гесса, осуждаемым им у других. Так, его заместитель совершенно иррационально был увлечен оккультными науками: астрологией, ясновидением, гомеопатией и т.п. В течение шести лет он разыскивал магическое питье, способное принесли ему и его жене наследника. Когда они, наконец, преуспели в этом деле, Гесс положил под колыбель ребенка крупицы земли, присланной ему из разных уголков Германии, т.е. совершил магический ритуал известный с древнейших времен.

Говоря о Гессе, необходимо опять вернуться к Карлу Гаусхоферу. Он и его сын Альбрехт, также геополитик, поддерживали, как пишет французский исследователь Жан-Мишель Ангебер, тесные связи с представителями английского высшего света, являвшимися членами оккультистского ордена Золотой зари. Однако с началом войны в 1939 г. связь с ними оборвалась. Старший Гаусхофер попытался через Гесса убедить Гитлера в необходимости заключения мира с Англией. Он же, весной 1941 г., убедил своего послушного последователя совершить знаменитый полет в страну туманного Альбиона, закончившийся воистину плачевно.

Гаусхоферы составляли планы устройства личной встречи между Гессом и герцогом Гамильтоном, который был хорошим другом Альбрехта. К мнению герцога прислушивались премьер Уинстон Черчилль и король Джордж. Если бы он мог сообщить им детали немецкого мирного предложения, то, кто знает... Гаусхоферы полагали, что стоило пойти на риск. Старший Гаусхофер, зная, каким языком следует говорить с Гессом, сказал ему, что звезды благоприятствуют полету. Этого оказалось вполне

достаточно: Гесс всегда верил знакам, подаваемым из высшего мира.

Он вылетел в Шотландию 10 мая 1941 г. на «Мессершмитте», сконструированном специально для него. Среди того немногого, взятого им с собой, были визитные карточки обоих Гаусхоферов, набор гомеопатических таблеток и письмо для герцога. Знал ли Гитлер о его планах? До сего дня не представляется возможным ответить на этот вопрос.

Гесс благополучно приземлился в Шотландии, но все последующее не было предвидено не только им, но и Гаусхоферами. Британское правительство отвергло мирное предложение. Гитлер незамедлительно объявил Гесса сумасшедшим, что привело к немалому замешательству в стране: совсем недавно, когда он занимал высокий пост, никто не мог даже усомниться в его нормальности...

Англичане, как известно, арестовали незадачливого заместителя фюрера. Из тюрьмы он послал старшему Гаусхоферу поздравление с днем рождения с такими, в частности, строками: «Не беспокойтесь обо мне. Вам меньше, чем кому-либо еще стоит беспокоиться. Мое нынешнее положение не совсем приятное. Но в дни войны надлежит претерпевать тяготы и мириться с тем, что является трудно переносимым.

Нельзя отрицать того, что я потерпел крушение, но ведь я был моим собственным пилотом! Поэтому я могу упрекать лишь самого себя. Все находилось под моим контролем. Вы хорошо знаете, как и я, что компас, ведущий наши дела, находится под влиянием сил, которые не могут ошибаться... Пусть эти силы будут благоприятствовать вам в последующие годы!»

В дальнейшем, увы, «эти силы» отвернулись не только от Гесса, но и от обоих Гаусхоферов. Фюрер явно перестал им благоволить. В письме Бормана Розенбергу, датированном 17 июня 1942 г., указывается, что «Национал-социалистический ежемесячник» чересчур много внимания уделяет статьям Карла Гаусхофера, и что впредь этого не должно быть.

Альбрехт Гаусхофер принимал участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., когда фюрер чудом избежал смерти. После этого его отправили в Моабитскую тюрьму, а Карла – в Дахау. В заключении, в ожидании казни, Альбрехт написал 80 сонетов. В сонете 38, посвященном отцу, есть такие строки:

С моим отцом говорила судьба,
Лишний раз все зависело от того,
Чтобы оттолкнуть демона в его темницу.
Мой отец сломал печать,
Он не почувствовал дыхания зла,

Он выпустил демона в мир...

После войны Карл Гаусхофер должен был свидетельствовать на Нюрнбергском процессе, но этого не случилось. В 1946 г. он покончил с собой, совершив харакири.

Гесс, как все знают, был приговорен в Нюрнберге к пожизненному заключению. С 1947 г. и до своей смерти в 1987 г. в возрасте 93 лет (имеется достаточно оснований полагать, что его убили. – В.П.), находился в тюрьме Шпандау. Заслуживает внимания тот факт, что он каждый день делал упражнения по системе йоги. Известна его переписка с женой и сыном. Хотя они виделись в последний раз в мае 1941 года, «никогда не чувствовали себя разделенными». Фрау Гесс говорила:

> «Телепатия, астрология и его письма держат нас вместе... Мой муж и я находимся в постоянном телепатическом контакте...»

В оккультном помрачении

Описывая последние дни нацистской Германии, автор книги «Возвышение и падение Третьего рейха» В. Ширер отмечает:

> «Это была атмосфера сумасшедшего дома. Члены кабинета возлагали надежды... на предсказания звезд».

Надо сказать, что удивляться этому не приходится: тяготение к астрологии и ко всему оккультному было свойственно национал-социализму не только в конце, но и при самом зарождении. «Врил», оккультная антропология, атлантомания, «коренные расы», единство религии и науки – все эти проблемы самым серьезным образом дебатировались еще в Мюнхене в первых нацистских кружках. В такой обстановке и появилось «величайшее учение» Гербигера, которого Гитлер считал «одним из трех великих космологов». На этом «учении», пожалуй, стоит остановиться особо, ибо оно весьма наглядно показывает, до каких нелепостей может довести оккультное помрачение.

Летом 1925 года многие ученые Германии и Австрии получили письмо, в котором заявлялось:

> «Выбор надо сделать сейчас, быть с нами или против нас. В то время как Гитлер очистит политику, Ганс Гербигер сметет лживые науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Вставайте в наши ряды, пока еще не слишком поздно!»

Человеку, осмелившемуся бросить такой вызов, было 65 лет. Его учение уже получило известность среди широкой публики под названием ВЕЛ (Велтайслере: учение о вечном льде). «Арийская космогония» противоречила общепринятым астрономическим и математическим данным, но зато оправдывала древние мифы.

«Объективная наука – изобретение вредное, она – тотем упадка», – писал Гербигер. Он считал, как и Гитлер, что «главный вопрос любой научной деятельности – знать, кто хочет знать». Только пророк может претендовать на новое слово в науке, ибо он просветлен, вознесен на высшую ступень сознания. Ганс Гербигер не выносил ни малейшего сомнения, ни малейшего намека на противоречие. Его сотрясала священная ярость. «Вы доверяете уравнениям, а не мне! – возмущался он. – Сколько времени нам

надо потратить на то, чтобы увериться в том, что математика – ложь, не имеющая никакой ценности?»

Гербигер не был одинок. Другой нацистский космолог утверждал, что мы живем на внутренней поверхности сферы. Третий заявлял, что земля плоская, что и побудило в конце концов послать на Арарат экспедицию за ковчегом.

За несколько лет основанное Гербигером движение опубликовало три огромных тома с изложением учения, 40 популярных книг, сотни брошюр. Оно издавало ежемесячный журнал «Ключ мировых событий». Учение Гербигера, умершего в 1932 г., унаследовал его сын Ганс Гербигер-младший, тесно связанный с главарями штурмовиков. После прихода к власти Гитлера сопротивление ВЕЛу резко пошло на убыль, хотя университеты по-прежнему преподавали ортодоксальную астрономию. Известные инженеры и ученые присоединялись к доктрине вечного льда. Среди них были Ленард, претендовавший на приоритет в открытии рентгеновских лучей, физики Оберт и Штарк, чьи исследования в области спектроскопии были всемерно известны.

«Наши нордические предки окрепли в снегах и льдах, – писалось в одной листовке, – вот почему вера во всемирный лед является естественным наследием нордического человека».

Доктрина Гербигера объясняла появление Солнечной системы, Земли, жизни и духа. Она описывала все прошлое мира и указывала на его будущие изменения. Она отвечала на три главных вопроса: «Кто мы? Откуда мы явились? Куда мы идем?»

Учение исходило из натурфилософской идеи беспрерывной борьбы между льдом и огнем, между силой отталкивания и силой притяжения. Эта борьба, это меняющееся напряжение между противостоящими принципами, эта вечная война в небе, являющаяся законом планет, правит также Землей и живой материей, определяя историю человечества. Гербигер описывал череду падений, в которых фигурируют люди-боги, гиганты, сказочные цивилизации. Его доктрина циклов и квазимагических отношений между человеком и миром опиралась на древние пророчества, оккультное учение об астрале, древнеиндийскую мистику, астрологию и демонологию.

В письме к рейхсляйтеру Лею Гербигер писал, как будучи молодым инженером, «наблюдал однажды падение струи расплавленного металла на мокрую заснеженную землю: земля взорвалась с замедлением и большой силой». Вот из этого наблюдения и выросло его учение.

В небе существовало огромное тело высокой температуры, которое было в миллионы раз больше нынешнего Солнца. Оно

столкнулось с гигантской планетой, появившейся в результате скопления космического льда. Масса льда проникла глубоко в недра суперсолнца. Сотни тысяч лет все оставалось по-прежнему. Потом произошел грандиозный взрыв.

Осколки были отброшены так далеко, что исчезли в ледяном пространстве. Другие либо упали обратно на центральное тело, либо задержались в средней зоне, став планетами нашей системы. Их было 30. Луна, Юпитер, Сатурн « состоят из льда, а каналы Марса – ледяные трещины. Только Земля не полностью захвачена холодом: на ней продолжается борьба льда и огня.

На расстоянии втрое большем, чем от Солнца до Нептуна, находится огромное ледяное кольцо. Официальные астрономы упорствуют, называя его Млечным Путем, потому что сквозь него просвечивает несколько звезд, похожих на Солнце. Но фотографии отдельных звезд не более чем мошеннический трюк. Это куски льда, сияющие отраженным светом.

Солнечные пятна, меняющие форму и месторасположение, происходят от падения ледяных осколков, отрывающихся от Юпитера, который замыкает свое обращение каждые 11 лет.

Лед и огонь, отталкивание и притяжение вечно борются в мире. Эта борьба определяет жизнь, смерть и бесконечное возрождение космоса.

Немецкий писатель Элмар Брюгг издал в 1952 году труд, посвященный Гербигеру, где он писал:

«Ни одна из доктрин изображения мира не пользовалась принципом противопоставления, борьбы двух противоположных сил, которыми питается душа человека вот уже много тысячелетий. Незабываемое достоинство Гербигера в том, что он возродил интуитивное знание наших предков о вечном конфликте огня и льда, воспетое „Эддой“. Он изложил этот конфликт нашим современникам. Он научно обосновал этот грандиозный образ мира, связанного с дуализмом материи и силы: отталкивания, которое рассеивает, и притяжения, которое собирает».

Луна, согласно Гербигеру, в конце концов упадет на Землю. Несколько десятков тысячелетий расстояние одной планеты от другой кажется неизменным, но спираль неуклонно сужается. Постепенно усилится гравитационное воздействие Луны на Землю. Воды океанов поднимутся и в постоянном приливе покроют сушу, затопят тропики, окружив высочайшие горы. Живые существа ощутят постепенное уменьшение своего веса. Они вырастут. Космические лучи станут более мощными. Действуя на гены и хромосомы, они вызовут мутации. Появятся новые расы, животные, растения и люди-гиганты.

Луна взорвется от большой скорости вращения и станет кольцом из скал, льда, воды и газа, которое будет вращаться все быстрее и быстрее. Когда же кольцо обрушится на Землю, настанет объявленный Апокалипсис. Если люди переживут его, то самым сильным, лучшим, избранным предназначено увидеть ужасающие картины конца мира.

На протяжении тысячелетий лишенную спутников Землю ожидают потрясающие наслоения новых рас гигантов и невероятные катаклизмы. В конце концов Марс достигнет орбиты Земли. Слишком большой, чтобы стать спутником, он пройдет мимо и рухнет на Солнце. Земная атмосфера будет похищена Марсом и рассеется в пространстве. Океаны вскипят, смоют все, и земная кора лопнет. Мертвая планета столкнется в небе с ледяными планетоидами, станет гигантским ледяным шаром и тоже рухнет на Солнце. После столкновения настанет великое молчание, великая неподвижность, а внутри пылающей массы миллионами лет будут накапливаться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв яростных сил космоса.

Такова судьба Солнечной системы в видении Гербигера, которого лидеры национал-социализма называли Коперником XX века. Они относились к его фантасмагориям с полным доверием. В подписанном 19 июля 1936 года «Примонтском протоколе» ВЕЛ признавался «подлинным сокровищем германского интеллекта».

Молодой «айслере-фюрер» Ганс Роберт Гербигер как-то изрек:

> «Теория относительности так относится к мировому льду, как Талмуд к Эдде».

Для подтверждения правоты арийской космогонии Гиммлер послал Эдмунда Кисса в Абиссинию, организовал специальный отдел и даже снарядил экспедицию в Гималаи...

Гитлер принимал некоторые важные решения на основе теории Гербигера. Например, им были задержаны ракетные испытания из-за опасения нарушить равновесие в атмосфере. По этим же соображениям, замедлялись эксперименты, которые могли бы привести к созданию атомной бомбы...

Наиболее весомое подтверждение слепой веры фюрера в учение «ледяного пророка» можно обнаружить, пожалуй, в ведении им военной кампании против России. Гербигерианцы предсказали очень мягкую зиму и поэтому он, обычно чрезвычайно чуткий к нуждам своей армии, не счел нужным снабжать ее зимним обмундированием. Результаты чрезмерной веры в «науку» оказались катастрофическими для Германии. Первый снег выпал в начале октября. К ноябрю температура перешла нулевой рубеж. Одетые чуть ли не по-летнему, без

шапок-ушанок, без зимних сапог, – короче, без всего необходимого в русскую зиму, солдаты Вермахта жестоко страдали от обморожения и нередко падали замертво, пытаясь справить естественные надобности на открытом воздухе… Русская кампания озадачила многих во всем мире. Никто не хотел понять того, что Гитлер все дальше уходил от реальности и все больше погружался в близкий и дорогой ему мир оккультных представлений.

Придя к власти, он обещал, что Германия никогда не капитулирует в будущем, не сдастся врагам. В 1944 г. Гитлер еще был полон решимости сдержать свое обещание. Когда русские и американские войска уже находились на германской территории и исход войны не вызывал сомнений, он приказал уничтожить все запасы питания, одежды, взорвать все заводы и фабрики, мосты и дамбы…

Архитектор и министр вооружений Альберт Шпеер – один из немногих нацистских лидеров, стоявших в стороне от всякой мистики, услышав об этом приказе, пришел в неподдельный ужас. Он попытался воззвать к здравому смыслу фюрера, напомнив ему о том, что нужно думать и о будущем:

> «Мы должны стремиться сделать все возможное, чтобы сохранить основу для дальнейшего существования нации… У нас нет права лишать наш народ самого необходимого…»

Гитлер ответил вполне в духе вождя-сверхчеловека: «Если война проиграна, народ должен погибнуть. Такая судьба неизбежна… Нет никакой нужды заботиться о поддержании примитивного существования. Скорее наоборот, будет лучшим разрушить все, ибо эта нация оказалась слабой и недостойной. Будущее принадлежит полностью сильнейшей восточной нации (Россия). Кроме того, после сражений остались в живых лишь неполноценные существа. Лучшие люди были убиты».

Немцы показали, что еще не готовы стать господами мира, поэтому, считал фюрер, они заслужили того, чтобы исчезнуть с лица Земли.

Сам Гитлер, как известно, свел счеты с жизнью 30 апреля 1945 года. Этот день далеко не случайно был выбран им для самоубийства. Так по крайней мере считает американский автор и оккультист Д. Бреннан:

«Посвященный в мистерии Зла остался до конца верным своей мрачной вере и подстроил все таким образом, что даже его самоубийство явилось жертвенным приношением силам Тьмы. 30 апреля в древности отмечался праздник Дьявола, – день

переходил в Вальпургиеву ночь. Вероятно, что это самая важная дата во всем календаре сатанизма».

Черный орден Генриха Гиммлера

Давно замечено, что творческая фантазия нередко опережает события, происходящие в реальной жизни. Это представляется неоспоримой истиной в отношении одной книги, вышедшей в 1896 году в Англии. Малоизвестный английский автор Шиль опубликовал фантастический роман, в котором рассказывалось о группе безжалостных убийц, бродящих по Европе и уничтожающих всех тех, кто, на их взгляд, препятствует прогрессу человечества. Книга называлась «СС»...

Четыре года спустя после появления «абсурдного и развлекательного романа», 7 октября 1900 г., в Мюнхене родился Генрих Гиммлер. Ему было суждено воплотить мрачные фантазии Шиля в действительность. Он происходил из семьи школьного учителя, являвшегося одно время наставником баварского принца Генриха, в честь которого и получил свое имя. Известно, что в 1918–1919 гг. юный Гиммлер старательно изучал аграрные науки и проявлял особый интерес к проблемам наследственности.

В начале 20-х годов он присоединился к малочисленной нацистской партии, а в 1923 г. принимал участие в мюнхенском путче. В последовавший затем период, когда почти все партийные лидеры очутились за решеткой, Гиммлер сблизился с братьями Отто и Грегором Штрассерами, занимавшими видное место в нацистском движении.

После освобождения Гитлера из заключения началось продвижение наверх «верного Генриха». В 1926 г. его назначили на пост заместителя начальника личной охраны фюрера. На основе этих небольших подразделений, именовавшихся сокращенно СС, и вырастет под руководством Гиммлера грозная организация с самыми разнообразными и широкими функциями.

В возрасте 28 лет он уже становится главой СС и обладателем высочайшего звания – рейхсфюрер. Однако в 1929 г. эсэсовцы насчитывали всего 200 человек и, конечно, никак не могли равняться по мощи с многотысячными СА (штурмовыми отрядами). Тем не менее Гиммлер решил создать свою собственную империю. Нет, он вовсе не стремился к личной славе и почету, – в этом плане ему было далеко до Гитлера или Геббельса. У него имелась иная, великая цель – создание расы господ, новой касты арийских воинов, которой предстоит править миром.

В своих фантазиях относительно нового порядка он преступал пределы исключительно политической сферы, его мысль развивалась в биологических и духовных категориях.

Новый порядок, по его пониманию, должен был изменить весь курс цивилизации, совершить подлинную революцию в религии и науке. Центром же всех изменений должна была стать эсэсовская организация (СС).

С юных лет Гиммлер рассматривал крестьянство как основу немецкой нации. Чистота крови и почвеннический идеал являлись для него фундаментом доктрины о расовом превосходстве немцев. Создатель эсэсовского ордена всей душой ненавидел города, считая их источником деградации и всяческого разложения. Он мечтал о «возвращении к земле» и уничтожении почти всей промышленности. По его представлению, будущее принадлежит здоровой, самодостаточной и расово чистой крестьянской общине. Образцовую модель для своей крестьянской утопии Гиммлер видел в Первом рейхе, существовавшем тысячу лет тому назад. Он преклонялся перед героями прошлого, особенно почитая германского короля Генриха (по прозвищу – Птицелов), основателя Первого рейха. Повелитель Саксонии и победитель славян, этот венценосец изображался в виде «благородного крестьянина».

В 1926–1928 гг. Гиммлер принадлежал к религиозно-политическому движению «Артаманен». В основе этого движения был идеал земледельца-собственника. Хотя большинство артаманенцев не примкнуло к нацистской партии, но они давали клятву «кровью и землей» и заявляли, что завоюют и колонизируют Европу для Германии. Еще в 1924 г. их первая группа поселилась в одном из поместий в Саксонии, чтобы «практиковать доктрину самодостаточности». Довольно скоро около 2000 молодых людей прибыли на фермы в восточной Германии, стали вооружаться и готовиться к предстоящей войне со славянами. Движение «Артаманен» приобрело в середине 20-х годов определенную известность, и писатель Ганс Николь даже выпустил книгу о нем под названием «Новая жизнь».

Среди артаманенцев оказались и те, кто сделал себе карьеру при нацизме. Например, Рудольф Госс – будущий комендант концлагеря в Бухенвальде, и Рихард Дарре – идеолог расизма, родившийся в Аргентине и получивший образование в Англии. Дарре утверждал, что все сколько-нибудь важное имеет отношение к расе и, по его теории, крестьянство «всегда формировало единственно надежную основу нашего народа с точки зрения крови». Государство, писал он, должно расширять класс крестьянства и способствовать оттоку людей из городов. Дарре принадлежал также к школе мыслителей, считавших, что все великие культуры созданы теми, в чьих жилах текла «нордическая кровь». Вместе с рядом других ученых он полагал,

что падение великих цивилизаций прошлого объясняется прежде всего «забвением расовых законов, загрязнением нордической крови». Дарре предлагал закрыть на территории Германии все интернациональные и гуманистические организации. Диапазон же таких организаций оказался чрезвычайно широким: от анархистских и коммунистических до масонских и христианских, т.е. все те, что в той или иной степени проповедывали универсальное человеческое братство.

Расистские идеи Дарре пришлись по вкусу Генриху Гиммлеру, придавшему им более широкий смысл. Если развитие цивилизации зависит от чистоты нордической расы, рассуждал он, то, следовательно, эта раса обладает какими-то мистическими и психическими качествами, отсутствующими у остальных представителей человеческого рода. Появление новой расы – сверхлюдей возможно только на определенной почве, – там, где сохраняется непосредственный контакт со святой землей родины.

Движение «Артаманен» незаметно угасло, как и множество подобных движений, но Дарре нашел себе применение в СС, где его назначили заведующим отдела «расы и расселения».

Следует заметить, что большинство членов СС имели блестящее образование. Каждый четвертый из них являлся обладателем докторской степени. В 1933 г., вскоре после прихода нацистов к власти, Гиммлер устроил собрание, на которое были приглашены ученые, промышленники, офицеры и землевладельцы. Обращаясь к ним, он призвал их «оказывать помощь СС в развитии и укреплении традиционных путей жизни». Каждое государство, заявил он, нуждается в элите, и в Германии такая элита – эсэсовцы. Но СС, продолжал Гиммлер, может действовать эффективно только в том случае, если его члены соответствуют современным социальным требованиям, имеют военный дух, получили подлинное германское воспитание, обладают благородной внешностью и отобраны по расовому признаку». Это заявление было встречено продолжительными овациями и почти все присутствовавшие выразили желание присоединиться к эсэсовскому ордену.

Гиммлер создал СС как привилегированную военную организацию кайзеровских времен. Помимо того, моделью для него послужили иезуиты. Основатель Общества Иисуса Игнатий Лойола (1491–1566) собрал вокруг себя «отборных» молодых католиков, поклявшихся ему в беспрекословном послушании. По мнению историков, Гиммлер старался следовать по его стопам. Он считал, что СС призван сыграть такую же роль в «тысячелетнем Рейхе», как иезуиты в Испанской империи. Несмотря на крайнюю ортодоксальность взглядов, члены

Общества Иисуса тщательно изучали астрологию, алхимию, каббалу, дохристианские верования и проч., относящееся к «наукам язычников». В Америке иезуиты возводили свои монастыри на местах, считавшихся коренным индейским населением священными. Это как бы символизировало их духовную победу. В подражание им СС приобретал замки и владения в пунктах, отмеченных «славным историческим прошлым».

Игнатий Лойола был баском. Для Гиммлера этот факт имел немаловажное значение, ибо немецкие оккультисты полагали, что баски являются последними наследниками расы атлантов. Знаменитые духовные упражнения Лойолы основывались на практике монахов в Монсеррате – святой горы для бенедиктинцев. Гиммлер верил, что эти упражнения были унаследованы от учителей исчезнувшей Атлантиды и что он избран «высшими силами», чтобы использовать их для пробуждения Врила (кундалини) в целях осуществления господства тевтонской расы над всем человечеством.

Иезуиты не гнушались пользоваться «богомерзким» знанием тайных оккультных обществ, которые сами же подавляли безжалостнейшим образом. Также и Гиммлер, преследуя масонов и им подобных, выуживал у них разнообразную информацию, в том числе и из сферы оккульта. На примере иезуитов можно было видеть, что организация, обладающая знанием тайн человеческой психики, способна держать под своим контролем целые страны и народы. Гиммлеровский орден, воспринявший методы иезуитов, тоже намеревался овладеть всем миром не только силой оружия, но и посредством контроля над человеческой психикой. (В наши дни возможности такого рода контроля исследуются в институтах и лабораториях ЦРУ.– В.П.).

Сходство между СС и иезуитами не ограничивается их тяготением к оккультным знаниям. После двух послушнических лет у иезуитов следовали несколько лет тренировок и учебы и лишь затем приносились традиционные монашеские обеты. Организационная структура СС строилась аналогично. Так же как и в Обществе Иисуса, у эсэсовцев давались обычные и специальные обеты. У них существовал и свой «внутренний круг» для посвященных...

Надо, по-видимому, понять, что СС – не полицейская организация, но настоящий религиозный орден, с иерархией своего рода светских братьев-монахов во главе. В высших сферах находились сознательные ответственные лица Черного ордена, чье существование, однако, никогда не признавалось официально национал-социалистским правительством. Даже в руководстве

партии говорили лишь о тех, кто был «в деле внутреннего круга», но ему никогда не было дано законного названия.

С определенного момента, когда гитлеровская партия взяла ориентацию в направлении тайной доктрины, более или менее понятной, – она вышла за рамки национального и политического движения. В общем, идеи остались теми же, но это уже был только эзотерический язык, предназначенный для масс, для описания ближайших целей, позади которых есть другие. «Больше ничего не идет в счет, кроме неслыханных целей. Теперь, если бы Гитлер имел в своем распоряжении народ, могущий служить осуществлению его высшей мысли лучше, чем германский народ, он не поколебался бы пожертвовать и германским народом». Философ-эсэсовец Бразиллах признал, «что он не торгуясь пожертвовал бы всем человеческим счастьем, своим и своего народа, если бы таинственный долг, которому он повинуется, приказал бы ему это».

«Я раскрою вам секрет, – сказал Гитлер Раушнингу, – я основываю орден». Он упомянул Бург – место первого посвящения, и добавил: «Оттуда вторая степень человека, который будет мерой и центром мира, человека-бога. Человек-бог, превосходящая фигура бытия, будет как культовый образ. Но есть еще другие степени, о которых мне не позволено говорить...»

Монахи-воины, эсэсовцы с мертвой головой (не смешивать с другими разрядами, в том числе с войсками СС, состоящими из второстепенных или третьестепенных братьев ордена, или с мелкими учреждениями, построенными внешне в подражание настоящему СС), получали посвящение в Бургах. Но сперва они проходили семинар, Напола. Учреждая одну из этих Напола, или приготовительных школ, Гитлер свел доктрину к самой общей мелкой формуле: «верить, повиноваться, сражаться, – все». Это школы, где «учатся убивать и умирать». Позднее, если они были того достойны, младшие, принятые в Бург, понимали, что «умирать» может быть понято в смысле «умирать для самого себя». Но если они оказывались не достойны, их ждала физическая смерть на поле боя...

В Бургах произносили обет и таким образом приобретали «неотвратимую сверхчеловеческую судьбу». И становились вне мира.

Не было больше речи о вечной Германии или национал-социалистском государстве, речь шла только о магическом приготовлении к приходу человека-бога; таких, одного за другим, Властители пошлют на землю, когда изменится равновесие духовных сил. Церемония, по ходу которой получали руны СС, должна была в достаточной мере походить на то, что описывает

Рейнгольд Шнейдер, рассказывая о членах Тевтонского ордена в большом зале Мариенбурга, дающих обет, превращающий их впредь в воинствующую церковь: «Они прибывали из разных мест с различными лицами, после жизни, отмеченной волнениями. Они входили в замкнутую суровость этого замка, оставляя свои личные щиты, которые до них носили по крайней мере четыре предка. Теперь их гербом будет крест, повелевающий вести самую трудную борьбу на свете, но обеспечивающий вечную жизнь». Известно, что существовала церемония посвящения в Бургах. Ее называли «церемонией плотного воздуха», намекая на атмосферу чрезвычайного напряжения, рассеивавшегося только после того, как обет был произнесен. Такие оккультисты, как Льюис Спэнс, видели в этом черную мессу в чисто сатанинской традиции. Напротив, Вилли Фришауэр в своей работе о Гиммлере интерпретирует «плотный воздух», как момент абсолютного отупения участвующих...

Как и в каждой религиозной организации, у СС имелся катехизис. По его вопросам и ответам можно сулить об их «вере». «Почему мы верим в Германию и фюрера?» – спрашивалось в эсэсовском катехизисе. Ответ: «Потому что мы верим в Бога, верим в Германию, которую Он создал в Его мире, и верим в фюрера, Адольфа Гитлера, которого Он послал нам». Подобный ответ находился в полном соответствии с мессианскими мечтами самого Гитлера.

В пропаганде нацистской Германии часто подчеркивалось «божественное назначение» фюрера. Гитлер неоднократно отмечал в своих выступлениях, что его деятельность – «исполнение высших предначертаний» и «крестовый поход» против тех, кто сопротивляется «неизбежному приходу нового человека». На одном из плакатов был портрет Гитлера с его знаменитыми словами: «Борясь с еврейством, я следую по стопам нашего Господа»...

Во многих тайных обществах имелись три степени посвящения, были они и в СС. Гиммлер произвел внутреннее разделение по принципам средневековых рыцарских орденов-тамплиеров и тевтонцев. В СС насчитывалось три символа отличия. Доказавшим свою преданность и боевые качества, независимо от их чина, полагалось носить серебряное кольцо с изображением мертвой головы. Первоначально это кольцо предназначалось лишь для «старой гвардии», но к 1939 г. им обладал почти каждый офицер СС, занимавший командную должность не менее трех лет.

Кинжал являлся символом эсэсовской элиты. Он предназначался лишь для тех, кто имел чин не ниже

оберштурмфюрера.

Но кроме «простой элиты», существовали и подлинно «высокопосвященные» – внутренний круг.

Гиммлер хорошо знал и ценил архаичные ритуалы тевтонцев, Барбароссы и короля Артура. Имитируя их, он выбрал 12 лучших обергруппенфюреров, которым выпала честь играть роль его ближайших и верных последователей. Опять-таки сравнение со средневековыми рыцарскими орденами представляется неизбежным. Только тщательно отобранные рыцари могли окружать Фридриха Барбароссу или же сидеть за Круглым столом короля Артура; они были не только отважными воинами, но и обладателями особо ценимых качеств. Выше всего ставилось послушание, умение же мыслить не считалось обязательным для рыцарей. В легенде об Артуре все решения принимались верховным магом – Мерлином, в нацистской Германии – Гитлером, являвшимся «посланцем высших сил».

Смысл средневекового рыцарства – создание и поддержание божественного порядка на земле. В каждом рыцаре простым смертным следовало видеть отражение высшего человека, по артуровским понятиям, им был Христос. В нацистской Германии эсэсовцы воплощали надежду на появление нового человека – супермена. Подобно рыцарским орденам прошлого, СС считал необходимым создать и навязать всему человечеству свой порядок. Тевтонские рыцари стремились поработить негерманские народности на востоке, к этому же стремились и эсэсовцы. Мелочная бюрократия существовала как у тевтонцев, так и в СС: у тех и у других велись подробнейшие досье на каждого члена, большая забота проявлялась об охранности архивов. У обоих орденов имелись свои учебные заведения.

Штаб-квартира тевтонцев и эсэсовцев были не только военными, но и религиозными центрами. Их крепости строились в наилучших местах относительно действия невидимых магнитных сил. Несколько тевтонских рыцарей были знаменитыми мистиками, нередко попадались знатоки оккультных наук и среди членов СС.

Ненависть Гиммлера к евреям могла сравниться с аналогичным чувством тевтонцев: евреям запрещалось жить на принадлежащих ордену землях. По-видимому, не случайно, что главный идеолог нацизма Альфред Розенберг родился в Ревеле (Таллинне) – в самом сердце старых владений тевтонского ордена.

«Подвиги» эсэсовцев в Польше и на востоке напоминали зверства тевтонцев: каждую зиму рыцари предпринимали разбойничьи нападения на «потешных славян». В них участвовали

не только немцы, но представители и других наций «просвещенного Запада», в частности Генри Дербийский, известный впоследствии как английский король Генри. Спустя 6 столетий после этих бандитских вылазок, старый тевтонский «порядок» попытались установить эсэсовцы. По иронии судьбы черных рыцарей СС постигла почти та же участь, что и их предшественников – тевтонцев, нашедших свою погибель под ударами славян...

Архитекторы эволюции

Долгое время чуть ли не единственным свидетельством существования Атлантиды считался один из диалогов Платона. В конце прошлого века появилась книга Игнатуса Доннелли, рассказывавшая об исчезнувшем материке и его богатейшей цивилизации. В короткий период эта монументальная работа стала бестселлером. По утверждению Доннелли, Атлантида являлась прародиной арийской расы. «Если книга Бытия соответствует действительности, – писал он, – то дети Яфета, спасшегося с Ноем после потопа... поселились на континенте в Атлантическом океане (Атлантида)... Их потомки и есть те, кого называют арийцами...» Идеи Доннелли, представлявшие любопытное сочетание исторических гипотез с политикой, довольно быстро снискали известную популярность. Например, премьер-министр Великобритании Гладстон высоко оценивал их и говорил, что они соответствуют многим его убеждениям. Лет через сорок после выхода в свет «откровения об Атлантиде» книга Доннелли удостоилась признания со стороны главного идеолога нацизма Альфреда Розенберга.

Доннелли считал, что в Атлантиде существовала высшая каста (раса господ), наследие которой ощутимо и в наши дни. Достижения цивилизации атлантов не превзойдены и по сию пору. Раса господ отличалась особыми очертаниями черепа и выпуклостями лба. Последующие цивилизации, в том числе и древние греки, стремились подражать этим «благородным чертам» и даже производили искусственную деформацию черепов детям из лучших семей. Определенная форма черепа являлась, согласно Доннелли, показателем «высоко цивилизованных людей, призванных к господству»– арийцев.

Измерения черепов стали настоящим наваждением в XIX в. Основываясь на их результатах, ученые вели диспуты о различиях между арийцами, евреями и неграми. Бременский профессор Гильденмейстер опубликовал точные данные об измеренных им 103 черепах, в то время как англичанин Джон Беддо выпустил обширное исследование «Расы Британии», в котором описывал мельчайшие расовые различия жителей британских островов.

В 1900 г. в индийском городе Мадрасе начала осуществляться масштабная программа... «по измерению». Живые и мертвые индийцы, включая и местных евреев, превратились в объекты для «научной работы века». По размерам головной коробки определяли «преступников» и «нормальных». Через четыре десятилетия аналогичные «обмеры» проводились в нацистской

Германии, но уже не только ради «блага науки»...

Каждый труд, посвященный расовой проблеме до второй мировой войны, обязательно упоминал о расовых отличиях арийцев, их отличиях от всех прочих. Сторонники теории арийского превосходства непременно ссылались на древнюю Индию, на ее кастовую систему, включавшую и откровенную расовую дискриминацию.

В Европе никогда не существовало разделения людей по расовым признакам, хотя кое-кто и намекал, что было бы неплохо его ввести. В середине XIX в. французский граф Гобино выпустил свое эпохальное эссе «О неравенстве человеческих рас». Будучи дипломатом, этнологом, поэтом, скульптором – обладателем поистине энциклопедических знаний, он создал доктрину, которая оказала вполне определенное влияние на будущее, Гобино доказывал, что некоторые расы «наследственно превосходят остальные». По его мнению, «история... показывает нам, что вся цивилизация происходит от белой расы и что никто не может существовать без сотрудничества с этой расой». Он отмечал также, что арийская раса «выше остальных белых в той же степени, как обычный белый человек превосходит негра...» По теории Гобино, незамедлительно принятой на вооружение пангерманистами, «ариец-германец – властное создание... Ко всему, что он думает, говорит и делает, надлежит относиться с большим почтением».

Помимо работ Гобино и других расистов, на нацистскую расовую теорию оказали заметное влияние и писания теософов. Нацисты, как и последователи мадам Блаватской, многое восприняли от тибетской школы эзотерической мысли. По представлениям теософов, арийцы считаются пятой корневой расой и ведут свое происхождение от легендарной Атлантиды. Сами же обитатели исчезнувшего материка принадлежали к четвертой корневой расе. Что же касается евреев, то, как писала Блаватская, они – «ненормальная и неестественная связь между четвертой и пятой корневыми расами».

Теософы, погруженные в оккультную теорию рас, твердо верили в неизбежность появления шестой корневой расы. Подготовка ее прихода, – иными словами, создание «сверхчеловека» – конечная цель нацистской расовой доктрины. По теософским же теориям, новая раса разовьется из наиболее «чистых арийцев».

Но перед приходом «сверхчеловека», говорили оккультисты, должны произойти колоссальные изменения в земной атмосфере. Сторонники Гербигера, например, заявляли, что Луна приблизится к Земле и, следовательно, произойдет

гравитационное изменение, которое приведет к ускорению эволюционных процессов. Лондонский теософ А. Синнетт писал: «Лидер будущей корневой расы сумеет проложить себе путь, когда наступит подходящее время...» Именно таким лидером и видел себя Адольф Гитлер.

В период борьбы за власть нацисты часто твердили о «сокращении дороги к неизбежному», об ускорении имевшихся тенденций социальной эволюции. Расистская группа «Артаманен» (о ней упоминалось выше) тоже использовала аналогичную терминологию.

Когда Гиммлер обрел широчайшие полномочия в Третьем рейхе, он начал проводить эксперименты по селективному размножению человеческих особей, чтобы ускорить «неизбежный» приход шестой корневой расы. Его исследования сверхчувственного восприятия и контроля над врилом носили вполне целенаправленный характер: новый человек должен будет управлять оккультными силами. Грядущая раса обязательно будет выделяться такого рода способностями. Особое значение придавалось скрытой энергии – врилу, описанному лордом Бульвер-Литтоном в его романе «Грядущая раса». Гиммлер внимательно следил за отбором людей, склонных ощущать «дыхание иного мира» – из них и должна образоваться шестая корневая раса. Тех же, в ком не наблюдалось оккультных данных, кто превыше всего ценил материальные блага, глава «черного ордена» откровенно презирал, считая их неполноценными и неподходящими для Нового Порядка.

Гитлер также твердо верил в неизбежность появления «высшего человека». «Творение еще не окончено, – говорил он. – Старая человеческая особь уже находится в состоянии упадка. Человечество переходит на новую ступень развития каждые 700 лет, и окончательная цель – приход Сынов Бога. Вся творческая мощь будет сконцентрирована в новых людях... Сверхчеловек будет превосходить современного человека во всех отношениях. Понимаете ли вы теперь глубокий смысл нашего национал-социалистического учения? Тот, кто видит в национал-социализме лишь политическое движение, ничего не понимает в нем».

Гитлер полагал, что эти 700 лет заканчивались и неизбежен переход на новую ступень. Согласно языческим представлениям германцев, семисотлетний период кончался в 1944 г., после чего все должно измениться. Если же в 1944 г. действительно и произошли какие-то перемены, то вовсе не те, на которые рассчитывал фюрер: исход войны больше не вызывал сомнений...

Попытка Гитлера и Гиммлера применить евгенику – избавить

человечество от физических и психических недостатков, содействуя размножению лишь наилучших особей, – также не привела к сколько-нибудь заметным положительным результатам. В нацистской Германии проводилась программа по стерилизации и «эфтаназии» тех, кого определяли как «декадентов». В эту группу зачислялись лица с наследственными и психическими заболеваниями, гомосексуалисты и расово «загрязненные». Оправдание подобной практике отыскивалось у Ницше: «... общество не существует ради самого себя, оно лишь средство для того, чтобы избранные личности могли осуществлять свое высшее призвание». Следует признать, что у Гитлера и его ближайших сподвижников слова редко расходились с делом. Они действовали, если можно так выразиться, «в полном соответствии со своими идейными и теоретическими установками». «Внутренний круг» посвященных старался не отступать от своей «тайной доктрины». Они искренне верили, что их жизнь связана с высшими силами и направляли всю энергию на изменение жизни на земле. Они жили (по-видимому, с этим нужно согласиться), в мире совершенно особых понятий и представлений. Что бы мог, например, сказать Гиммлер (если бы до этого не покончил самоубийством) на Нюрнбергском процессе? У него не нашлось бы общего языка с членами суда. Он не жил по эту сторону мира. Он принадлежал целиком к другому порядку вещей и .мыслей. Это был монах-воин с другой планеты...

«Дети дьявола»

Нацисты никогда не скрывали, что считают еврейство своим основным врагом. Вряд ли можно увидеть в этом что-то неожиданное и непонятное: для самых разных националистов евреи всегда были носителями чуждого и космополитического начала. Помимо того, безмерное пристрастие евреев к земному благополучию и их финансовое могущество нередко вызывали чувства ненависти и презрения, смешанные с подсознательной завистью. Однако и в еврейском вопросе у нацистов далеко не все просто и рационально объяснимо: при более тщательном рассмотрении обнаруживаются следы старых оккультных, гностических представлений.

Гностики первых веков христианства восстали против учения церкви, которое, по их мнению, служило лишь для обмана простолюдинов. Они утверждали, что истина доступна лишь посвященным – тем, кто унаследовал «великие тайные знания прошлого», передававшиеся из уст в уста мудрецами древности. Правда заключалась в том, полагали гностики, что Бог никак не мог стать человеком, ибо существовали два совершенно отдельных и несовместимых мира: духовный и материальный. В духовном царстве, созданном Богом, все преисполнено добром и светом; в материальном же мире, порожденном Дьяволом, – зло и мрак. Человек нуждается в спасении, но вовсе не от первобытного греха, а от порабощения материей. Для достижения этой цели ему необходимо то, что называется тайным знанием. Гностицизм, не признающий истинным официальное учение церкви, стал источником определенной оккультистской традиции.

Средневековая гностическая секта катаров отвергала Ветхий Завет и отождествляла Иегову с Дьяволом – создателем материального мира. В тогдашнем гностицизме крепко засела идея, что еврейский бог на самом деле – сатана, ответственный за всё` существующее в мире зло. Он противостоял Богу Нового Завета. Катары пытались полностью удалить Ветхий Завет из христианской теологии. Они обвиняли иудаизм в служении Дьяволу, стремящемуся подавить в людях жажду всего светлого, духовного. Иегова, говорили катары, – бог мрака, влекущий в бездну. В доказательство своей правоты они ссылались на священное писание. Еврейский бог приносил лишь сплошные несчастья: устроил потоп, уничтожил Содом и Гоморру, поощрял кровавые жертвоприношения; разделил людей на мужчин и женщин, создал Адама, а затем проклял свое творение.

В противоположность ему Бог Нового Завета являлся

воплощением света. Он провозгласил, что нет «ни мужчин, ни женщин», ибо все едины во Христе. Он благословлял все живое, для него все было пронизано добром и ни в чем не обнаруживалось греха.

Что общего у этих двух богов? Синагога, заявляли катары, – обитель сатаны, а евреи – «дети дьявола», общения с которыми надлежит избегать любыми средствами. Небезинтересно заметить, что католическая церковь, яростно клеймившая «ересь» катаров и упорно отказывавшаяся «выбросить Ветхий Завет в помойную яму», все же кое-что приняла от тех, чье учение столь жестоко подавляла. В средние века на евреев часто смотрели как на злых колдунов, практикующих черную магию. На магов же, по католическим представлениям, следует смотреть как на детей Дьявола. Они были живым подтверждением действия «нечистых сил».

Главная же причина отвращения, питаемого средневековым человеком к евреям, заключалась, естественно, в их упорном неприятии Христа, в их невероятной злобе к Тому, Кто озарил жизнь своим несказанным Светом и дал ей смысл. Кто, кроме «сатанинского отродья», мог не замечать этого?..

Не слишком хорошая репутация евреев усиливалась их ...искусством врачевания. Оно считалось еще одной «еврейской загадкой». А загадки, между прочим, никакой не было: евреи охотно учились у арабов и древних греков, к наследию которых церковь, мягко говоря, не рекомендовала обращаться.

Люди средних веков, может быть, и ненавидели Дьявола, но они же признавали его подлинным правителем физического мира, «князем мира сего». Поэтому неудивительно, что в крайних ситуациях, вопреки церковным запретам, они не брезговали прибегать к помощи еврейских магов и еврейских эскулапов. Средневековая церковь же хотя и преследовала «проклятых гностиков», кое в чем вполне с ними соглашалась: и для нее евреи являлись «детьми дьявола». Несмотря на внешний вид евреев, они, полагали некоторые богословы, не принадлежат к роду человеческому. От них «исходил другой запах». Поговаривали еще (и приводили довольно серьезные доказательства), что они убивают христианских детей и используют их кровь для ритуальных целей. Несколько младенцев, «нашедших погибель от рук дьявольского племени», были причислены церковью к лику святых мучеников. Стоит отметить также, что на картинах средневековых художников изображался сатана с ярко выраженными семитскими чертами. Правоверные христиане и гностики одинаково верили, что для евреев существует лишь этот материальный мир, который

они и стараются изо всех сил держать под своим контролем. Отсюда и «основное свойство жидов – любовь к деньгам».

Человеческая плоть, как полагали, тоже принадлежит сатане. Она что-то вроде тюрьмы для души: «душа – узница тела». В плотском вожделении скрыто основное человеческое искушение. В этом отношении евреи выглядели образцовыми демоническими созданиями, ибо вся их жизнь, считалось, сводилась к удовлетворению чувственных потребностей. Более того, было распространено мнение, что иногда и сам дьявол непосредственно общается с людьми в процессе полового акта. С точки зрения гностиков, само размножение – всегда зло. Если материальный мир – создание сатаны, логично рассуждали они, то борьбу со злом можно считать успешной тогда, когда не происходит зарождения новой жизни. Требовать от слабых и ничтожных смертных прекращения жизни – непосильная и неподъемная для них задача, но гностики считали, что следует продвигаться именно в этом направлении.

Гностицизм под названием герметизм, перекочевавший в эпохи Возрождения и Реформации, с помощью магии и медитации продолжал стремиться к «заветной цели»: освобождению духа от оков тела, сотворенных еврейским богом. Во времена Просвещения (XVIII в.) оккультная традиция, казалось, была предана полному забвению, но уже в XIX в., с появлением теорий о неравенстве рас, у нее появились новые сторонники. Е.П. Блаватская писала в своей «Тайной доктрине», что гностики «были правы, относя еврейского бога к классу низших, материальных и не слишком святых созданий невидимого мира.

...За образование неполноценных рас – в духовном и моральном плане, высшее божество не может нести ответственности, но только ангелы низкой иерархии, к классу которых гностики и относили еврейского бога, Иегову».

Следовательно, заявляла Блаватская, еврейский бог тождествен Каину, рожденному Евой от сатаны.

Юдофобы с радостью подхватили эту идею, и в свою очередь разработали концепцию о происхождении арийцев от «сил добра и света». Сама природа, говорили они, протестует против союза арийца и семита, ибо в результате рождается чудовищный гибрид с искривленной психикой. В связи с тем, что «плохая кровь вытесняет хорошую», арийская женщина, зачавшая от еврея, наверняка произведет на свет только еврейских детей.

«Природа хранит верность своей аристократической сущности и жестоко наказывает любые посягательства на чистоту крови», – писал Людвиг Бюхнер. Евреи являются «чудовищной помесью», утверждал Хьюстон Чемберлен, и «их существование –

грех, их существование – преступление против святых законов жизни, и это чувствуют в определенные моменты сами евреи, когда судьба грозно стучится в их двери. Не отдельная личность, а весь народ должен быть очищен, и не от сознательного, а от бессознательного преступления». Развивая мысль Чемберлена, логично прийти к заключению, что юдофобия – инстинктивная мудрость арийской расы и что только «лучший, наиболее развитый и способный» достоин выжить. Но как объяснить выживание евреев, их «неспособность исчезнуть»? Артур Шопенгауэр писал:

«…Изумительное дело, – будучи прогнан со своей родины более двух тысяч лет тому назад, этот маленький народец все-таки продолжает влачить свое бытие и скитаться, меж тем как столько других великих и прославленных народов, наряду с которыми столь ничтожное племя даже не заслуживает быть упомянутым, – ассирияне, мидяне, персы, парфяне, отошли в вечный покой, исчезли без возврата. Так, еще сегодня встречаем мы этот безземельный народец среди всех народов мира, – причем он нигде не у себя дома, но нигде и не иностранец, – отстаивающий свою национальность с беспримерным упорством и все пытающийся укорениться где-нибудь, чтобы, наконец, подделать себе отечество, без которого любой народ все равно, что аэростат в воздухе. Увы, по сие время живет Израиль паразитом за счет других народов и не на своей, а на их земле. Но это не мешает ему вдохновляться самым искренним патриотизмом – во имя своей собственной национальности, как это ясно показывает строжайшая гармония, с которою все они держатся за одного и один за всех…

У евреев мы видим поразительное отсутствие того, что называется душевным благородством, и это позорит их несравненно больше, нежели все прочее, но в то же время служит им в этом мире на пользу лучше, чем самая высокая добродетель…»

Другой немецкий философ и юрист Клюбе, объясняя «странную выживаемость» евреев, писал:

«Евреи представляют собой политико-религиозную ассоциацию, сурово подчиненную деспотизму раввинов. Жизнью своих общин, системою действий каждого из них, своим национальным, совершенно исключительным строем, обостренным сознанием кровного родства между всеми ними, то есть таким чувством, которое в сущности является духом касты,– они образуют от отца к сыну сообщество национальных заговорщиков. Дух еврейства познается, вообще говоря, из их религиозной гордыни. Они воображают себя народом, который,

будучи избранным Богом, стоит выше всех неевреев и отличается от них как физически, так и нравственно, а затем полагают, что все прочие народы должны быть стерты с лица земного. Но разум доказывает, а опыт подтверждает, что кастовый дух, в особенности же дух религиозно-политической касты, несовместимы с благом государства и общества... Поэтому-то мы проповедуем свободное, искреннее и бесповоротное порицание, устранение и отвержение талмудизма!»

Во второй половине прошлого века немецкие философы, географы, социологи и политики страстно обсуждали различия между германцами и евреями. Иногда эти различия объясняли «контрастом между пустыней и лесом». Расовая душа, образовавшаяся под жгучим солнцем, склонна к мягкости, паразитизму и неспособна к творчеству. Отсюда же и отчуждение от природы, которое, как утверждали некоторые ученые, является «неотъемлемым свойством еврейства». Полную противоположность евреям являли немцы. Их «исконные черты»: сила, смелость, творческий дух и любовь к природе.

«Биологические философы» вроде Теодора Фриче, Йорга Ланца фон Либенфельса и Гвидо фон Листа проповедовали «расовую гигиену», предупреждая об опасностях «загрязнения крови». Через несколько десятилетий труды ученых расистов и пропагандистов чистоты расы увенчались признанием: «научный расизм» стал обязательным предметом в учебных заведениях Германии.

Величайшим препятствием в деле «святой борьбы с еврейством» были религиозные, христианские чувства народных масс. Для устранения этого препятствия понадобилось арианизировать Христа. Немецкие расисты разделяли гностическую точку зрения относительно того, что христианство должно отделить себя от Ветхого завета. Они опубликовали ряд «документов», доказывающих арийское происхождение Спасителя. В этой кампании поучаствовал и великий Вагнер. Он писал, что еврейство – «воплощение дьявола, служащее разложению человечества» – повинно в «иудейско-варварской сумятице, царящей во всем мире» и что только «очищение крови» сохранит цивилизацию от окончательной гибели.

Эзотерические сюжеты преобладали в операх Вагнера, который не скрывал, что хотел обратить внимание своих слушателей на «вечную борьбу» между еврейским и арийским миросозерцаниями. Темой одной из его опер явился поиск святого Грааля – гностическая мистерия, раскрывавшаяся в песнях трубадуров-катаров и понятная лишь «посвященным». Одним из таких «посвященных» вроде бы оказался Гитлер. О

своем понимании вагнеровского «Парсифаля» он говорил Раушнингу: «За абсурдным фоном с его христианской канвой и христианской мистификацией проглядывает нечто иное, являющееся подлинным содержанием… прославление чистой, благородной крови; братство посвященных, объединившихся ради ее сохранения. Король страдает от неизлечимого заболевания загрязненной крови. Непосвященный, но чистый человек подвергается соблазнам плоти и мерзким утехам развращенного общества в магическом саду Клинзора, пытающегося сделать все возможное, чтобы он не нашел правильную дорогу и не присоединился к элите рыцарей, охраняющих тайну жизни, – чистую кровь».

Только «истинно чистый и благородный» будет участвовать в «вечной жизни, гарантированной Граалем» – гностическим символом сокровенного знания бессмертия.

Раушнинг вспоминал, что для Гитлера еврейство представляло «сам принцип зла» и что в его эзотерической доктрине оно – «мифический прототип ветхого человечества» – «непримиримый враг нового избранного народа – германцев». Новые избранные, понятно, не могут терпеть никаких других претендентов на эту роль. Грядет «подлинная война богов». Раушнинг, не разбиравшийся в эзотерических проблемах, подразумевал, что его собеседник говорит в символическом плане, но Гитлер заверил его, что все значительно проще:

> «Это неоспоримо и яснее ясного! Два мира находятся в противостоянии – люди Бога и люди сатаны! Евреи – антилюди, создание другого бога. Они произошли от иного корня человеческой расы. Я утверждаю, что арийцы и евреи всегда противостоят друг другу, и если первых я называю людьми, то вторых надо называть как-то иначе. Между ними разница больше, чем между человеком и зверем. Это не значит, что я причисляю евреев к миру животных. Они отдалены от них еще больше, чем мы, арийцы. Они – за пределами природы и враждебны ей».

В этих словах Гитлера обнаруживается поразительное сходство с представлениями средневековых гностиков. Можно даже сказать, что он идентифицировал себя с ними. И вовсе не случайно, что в 1936 г. в Мюнхене были развешаны цветные плакаты, изображавшие фюрера в серебряных доспехах рыцаря Грааля. Эсэсовцев же знакомили с историей святого Грааля, рыцарскими братствами, алхимией и другими «далекими от реальной жизни вещами».

О своих планах по дальнейшему «просвещению» масс Гитлер говорил Геббельсу в присутствии Раушнинга:

> «Крестьянам же будет сказано о том, что церковь разрушила в них: все тайное знание природы, всего божественного, бесформенного, демонического... Мы снесем христианскую облицовку и возродим религию, присущую нашей расе. Мы должны начать с деревни, а не с городов...
>
> Городские массы опустошены. Их трудно поднять на великие дела. Но для нашего крестьянства все еще существуют высшие понятия и высшие ценности...»

Все вопли нацистов относительно еврейства, – «зла», с которым «невозможны никакие компромиссы», невольно наводят на мысль о старом учении катаров. Согласно ему, все сущее делится на две противоположности: добро и зло, свет и тьма, материалистический и духовный миры. Подтверждение связи со старой «христианской ересью» можно найти в публицистических и литературных опусах нацистских идеологов.

Наглядный пример – статья «Заземленный еврей не имеет души», принадлежащая перу Альфреда Розенберга. В этой работе ведущий идеолог нацизма писал, что в то время как все другие народы верят в жизнь после смерти и в бессмертие души, для евреев существует лишь этот, материальный мир. Их необычайная преданность ему сохраняет жизнь на земле. Гностики, как уже говорилось выше, полагали, что дух скован материей и для его освобождения требуется отвержение этого мира. Таким образом, из-за полного отсутствия у евреев мироотрицания не наступает царство Духа. Розенберг пишет: «Там, где имеется идея бессмертия, непременно присутствует стремление к отходу от всего временного и преходящего; следовательно, возникает отрицание мира. И в этом смысл существования всех неевреев: они охранители мироотрицания, идеи жизни после смерти, даже выраженной и самым бледным образом. Следовательно, каждый из них может спокойно уйти из этого мира, самое существенное сохранится в их потомках. Если же, однако, исчезнет еврейский народ, то не останется ни одного другого народа, который бы столь высокого пенил этот мир – и тогда неизбежен конец света. ...Лишь евреи последовательно и постоянно твердят „да“ этому миру, даже в те моменты, когда другие ощушают страстное желание преодолеть этот мир... С другой стороны, если евреи будут продолжать душить нас, мы не сможем исполнить нашей миссии, заключающейся в спасении этого мира, но должны будем задохнуться в безумии жизни мира

сего, будем влачить ничем не ограниченное пустое существование, не ведущее ни к какой цели. Это приведет нас в прямом смысле к пропасти, разрушению не только иллюзорного земного мира, но и истинно сущего – духовного. Зафиксированное на самом себе, еврейство не представляет абсолютно ничего, кроме слепой воли к разрушению,– безумие всего рода человеческого. Известно, что евреи особенно предрасположены к психическим заболеваниям. „Ведомые заблуждениями“, говорил Шопенгауэр о евреях.

...Лишить мир его души, – вот действительная цель иудаизма. Это, однако, будет равнозначным разрушению мира».

В этом примечательном отрывке из статьи Розенберга четко просматривается гностическая тема с порабощением духа в «злом мире». Для освобождения прежде всего нужно отвергнуть сей мир, но этому препятствует еврейство с его безграничной и всепоглощающей любовью к материи. Так, за всеми рассуждениями нацистов о лишенном души еврействе, о еврейской финансовой кабале, о еврейских революционерах-разрушителях, являющихся причиной кризиса христианской цивилизации, выглядывает обветшалый гностицизм довольно отдаленной от нас эпохи.

Средневековый взгляд на евреев как на черных магов отражен и в заявлении Гесса, сделанном им после его ареста англичанами. По словам заместителя фюрера, евреи владеют тайными силами, гипнотизирующими людей и вынуждающими «х действовать против собственной воли.

Нацисты, по крайней мере партийная элита, знали, что ведут «священную войну» против еврейства, борются с «детьми дьявола» и «врагами рода человеческого». Поэтому-то они вполне искренне не могли понять, когда их обвиняли в «невиданных жестокостях», отсутствии гуманизма и т.п. вещах. Они ощущали себя посланцами «высшего мира», осуществлявшими свою миссию и творившими «высшую справедливость», недоступную пониманию тех, кто попал под «влияние евреев и сам оевреился».

В одном из своих выступлений по радио в годы войны Геббельс заявил:

> «Евреев постигла та судьба, которую они вполне заслужили. Не может быть и речи о каком-либо сострадании к ним».

Астрологи, ясновидцы и прочие

Давно замечено, что интерес ко всякого рода чудесам, загадкам природы и «языческим наукам» проявляется с особенной силой в периоды неопределенности и приближающихся исторических катастроф. Перед первой мировой войной люди типа Либенфельса, Листа и Себоттендорфа, например, с большим почтением относились к астрологии, которая в их интерпретации связывалась с определенными расистскими идеями. Они полагали, что древние германцы обладали «высоким тайным знанием», уничтоженным пришлым иудеохристианством.

Ланц и Себоттендорф вычислили по движениям звезд приход «божественного фюрера», который установит «новый порядок». Лист, в свою очередь, объявил, что «свастика – священнейший тайный символ» и «с нею арийцы непобедимы».

Катастрофа Первой мировой войны еще больше увеличила интерес в немецком обществе к астрологии, теософии и гипнотизму. Отчаяние, вызванное разрухой и инфляцией, довело некоторых до самоубийства, другие же стали искать спасения в эзотеризме, чудесах и знамениях свыше. Астролог Вильгельм Вульф в своей книге «Зодиак и свастика» вспоминает: «...к ноябрю 1918г. экономика пришла в полный упадок И самоубийства стали обычным явлением. В этот период невиданной экономической и политической неопределенности процветали гипноз, месмеризм, ясновидение и всевозможные разновидности оккультизма. Такого рода интерес был вызван катастрофической ситуацией. В послевоенной Германии гипнотизеры и ясновидцы получили в свое распоряжение огромные концертные залы. Вряд ли было хоть одно эстрадное представление без телепатического сеанса. Огромные плакаты и газетные объявления зазывали: „Самый значительный парапсихолог“, „Тысячеглазая женщина“, „Величайшее достижение в оккультизме: она знает все!“ и т.д. и т.п. Правда или шарлатанство – никто не различал, но публика и пресса буквально разрывались от восторга. Меня же вскоре откровенно затошнило от столь сказочного расцвета оккультизма...» (Невольно напрашивается сравнение с атмосферой в перестроечном СССР. Вопрос только один: когда придет новый Гитлер? – В.П.).

Одним из «чародеев» гнилой Веймарской республики был Эрик-Ян Хануссен, которого впоследствии назвали «пророком Третьего рейха» и «берлинским магом». Поговаривали, что именно он преподал Гитлеру науку о психологии масс. Американский психиатр Уолтер Лангер, составивший во время

второй мировой войны секретный отчет для правительства США относительно личности фюрера, писал:

> «Согласно информации Штрассера, в начале 20-х годов Гитлер брал регулярные уроки ораторского искусства и психологии масс у некоего Хануссена – астролога и предсказателя судьбы. Это был чрезвычайно умный и знающий человек, научивший Гитлера умению драматического воздействия на публику... Возможно, что у Хануссена имелись контакты с группой астрологов, которая проявляла в то время повышенную активность в Мюнхене. Через Хануссена Гитлер также мог знать этих людей».

Фон Виганд сообщает:

> «Когда я познакомился с Адольфом Гитлером в 21-м или 22-м году, он находился в связи с той группой, что твердо верила во влияние звезд на нашу судьбу и земные события. Они много говорили о приходе нового Карла Великого и новом рейхе...»

Хануссен (настоящее имя – Гершель Штейншнейдер) родился в Вене в конце прошлого века. Он утверждал, что происходит из древнего рода датских дворян. На самом же деле его отец был евреем и цирковым артистом. Сын пошел по стопам отца и пробовал себя в разных цирковых амплуа: от прыгуна с шестом до укротителя диких животных. Во время первой мировой войны, находясь в австровенгерской армии, он обнаружил талант ясновидца и предсказателя. Солдат Штейншнейдер овладевает мастерством гипноза.

По окончании войны его уже величают Эриком-Яном Хануссеном, и он начинает зарабатывать себе на жизнь демонстрацией своих сверхъестественных способностей. Следует заметить, что многие «учителя мудрости» также любили показывать «психические фокусы». Например, Блаватская. Ее сопровождали постоянные скандалы, ибо, как писала пресса, она «использовала технику магии для обмана и внушения ложных надежд».

Что же касается Хануссена, то он вполне преуспевал в 20-е годы, жил на широкую ногу и, по собственному признанию, у него «вместе с успехом крепла самоуверенность и увеличивалась власть над окружающими». В 1931 г. «маг» вступил в нацистскую партию и сблизился со многими ее лидерами и официальными лицами. Хануссен открыто заявлял, что служит «великим идеалам

национал-социализма». Его астрологические предсказания печатались в партийной печати. Он одалживал большие денежные суммы «соратникам по бор-бе», в частности лидеру берлинских штурмовиков графу Гельдорфу. Нацисты с удовольствием посещали его телепатические сеансы, проходившие в так называемом Дворце оккультизма. Хануссен приводил зрителей в благодушное состояние своими радужными прогнозами. Но один сеанс «пророка Третьего рейха», хотя и не был чрезмерно оптимистичным, оказался, пожалуй, самым запоминающимся.

В феврале 1933 года, вскоре после провозглашения Гитлера канцлером, Хануссен устроил представление для особо почетных зрителей, среди которых находились видные члены нацистской партии. Войдя в транс, он начал вещать о том, что увидел «умным зрением»:

«Я вижу огромную комнату... Портреты выдающихся исторических личностей висят на стенах. Они – те, кто руководил Германией. Не канцлеры ли рейха? Да, это конференц-зал Канцелярии. Шум просачивается через окна. Штурмовики движутся по Вильгельм-штрассе. Блистательная победа. Люди хотят Гитлера. Победа, победа! Гитлер неудержим. Сопротивление бесполезно. Но шум нарастает. Что это, сражение? Перестрелка? Нет... нет... Я вижу огонь... огромное пламя. Преступники устроили пожар.

Они хотят повергнуть Германию в хаос, преуменьшить победу. Они подожгли огромное правительственное здание. Необходимо раздавить этих гадов. Они хотят воспрепятствовать победе Гитлера. Только железный кулак пробудившейся Германии способен предотвратить хаос и угрозу гражданской войны...»

В следующую ночь Рейхстаг был объят пламенем. Вопрос о том, кто повинен в поджоге, остается неотвеченным и по сей день. Подозрение о роли самих нацистов усиливается из-за того, что начальник полиции Берлина Гельдорф немедленно удалился на покой после того как услышал о пожаре. В поджоге обвинили голландского коммуниста и гомосексуалиста Маринуса ван дер Люббе. Его поспешно казнили без даже намека на серьезное разбирательство. Но был ли он в самом деле виновен? Действовал ли один или кто-то стоял за ним, направлял его? Иногда заявляют, что Хануссен загипнотизировал ван дер Люббе и тот делал все в бессознательном состоянии. В доказательство приводят слова самого Хануссена:

«...Если будет необходимо, я принесу любую жертву на алтарь Германии. Я видел готовность к жертвам в

глазах всех тех, кто держит национальное знамя; я знаю, что Адольф Гитлер пожертвовал всем ради национальной идеи; я видел ветеранов-штурмовиков в изношенных сапогах и протертых до дыр пальто, выполняющих свой долг под ледяным, пронизывающим ветром; я видел самоотречение, собранность и подлинный патриотизм среди миллионов людей, поддерживающих Гитлера... и поэтому у меня нет выбора: я обязан продемонстрировать свое уважение и признательность и,
без всякого колебания, вопреки всему, – служить истине».

Как бы то ни было, Хануссен наверняка полагал, что предсказание о пожаре еще больше укрепит его репутацию пророка и провидца. Но, очевидно, и он не мог предвидеть абсолютно все. Спустя 6 недель, по приказу Гельдорфа, его убили в лесу неподалеку от Берлина. Известно, что Гельдорф задолжал Хануссену крупную сумму денег, но это ли явилось причиной для расправы с «королем магов»? Или же сыграло роль то, что Хануссен знал правду о поджоге? Сомнительно, что когда-нибудь удастся ответить на эти вопросы.

В 20-е годы нередко составлялись астрологические прогнозы относительно Гитлера и его партии. Однако после 1933 года ни один астролог не осмелится обнародовать гороскоп фюрера. Гитлер же, опасаясь неблагоприятных предсказаний, издал ряд указов против астрологов и всех тех, кто пытается «объяснять события будущего, связывая их со звездами, знаками и снами». В то же время некоторые ведущие нацисты, включая и самого грозного шефа СС, продолжали серьезно относиться к оккультизму. Вульф пишет, что он нисколько не сомневался в вере Гиммлера в астрологию и смежные с ней оккультные знания. «Он рассказывал мне о своих собственных экспериментах и наблюдениях за определенными фазами луны. Его предки, говорил он, были знакомы с древней крестьянской наукой и вычисляли по ней правильное время для посевов».

Гиммлер любил разглагольствовать о почете, каким пользовались астрологи и предсказатели судьбы при дворе Фридриха Великого. Вульф неоднократно повторяет о «высоком уровне немецкой астрологии в 30-е годы» и пишет, что «эта Наука приковывала к себе внимание таких важных нацистов как Вальтер Шелленберг и Рудольф Гесс». Благодаря усилиям Гесса «указ о ведьмах» 1934 года, направленный против астрологов и оккультистов, практически не применялся. Некоторые историки

утверждают, что из-за чрезмерного увлечения Гесса оккультным и произошел его загадочный полет в Шотландию. В книге Хоува «Астрология: недавняя история, включая ее роль во второй мировой войне» сообщается, что «слабость Гесса к астрологии усилила его собственное убеждение, что нужно что-то делать без промедления, ибо в конце апреля–начале мая 1941 г. астрологические прогнозы в отношении Гитлера выглядели чрезвычайно зловещими. Гесс интерпретировал их таким образом, что ему лично надлежит отвести угрозу, нависшую над фюрером, переложить опасность на свои плечи... Неоднократно „звездный советник“ Гесса говорил ему, что англо-германские отношения страдают от усиливающегося недоверия... Действительно, в этот период были очень опасные (планетные) противостояния в гороскопе Гитлера».

Хотя Гитлер публично и посмеивался над оккультными пристрастиями своих сподвижников, он был суеверен не менее их. Об этом множество раз свидетельствует Альберт Шпеер в своих воспоминаниях. Уже упоминавшийся Герман Раушнинг также неоднократно отмечал тягу Гитлера к «странному и загадочному». В книге «Голос разрушения» он писал: «Однажды, когда Гитлер, казалось, пребывал в благодушном состоянии, одна из близких к нему женщин сказала: „Мой фюрер, не прикасайтесь к черной магии. Обе – белая и черная магии – открыты для вас. Но если вы хоть однажды встанете на тропу черной магии, то она будет доминировать всю вашу дальнейшую судьбу. Вы станете ее пленником. Не выбирайте дорогу быстрого и легкого успеха. Вы можете овладеть царством чистых духов. Не позволяйте Же земным духам увести вас с истинной тропы. Они лишат вас творческой силы“».

Гитлер обожал мистические разговоры. Только под таким покровом можно было говорить с ним на серьезные темы. Эта женщина-друг выразила то, что ощущал каждый, соприкасавшийся с ним: Гитлер уже не принадлежал себе и находился во власти губивших его сил тьмы и разрушения. Он воображал, что у него еще имеется выбор, но в действительности являлся рабом злых духов... пред нами был одержимый – жалкое орудие сил тьмы.

Вскоре после прихода нацистов к власти на службе в ведомстве Гиммлера оказался еще один астролог. Это был Карл-Эрнст Крафт. Начитанный и хорошо владевший восемью языками, он часто использовал свои таланты для предсказания положения дел на бирже. Он тоже углядел в Гитлере оккультную жилку, свидетельствовавшую, по его словам, о «победе над механистическим подходом к жизни».

Крафт предсказал, что жизнь фюрера подвергнется опасности между 7 и 10 ноября 1939 г. Именно в эти дни Гитлер посетил празднество, приуроченное к годовщине путча 1923 г. Едва он вышел из знаменитой мюнхенской пивной Гофбраухауз, как раздался взрыв сокрушительной силы. Крафт немедленно телеграфировал Гессу, сообщал ему о своем прогнозе и сказал, что звезды показывают, что жизнь Гитлера еще не будет в полной безопасности в течение нескольких последующих дней. Незадачливого астролога срочно отправили в застенок. Гиммлер, между тем, разыскивал «преступника, покушавшегося на нашего любимого фюрера», с помощью... одного венского медиума.

Министр пропаганды Геббельс вспомнил об оккультизме ради практических целей. Кто-то обратил его внимание на предсказания Нострадамуса. Узнав о том, что Крафт не только хорошо знаком списаниями «мага из крещеных иудеев» но и верит в неизбежный триумф Германии над всеми врагами, Геббельс привлек его для работы в своем министерстве.

Так, благодаря Крафту стихотворные пророчества средневекового мистика превратились в оружие психологической войны. Нострадамус писал крайне туманно, чтобы не выдавать секреты непосвященным. Это-то и открывало широчайший диапазон для любителей разнообразных толкований. В дневнике Геббельса от 22 ноября 1939 года читаем:

> «Эту вещь мы можем использовать в течение длительного времени. Я запретил публикацию всех предсказаний Нострадамуса. Они должны распространяться написанными от руки, тайно... В этом должен быть привкус чего-то запретного... Естественно, что весь этот глупый вздор нужно также забрасывать и во Францию».

Брошюры с расшифровкой текстов Нострадамуса, сделанной Крафтом, распространялись во Франции по мере ее оккупации немецкими войсками. Объяснения и комментарии Крафта были переведены на многие языки. Уверяют, что их видели даже в Иране.

Румынский эмигрант в Лондоне, антинацист, знавший когда-то Крафта и, видимо, потрясенный его пророческим даром, написал ему письмо, в котором выразил желание возобновить знакомство и попросил сделать астрологическое предсказание о войне. Крафт показал это письмо своему начальству, после чего составил ответ, предрекавший победу Германии.

По получении такого прогноза у румына возникло подозрение, что Крафт дает советы Гитлеру. Он решил, что

англичанам следовало бы отыскать еще лучшего астролога, который бы догадался о системе Крафта, сумел бы сам составить нужный прогноз и, таким образом, как-то влиять на ход мыслей Гитлера.

Для этой цели наняли Людвига фон Воля. Венгерский еврей, перешедший в католичество, он заслужил серьезную репутацию у адептов астрологии благодаря своим точным гороскопам Гитлера, Муссолини, Черчилля, Чемберлена и других выдающихся личностей. В частности, Воль предсказал начало Второй мировой войны и быстрый захват немцами Польши.

Получив английское подданство, астролог сменил свое имя на Луи де Воль и стал работать для армии. В августе 1940 года ответственный работник военного министерства спросил его: «Как бы вам понравилось, если бы вы получили чрезвычайно секретное задание?»

Воль с большим энтузиазмом принял предложение. Тем более, что его произвели в капитаны и снабдили кругленькой суммой. А задание и в самом деле было уникальным. Британская разведка была убеждена, что Гитлер использует не только Крафта, но и других астрологов, без совета которых не предпринимает никаких военных операций. Мысль о том, что как-то повлиять на немецких астрологов понравилась и Черчиллю. «Почему же нет? – сказал он. – Это выглядит довольно забавным». И добавил: «К тому же, почему Гитлер должен обладать монополией на астрологов?»

В связи с тем, что де Воль знал всех астрологов, якобы советовавших фюреру, работал какое-то время с Крафтом и был знаком с его системой, он мог догадываться об их рекомендациях Гитлеру. Любопытно, что уже в первом отчете британскому военному министерству в начале сентября 1940 г. де Воль оказался прав, когда уверенно заявил, что немцы не будут пытаться вторгнуться в Англию: астрологи отсоветуют…

В 1944–1945 гг. Гиммлер консультировался с астрологом Вульфом. Вильгельм Гетль, работавший с 1938 г. на германскую секретную службу, свидетельствует: «Его расположенность к оккультным наукам выходила далеко за пределы простого любопытства; можно сказать, что он не предпринимал ответственных решений без своего ясновидца». Согласно тому же Гетлю, Шелленберг, стремившийся положить конец войне, заставил Вульфа начертать гороскоп, «который придаст Гиммлеру необходимую смелость и убедит его в том, что судьба предназначила ему стать спасителем немецкого народа…»

Не только Гиммлер возлагал свои надежды на звезды. Шпеер вспоминал:

«В последние месяцы войны отчаяние вынуждало обращаться к астрологическим вычислениям. В связи с тем, что астрологи во многом зависели от министерства пропаганды, гороскопы стали средством воздействия на общественное мнение. Фальшивые гороскопы намекали на туннели мрака, сквозь которые необходимо пройти, предсказывали невероятные сюрпризы и счастливый окончательный исход. Лишь в астрологических выкладках оставалось будущее у режима».

В 1945 г., на следующий день после смерти Рузвельта Геббельс, который, может быть, стал жертвой собственной пропаганды, приказал выставить шампанское и радостно объявил Гитлеру:

«Мой фюрер, я поздравляю вас! Рузвельт мертв. Звезды говорят, что вторая половина апреля явится поворотной для нас. Сегодня 13 апреля – начало этого поворота».

Позже, в бункере, Геббельс дал указание составить гороскопы для Гитлера и Германии. Они предсказывали «славные победы» Третьему рейху, начиная с конца апреля. Мир должен был наступить в августе. Геббельс также напомнил Гитлеру о ходе Семилетней войны с Россией, проводя аналогию между смертью Рузвельта и кончиной русской царицы Елизаветы. Тогда войска Фридриха Великого терпели жестокие поражения, но после неожиданной смерти Елизаветы положение изменилось коренным образом. Однако в 1945 г. судьба нацистской Германии уже была решена: даже звезды не могли спасти ее.

Невозможно перечислить всех оккультистов, принимавших заметное участие в организациях Третьего рейха, в особенности в СС. В этой главе расскажем еще о двух «служителях тайных наук».

Карл-Мария Виллигут (1866–1946) имел такое огромное влияние на шефа СС, что его прозвали «гиммлеровским Распутиным». Он утверждал, что обладает памятью доисторических времен и является последним хранителем древних германских традиций. Хронология по Виллигуту начиналась примерно за 228 000 лет до христианской эры, «когда были три солнца в небе, а на земле жили гиганты, карлики и другие мифические существа». Виллигут поведал Гиммлеру, относившемуся к нему с чрезвычайным почтением, о зарождении Ирминистской религии Криста за 12 500 лет до христианства, о Бальдуре-Хриете – святом пророке, распятом поклонниками Вотана, и о многих других удивительных и никому не известных вещах.

Виллигут работал в СС с 1933 по 1939 гг. и был прикреплен к

отделу доисторических исследований. Гиммлер советовался с ним по самым разнообразным вопросам: дизайн «тотенкопфринга» – кольца с мертвой головой, носимого членами СС; концепция Вевельсбурга – замка эсэсовского ордена; ритуалы СС, призванные подчеркнуть идеологию элитизма и расовой чистоты.

В 1939 г. «Распутин» ушел в отставку. Официальная версия: ухудшившееся состояние здоровья. Однако имеются достаточные основания видеть причину разжалования Виллигута в другом: Гиммлера стали смущать разговоры о неслишком отдаленном прошлом «великого стража доисторической памяти». Стало известно, что с 1924 по 1927 г. Виллигут находился в приюте для психических больных, куда его поместили как шизофреника, страдающего манией величия... Тем не менее Гиммлер продолжал нежно заботиться о своем маге и после 1939 г. Ему назначили приличную пенсию и прикрепили к нему экономку. В последние годы жизни он страдал от старческой немощи. Умер Виллигут 3 января 1946 г. в госпитале, находившемся в английской зоне оккупации. По мнению некоторых исследователей, он был одним из самых загадочных и необычных людей, когда-либо живших на нашей планете.

Среди эсэсовских оккультистов был единственный человек русского происхождения: Григорий Бостунич (Шварц) – убежденный антикоммунист и крупнейший специалист по еврейско-масонскому заговору. Он родился 1 декабря 1883 года в Киеве. Среди его предков были русские, сербы и немцы.

Из-за семейных связей молодой Бостунич часто ездил в Германию. После получения адвокатского диплома в 1908 году он решает посвятить себя литературным и театральным интересам. В 1910 г. им была основана газета, тираж которой к 1914 г. достиг 100000 экземпляров. В том же 1914 г. его назначают профессором одного из киевских институтов, а чуть позже он становится директором Железнодорожного театра в Киеве. Война и революция положили конец его академической и административной карьере. Рьяный противник «жидовского марксизма», Бостунич проявил себя активным антибольшевистским агитатором, выступая перед солдатами и офицерами армий Деникина и Врангеля. В своих выступлениях он разоблачал жидо-масонский заговор и его план, обрисованный в знаменитых «Протоколах сионских мудрецов». В 1920 г. большевики заочно приговорили Бостунича к смерти, но ему удалось бежать в Болгарию.

После вынужденного оставления родной страны он начинает искать новую точку опоры, ищет новых духовных ценностей. Этот

поиск привел его к оккультизму. Бостунич говорил, что своего первого духовного наставника по трансцендентальным вопросам он повстречал в 1917–18 гг. на Кавказе, а впоследствии установил контакты с болгарскими теософами в 1920 г. Джеймс Вебб предполагает, что его кавказским учителем был Георгий Иванович Гурджиев, в то время как болгарским гуру – Петр Деунов, который соединял эзотерический расизм Блаватской с представлением о славянском мессианстве. После неудачной попытки возвращения в Россию в октябре 1920 г. Бостунич жил в Белграде. В течение последующих двух лет он много ездил по Югославии, читая лекции о еврейско-масонском заговоре. Его первая книга «Масонство и русская революция» вышла в 1922 г. на русском языке в Новом Саде. Отдельные главы из нее печатались в немецких журналах (1923–1926 гг.). В августе 1922 г. Бостунич эмигрировал в Германию, где продолжал выступать со своими лекциями. Согласно его взглядам, во всех послевоенных изменениях обнаруживается «скрытая рука» евреев и масонов. «Только они выиграли от войны».

Надо сказать, что у него не исчез интерес к оккультизму. В 1923 г. он с энтузиазмом принимает антропософию, но к 1929 г. его мнение о Рудольфе Штейнере резко меняется: Бостунич видит в нем лишь еще одного агента все того же заговора.

В 1924 г. русский эксперт по жидо-масонству становится немецким подданным и зовут его уже Шварц-Бостунич. Во второй половине 20-х годов он знакомится с видным ариософом Гербертом Рейхштейном и начинает сотрудничать с Ариософическим обществом. В его лекциях начинает звучать тема о связях между русской и немецкой душой; растет его авторитет как специалиста по тайным и сверхъестественным силам.

Помимо участия в ариософическом движении, Шварц-Бостунич проявлял активность и в нацистских политических кругах. Несмотря на болезнь сердца и глухоту, он заявлял, что готов отдать все свои знания и способности на службу новой Германии. Он продолжал выступать с лекциями по стране, а затем и на оккупированных территориях, рассказывая нацистам о масонстве, евреях и кознях «сил зла». У него была мечта об открытии института по изучению теорий всемирного заговора. Фундаментом этого института должна была послужить его личная библиотека, в которой насчитывалось 40 000 томов, посвященных исключительно возникновению и развитию «жидо-масонской паутины» и связанным с ней предметам. В письмах «русского мудреца» Гиммлеру отражалась преданность как к самому главе СС, так и к идее «германской миссии». В 1942 г. его назначают почетным профессором СС. В начале 1944 г. Шварца-

Бостунича вместе с женой и библиотекой эвакуируют из Берлина в Силезию. В конце того же года, по личной рекомендации Гиммлера, ему присвоили звание штандартенфюрера СС (полковника). Ничего неизвестно о том, как закончил свои дни этот темпераментный человек, обладавший поистине энциклопедическими знаниями. Что стало с его уникальнейшей библиотекой? Если она не погибла в последние дни войны, то скорее всего попала в руки американцев.

Теория полой земли

В августе 1942 г., когда казалось все силы Германии должны были быть отданы войне, нацисты организуют тайную экспедицию на остров Рюген.

Группа специалистов и ученых, собранная с одобрения Гиммлера и Гитлера, под покровом секретности покинула рейх. Члены этой экспедиции лучшие эксперты по радару. Руководимые доктором Гейнцем Фишером, известным своими работами об инфракрасных лучах, они высадились на балтийском острове Рюген. У них были самые совершенные радары и их забрали с наиболее чувствительных точек германской обороны. Но наблюдения, которыми должны были заниматься на острове Рюген, рассматривались в главном штабе военно-морского флота как исключительно важные для наступления, которое Гитлер готовился начать на всех фронтах.

Прибыв на место, доктор Фишер настроил свои радары. Остальные члены экспедиции думали, что речь идет об испытании. Они не знали, чего от них ожидают. Объект исследования будет им сообщен позднее. Немного погодя им намекнули: фюрер полагает, что земля – не выпуклая, а вогнутая. Мы живем не снаружи шара, а внутри его. Наше положение напоминает мух, ползающих по внутренности мяча. Цель экспедиции – научно доказать эту истину. В силу отражения волны радара распространяются по прямой линии, и можно будет получить изображения самых отдаленных точек внутри сферы. Вторая цель экспедиции – получить путем отражения изображения английского флота, стоящего на якоре в Скапа Флоу.

Американский профессор Джерард Купер в 1945 г. посвятил серию статей доктрине полой земли, вызвавшей эту экспедицию. Он писал в «Популар астрономи»:

> «В широких кругах немецкого флота и авиации верили в теорию полой земли. Думали, в частности, что она была полезна для обнаружения английского флота, потому что вогнутая кривизна земли позволяла бы наблюдения на очень большие расстояния при помощи инфракрасных лучей, обладающих меньшей кривизной, чем видимые лучи». Инженер Вилли Лей сообщает о тех же фактах в своем исследовании 1947 года „Лженауки в стране нацистов“».

Может показаться невероятным, но факт: многие высокопоставленные нацисты считали, что земля имеет форму шара, заполненного внутри, и что мы находимся на его поверхности...

Для сторонников полой земли, организовавших экспедицию на остров Рюген (и в какое время!), мы живем внутри шара, образовавшегося в массе скалы, которая тянется бесконечно далеко. Мы живем прилепленными к вогнутой стороне. Небо находится в центре этого шара: это масса синеватого газа с точками сверкающего света, которые мы принимаем за звезды. Есть только солнце и облако, но бесконечно меньшие, чем говорят ортодоксальные астрономы. Вселенная ограничивается этим. Мы одни, и заключены в скалу.

Справедливости ради надо заметить, что теория полой земли родилась вовсе не в Германии, а в Америке в начале XIX века. Ее основателем считается бывший капитан пехоты Саймонс. Любопытно, что он настаивал и на том, что являются полыми также кости, волосы, стебли растений и т.д. Планеты тоже, полые и на земле, например, можно различить пять сфер одна в другой, все они обитаемы снаружи и внутри, и все имеют широкие отверстия на полюсах, через которые жители каждой сферы могут отправляться в любую точку внутри другой, как и снаружи ее, подобно муравью, ползающему внутри, а потом и снаружи фарфоровой чашки.

В 1880 г. другой американец, Сайрус Тид, провозгласил в свою очередь, что земля полая. Тид был большим эрудитом, специализировавшимся на изучении алхимической литературы. Однажды, когда он работал в своей лаборатории, его осенило. Он понял, что мы живем не на земле, а внутри нее. Такое представление позволяло вновь поверить древним легендам. Тид создал что-то вроде религиозной доктрины и распространял ее, основав маленькую газету «Огненный меч». В 1894 г. у него насчитывалось более 4000 приверженцев. Его религия называлась «корешизм». Он умер в 1908 году, объявив перед смертью, что его тело не подвергнется разложению. Но его последователям пришлось похоронить своего «учителя» через два дня.

В конце Первой мировой войны молодой немецкий летчик Бендер, находившийся в плену во Франции, наткнулся на старые брошюры Тида, пропагандирующие идеи полой земли. Увлеченный ими, он уточнил и развил эту теорию. Вернувшись в Германию, Бендер основал движение под названием «учение о полом мире».

Для Бендера земля – сфера того же размера, что и в обычной географии, но она – полая, и жизнь происходит на внутренней

поверхности под действием солнечных лучей. Под этой поверхностью – бесконечная скала. Слой воздуха внутри имеет толщину 60 км, потом разрежается до абсолютной пустоты в центре, где находятся три тела: солнце, луна и призрачный мир. Этот призрачный мир – шар синеватого газа, в котором сверкают зернышки света, называемые астрономами звездами. Когда эта синяя масса проходит перед солнцем, на части вогнутой земли наступает ночь. А тень этой массы, падающая на луну, приводит к затмениям. Мы верим во внешнюю вселенную, расположенную над нами, потому что световые лучи не распространяются по прямой – они искривлены, за исключением инфракрасных лучей. Эта теория Бендера стала популярной около 1930 года. Руководители рейха, высшие офицеры флота и авиации верили в полую землю.

Вторжение оккультизма задержало развитие немецкой науки. К тому же Эйнштейн, Теллер, Ферми и другие крупные физики отправились в изгнание. В Соединенных Штатах в их распоряжение предоставили хорошо оснащенные лаборатории. В этом-то и состоит причина зарождения американской атомной мощи. Расцвет оккультных сил в Германии ускорил американские исследования в области ядерной энергетики.

Самый крупный исследовательский центр армии находился в Дайтоне, Охайо. В 1957 г. поступило сообщение, что в его лаборатории, работавшей над созданием водородной бомбы, удалось достичь температуры в миллион градусов. Ученый, который добился этого исключительного результата, был доктор Гейнц Фишер, руководивший экспедицией на остров Рюген для проверки гипотезы полой земли. С 1946 г. он работал в Соединенных Штатах. На вопрос американского журналиста о его прошлом, он заявил: «Нацисты заставляли меня участвовать в осуществлении сумасшедших проектов, что сильно мешало моим исследованиям». Хотелось бы знать, что произошло бы и как изменился ход войны, если бы исследования доктора Фишера не были прерваны мистикой Бендера...

После экспедиции на остров Рюген авторитет Бендера заметно упал. Ему пришлось туго, несмотря на протекцию Геринга, питавшего привязанность к бывшему летчику. В конце концов его отправили в концлагерь, где он и умер. Наука, как известно, требует жертв и теория полой земли, таким образом, приобрела своего мученика.

Аненербе

В книге «Утро магов» Л. Павелс и Ж. Бержье пишут:

> «Уничтожение цыган (750000), кажется, не имеет никаких других причин, кроме „магических“. Вольфрам Сиверс был назначен исполнителем, священным палачом, ритуальным убийцей... В сознании наиболее ответственных лиц речь шла о том, чтобы победить безразличие Сильных, привлечь их внимание. От майя до нацистов в этом заключается магический смысл человеческих жертв».

«Священный палач» полковник Сиверс, казненный впоследствии в Нюрнберге, возглавлял Аненербе – общество исследований для наследования своим предкам – одну из самых странных и интересных официальных организаций Третьего рейха. Основал ее откровенный язычник и оккультист Фредерик Хильшер, находившийся в контакте со шведским исследователем Свеном Гедином. Этот швед долго жил в Тибете и играл роль важного посредника в создании нацистских эзотерических доктрин. Фредерик Хильшер никогда не был нацистом, но его наиболее глубокие гипотезы приближаются к «магическим» позициям крупнейших учителей национал-социализма. Гиммлер в 1935 году, через два года после основания, сделал Аненербе официальной организацией, приданной Черному ордену. Было объявлено, что ее целями является: «Искать локализацию, мысль, действия, наследие индогерманской расы и сообщать народу в интересной форме результаты этих поисков. Выполнение этой задачи должно отличаться методами научной точности».

В начале 1939 г. Аненербе было включено в СС и его руководители вошли в штаб Гиммлера. В этот момент она располагала пятьюдесятью институтами, руководимыми профессором Вурстом, специалистом по древним священным текстам, преподававшим санскрит в Мюнхенском университете.

Третий рейх не жалел средств на Аненербе. Говорят, что на германские оккультные изыскания ушло больше, чем на создание первой атомной бомбы в Америке. Эти исследования охватывали огромную область, от научной деятельности в собственном смысле слова до изучения практики оккультизма, от вивисекции заключенных до шпионажа за тайными обществами. Там велись переговоры со Скорцени об организации экспедиции, целью которой должно быть похищение св. Грааля, и Гиммлер

создал специальную секцию, осведомительную службу, занимавшуюся «областью сверхъестественного».

Список проблем, решавшихся Аненербе, поражает воображение: влияние братства розенкрейцеров, символическое значение уничтожения выступов стены в Ольстере, оккультное значение готических башенок в Итоне и т.д. Когда армии готовились эвакуироваться из Неаполя, Гиммлер размножил приказы о том, чтобы ни в коем случае не забыли увезти большой надгробный камень последнего императора из династии Гогенштауфенов. В 1943 г. после ареста Муссолини рейхсфюрер собрал шестерых крупнейших оккультистов Германии, чтобы узнать место, где держат в плену луче. Совещания генштаба нячинались с упражнений сосредоточения по системе йогов. Один из служаших Аненербе доктор Шеффер установил в Тибете многочисленные контакты с монастырями. Он привез в Мюнхен для исследования «арийских» лошадей и «арийских» пчел, чей мед имеет особые достоинства.

Гиммлер также обязан Аненербе заниматься охраной различных исторических достопримечательностей, могущих привлечь внимание туристов после того, как Германия выиграет войну. Одной из таких достопримечательностей был бункер, из которого Гитлер руководил захватом Франции в 1940 году. Под охраной оказалась и одна синагога в Праге, построенная в XIII веке. Ее планировали превратить в «музей исчезнувшей расы». Пощадили эсэсовцы и старое еврейское кладбище в Борисе: на нем собирались открыть «иудейскую библиотеку».

Интерес СС к местам захоронения объясняется тем, что в них, как считали спецы из Аненербе, пребывают «духи мертвых». Эсэсовский журнал «Шварце корпс» поощрял членов Черного ордена к совокуплению на старых кладбищах, ибо так становится возможной «реинкарнация древних германских героев». «Шварце корпс» периодически публиковал адреса захоронений, рекомендовавшихся для подобной активности. Эти кладбища подвергались тшательному обследованию специалистами из Аненербе, – официальные представители этой организации удостоверяли отсутствие на них останков «расово неполноценных».

Во время войны Сиверс проводил в концлагерях ужасающие эксперименты, недоступные пониманию «непосвященных». Аненербе располагало «всеми возможностями, предоставленными Дахау». Сиверс передал армии заказ на коллекцию черепов еврейских комиссаров. Наблюдатели отмечали, что Сивере был чужд «нормальным человеческим чувствам», чужд всякой жалости. Он был вне этого. Он слышал другие голоса.

Несомненно, что Хильшер сыграл важную роль в выработке тайной доктрины, адептом которой стал Сивере. Вне этой доктрины нельзя понять ни Сиверса, ни некоторых других высокопоставленных нацистов. Выражения «нечеловеческая жестокость», «чудовищность», «безумие» и т.п. ничего не объясняют. О духовном менторе Сиверса мало что известно. Писатель Эрнст Юнгер считал, что он основал новую религию. В дневнике, который писатель вел в Париже в годы оккупации, имеются довольно любопытные записи. Например, от 14 октября 1943 года:

«Вечером визит Бого (Юнгер из осторожности называет определенных лиц псевдонимами: Бого – Хильшер, Книболо – Гитлер). В эпоху, столь бедную оригинальными людьми, он кажется мне одним из тех, о ком я больше всего размышлял, причем мне не удалось составить окончательного мнения. Я думал прежде, что он войдет в историю нашей эпохи, как одно из мало известных лиц, но обладающее редкой тонкостью ума. Теперь я думаю, что он сыграет более значительную роль. Многие из молодого поколения испытали его влияние и частично прошли через его школу… Он подтвердил мое подозрение, имевшееся у меня давно, а именно то, что он основал Церковь. Он теперь уже по ту сторону догматизма и уже очень далеко продвинулся в создании новых обрядов. Он показал мне серию песнопений и цикл празднеств, „языческий год“, включающий в себя и веления богов, и яркость красок, блюда, камни, зверей и растения. Я увидел, что освящение света празднуется 2 февраля…»

Юнгер добавляет:

> «Я заметил у Бого существенную перемену, которая, на мой взгляд, характеризует всю нашу элиту: он углубляется в метафизические области со всем порывом мысли, сформированной рационализмом… Можно сказать в общем, что XIX век был веком рационализма, а XX – веком культов. Книболо (Гитлер) сам живет в нем, отсюда полная неспособность либеральных умов понять его».

Хильшера никто не тревожил по окончании войны. Он явился на Нюрнбергский процесс свидетельствовать в пользу Сиверса. Он что-то бормотал о политических диверсиях и высказывал умышленно абсурдные соображения о расах и доисторическом прошлом. Хильшер проводил Сиверса на виселицу. Перед казнью они вместе произносили своеобразные молитвы, принадлежащие культу, о котором не шла речь во время допросов. Затем Хильшер опять ушел в неизвестность.

Святой Грааль найден?!

Основатель монашества в западном мире святой Бенедикт жил во времена короля Артура, – VI век н.э. Согласно французскому оккультисту Альфреду Вейзену, первоначально у него было еврейское имя Барух. Известно, что он не любил сидеть на одном месте и разъезжал по всей Европе, основывая монастыри на местах, считавшихся священными для язычников. Самый знаменитый монастырь был основан им на горе Кассино (Монте Кассино), особо почитавшейся в дохристианских верованиях. Святой Бенедикт умер в 544 году, за 700 лет до резни катаров в Монтсегюре и за 1400 лет до фанатичной обороны Монте Кассино гитлеровской армией.

После его смерти бенедиктинский орден широко распространился в Европе. Как и прежде, монахи продолжали возводить свои обители на развалинах древних языческих храмов. К 1100 г. почти все святые места католического мира оказались под управлением последователей святого Бенедикта.

Установлено, что в своей созидательной деятельности и при выборе наиболее подходящего места для монастыря, бенедиктинцы не стеснялись использовать знания «проклятых язычников», безжалостно подавлявшихся и осуждавшихся официальной церковью. Бывших членов этого ордена можно было обнаружить во многих тайных обществах, включая и масонскую ложу Фридриха Великого. Между прочим, Гитлер в детстве посещал бенедиктинскую школу, а знаменитый архитектор-модернист Ле Корбюзье признавался, что находится под сильным влиянием «геометрических идей» бенедиктинского монастыря в Бероне.

Известно, что отцы-начальники ордена видели в «священной географии» одно из средств психического контроля над подвластными им народами. С этим связано и овладение тончайшими энергиями, которое аллегорически зовется св. Граалем,– символически представляемым в виде чаши, хранящей кровь Спасителя. Легенда о святом Граале, зародившаяся при короле Артуре, стала излюбленной темой средневековых трубадуров. Парсифаль и поиски Грааля имели особое значение для посвященных нацистов. Музыкальная интерпретация легенды Рихардом Вагнером произвела глубочайшее впечатление на мистиков-националистов. Один из них, Отто Ран, вдохновленный историей Парсифаля, отправился на поиски Грааля.

Ран утверждал, что обнаружил расположение горы святого Грааля, по легенде Монтсалват. По его мнению, это горная

крепость Монтсегюр во французских Пиренеях. В 1931 г. он отправился в экспедицию во Францию. Ему удалось добраться до Монтсегюра – последнего пункта героической обороны катаров. Именно отсюда, как гласит легенда, в ночь перед решающим штурмом папских крестоносцев, забрав свои священные реликвии, незаметно ушли трое еретиков-катаров. С угрозой для собственной жизни они сберегли магические регалии короля Дагобера II и чашу, считавшуюся святым Граалем.

Обладание святым Граалем всегда являлось заветной мечтой различных рыцарских орденов. Рыцари Круглого стола короля Артура, тамплиеры, тевтонские рыцари – все они безуспешно занимались поисками мистического сосуда. Но Отто Ран верил в то, что в отличие от них сумеет достичь поставленной им цели. Он досконально изучил Монтсегюр и обнаружил потайные ходы, в которых, по его мысли, и должно быть припрятано «сокровище веков». В 1933 г. молодой исследователь опубликовал книгу о своих находках и героизме катаров – «Крестовый поход против Грааля». В том же году он возвращается в Берлин и приступает к работе в одном из институтов СС. В 1936 г. ему присваивают звание унтершарфюрера СС. Вскоре вышла его вторая книга «Слуги Люцифера», в которой он писал о традициях катарского гностицизма в Европе.

Согласно некоторым данным, в 1937 г. Ран отправил свои монтсегюрские «находки» Гиммлеру. В книге Жан-Мишеля Ангебера «Гитлер и традиция катаров» утверждается, что среди посланного шефу СС находился и... святой Грааль, по крайней мере в это якобы верил сам Ран. Ангебер сообщает, что драгоценный сосуд переправили в замок Вевельсбург, где он хранился на мраморном пьедестале.

Дальнейшие сведения о судьбе современного искателя Грааля полны загадок и противоречий. По одним источникам, его отправили в концлагерь и убили. Более правдоподобной выглядит другая версия: Ран покончил с собой в марте 1939 года, приняв ампулу с цианистым калием. Высказывается предположение, что он разочаровался в нацизме и осознал, что передал реликвию величайшей силы и значения не в те руки...

В июне 1943 г. под эгидой Аненербе была предпринята большая экспедиция в район Монтсегюра. После тщательной классификации все найденное там перевезли в рейх.

Гитлер искренне верил, что поворотные моменты истории происходят каждые 700 лет. Древняя немецкая легенда говорит, что раз в каждые 700 лет на поверхность земли выходит спрятанное сокровище. Гиммлер видел в этом связь с Граалем. В духовной истории важные вехи отмечены 544 г. и 1244 г. Святой

Бенедикт, обращавший языческие святыни в христианские, умер в 544 г.; в том же году скончался и король Артур. В 1244 г. были уничтожены катары в Монтсегюре. Считается, что король Артур и катары обладали святым Граалем.

В современной истории 1944 год также знаменовал собой поворотный пункт. Третий рейх был обречен, а на горизонте уже обрисовывалось неизбежное появление атомной бомбы– демонического плода новой алхимии. В 1944 г. произошла и грандиозная битва при Монте Кассино. Монастырь, построенный св. Бенедиктом на вершине одной из основных гор в энергетической системе Европы, имел двойную важность: в плане военной стратегии и в оккультном смысле.

Приказ из Берлина требовал держаться любой ценой. Надо отдать должное немцам: они оборонялись героически, не щадя собственных жизней, и союзники, имевшие заметный перевес в технике и человеческих ресурсах, завладели святой горой лишь через четыре месяца ожесточеннейших боев. Старинный монастырь был превращен в руины.

В дни кровопролитной схватки в Монте Кассино почти никто не обратил внимания на то, что 16 марта 1944 года, в 700-летнюю годовщину убиения катаров в Монтсегюре, туда (всего на несколько минут!) вылетел Альфред Розенберг. Над последним оплотом катаров взвился флаг с громадным кельтским крестом. Нацисты совершили древний магический ритуал, к которому было принято прибегать тогда, когда необходимо просить высшие силы о помощи и защите. Но они явно опоздали и их мольба осталась неуслышанной.

Поражение магов

В один из весенних дней 1942 года Гитлеру принесли экстренное сообщение с русского фронта. В нем говорилось о том, что три эсэсовских альпиниста взобрались на вершину Эльбруса и водрузили над ней флаг со свастикой, «Сумасшедшие! – заорал фюрер. – Их нужно судить: они продолжают заниматься своими дурачествами даже во время войны!»

Был ли гнев Гитлера искренним? В этом можно усомниться, ибо скорее всего он знал, что эсэсовцы взобрались на высочайший кавказский пик не ради спортивного интереса. Эльбрус считается священной горой арийцев, колыбелью древних цивилизаций и магическим центром мира. По мнению некоторых оккультистов, в том числе и Гиммлера, благословение знамени со свастикой по ритуалу Черного ордена, проведенное там, должно было означать начало новой эры. Контроль над Эльбрусом символизирует покорение всего мира. Теперь времена года должны повиноваться нацистам, а огонь победит лед. В 1941 г. нацистов постигло определенное разочарование, но после овладения священной горой их триумф становится неизбежным. Поэтому, вопреки предостережениям метеорологов, нарушая элементарнейшие понятия о военной стратегии, немецкие войска двинулись к Сталинграду, стремясь разрезать Россию на две части. Но победить с помощью только магии оказалось невозможным. Результаты Сталинграда хорошо известны. После него, как говорят многочисленные свидетели, «Гитлера было трудно узнать». Он перестал быть пророком. Его магическая религия потерпела сокрушительное поражение. Верх одержали «плоские люди без огня», «ничтожные защитники презренной иулеохристианской цивилизации». «Понимаете ли вы, что произошло? – писал Геббельс. – Вся идеология, вся концепция вселенной потерпела крах. Духовные силы раздавлены, приближается час возмездия».

В Сталинграде не только коммунизм восторжествовал над фашизмом. Произошло нечто большее: крушение магического восприятия мира. Маленький, рациональный человек, лишенный метафизического чувства, – тот, кого ницшевский Заратустра считал лишь человекоподобной карикатурой, – уничтожил великую армию, предназначенную для того, чтобы открыть дорогу сверхчеловеку, человеко-богу, властелину стихий, климата и звезд.

Отчаянное сопротивление Гитлера после сталинградского

поворота «колеса истории», когда уже было ясно, что все потеряно, объясняется только ожиданием потопа, описанного гербигерианцами. Человечество будет призвано на суд богов. Потоп придет, как кара всему человечеству. Ночь окутает земной шар и все утонет под водой и градом. Шпеер говорит, что Гитлер «сознательно пытался добиться, чтобы умеете с ним погибло все». Геббельс в последних статьях с энтузиазмом приветствовал вражеские бомбардировки: «Под обломками наших городов будут погребены достижения дурацкого XIX века». Гитлер приказывает полное разрушение Германии. «Гитлер и Геббельс, – пишет английский историк Тревор-Ропер, – призвали немецкий народ разрушить свои города и заводы, взорвать плотины и мосты, принести к жертву железные дороги, и все это во имя легенды под названием сумерки богов». Великий маг Гитлер не скупится на человеческие жертвоприношения: бессмысленно бросает в бой, на верную гибель, подростков и стариков. Но враги побеждают. Умирая, остается только призвать великий потоп. В затопленном по приказу Гитлера берлинском метро нашли свою смерть 200000 человек. Прежде чем убить в бункере жену, детей и самого себя, Геббельс публикует прощальную статью. Она называется «И все-таки это будет». В ней говорится, что трагедия разыгрывается не на земном, а на космическом уровне. «Наш конец будет концом вселенной».

Гитлер, как известно, покончил с собой 30 апреля – в Вальпургиеву ночь, в одну из наиболее благоприятных дат для жертвоприношений в германском языческом календаре. Похоже на то, что он сделал это специально, чтобы обеспечить себе наилучшую реинкарнацию...

Вошедшие в Берлин части Красной Армии были немало лоражены, когда увидели большое число трупов тибетцев в форме СС. Уроженцев далекой горной страны пригласил в свое время в немецкую столицу Карл Гаусхофер. Очи должны были снискать благоволение высших сил, перетянуть их на сторону «арийцев». Своим самоубийством тибетцы как бы подтверждали неудачу собственной миссии. Германия лежала в руинах: оккультный рейх продержался только 12 лет. В наши дни, очевидно, настало время откровенно сказать, что нацизм был одним из редких моментов в истории христианской цивилизации, когда распахнулась дверь в иной мир, распахнулась с шумом и очень заметно. Вызывает удивление, что подавляющее большинство все еще ничего не видит и не слышит. Может быть, конечно, люди лишь притворяются слепыми и глухими, ибо так проще и удобнее жить. Но как бы ни было ясно, что нацизм не укладывался в рамки

политического движения.

Гитлер в своем неизменном состоянии мистического озарения был убежден, что явился в этот мир, чтобы осуществить предначертание необычной судьбы. Он считал, что доверенная ему миссия выходит далеко за пределы политики и патриотизма. «Идеей нации, – говорил он сам, – я должен был пользоваться из соображений удобства для данного момента, но я уже знал, что она могла иметь лишь временную ценность... Придет день, когда от того, что называют национализмом, не многое останется даже у нас в Германии. На земле возникнет всемирное братство учителей и господ». Политика – только внешнее проявление, кратковременное практическое приложение религиозного видения законов жизни на земле и в космосе. Судьба человечества непостижима для обычных людей. Понимание ее доступно лишь немногим посвященным. «Политика,– уточнял Гитлер, – практическая и фрагментарная форма этой судьбы». Экзотеризм доктрины – лозунги, социальные факты, войны. Но есть и эзотеризм.

То, что Гитлер и его соратники поощряли и поддерживали Гербигера, – это уникальнейшая попытка вернуться, опираясь на науку или лженауку, к мысли древних эпох о том, что человек, общество и вселенная управляются одними и теми же законами, что движение душ и движение звезд связаны друг с другом. Борьба между льдом и пламенем, из которой родились, умрут и возродятся планеты, происходит также и в самом человеке.

Эльмар Брум справедливо пишет:

> «Для Гербигера вселенная – не мертвый механизм, в котором одна часть постепенно портится, чтобы в конце концов погибнуть, но организм, живой в самом чудесном смысле слова, – живое существо, где все отражается во всем, и передающее из поколения в поколение свою пламенную силу». В этих словах выражена основа гитлеровского миросозерцания, в котором разобрался еще Раушнинг: «нельзя понять политические планы Гитлера без знания его задних мыслей и его убеждения в том, что человек находится в магических отношениях со вселенной».

Такой взгляд, разделявшийся мудрецами прошлого и являющийся сутью восточной философии, не совсем угас и на современном Западе. Не исключено, что со временем и сама наука неожиданным образом вернет ему известную силу...

Посвященные тайной доктрины нацизма считали, что люди (за исключением евреев) находятся в магических отношениях со

вселенной, но они об этом забыли. Будущая мутация человеческой расы создаст существа, сознающие эти отношения, – человеко-богов. Эта мутация уже дает себя знать в некоторых мессианских душах, ощущающих свою связь с очень отдаленным прошлым и вспоминающих о днях, когда великаны оказывали влияние на движение звезд...

Нацисты (по крайней мере из высшего эшелона) хотели изменить жизнь. Они подготавливали приход Высшего Неизвестного. У них было магическое понимание мира и человека. Они пожертвовали всем ради этого понимания и принесли в жертвы миллионы человеческих жизней. Они хотели следовать Высшим Учителям. Они ненавидели иудеохристианскую цивилизацию, как бы она ни называлась,– буржуазная или пролетарская, презирали ее слащавый гуманизм и безграничный материализм. Они должны были победить, потому что были носителями огня, который их враги – капиталисты и коммунисты, уже давно погасили в себе заботами о комфорте и чувственных удовольствиях. Они должны были стать господами на тысячелетие, ибо на их стороне – великие жрецы и демиурги... Но они оказались побежденными, раздавленными и униженными. И кто же одержал верх – обычные люди, у которых не было никакого священного огня, а лишь примитивные верования и ничтожные цели на уровне бреющего полета. Представьте, как они – наследники святого Грааля, чувствовали себя в Нюрнберге, когда их называли преступниками и бешеными собаками, а затем отправляли на виселицу!

Маги потерпели страшное, сокрушительное поражение. Но можно ли полагать, что они навсегда ушли в небытие и не попытаются взять реванш в будущем? Даже тогда, когда красный флаг уже развевался над Бранденбургскими воротами, посвященные поспешно прятали свои реликвии и ценности с той целью, чтобы будущие поколения могли раскопать их и использовать для основания Четвертого рейха. 2 мая 1945 г. колонна грузовиков под охраной эсэсовцев направилась со специальной миссией в Зиллерталь – труднодоступный горный район Австрии. Там, во льдах горы Гохфейлер на высоте 9000 футов над уровнем моря, они погребли свинцовый ящик, хранящий «святыни» Черного ордена. Среди них был и таинственный дар Отто Рана (святой Грааль?!), находившийся до этого в штаб-квартире СС – замке Вевельсбург. Любой ценой нацисты стремились избежать того, чтобы их святыни попали в руки «еврейских комиссаров или ожидовленных янки». Если исходить из положения, занимаемого им во льдах, ящик, захороненный эсэсовцами, должен выйти на поверхность опять

где-то между 1991 и 1995 гг. Кому достанется его содержимое?..

История нацистского оккультизма еще не может считаться оконченной.

20 декабря 1990 г.

Пруссаков Валентин
Форд и Гитлер

В 1915 г. Г. Форд, чье имя к тому времени уже было широко известно во всем мире, зафрахтовал корабль и с группой друзей и сторонников направился к берегам Европы. Целью его путешествия являлось достижение мира посредством переговоров с воюющими сторонами. На борту корабля автомобильный король в беседе с известной пацифисткой мадам Швиллер заявил: «Я знаю, что эту войну развязали еврейские банкиры Германии». (Позже он скажет корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Сами евреи убедили меня в том, что имеется прямая связь между международным еврейством и войной. На нашем корабле находились два весьма видных еврейских деятеля. Не успели мы пройти и 200 миль, как они начала внушать мне мысль о том, что евреи управляют всем миром с помощью контроля над золотом и что евреи и только евреи могут покончить с войной. Мне не хотелось верить им, но они пустились в детали, чтобы убедить меня в отношении средств, используемых евреями для контроля над военными действиями... Они говорили так долго и с таким знанием дела, что убелили меня».) Указав на карман своего пиджака, Форд сказал госпоже Швиллер:

> «У меня здесь – убедительнейшие доказательства. Я не могу пока раскрывать их, ибо еще не знаю всего. Но скоро я буду знать решительно все!»

Благородная мирная миссия Форда закончилась полным провалом, что искреннейше огорчило его. Через многие годы, вспоминая свои бесплодные усилия, он скажет: «Я знаю, что весь мир смеялся надо мной и моей экспедицией...» Тем не менее Форд не был обескуражен и горел решимостью вывести на чистую воду тех, кого откровенно считал «врагами рода человеческого».

В конце 1918 года американский автомагнат приобретает газету «Дирборн индепендент». Вскоре в ней замелькали статьи, содержавшие недвусмысленные нападки на еврейство. Спустя примерно год после приобретения «Дирборн», журналисты спросили Форда о том, какой урок он извлек из своей неудачной поездки по установлению мира. Он ответил: «Я точно знаю, кто устраивает войны. Еврейские банкиры разных стран заинтересованы в них для увеличения своих прибылей. Это, поверьте, правда, ибо сами евреи на моем корабле говорили

мне... Они же и убеждали меня в том, что я не смогу ничего добиться, если не встречусь с „правильными людьми“. Этими „правильными людьми“ были вполне определенные евреи в Англии и Франции. „В скором времени мы скажем всю правду!“ – пообещал в заключение Форд.

22 мая 1920 года, к удивлению многих читателей, «Дирборн индепендент» яростно обрушилась на еврейство. Громадный заголовок на первой странице невольно приковывал к себе внимание: «Международное еврейство – основная проблема для всего мира». В первом параграфе пространной передовой статьи говорилось: «Существует народ на земле, причисляемый к роду человеческому, к которому никто и никогда не испытывал добрых чувств». Этот народ, утверждалось в дальнейшем, замышляет подчинить себе все остальные народы. В целях установления мирового господства евреи сформировали «международное сверхкапиталистическое правительство». Проблема еврейской расы, по мнению «Индепендент», – «главная проблема», стоящая перед всем обществом.

В последовавших затем 91 (!) статьях освещались разнообразнейшие аспекты, имеющие отношение к «вопросу вопросов» – «международному еврейству». Например, шел разговор об участии евреев в тайном мировом правительстве, в финансовой деятельности, в коммунистическом движении, в искусстве, спорте, контрабанде и т.д. и т.п. Вот некоторые характерные заголовки: «Изощренное искусство изменения еврейских имен», «Зачем евреи добиваются власти», «Еврейское господство в Красной России», «Тафт противодействовал евреям и... потерпел поражение»... В этих и многих других статьях Форд беспрерывно обвинял евреев в нанесении ущерба американской культуре, американским ценностям, производительности труда и, более того, – в развязывании Первой мировой войны. Серьезные обвинения предъявлялись целому ряду влиятельных евреев США. Так, Бернард Барух был назван «консулом Иуды в Америке», «всесильным евреем» и «самым могущественным человеком» в дни войны. Когда американские репортеры попросили Баруха прокомментировать данные ему «титулы», ближайший советник всех президентов США в первой половине XX века попробовал отшутиться: «Неужели вы думаете, что я буду хоть что-то отрицать?!»

Однако подавляющее большинство евреев не обладали невозмутимостью Баруха и почувствовали себя задетыми за живое. В ряде городов США прошли шумные еврейские демонстрации, требовавшие введения цензуры. В некоторых местах члены еврейской общины зверски избили тех, кто

распространял, либо продавал «Дирборн индепендент». Стоит заметить, что в 1921 году театральный продюсер Моррис Гест попытался судить Форда за клевету, но по неизвестным причинам вскоре отказался от своего иска. Значительное число публичных библиотек отказалось подписываться на «Индепендент». Представители почти всех еврейских организаций раздраженно осудили «антисемитскую кампанию, инсценированную Фордом». 190 христианских деятелей, включая Вудро Вильсона, призвали Форда прекратить «злостную, человеконенавистническую пропаганду». Тогдашний президент Гардинг, через одного из своих друзей, также попытался «образумить» автомобильного гиганта. В конце концов еврейские организации, исчерпав, вероятно, все остальные средства воздействия, призвали «дружно бойкотировать» фордовские машины. Этот призыв оказался необычайно эффективным: почти все еврейские фирмы (а сколько их в Америке!), отказались покупать у «сумасбродного» и «взбесившегося» промышленника, которого еще совсем недавно они же расхваливали на всех углах. К ним присоединились и многие «гойские» бизнесмены, чьи дела зависели от евреев, и потому не желавшие как-то задеть их, вызвать недовольство. Особенно сильно бойкот сказался в Нью-Йорке и его пригородах. Компании, соперничавшие с Фордом, уже через несколько месяцев заметно увеличили свои прибыли...

В 1921 г., во время проводившейся им инспекции одного из заводов, к Форду удалось пробиться репортеру какой-то алабамской газеты. Бойкий малый поинтересовался, как долго будет продолжаться «публикация антисемитских статей». Форд хладнокровно ответил ему буквально следующее: «Инструктаж относительно еврейства продлится еще лет пять...»

Несмотря на шантаж и угрозы, публикации «Дирборн» обрели широкое распространение по всей стране. Форд превратил малоизвестную газету в мощный пропагандный рупор. Заметно поднялся и тираж, достигший в середине 20-х годов 500000. Репринт статей, помещенных в 1920-22 гг., образовал целых четыре тома, вышедших под заголовком «Международное еврейство». Эта книга была переведена на 16 языков. Ее печатали в Барселоне, Порто-Алегре (Бразилия) и Лейпциге. Националисты самых разных стран с энтузиазмом использовали публикации знаменитого американца. Адвокат из Штатов, еврей Льюис, совершивший кругосветный вояж в середине 20-х годов, с печалью отмечал, что видел «эти злосчастные брошюры даже в самых отдаленных уголках земного шара». Он утверждал, что «только из-за авторитета Форда они приобрели такой вес. Благодаря магии его имени они распространились подобно

пожару и стали библией каждого антисемита».

Если «Международное еврейство» явилось «библией», то для нацистов Генри Форд представлялся чуть ли не пророком. Под воздействием фордовских публикаций многие немцы перешли в «стан свастики». Лидер гитлерюгенда Бальдур фон Ширах заявил на Нюрнбергском процессе, что стал юдофобом после чтения «Вечного жида» (немецкое заглавие для «Международного еврейства»). «Вы не можете представить себе, какое огромное влияние имела эта книга на немецкую молодежь, – сказал фон Ширах. – Для молодых Генри Форд являлся символом успеха и богатства. Если же он говорил, что во всем виноваты евреи, то, естественно, невозможно не верить ему». Гитлеровец Кристиан Вебер заметил, что если бы Форд «приехал в Мюнхен, его бы встретили как настоящего короля».

О громадном уважении Гитлера к знаменитому сыну Америки, сообщала в свое время «Нью-Йорк таймс». По некоторым данным, в кабинете фюрера в Коричневом доме (штаб-квартира нацистской партии в Мюнхене) висел большой портрет Генри Форда. В смежной же комнате на столе, заваленном книгами, можно было обнаружить «Вечного жида»...

Когда слухи о «еврейском бойкоте» дошли до нацистов, Гитлер объявил, что «подлые интриги международного еврейского капитала против Форда способствуют усилению симпатий к нему национал-социалистической партии, а также содействуют популярности его книги». В 1923 г., когда стало известно, что Форд может выставить свою кандидатуру на президентских выборах, Гитлер, согласно «Чикаго трибюн», сказал:

«Мне хотелось бы послать ему в подкрепление моих штурмовиков... Мы видим в Генри Форде лидера растущего фашистского движения в США. Мы недавно перевели и опубликовали его антиеврейские статьи. Миллионы экземпляров этой книги распространяются по всей Германии».

Немецкий «научный антисемит» Теодор Фриче между 1920 и 1922 гг. выпустил шесть изданий «Международного еврейства». К концу 1933 г. он же довел это число до 29, в каждом издании на титульном листе красовалось имя Генри Форда, а в предисловии выражалась глубокая благодарность автору за «великую службу», оказанную им Америке и всему миру «смелым разоблачением козней мирового еврейства». После 1933 г. книга «великого американца» стала «оружием национального воспитания». Каждый немецкий школьник неоднократно сталкивался с ней в процессе своего образования. Управляющий фордовской компанией в Германии в середине 30-х годов Эдмунд Гейне

(между прочим, гражданин США) пояснял, что «Международное еврейство» имеет поддержку германского правительства и является важным фактором «для понимания еврейской проблемы так, как нужно ее понимать». Гейне также подчеркивал, что Фриче, считавший «книгу Генри Форда о мировом иудаизме сильнейшим ударом по жидовству», не должен отказываться от своих прав на публикацию.

Когда корреспондент «Нью-Йорк таймс» попросил секретаря Форда – Эрнста Либольда, прокомментировать сообщение о влиянии Форда на нацизм, Либольд отказался подтвердить или опровергнуть это сообщение, выразив «удивление по поводу всего дела».

Однако напрасно он делал невинные глаза. Гитлер не только дал высокую оценку Генри Форду в «Моей борьбе», но, вероятно, даже кое-что позаимствовал у него в области расистской философии. При чтении нетрудно заметить схожесть между «Международным еврейством» и «Моей борьбой», а некоторые места в этих книгах почти идентичны. Это давало основание для утверждений, что Гитлер копировал фордовскую книгу. («Международное еврейство» было впервые выпущено в 1920 году, а Гитлер приступил к «Моей борьбе» не раньше 1924 г. – В.П.). Вождь национал-социализма читал и автобиографию Форда «Моя жизнь и работа», которая увидела свет в 1922 году и стала бестселлером в Германии. Помимо того, знал он и другую книгу Форда, озаглавленную «Сегодня и завтра». Нет никаких сомнений относительно влияний Форда на Гитлера. Один из самых близких ему людей – Дитрих Эккарт, слывший его духовным ментором, отмечал, что «Протоколы сионских мудрецов» и «Международное еврейство» служили «подсобным материалом» для будущего фюрера.

В отличие от традиционной религиозной юдофобии, периодически вспыхивавшей в Европе, ненависть к евреям в «Майн кампф» обрела расовые основания. Американские исследователи С. Фэй, У. Лангер и Д. Чемберлен утверждают, что «расовый антисемитизм, ставший составной частью политической программы, явился подлинным открытием Гитлера». Однако такого же рода «философия для массового употребления» была ранее провозглашена Генри Фордом.

В «Международном еврействе» ясно сказано: «...еврейский вопрос никоим образом нельзя считать религиозным вопросом. Наоборот, в соответствии с мнением высших еврейских авторитетов, это вопрос расовый и национальный». В подтверждение приводились высказывания многих известных

евреев. Так, верховный судья США Луи Брандес говорил: «Нужно всем признать, что мы, евреи, – особая нация: каждый еврей, независимо от его гражданства и вероисповедания, принадлежит к этой нации». Приводилась и аналогичная цитата из писаний Мозеса Гесса: «Еврей всегда является членом своей нации и, следовательно, связан с иудаизмом, даже и в том случае, если он или его предки были отступниками».

Евреям, изображенным Фордом народом «не создавшим ни собственной цивилизации, ни возвышенной религии… не имеющим великих достижений ни в одной области», противопоставлены англосаксонцы: созидатели, исследователи и мыслители. Их успехи в различных областях, считал Форд, доказывают, что англосаксонцам суждено стать «хозяевами мира».

Еще в свой венский период Гитлер, как и Форд, пришел к выводу, что евреи «были не немцами с особой религией, но совершенно другой расой». Он писал в «Моей борьбе», что евреи специально выдают себя лишь за религиозную общину, чтобы отвлечь внимание от «непримиримых» расовых различий. Именно поэтому традиционный религиозный антисемитизм не достигал цели. Евреи всегда могли избежать ущемления в правах путем обращения в христианство, но их «существо» от этого не менялось. С сарказмом Гитлер подчеркивал:

«Тот факт, что они представляют другую расу и доказывать не нужно: достаточно лишь взглянуть на них. Трудно по внешнему виду сказать, кто католик, а кто протестант или баптист. В этой же „религиозной общине“ (евреи) каждый без труда определит „верующего“. Восхитительная религия!»

Различие между Фордом и Гитлером, пожалуй, заключалось только в том, что вместо «превосходства англосаксонцев» фюрер говорил о «расе господ», «арийцах», которые, по его словам, являлись единственной расой, способной к созданию великих культур и цивилизаций. Любое смешение с низшими расами неизбежно приводит к упадку, а затем и к гибели (приводились убедительные примеры: Египет, Персия, Греция, Рим). Северная Америка, «население которой состоит из значительного числа германских элементов», – образец арийского завоевания и арийской цивилизации на континенте, «заселенном прежде расово неполноценными». «Евреи – полная противоположность арийцам», писал Гитлер. Несмотря на их «очевидные интеллектуальные качества», они лишены «подлинной», своей культуры. «Фальшивая культура» евреев, по его словам, заимствована у других народов и, как правило, «извращена и замусорена» ими. Но отсутствие «подлинной» культуры у евреев – не главная причина для ненависти к ним Гитлера или Форда.

Основатель автомобильной династии откровенно пишет о том, что ему «в них не нравится»: «Мы обязательно встретим евреев в высших кругах, – там, где сосредоточена вся власть. В этом-то и состоит суть еврейского вопроса. Как им удается пробраться на самый верх во всех странах? Кто содействует им?.. Что они делают наверху?.. в каждой стране, где еврейский вопрос становится жизненно важным, выясняется, что причина возникновения его в еврейском умении деткать власть под своим контролем. Здесь, в Соединенных Штатах, – неоспоримый факт: за последние 50 лет это меньшинство добилось такого контроля, который был бы невозможен для какой-либо иной национальной группы, превосходящей его по численности в десятки раз».

Оба, Форд и Гитлер, верили в существование еврейского заговора. Они полагали, что у евреев имеется план разрушения христианского мира и захвата в свои руки рычагов правления через международное сверхправительство. Такого рода план был детально описан в «Протоколах сионских мудрецов». Вопреки сомнениям относительно подлинности «протоколов», Форд продолжал упорно защищать их, говоря:

«Единственное, что я могу сказать, что они находятся в полном соответствии с происходящими событиями... Они соответствовали обстановке в мире раньше. Они соответствуют ей и теперь».

Что касается Гитлера, то он видел в «протоколах» прежде всего прекрасный «документ», которым он может воспользоваться для своих целей. Об этом, в частности, он говорил в личных разговорах с Раушнингом. «Враг обладает невероятным упорством и несгибаемой волей. Мы должны учиться у него. Разумеется, надлежит сделать определенные поправки». Продолжая, он подчеркнул, что сражение с евреями – «решающая битва за судьбу всего мира!» Раушнинг возразил: «Не придаете ли вы чересчур большое значение евреям?» «Нет, нет и нет! – воскликнул Гитлер. – Невозможно преувеличить устрашающую мощь наших еврейских врагов».

«Но „протоколы“ – всего лишь фальшивка, – продолжал возражать Раушнинг. – Их нельзя считать подлинными». «Почему же нельзя?» – вопросил Гитлер. Он сказал, что его мало волнует историческая правда. Гораздо важнее то, что «сионские откровения» соответствуют глубинной внутренней истине. «Мы должны бить евреев их же собственным оружием, – сказал в заключение фюрер. – Я понял это сразу, еще при чтении „протоколов“.

Точку зрения Форда и Гитлера относительно пресловутого еврейского заговора, можно, по-видимому, выразить следующим

образом: евреи – народ, который на протяжении столетий стремился сохранить свои отличительные, расовые особенности. Они всегда были государством внутри государства и никогда не считали нужным быть лояльными к тем странам, на территории которых им приходилось жить. Это расовое единство скрывалось под маской религии, суть которой – вера в собственное превосходство над всеми остальными. Они утверждают, что являются «избранным» народом и полагают, что им суждено стать властелинами мира.

Все существующие теории еврейского заговора описывают евреев как людей лишенных оригинальных идей и творческих способностей; их величайшее искусство – мошенничество, подлог и фальсификация, умение ловко манипулировать чужими мыслями и «гениально надувать». Ориентированные психологически на «делание денег», а не на производство настоящих материальных ценностей, евреи всегда были посредниками и торгашами. Другими словами, как говорят спецы по теории заговора, евреи жили исключительно посредством финансовых манипуляций. Поэтому-то такой огромней процент евреев среди финансистов, банкиров и биржевиков. Гитлер и Форд пришли к выводу, что международные финансы полностью подвластны евреям.

«Финансы всего мира находится под контролем евреев; их решения становятся для нас экономическими законами». – утверждалось в одной из статей «Дирборн индепендент». В этой газете из номера в номер настойчиво проводилась мысль о том, что большой бизнес Америки, тресты, банки, природные ресурсы и основные сельскохозяйственные продукты, включая табак, сахао и хлипок, были в руках еврейских финансистов и их агентуры. По поводу дельцов с Уолл-стрита Форд сказал:

«Их власть – не в их золоте, потому что само золото не имеет власти: их могущество объясняется контролем над людскими понятиями о золоте... Денежный контроль существует, но это не контроль над человечеством с помощью денег, а контроль всех денег группой биржевых маклеров».

Расширяя фордовские идеи, Гитлер в «Майн кампф» утверждал, что евреи – всего лишь «пиявки», присасывающиеся к телам «несчастных народов» и забирающие у них все жизненные соки. Вопреки факту, что банкиры и финансисты нееврейского происхождения численно превосходили евреев, Форд и Гитлер были твердо убеждены, что именно евреи контролируют международные финансы. При этом они ссылались на «протоколы», в которых говорилось о необходимости оставаться в тени и управлять через подставных лиц и марионеток. В

«Международном еврействе» прямо сказано, что «гойские вывески» часто используются в «современном финансовом мире, чтобы скрыть очевидность еврейского контроля». По мнению Гитлера, все фигуры иных национальностей на международном финансовом рынке были просто роботами евреев; он заявлял, что «владельцами всех международных бирж являются исключительно евреи. Я подчеркиваю „исключительно“, несмотря на то, что среди них попадаются и неевреи, но они – только лишь дымовая завеса, – витринные гои, используемые евреями для обмана масс».

Форд сражался с Уолл-стритом не только на страницах своих газет и книг, но и в реальной жизни. Историки считают, что многие из его мыслей о еврейских финансистах возникли в результате личных встреч с ними. Наиболее ожесточенные конфликты между Фордом и «гешефтмахерами» приходятся на начало 1921 года. Ему тогда довелось столкнуться с определенными финансовыми затруднениями. Ходили упорные слухи, что Уолл-стрит намеревается «поставить его на колени». Однако уже к апрелю, сократив расходы на оборудование, Форд выплатил все свои долги. История о том, как Форд «объевреил банкиров» и «расплатился», была напечатана почти во всех американских газетах. После «победы над банкирами» фордовские автомобили стали продаваться в рекордном количестве, и в глазах среднего американца он превратился в национального героя. Битва с Уолл-стритом привлекла внимание и за границей. Гитлер сказал журналистам, что борьба международного еврейского капитала против Форда подняла его престиж среди нацистов.

Надо сказать, что «Международное еврейство» не единственная книга прославленного автопромышленника, в которой он обрушивался на евреев. В своей автобиографии «Моя жизнь и работа», в книге «Сегодня и завтра» им развивались те же идеи. Так, в автобиографии он писал, что каждому должно быть позволено взять от общества эквивалент своего вклада. «Если человек ничего не вносит, он не имеет права ничего брать». В американской среде Форд видел «зловещую прослойку», состоящую из еврейских посредников, единственная жизненная цель которых – накопление капитала. В «Дирборн индепендент» упорно повторялось, что евреи «сами ничего не производят, но манипулируют вещами, созданными другими, оценивая их исключительно с точки зрения денежной стоимости».

Во время одного из своих «застольных разговоров» с друзьями Гитлер жаловался на отсутствие морального подхода в коммерческих делах и, подобно Форду, обвинял в этом евреев. Он

говорил о честности и достоинстве немецких купцов в средние века. Но «как только евреям дозволили высунуть их нос из гетто, эти понятия начали размываться».

«Быстрый оборот и быстрая прибыль» – основа еврейского способа ведения дел, согласно «Международному еврейству». Это «старый идишистский прием» – постоянно менять моду, чтобы ускорить бизнес и вынудить людей покупать как можно чаще. Ничего уже не сохраняется сколько-нибудь продолжительное время, жаловался «Дирборн индепендент». Постоянно требуется что-то «новенькое», – то, что стимулирует перекачку денег в карманы евреев. Форд тоже часто сетовал на ухудшение качества продукции, когда заводы и фабрики «попадают в руки евреев». «Они стремятся производить дешевле, ибо у них только одна цель – собственная нажива».

Судя по всему, Форд стоял за более мягкие средства для решения еврейского вопроса, чем Гитлер. По его мнению, следовало вернуться к «принципам, сделавшим нашу расу великой. Пусть деловые люди осознают, что бизнес, как и раньше, – служение обществу, а не эксплуатация. Надо научиться вновь заботиться в каждом деле прежде всего о качестве».

В годы после Первой мировой войны американский джаз и голливудские фильмы заполонили всю Европу. Как можно было предположить, Гитлер выступил против «дегенеративной негритянской музыки» и аморальных сюжетов «еврейского кино». Но в фордовских изданиях, а вовсе не у Гитлера, впервые было заявлено, что экспорт американской «еврейской» культуры является составной частью тщательно продуманного и хорошо замаскированного заговора.

После внимательного изучения имен актеров, сценаристов, режиссеров и продюсеров, «Дирборн индепендент» пришла к следующему заключению: киноиндустрия Соединенных Штатов и всего мира находится «под моральным и финансовым контролем еврейских манипуляторов». Евреи используют кино и театр для разложения американского народа, взывая к низменным инстинктам и проповедуя безграничный либерализм. В «Международном еврействе» утверждалось, что интенсивное употребление вульгарных и жаргонных выражений в кино дошло до такой степени, что Шекспир вряд ли бы узнал язык, на котором писал.

Джаз и «популярная музыка» были анафемой для ушей Форда и Гитлера. «Обезьяньи завыванья», «звуки джунглей», – этими словами автомобильный король характеризовал музыкальные новшества. Он писал, что неправильно называть эту музыку «популярной», ибо ее искусственный успех у публики объясняется

только крайним напором рекламы. Евреи намеренно создают популярность «африканскому стилю», чтобы подорвать моральные основы белой расы...

Оба, Форд и Гитлер, были убеждены, что еврейские капиталисты и еврейские коммунисты – партнеры, стремящиеся подчинить себе все народы мира. Форд писал больше о еврейских финансистах и банкирах, ибо, как промышленнику, ему приходилось часто сталкиваться с ними. Гитлер, с другой стороны, акцентировал основное внимание на использование евреями в качестве своего орудия коммунизма. Тем более, что коммунисты представляли в тот период сильную оппозицию нацистам в Германии.

Форд был всерьез напуган революцией в России и быстрым распространением «заразы» в других странах. Тема коммунистической угрозы занимает видное место в его автобиографии. «Мы поняли на примере России, – писал он, – что это меньшинство, а не большинство осуществляет акции насилия и разрушения... Россия не сможет жить в дальнейшем без интеллигентных и профессиональных работников. Как только заводы и фабрики начали управляться комитетами, все пришло в упадок. Они больше болтали, чем работали... Фанатики довели страну до полного истощения. Советы предлагают теперь специалистам крупные денежные вознаграждения. Сначала их выбрасывали из страны, а вот, как выясняется, не могут обойтись без них...

И в Америке достаточно элементов, мечтающих о разложении и разделении наших граждан. Мы не должны поддаваться их тлетворному влиянию. Сила и свобода Америки в ее единстве».

Форд заявил журналисту Чарльзу Вуду, что радикальные профсоюзы «организованы еврейскими финансистами, а не рабочими». Их цель – нарушить порядок.

«Профсоюз – полезная штука для евреев, когда они стремятся подчинить себе промышленность».

Использование евреями коммунизма и капитализма было весьма живо обрисовано Гитлером, с готовностью принявшим фордовские наставления:

«Когда обладатель акций Моисей Кон начнет безжалостно эксплуатировать рабочих и займет бескомпромиссную позицию по отношению к их требованиям, его брат Исаак Кон, рабочий вожак, должен постараться возбудить трудящихся. „Неужели вы не видите, – завопит Исаак, – как вас беспощадно притесняют и эксплуатируют? Сбросьте ваши цепи!“ Оба, Исаак и Моисей (последний быстренько распродаст свои акции, понимая неизбежность забастовки), должны, вероятно, неплохо нажиться

на банкротстве нееврейской компании, которую впоследствии они смогут прибрать к себе».

Для Форда и Гитлера коммунизм был чисто еврейским изобретением. Не только основатель его Карл Маркс – внук раввина, но что более важно – евреи занимали доминирующие позиции во всех компартиях. В «Международном еврействе» отмечалось, что со времен Французской революции евреи участвовали в многочисленных движениях, ставивших своей целью свержение законных правительств. Если евреи иногда «не высовывались» и не были приметны в революционной деятельности, то это лишь означало, по Форду и Гитлеру, что они находились за кулисами, составляя планы и манипулируя участниками событий. Форд писал: «Революции не являются спонтанными вспышками, но тщательно продуманными и скалькулированными акциями меньшинства, а подрывные элементы состоят главным образом из еврейства». В «Майн кампф» встречаются аналогичные рассуждения о подрывной активности евреев, разлагающих народы изнутри посредством обмана, коррупции и демагогической болтовни о демократии и правах человека. Самым сильным и современным оружием в арсенале еврейства был большевизм. «В русском большевизме, – говорил Гитлер, – мы видим попытку евреев в XX веке установить мировое господство».

По «Международному еврейству», Русская революция была полностью финансирована из Нью-Йорка еврейскими банкирами. Но в этой связи в книге упоминалось всего одно имя: Яков Шифф из фирмы «Кун, Леб и К».

Когда Гитлер обвинял евреев в склонности к коммунизму, в качестве «доказательства» он мог бы привести цитаты из фордовской «Дирборн индепендент». Но в этом не было особой нужды: немцы сами видели, кто ходил в коммунистических вожаках. Гитлер и Форд полагали, что примерно 75 процентов всех коммунистов были евреями.

Либеральный премьер царской России С. Витте говорил, что хотя из 136-миллионного населения страны евреев насчитывалось только 7 миллионов, их членство в революционных партиях составляло приблизительно 50 процентов. Полицейская статистика показывает, что число евреев в революционном движении в шесть раз превышает участие других национальностей.

Следует подчеркнуть, что они не просто «принимали участие», а, как правило, занимали ведущие позиции. Этот факт, между прочим, отметил и Ленин в своем выступлении в Цюрихе, посвященном событиям 1905 года:

«Среди евреев было особенно много лидеров революции... И сегодня они составляют высокий процент представителей интернационализма сравнительно с другими нациями».

На II Съезде Российской социал-демократической партии в Лондоне, где произошел раскол на большевиков и меньшевиков, было около 25 делегатов-евреев из общего числа 55. На съезде 1907 г. из 350 делегатов более трети были евреями. Они не слишком скрывали свою ненависть к царскому правительству и откровенно «пылали жаждой мести».

Еврейский писатель Реубен Брайнин, встречавшийся с Троцким в Нью-Йорке в 1917 г., писал: «Если Троцкий и его еврейские друзья, возглавляющие ныне русское правительство, разрушат Россию, то это будет местью еврейского народа по отношению к его вчерашним мучителям и угнетателям, преследователям и палачам. Собака заслужила палку».

Знаменитый еврейский писатель Штейнман проповедовал единство «святой троицы»: «Сиона, иудаизма и коммунизма». Он верил в союз сионизма и коммунизма, ибо происхождение социалистических идеалов обнаруживалось в древней традиции:

«Загляните в Тору или в книги пророков, каждая страница призывает к революции! Царство справедливости или полное опустошение!»

Несмотря на то, что Троцкий официально отвергал иудаизм, он всегда оставался глубоко связанным с еврейством. По мнению ряда западных историков, революционная идеология была для него лишь прикрытием, под которым пряталась «огнедышащая жажда мщения за погромы и черту оседлости». Во время процесса, последовавшего за подавлением восстания 1905 г., Троцкий почти раскрыл свои истинные чувства:

«Если вы скажете мне, что погромы, поджоги, насилие... представляют форму правления Российской Империи, тогда да, я признаю... мы вооружались против такого правления Российской Империи».

В начале 20-х годов Гитлер был еще малоизвестной личностью и его антиеврейские выпады могли бы быть проигнорированы многими, если бы аналогичные аргументы не содержались в публикациях Форда. Еврей – синоним «мирового большевика и немецкого революционера», утверждалось в «Дирборн индепендент». В «Международном еврействе» содержится основательный список евреев, занимавших правительственные посты в Германии после 1918 года. Эти евреи «никогда не достигли бы таких позиций без революции, но не было бы и революции без них». Более того, Форд писал, что евреи повинны и в поражении Германии: «евреи Германии не проявили

себя немецкими патриотами во время войны». Они предпочитали отсиживаться в тылу. Несколько позже такое же обвинение выдвинул и Гитлер:

«Почти каждый чиновник – еврей, и каждый еврей – чиновник. Меня поразило подобное множество тыловых бойцов из „избранного народа“, и я невольно сравнил их с теми редчайшими представителями, которых они имели на передовой».

Каким образом евреи содействовали падению Германии? Форд отвечает: 1) распространением большевизма, прикрывавшегося именем немецкого социализма; 2) контролем над прессой; 3) контролем над снабжением продуктов и промышленных товаров. (Если вы заглянете в «Майн кампф», то легко убедитесь, что и Гитлер пишет о том же самом).

Демократическая политическая система осуществилась в Германии в результате революции 1918 г. и никогда не пользовалась симпатиями в высших слоях общества. Демократия «балансировала над обрывом». Тем не менее даже в правых кругах скептически относились к той форме правления, за которую ратовал Гитлер. Немецкие консерваторы опасались вызвать неудовольствие стран-победительниц, что могло бы отразиться на международном денежном рынке и привести к крушению и без того крайне хрупкую германскую экономику. В то же время некоторые влиятельные немцы полагали, что Америка не станет сильно противиться, если в Германии восторжествует авторитарный режим, ибо крупнейший американский промышленник Генри Форд обвинял демократию не менее страстно, чем Гитлер. В этой связи любопытно заметить, что уже после прихода нацистов к власти, когда американские политические деятели и журналисты протестовали против нарушений прав человека в отношении евреев, кое-кто в Германии искренне считал, что эти протесты мало что значат, ибо реальная власть в США принадлежит людям типа Форда, которые втайне одобряют их политику.

Глубочайшее презрение, испытывавшееся Фордом и Гитлером к демократии исходило из их убеждения в том, что равенства между людьми нет и быть не может. Форд писал: «...нет большего абсурда и несправедливости, чем утверждение, что все люди равны». Если в природе не существует двух совершенно одинаковых созданий, и если каждый автомобиль, смонтированный из совершенно идентичных деталей, чем-то отличается от другого, то как можно говорить о равенстве людей? – вопрошал Форд. «Люди никак не равны», и поэтому любая попытка демократии приравнять их – только помеха на

пути подлинного прогресса. Фордовская теория неравенства основывалась на том факте, что «у людей не могут быть одинаковые способности». «Великие люди, прирожденные быть лидерами» должны стоять во главе общества и помогать менее способным жить лучше, утверждал Форд. С аналогичной откровенностью писал и Гитлер: «Люди не равны ни по своей ценности, ни по своему значению». Он говорил также, что руководство политическими и экономическими делами должно осуществляться теми, кто «выявил свои способности и показал себя в работе». «Нельзя важные вопросы решать путем дурацкого подсчета голосов».

Демократия ведет к вредной «уравниловке», неправильному использованию людских ресурсов, жаловался Форд. По словам «Дирборн индепендент», демократия – «орудие» евреев, которые с ее помощью сначала «выравниваются» там, где их притесняют, а затем достигают особых привилегий, позволяющих им пробиться в высший эшелон власти. Но евреи, публично столь громко кричащие о демократии, в глубине души не верят в человеческое равенство. Об этом наглядно свидетельствуют «протоколы», цитирующиеся в «Международном еврействе»: «Мы были первыми, кто кричал „свобода, равенство, братство“. Эти слова повторялись всякого рода глупцами, попавшимися на нашу наживку и подавившими... подлинную свободу личности... Гои не понимают символизма произносимых слов... не замечают, что природа не терпит равенства». В «протоколах», писала «Дирборн индепендент», евреи признавали, что одержали первую победу над общественным мнением, использовав оружие демократии.

Мнение Гитлера чуть ли не дословно совпадало с фордовским: демократия – «господство толпы над разумом, правление, осуществляемое путем мертвого перевеса больших чисел...»

Обе книги, «Международное еврейство» и «Майн кампф», использовали термин «гойские фронты» по отношению к политическим деятелям в условиях демократии. «Фронты» состояли исключительно из людей с «прошлым», которых можно было легко дискредитировать и которые из-за этого выполняли любые требования евреев, в противном случае они рисковали потерять свои должности. Более того, «Дирборн индепендент» заявляла, что еврейские манипуляции американскими выборами организованы так искусно, что если и побеждает достойный человек, евреи обладают силой вынудить его подчиниться их диктату. Если он все же отказывается повиноваться, тогда в ход пускаются «скандалы», всплывают «темные дела прошлого». В конце концов объявляется «импичмент» (вспомните Никсона! –

В.П.), неизбежно приводящий к смещению. О выборных кампаниях в «Международном еврействе» сказано, что они «устраивались как развлечение для народа». Этот спектакль призван убедить людей, что они и в самом деле избирают свое правительство, хотя в действительности «выигрывают всегда евреи».

Когда «Международное еврейство» стало широко распространяться и оказывать вполне определенное воздействие, американский еврей Исаак Ландман из организации «Американ хибру» потребовал, чтобы Форд доказал существование еврейского заговора. Ландман заявил, что готов собрать необходимые средства для привлечения лучших сыщиков. В любом случае, независимо от итогов расследования, он намерен опубликовать его результаты. Генри Форд всегда симпатизировал полицейским и детективам, поэтому ему показалось, что ему «подкинули» блестящую идею. Нужно только, чтобы расследование проводили его люди, а не «еврейская агентура»...

Автомобильный король создал специальную штаб-квартиру и собрал группу для проведения операции под названием «Тайное мировое правительство». В эту группу вошли довольно пестрые личности: два сотрудника секретной службы США, несколько профессиональных сыщиков и просто «мужественные юдологи». «Бесстрашные герои невидимого фронта» словно тени следовали за известными еврейскими деятелями и посылали закодированные донесения своему шефу в Детройт. Отважные детективы потратили уйму времени на обнаружение тайной телефонной линии, связывавшей верховного судью Брандеса и Белый дом. Неудивительно, что их усилия оказались напрасными: таковой линии не существовало. Итоги «гигантского расследования» практически свелись к следующему: установлены имена ряда видных американцев, входивших в «гойский фронт» для «Тайного мирового правительства». Среди них: бывший президент Вильсон и полковник Хауз...

Оба, Форд и Гитлер, верили, что евреи манипулируют средствами массовой информации. В умении распоряжаться новостями заключается огромная сила. Определенная подача событий может вызвать экономический кризис, войну или падение правительства. Пресса «почти полностью находилась в еврейских руках», заявляла «Дирборн индепендент». Иногда трудно распознать еврейское влияние, ибо формальное владение тем или иным изданием не всегда совпадает с контролем над ним. В «Международном еврействе» содержится рекомендация читателю обращать внимание на имена редакторов и их

социальные связи, на имена журналистов, печатающихся в газете, а также на названия фирм и магазинов, дающих объявления. Гитлер и нацисты уделяли немалое внимание вопросу еврейского контроля над прессой в Германии. «Франкфуртер цайтунг» и «Берлинер тагеблатт» и другие издания, собственниками которых были евреи, являлись излюбленными мишенями для их нападок. Гитлер печалился, что «толпа простодушна и доверчива», начитавшись еврейских газет, бежит на избирательные участки и делает... «антинародный выбор».

Контролю над прессой посвящена специальная глава в «Международном еврействе». «Главное средство, посредством которого евреи манипулируют общественным сознанием, – контроль над прессой». В подтверждение опять приводилась цитата из «протоколов»: «...наши газеты будут поддерживать самые различные мнения: аристократические, республиканские, анархические... Дураки, полагающие, что в этих газетах выражается мнение той или иной партии, в реальности будут придерживаться точки зрения, которая выгодна нам». По причине противоречивых взглядов, выраженных в разных газетах и журналах, еврейство обладает возможностью правдоподобно отрицать существование заговора и наличие контроля. «Дирборн индепендент» писала, что имея своих людей во всех лагерях, евреи могут организовывать всевозможные кампании в печати. Эти «атаки на газетных полосах» должны убедить читателей в свободе прессы. Гитлер, подобно Форду, был убежден в еврейском контроле над средствами массовой информации, служившем, по его словам, единственной цели: «медленному отравлению человеческих душ».

Некоторые американцы считали, что «Международное еврейство» написано не Фордом. Более того, они говорили, что он ничего не знал о публиковавшемся на страницах его газеты, ибо юдофобские статьи в ней сочинялись кем-то еще. В таком мнении имелось маленькое зернышко правды: не рукой Форда написано каждое слово его книги. Редактор Билл Камерон материализовывал идеи Форда на бумаге, но не нужно забывать сказанного секретарем автокороля Эрнстом Либольдом:

«Дирборн индепендент» – собственность Генри Форда и он отвечает за каждое заявление, сделанное на ее страницах».

Тем, кто предпочитает не верить в причастность Форда к книге «Международное еврейство», следует заглянуть в недавнее издание его автобиографии. Там он говорит о «материалах по еврейскому вопросу», опубликованных в газете и вышедших затем в книге под названием «Международное еврейство». В автобиографии Форд, в частности, пишет:

«Наша работа не претендует сказать последнее слово об еврействе в Америке. В настоящее время еврейский вопрос еще полностью в еврейских руках... У них еще сохраняется возможность отречься от обветшавших
идей расового превосходства, сочетающихся с экономической и интеллектуальной подрывной деятельностью против христианского общества... Если они действительно так мудры, как заявляют, они должны из евреев превратиться в американцев, вместо того чтобы иудаизировать Америку. Америка – страна христианская, и ей суждено оставаться христианской... Мы должны противостоять тем идеям, которые направлены на подрыв морали нашего народа. Эти идеи проистекают из вполне конкретных источников, и мы считаем необходимым назвать их и показать... В тот момент, когда американский народ поймет, что он подвергается воздействию заранее запланированной подрывной акции, не нужно будет больше беспокоиться за его судьбу».

В течение 20-х годов Генри Форд продолжал публиковать антиеврейские статьи в своей «Дирборн». В 1927 г. адвокат из Чикаго Арон Шапиро подал на него иск в суд. Шапиро обвинял Форда в клевете за то, что он заявил, что чикагский юрист и другие лица еврейского происхождения участвовали в заговоре, ставившем целью контроль над американским сельским хозяйством. Дело разбиралось в суде, когда Форд неожиданно опубликовал личное извинение перед Шапиро и... отрекся от нападок на еврейство.

Несомненно, что мотивы для принесения извинения и отречения были достаточно сложными и неоднородными. Компания Форда натолкнулась на дружный еврейский бойкот, грозивший ей серьезными убытками. Многие американцы (не без помощи всесильной еврейской рекламы!), начали предпочитать «Шевроле» и другие машины. Это, конечно, не могло ни навести Форда на довольно грустные размышления. Бизнес для него, вероятно, являлся все же самым главным в жизни...

Детали извинения и отречения были выработаны его двумя представителями и двумя широко «известными еврейскими;, деятелями: Льюисом Маршаллом и конгрессменом Натаном Перельманом. Маршалл написал текст отречения, которое, он надеялся, станет основой для фордовского извинения перед еврейством и... выставит автомобильного титана в смешном свете. „Если бы у меня были его деньги, – цинично сказал Маршалл в разговоре с близким другом, – я бы не подписал такое унизительное заявление и за 100 миллионов долларов!“ К величайшему удивлению Маршалла, письмо отречения было

опубликовано без единой поправки и под ним стояла подпись Генри Форда.

В этом письме упор делался на «чрезвычайную занятость» крупного бизнесмена, не дававшую ему возможность уделять должное внимание статьям, выходившим в «Дирборн индепендент». Признавалось, что обвинения против евреев носили злонамеренный, несправедливый и фальшивый характер. «Великий Форд» смиренно просил прощения у «многострадального еврейского народа» за «непроверенные утверждения и ошибки», содержавшиеся в его газете.

Отречение Форда было встречено с нескрываемой радостью «еврейской общественностью». «Антисемиты всего мира в трауре», захлебывалась от удовольствия идишистская печать. Однако раскаялся ли в самом деле «гордый американец»?

После смерти Форда выяснилось, что никаких апологий перед евреями он не подписывал. Подписи под отречением и извинительным письмом к Шапиро были подделаны его помощником Гарри Беннетом, рассказавшем об этом на страницах журнала «Тру» в 1951 г.:

«Я позвонил Форду. Я сказал ему, что „апология“ уже начертана и добавил: „Она выглядит прескверно“. Я попытался зачитать ему текст по телефону, но он остановил меня. Тогда я воспроизвел подпись Форда на документе. Я всегда умел подписываться за него очень правдоподобно. Затем я послал бумагу Унтермейеру и Маршаллу. Подпись была заверена, и на этом дело исчерпано».

Очевидно, что вся эта история представлялась Форду пренеприятнейшим инцидентом, и он предпочитал никогда даже не упоминать о ней. Тем более, что он нисколько не изменил своей позиции к еврейству. В 1940 году он сказал журналисту Джеральду Смиту:

«Я надеюсь когда-нибудь вновь опубликовать „Международное еврейство“.

Но публикация антиеврейских статей – лишь первый шаг Форда в направлении «национальной справедливости». Вскоре после этого он приступает к финансированию кампании против «граждан Моисеева закона» по всему миру.

...Тот факт, что знаменитый автомагнат Генри Форд давал деньги национал-социалистам не подлежит сомнению», – писал один из первых биографов Гитлера Конрад Гейден. Знаменитый американский писатель Эптон Синклер в своей книге о Форде утверждал, что «детройтский король» передал нацистам 40000 долларов на издание своих антиеврейских статей на немецком языке, а затем 300000 долларов были посланы Гитлеру через

внука бывшего кайзера, взявшего на себя роль посредника. Американский посол в Берлине Вильям Додд сказал в одном интервью, что «некоторые американские промышленники во многом посодействовали приходу к власти фашистских режимов в Германии и Италии». Американцы не сомневались, что в первую очередь речь шла о Форде, об антисемитизме которого периодически напоминала печать. Английская газета «Манчестер гардиан» писала, не называя имени, что Гитлер получил «больше чем моральную поддержку» от богатого американца, склонного к антисемитизму и надеявшегося на помощь нацистов в борьбе с «международным капиталом». «Нью-Йорк тайме» в 1922 г. поместила информацию о том, что в Берлине циркулируют слухи о финансировании Фордом «национального и антисемитского движения в Мюнхене, возглавляемого Гитлером». Слухи имели столь широкое распространение, что одна из крупнейших немецких газет «Берлинер тагеблатт» потребовала вмешательства американского посла для «предотвращения дальнейшей финансовой поддержки нацизма». Результаты этого требования остаются неизвестными. Как бы там ни было, но в 20-е годы в США и Западной Европе постоянно шли разговоры о финансировании Фордом гитлеровского движения.

Форд и его американские сторонники видели в нацистах тех, кто стремится противостоять агрессивным поползновениям «еврейских хищников». Германия и Америка были двумя крупнейшими индустриальными державами, и Форд считал жизненно важным дать надлежащий отпор «захватчикам» в обеих странах. Финансовые вливания в «дело национального освобождения» и знаменитая антиеврейская книга снискали ему признание и уважение среди нацистов. И, как он полагал, если нацистская партия прилет к власти, тогда его «философия» обязательно сыграет значительную роль в «битве против еврейства».

Помимо того, в нацистской программе имелся пункт, совпадавший с экономическими интересами Форда. Он совершенно искренне соглашался с яростными филиппиками Гитлера против «чудовищных условий» Версальского мирного договора. Торговые ограничения, наложенные на Германию, вредили не только ей, но и американским бизнесменам, искавшим иностранные рынки сбыта. Америка могла выгодать от торговли с Европой, если она только полностью оправится от разрухи, вызванной мировой войной и, как отмечал американский экономист Мейнард Кейнес, «без процветающей Германии не может быть процветающей Европы». Но пока не отменены Версальские «путы», связывавшие Германию по рукам и

ногам, нельзя и мечтать о восстановлении экономики.

Будучи подростком, Форд работал в мастерской выходца из Германии и «научился у него многим полезным вещам». Он любил немцев, потому что «они талантливые и бережливые люди». В 20-е годы Форд намеревался открыть свой завод в Германии, где «нет недостатка в высококвалифицированных работниках». В 1921 г. один из его помощников отправляется в разрушенную и оккупированную страну «умельцев», чтобы отыскать подходящее место для автозавода. Но из-за ограничений, наложенных «наглыми победителями», из этой затеи ничего не вышло. Форд полагал, что давление нацистов может привести к отмене ограничений и появлению шансов на расширение автомобильной промышленности в Германии.

В начале 20-х годов нацистская партия действовала вполне легально, и Форд имел законное право оказывать ей открытую поддержку. Однако, будучи человеком осмотрительным и умеющим заглядывать в будущее, он не хотел оставлять следы, свидетельствующие о его связях с партией крайне радикального и правого толка. Американский госдепартамент наверняка не одобрил бы его вмешательство во внутренние дела другой страны. У нацистов тоже были серьезные основания предпочитать, чтобы источники пополнения их кассы оставались анонимными. Если бы немецкий народ узнал, что Гитлер финансируется Фордом, его бы непременно заклеймили как марионетку зарубежного капиталиста. Во избежание прямых контактов нужны были посредники. Первыми «связными» между Фордом и Гитлером оказались русские эмигранты. Вскоре после обнаружения Фордом «понимания еврейской проблемы», небольшая группа беженцев из «Новой Иудеи» предложила ему свои услуги. Среди них был Борис Бразоль. Юрист по образованию, он работал в царской России помощником министра юстиции Щегловитова. Бразоль прибыл в США в 1917 г. как глава Ассоциации русских офицеров армии и флота. Убежденный и последовательный монархист, он вместе со своим другом генерал-майором А. Череп-Спиридовичем принимал активное участие в деятельности эмигрантских организаций, стремившихся к восстановлению законной власти в России. В 1918 г. его принимает в свой штат секретная служба Америки. Эта работа предоставила ему возможность познакомить офицеров американской госбезопасности с «Протоколами сионских мудрецов». В течение последующих двух лет он делает многое для того, чтобы опубликовать и распространить этот «документ» в США. В 1920 г. его примечает Форд и дает работу в «Дирборн индепендент». Значительная часть фактологического материала,

встречающегося на страницах «Международного еврейства», была собрана Бразолем. Его друг, генерал и граф Череп-Спиридович, тоже не сидел сложа руки и проявил себя довольно плодовитым писателем и журналистом. Среди написанных им книг и брошюр наибольшую популярность приобрела «Тайное мировое правительство или Скрытая рука», переведенная на несколько языков. Эта книга и по сей день находит читателей в США. Генри Форд и лондонская газета «Файнэншенел таймс» оказывают Спиридовичу широкую поддержку в публикациях. Имеются также свидетельства того, что он получал деньги из казны «Дирборн индепендент».

Бразоль, отличавшийся патологической скрытностью и осторожностью, был идеальной кандидатурой для совершения всякого рода секретных операций. Никто, кажется, не обращал внимания на частые поездки этого эмигранта в Германию, где он встречался с высокопоставленными нацистами. В нескольких работах, опубликованных уже после второй мировой войны и посвященных нацистской подрывной деятельности, однако содержится утверждение, что Бразоль содействовал созданию «пятой колонны» в США.

Во время посещения Германии у него не возникало особых затруднений с передачей по назначению средств, полученных им от Форда. К тому же, у Бразоля всегда имелось убедительное объяснение причины перевода больших сумм в Германию: он числился американским представителем великого князя Кирилла Владимировича – претендента на российский престол. Великий князь Кирилл постоянно просил Бразоля собирать пожертвования в Соединенных Штатах на «святое дело восстановления монархии». Великокняжеская чета периодически напоминала и русским эмигрантам о своем тяжелом положении на чужбине. Но так ли уж они бедствовали? Доподлинно известно, что с 1922 по 1924 г. супруга Кирилла Владимировича, великая княгиня Виктория (по происхождению немка), передала «огромные суммы» генералу Людендорфу на «поддержание» нацистского движения. (Об этом пишет, в частности, американец Роберт Вильяме в книге «Русские эмигранты в Германии, 1881–1941», Издание Корнелльского университета, 1972 г. – В.П.)

Понятно, что и помимо русских эмигрантов у Форда хватало возможностей для налаживания связей с «немецкими единомышленниками». Упомянем еще об одном из каналов, – наиболее прямом и непосредственном.

28 января 1924 года Зигфрид и Винфред Вагнеры зарегистрировались в нью-йоркском отеле «Уолдорф». На следующий день они отправились в турне по Америке, во время

которого Зигфрид должен был дирижировать оркестрами, исполнявшими музыку его знаменитого отца – Рихарда Вагнера. Турне было организовано для сбора денег на проведение музыкального фестиваля в Байрейте. В этом тихом и живописном уголке южной Германии в 1872 году поселился Рихард Вагнер. Там, в построенном им театре, до 1914 г. проводились ежегодные фестивали, в период которых исполнялись все оперы великого композитора. Первая мировая война положила конец этим музыкальным праздникам. Байрейт стал городом-призраком. Иностранцы больше не интересовались музыкой Вагнера, некоторые из них высказывали мнение, что ее исполнение является чуть ли не государственной изменой и «шовинистической мерзостью»...

Для пробуждения нового интереса к байрейтскому фестивалю и прибыли Вагнеры в Штаты. Вряд ли оказалось случайностью, что вместе с ними приехал также Курт Людке, направившийся за океан собирать фонды для Гитлера. Между прочим, он сказал Вагнерам: «Вы находитесь здесь по делу, не слишком отличающемуся от моего». Их миссии фактически были одного и того же порядка. В своей книге «Я знал Гитлера» Людке упоминает один разговор с Вагнерами в отеле:

«Мы говорили о деньгах. Точнее, мы говорили о том, как заинтересовать Генри Форда в нацистском движении... Винфред была очень деятельной женщиной, принимавшей большое участие в устройстве дел мужа... теперь она проявила готовность помочь и моей миссии».

В отеле Вагнеры и Людке откровенно обсуждали планы встречи с Фордом, придя к заключению, что следует возложить надежды на его жену, всегда интересовавшуюся заезжими знаменитостями.

Не стоит, по-видимому, удивляться тому, что известный музыкант и его жена легко сблизились с нацистским эмиссаром. Зигфрид во многом унаследовал взгляды своего отца, в том числе и его юдофобию. Людке писал, что для Зигфрида, как и для Рихарда Вагнера, евреи были «слугами дьявола», стремящимися разрушить христианскую цивилизацию.

Можно напомнить, что Рихард Вагнер не жалел гневных слов для обличения «паразитического еврейства» и перелагал на него вину за коррупцию «тевтонского духа». В 1881 году он написал письмо баварскому королю Людвигу II, в котором представлял евреев как «прирожденных врагов всего честного и благородного». Наиболее известные аргументы великого композитора против еврейства содержатся в статье «Иудаизм в музыке», датированной им еще 1850 годом. Еврейский период в современной музыке,

писал он, характеризуется чудовищной пошлостью и полным отсутствием подлинного творчества. Вагнер неоднократно публично демонстрировал свою антиеврейскую позицию. Так, на концерте в Лондоне в 1855 г., дирижируя «итальянской» симфонией Мендельсона, он надел лайковые перчатки, чтобы подчеркнуть презрение к еврейскому композитору. При исполнении же следующего номера программы – увертюры Вебера,– перчатки были незамедлительно сняты. Когда критики упрекнули его за эту злонамеренную демонстрацию, он обозвал их «кучкой бродячих жидов».

Французский граф Гобино, бывший близким другом композитора, оказал сильное влияние на его расистские убеждения. Известная работа Гобино «О неравенстве рас» (1855 г.) провозглашала превосходство арийской расы и неполноценность всех остальных рас. Вагнер принял участие в распространении этой книги, а его зять Хьюстон Чемберлен, объединив расовые идеи Ницше, Гобино и своего тестя, создал фундаментальный труд «Основы девятнадцатого столетия» (1899 г.), ставший одним из краеугольных камней нацизма. Кайзер Вильгельм II говорил, что Чемберлен с его книгой был послан немцам самим Всевышним.

В статьях Вагнера нередко наталкиваешься на откровенно антиеврейские высказывания. Например, он заявлял, что немцы «абсолютно беззащитны перед лицом иудейских планов» и что необходимо решительное пробуждение народа и прекращение мелких политических споров, чтобы «сломить власть евреев». Вагнер писал также, что смешение между арийцами и евреями приводит к росту евреев в мире и чревато расовым вырождением. В его последней опере «Парсифаль» символически отражена борьба арийцев за расовую чистоту, за предотвращение половых связей с «неполноценными», ведущих к падению морали и «забвению национальных идеалов».

Вагнер тщательно следил за тем, чтобы его статьи публиковались без каких-либо изменений. Гитлер старательно изучал все написанное «нашим композитором» и говорил, что политические статьи Вагнера – его «любимое чтение». Фюрер признавал, что многим ему обязан:

«Тот, кто желает понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера».

Винфред, по рождению англичанка, став женой Зигфрида, также обнаружила немалый интерес к политике. Она была страстной поклонницей «одного молодого человека с радикальными политическими взглядами» – Адольфа Гитлера. Винфред познакомилась с ним в 1920 г. и вскоре присоединилась

к нацистской партии. Гитлер зачастил в Байрейт. Зигфрид ничего не имел против посещений его жены «молодым другом». По словам Винфред, он относился к будущему фюреру вполне благосклонно и говорил: «У молодого человека есть кое-какие блестящие идеи. Да поможет ему Бог в их претворении».

В одном из своих байрейтских визитов Гитлер сообщил Вагнерам о планах нацистского переворота, намечавшегося на 1923 год. После его отъезда Винфред долго продолжала вспоминать о нем. По ее мнению, ему было предназначено стать «спасителем Германии».

Подобно Гитлеру, Зигфрид ненавидел социал-демократов и коммунистов. Его старшая дочь Фриделинд позже рассказывала: «Отец был разочарован послевоенной Германией. Он не мог понять и простить бегство кайзера, и у него не было ни малейших симпатий к Веймарской республике...» Несмотря на отвращение к Веймарской республике, прозванной им «свиным хлевом», и презрение к «декадентской еврейской культуре, оккупировавшей Германию», Зигфрид Вагнер оставался в политическом бездействии до 1923 г.

9 ноября 1923 г. он вместе с женой отправился в Мюнхен, где должен был состояться его концерт. Однако по прибытии выяснилось, что концерт отменен из-за начавшегося нацистского путча. Как известно, попытка нацистов прийти к власти не удалась и закончилась полным провалом.

Вагнеры решили, что обязаны помочь своим единомышленникам чем только могут. Через несколько дней Винфред узнала от соратников по партии, что тяжелораненный Герман Геринг пересек австрийскую границу и лежит на больничной койке в госпитале Иннсбрука. Не долго думая, Вагнеры поехали туда, чтобы быть рядом с ним и... оплатить все его счета. Впоследствии они устроили «толстому Герману» бесплатное годичное пребывание в Венеции.

После Рождества Вагнеры стали готовиться к поездке в Америку, где намеревались собрать пожертвования на фестиваль в Байрейте. Остановившись на несколько дней в Лондоне, они прибыли в Нью-Йорк 28 января 1924 года. Именно тогда и составлялись ими и Людке планы на встречу с Фордом.

30 января троица направилась в Детройт. Вначале Людке увидел все там в «сером свете». «Депрессивный и грязный американский городишко». Но «настроение заметно улучшилось по прибытии в отель „Штатлер“: Вагнеров уже ждало приглашение от Фордов».

Вечером следующего дня они поехали в поместье автомобильного короля, находившееся всего в 10 милях от

Детройта. Форды приветствовали гостей у входа в особняк. Сразу же все пошли в «обеденный зал». Сначала разговор носил общий, поверхностный характер: о погоде, великолепной мебели и картинах фордовского дома и т.п. Но постепенно стали затрагиваться более серьезные темы, – музыка, Вагнер, Байрейт, Германия и, наконец, политика. После простой, но безукоризненно приготовленной еды, состоявшей из салата и обильной порции мяса (последнего хозяин не одобрял, ибо старался придерживаться вегетарианской диеты), беседа все более концентрировалась вокруг политической ситуации в Германии.

В обсуждении еврейского вопроса и курса нацистов участвовали в основном фрау Вагнер и Форд, в то время как Зигфрид ограничивался тем, что иногда вставлял пару слов. К удивлению немецких гостей, Форд говорил с ними довольно откровенно. Он объяснил им, что еврейство в Америке представляет исключительно грозную силу, мощь которой нарастает с каждым днем. Статьями в «Дирборн индепендент», продолжал он, им предпринята попытка дать американскому народу «инструктаж» относительно еврейского заговора. Затем заговорили о коммунизме в Европе, Версальском договоре и контроле евреев над прессой. «Философия и идеи Форда и Гитлера были очень схожими», – заметит позже фрау Вагнер. Не могли обойтись в таком разговоре, разумеется, без нацизма и его вождя. Винфред поразило, что «Форд был хорошо информирован обо всем, что происходило в Германии… Он знал разные мелочи о национал-социалистическом движении». Фрау Вагнер только успела подумать, что настала пора намекнуть своему собеседнику о финансовых нуждах Гитлера, как он опередил ее: «Форд сказал мне, – вспоминала она, – что он финансировал Гитлера, давая ему часть выручки от продажи легковых автомобилей и грузовиков в Германии». С очаровательной улыбкой Винфред высказала предположение, что теперь у нацистского лидера еще большая потребность в деньгах, чем раньше. Форд понимающе усмехнулся и заметил, что всегда готов протянуть руку помощи такому человеку как Гитлер, стремящемуся освободить Германию от евреев. Наконец, фрау Вагнер спросила, может ли посланец Гитлера – Карл Людке, получить аудиенцию, чтобы обсудить пути дальнейшего сотрудничества. Форд кивнул в знак согласия и сказал, что готов потолковать с «таким парнем».

После приятно проведенной беседы за ужином Форды и Вагнеры вместе поехали в город, где в половине девятого начинался концерт. Когда оркестранты еще пробовали инструменты, Людке присоединился к Винфред в ее ложе. Даже

раньше, чем она успела открыть рот, вспоминал гитлеровский эмиссар, «ее чарующая улыбка поведала мне, что все в порядке». На следующий день Людке предстояла встреча с «автомобильным гением».

Ровно в девять утра в отель заехал секретарь Форда Либольд, чтобы отвезти Людке на встречу со своим боссом. Поначалу немец изрядно нервничал, но все его волнения моментально улеглись при взгляде на «хозяина». «Предо мной был „Дирборн индепендент“ во плоти. Глядя на его лучистые глаза, волевое лицо почти без морщинок, нельзя было сказать, что ему за 60». Форд ввел нацистского визитера в кабинет и плотно закрыл дверь за собой. Хозяин уселся в большое кресло и положил одну ногу на стол. Людке с удовлетворением отметил дружеское выражение его серых глаз, твердый, приятный голос, моложавую фигуру и «хорошо очерченную голову, указывающую на характер и расу».

Гость начал разговор с краткого описания целей нацистского движения и критического положения в Германии. Как только Гитлер придет к власти, подчеркнул он, незамедлительно будет принята социальная и политическая программа предложенная «Дирборн индепендент». Необходимо делать все возможное для скорейшего успеха Гитлера, в противном случае евреи разрушат арийскую солидарность и опять, воспользовавшись услугами продажных политиков, втянут Европу в войну. Форд слушал с большим вниманием: его собеседник рассказывал о том, о чем не узнаешь из американских газет, контролируемых еврейством. Нехватка финансов, заявил Людке, – единственное препятствие к претворению в Германии идей, за которые ратуют Форд и Гитлер. Он пояснил, что в Соединенных Штатах еще не пришло время, чтобы потеснить евреев, но Германия – из-за ее географического расположения, исторического прошлого и невероятно тяжелых теперешних условий – страна, выбранная Провидением возглавить борьбу за освобождение от евреев.

В ходе беседы Форд вставлял ремарки вроде: «я знаю... да, евреи... эти гнусные евреи...» Вдохновленный и чувствующий поддержку Людке возвестил, что от успеха или поражения Гитлера зависит будущее всех стран, включая и Америку. Каждый помогающий нацистам может смело рассчитывать на определенные выгоды и привилегии для себя, когда они придут к власти. Можно выработать условия, гарантирующие концессии в Германии сразу же после победы Гитлера. В связи с тем, что установление нацистского режима может повлиять и на изменения в России, нужно понимать, что открытие этого колоссальнейшего рынка сулит неслыханные деловые

возможности для тех, кто «дружил» с Гитлером.

Мемуары Людке свидетельствуют, что его затяжное красноречие оказалось вроде бы напрасным. Он утверждает, что Форд не дал никаких обязательств по оказанию финансовой помощи. По мнению некоторых историков, если принимать во внимание, что Людке был нацистом, нельзя ожидать от него признания в том, что Форд давал какие-либо средства Гитлеру. Весьма вероятно, что одним из главных условий фордовских контрибуций было полное молчание на этот счет со стороны «немецких друзей». В своей книге, между прочим, Людке сам же намекает, почему не может сказать правды без того, чтобы не навредить Форду. Еврейский бойкот, пишет нацистский эмиссар, «ущипнул его очень больно» и показал, что «у миллионеров тоже есть уязвимые места».

Как бы там ни было, Форд удостоился, в конце концов, признания своих заслуг от Гитлера. В июле 1938 года, на 75-й день рождения, его наградили большим крестом Верховного Ордена Германского Орла. Форд стал первым американцем, которому вручили эту медаль. Примечательно, что в том же году такой же чести удостоился и другой финансист Гитлера – Бенито Муссолини.

В торжественной церемонии награждения Форда, состоявшейся в Детройте, приняли участие два германских консула в США: Карл Капп и Фриц Хайлер. В своем выступлении один из них зачитал, что «медаль вручается в знак признания заслуг в деле выпуска автомобилей, доступных массам». Огласили также и личное поздравление от фюрера.

Американские евреи и левая печать, как и следовало ожидать, подняли большую шумиху и организовали «кампанию ненависти» к автомобильному магнату за принятие награды от нацистской Германии. Вовремя выступления на митинге, созванном Всемирной сионистской женской организацией, артист Эдди Кантор не постеснялся назвать Форда «круглым дураком, получившим овации от величайшего гангстера в мире».

В адрес Форда было брошено много горьких слов и упреков. Не остались в стороне и государственные деятели США. Например, министр внутренних дел Гарольд Икес, выступая в кливлендском сионистском обществе, обвинил Форда и других американцев, «принимающих знаки презренного отличия от того, кто считает потерянным день, когда им не совершено очередного преступления против человечества».

Несмотря на оголтелый лай газетных шавок и непрекращающиеся угрозы еврейской мафии, Форд не сдался и выстоял. Одному из друзей он сказал: «Они (немцы) наградили

меня медалью. Они (евреи) требуют, чтобы я возвратил ее, в противном случае я не могу считаться американцем. Пусть же они подавятся! Я не откажусь от нее».

Гитлер Адольф
Моя борьба

Часть 1

1. Моя родина

Есть нечто символическое в том, что я родился в Браунау, на Инне.

Этот маленький городок лежит на границе двух германских государств, к соединению которых мы должны стремиться всеми своими силами.

Германская Австрия должна возвратиться в лоно великой Германии-Матери, но отнюдь не по причинам экономического характера.

Нет, нет!

Если бы слияние этих двух стран было бы не только не полезно с экономической точки зрения, а скорее, наоборот, вредно, то и тогда оно должно произойти. Общая кровь должна составлять общее государство.

До тех пор, пока германское государство не соберет в себе всех немцев до единого и не обеспечит прокормления их всех, Германия не имеет морального права искать новых территорий.

Тогда плуг будет перекован на меч, а хлеб нового грядущего мира будет орошен слезами войны.

Все эти идеи укрепляют меня в убеждении, что мое рождение на границе двух государств – было символом великой миссии.

Разве мы все не германцы?

Разве мы все не принадлежим друг другу?

Эта проблема рано засела в моем детском мозгу. В ответ на мои застенчивые вопросы, я должен был с тайной завистью признавать факт, что не все германцы были настолько счастливы, чтобы входить в состав бисмарковской империи.

Я не хотел быть чиновником и никакие уговоры и убеждения не могли переубедить меня. Всякая ссылка на пример моего отца, который был чиновником, производила на меня совершенно обратное действие. Я ненавидел самую идею чиновничьей службы, которая обязывала бы меня сидеть прикованным к конторе, и не быть хозяином собственного времени.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, – два факта встают предо мной особенно сильно.

То, что я сделался националистом! И то, что я научился понимать историю в ее настоящем смысле.

Старая Австрия была государством смешанных национальностей.

В ранней юности и я принимал участие в этой борьбе национальностей.

Собираясь в школе, мы нередко пели запрещенную «Дойчланд юбер аллее», вместо австрийской «Кайзерлид», не боясь ни выговоров, ни наказаний.

Я в скором времени сделался фанатическим германским националистом, что однако далеко от нашего современного нацизма.

Когда мне было 15 лет, я уже понимал разницу между династическим патриотизмом и народным национализмом. Мы, еще мальчики, понимали тогда, что австрийское государство не могло любить нас – немцев.

Знание истории Габсбургского дома мы пополняли тем, что видели.

На севере и на юге отрава чужих рас разъедала тело нашей нации и уже сама Вена становилась все менее и менее немецкой.

Императорский дом принимал все более и более «чешский» облик. Но, очевидно, богиня справедливости вмешалась в это дело и устроила так, чтобы эрцгерцог Франц-Фердинанд пал от пуль славянина, он, который хотел сделать из Австрии славянское государство!

Бацилла будущей войны и общего крушения зародилась тогда от взаимоотношений Германии с Австрией.

Позднее я еще вернусь к этой теме. Пока же достаточно указать, что с моих ранних дней я был убежден, что уничтожение Австрии как государства было необходимым условием для спасения германской расы. Я был также убежден, что дом Габсбургов не принесет германской расе ничего кроме зла.

Так лелеял я в себе все растущую любовь к моей австро-германской родине и глубокую ненависть к австрийскому государству.

Вопрос о выборе профессии встал предо мной гораздо раньше, чем я предполагал. Бедность заставила меня принять решение. Скромные доходы моей семьи почти целиком поглощались болезнью матери. На пенсию, которую мы получали, жить было невозможно.

И вот с чемоданом платья и белья я отправился в Вену, полный решимости завоевать мою судьбу.

Я хотел сделаться «кем-нибудь», но конечно не чиновником!

2. В Вене

Вена поразила меня резким контрастом изумительного богатства и ужасающей бедности.

В Вене чувствовался пульс всей Империи с ее опасным очарованием смеси народов.

Блеск двора привлекал в Вену богачей и интеллигенцию как магнит.

Благодаря системе централизованного управления, Вена являлась местом концентрации всей власти в стране, как политической, так и административной.

Кроме того, она являлась также и интеллектуальным центром и была переполнена профессорами, артистами, литераторами и т.д.

А наряду с роскошью аристократов и крупного купечества, с довольством интеллигенции, можно было видеть тысячи безработных, с завистью смотревших на великолепные дворцы.

Для того, кто желал бы тщательно ознакомиться с социальным вопросом, не могло быть лучшего места, чем Вена. Но не нужно было впадать в ошибку и знакомиться с этим вопросом сверху: начинать нужно было снизу.

Во время борьбы за существование, которую я вел в Вене, я заметил, что к социальным вопросам никогда нельзя подходить с точки зрения благотворительности. Это бесполезно и смешно.

К таким вопросам нужно подходить имея в виду культурно-экономическую реорганизацию всей нашей жизни, которая должна положить конец жалкому существованию людей.

Я не могу сказать, что больше всего поразило меня в тот период в Вене, страшная ли нужда рабочих или низкий уровень их духовного развития.

Наша буржуазия нередко содрогалась от ужаса, когда какой-нибудь несчастный бродяга относился с полным безразличием к своей национальности, не думая о том, что у этого несчастного нехватало средств на самое жалкое прозябание.

В те годы моего пребывания в Вене, я научился многому...

Для того, чтобы «национализировать народ», нужно прежде всего создать здоровые социальные условия и дать этому народу просвещение! Только путем воспитания и образования каждый человек будет проникнут внутренней национальной гордостью!

Ибо бороться можно лишь за то, что любишь, а любить можно лишь то, что знаешь!

В период 1909–1910 гг. мое собственное положение улучшилось настолько, что я мог работать самостоятельно в качестве чертежника и художника-акварелиста.

В то же время я тщательно занимался своим образованием, а также изучал жизнь.

Я уже тогда пришел к заключению, что народ, как женщина, предпочитает иметь на себе руку твердого повелителя, чем

слабого, которым можно вертеть как угодно.

В числе политических доктрин, которые изучал я в те дни, была доктрина социал-демократической партии.

Ознакомившись с программой этой партии поверхностно, я стал стремиться постичь и ее внутреннюю сущность. Официальная литература об этой партии меня больше не интересовала. В конце концов я пришел к заключению, что в отношении экономических вопросов эта партия становится на ложный путь, так же как и в отношении политических. Я убедился также и в том, что сущностью этой партии является разрушение, стремление к которому свойственно расе, с которой я до того не был знаком.

Главной внутренней целью социал-демократии является взаимопонимание с евреями.

Но понять евреев значит поднять завесу над тайными замыслами партии и разоблачить весь бред марксизма, который пытается отуманить мир своими трескучими лозунгами. Я не могу сейчас сказать, когда именно слово «еврей» приняло для меня специальное значение.

Дома, при жизни отца я не помню, чтобы я даже слышал это слово. Мой отец принадлежал к числу тех людей, которых принято называть «мировыми гражданами», хотя в то же самое время в нем было сильно развито чувство национализма. Последнее оказало большое влияние на меня.

Уже будучи постарше, в реальном училище. я имел одноклассника – еврея. Мы, мальчики, обращались с ним вежливо, но познакомившись с ним поближе, не стали особенно доверять ему.

Мне было лет 14 или 15, когда я услышал слово «еврей» в его политическом значении. С тех пор это слово стало мне антипатичным.

В Линце, где я жил в детстве, было мало евреев; будучи отделены от еврейской массы, они были просто европейцами. Я лично смотрел на них просто как на немцев.

Я не уяснял себе всей нелепости этого взгляда до тех пор, пока не обратил внимания на резкое религиозное различие между нами. Но в то же время идея преследования их за их веру внушала мне ужас.

В Вене, куда я приехал искать счастья, евреи были мне сначала мало заметны. Хотя их было около 200000 чел., они были совершенно растворены в массе двухмиллионного населения.

В первые месяцы моего пребывания в Вене я был поглощен ознакомлением с жизнью этого города. Только позднее, когда я привык к нему, я снова вернулся к мысли о еврейском вопросе.

Я не могу сказать, что мое знакомство с евреями произошло при очень приятных для меня обстоятельствах.

Первоначально я продолжал видеть в евреях просто людей другой веры и возмущался идеей преследования их на религиозных основаниях. Неудивительно поэтому, что тон, который приняла в отношении их антисемитская пресса в Вене, казался мне недостойным культурных традиции великой нации.

Тяжелое впечатление производили на меня страницы среневековья, приводившие факты, о которых не хочется даже вспоминать.

Но ввиду того, что газеты проводившие антисемитскую кампанию, не пользовались особенно хорошей репутацией, я не слишком обращал внимания на то, что они писали.

Мое собственное мнение о евреях сложилось независимо от этих газет.

Живя в Вене, я, как и прежде, продолжал чутко интересоваться вопросами политического и социального характера.

С восхищением и гордостью следил я за развитием и ростом Германской империи, составляющим такой резкий контраст с упадком австрийского государства.

К кампании против Вильгельма II я относился неодобрительно. Я смотрел на него не только как на императора, но и как на создателя германского флота.

Меня искренне возмущало то, что рейхстаг запрещал кайзеру выступать с речами: я считал эту организацию не имевшей никакого права на такие действия. За время одного заседания парламентские болтуны произносили больше речей, чем целая династия императоров могла бы произнести в течение столетия.

Меня бесило то, что в стране, где каждый дурак имел право критики, носитель императорской короны мог получать репиманды от глупейшего из учреждений!

Я возмущался также тем, что венская пресса, униженно склонявшаяся перед каждым, даже самым ничтожным из придворных, выражал враждебные мнения в адрес германского императора.

Я должен признать здесь, что одна из антисемитских газет – «Дейче Фольксблатт» вела себя наиболее достойно в этом отношении.

Назойливая манера влиятельной венской прессы восхищаться Францией также действовала мне на нервы. Можно было только стыдиться своего германского происхождения, читая панегирики великой французской культуре.

Таким образом, из всех газет я остановил свой выбор на

«Фольксблатте», газете, которая казалась мне наиболее «чистой». Я правда не соглашался с ее резким антисемитским тоном, но тем не менее читал ее и стал задумываться над некоторыми вопросами. При посредстве этой газеты я ближе познакомился с христианской социалистической партией и ее лидером д-ром К. Лютером.

Однажды, гуляя по городу, я натолкнулся на их человека в длинном кафтане с черными локонами, свисавшими вдоль щек. Моей первой мыслью было:

– Не это ли и есть евреи?

В Линце евреи выглядели совершенно иначе.

Я стал внимательно оглядывать этого человека и чем больше я его осматривал, тем больше убеждался, что он ни в коем случае не может быть германцем.

Как всегда в таких случаях я старался рассеять свои сомнения при помощи книг. Впервые в жизни в мои руки попали антисемитские брошюры. К сожалению, они не разъяснили мне сущности еврейского вопроса, т.к. были рассчитаны на совершенно невежественного читателя и базировались на нелепейших утверждениях.

Еврейский вопрос снова встал предо мной во всей грандиозности и я, мучимый опасениями впасть в ошибку, снова стал «искать».

Я, однако, уже не сомневался, что тайна кроется не в религиозной, а в чисто расовой розни.

С тех пор, как я стал увлекаться еврейским вопросом, Вена встала предо мной в совершенно ином освещении.

Всюду, куда бы я ни шел, я неизменно наталкивался на евреев и чем больше я их наблюдал, тем больше они поражали меня своим отличием от других людей.

Вся внутренняя часть города и районы, расположенные к северу от Дунайского канала, были населены людьми, не имевшими ничего общего с германцами.

В то время, как я ломал себе голову над вопросом – что же именно представляют собой эти люди – началось движение, отклики которого громко раздались и в Вене. Это был сионизм, выявляющий национальный характер еврейства.

С внешней стороны казалось, что идеи сионизма разделялись далеко не всеми евреями и что большая часть евреев осуждала, а то и прямо отвергала принципы этого движения.

Но посторонний наблюдатель, желавший близко ознакомиться с этой проблемой, мог только запутаться в тумане теорий лживых и нарочно измышленных для «чужого».

Так, например, «евреи либералы» осуждали сионистов за

«непрактичность» их доктрины, которая по их мнению могла со временем оказаться даже «опасной» для всего еврейства.

Но внутренняя связь между всеми этими группами оставалась по-прежнему крепкой.

Приглядываясь к разногласию между сионистами и либералами, я вскоре убедился в том, что это только фикция.

Когда я уже узнал о работе, которую ведут евреи в прессе, в искусстве и в литературе – иудаизм получил в моих глазах совершенно определенную окраску.

Нужно было только взглянуть на афиши театров и кинематографов, на которых стояли имена авторов разлагающих общество драм и трагедий, чтобы проникнуться антипатией к евреям.

Духовная зараза, которую они распространяли, была хуже чумы.

Я стал внимательно просматривать иностранные газеты. Либеральные тенденции в прессе приняли для меня теперь тоже новое освещение.

Спокойный сдержанный тон при ответах на нападки, а то и полное игнорирование их, казались мне теперь просто хитроумным трюком.

Блестящие театральные критики расхваливали авторов-евреев и, наоборот, резко осуждали авторов-германцев.

Шпильки в адрес кайзера Вильгельма и восхваления французской культуры еще больше настраивали меня против прессы, находившейся под влиянием евреев.

Теперь, когда я узнал, что евреи являются вдохновителями социал-демократической партии, моя длительная духовная борьба закончилась. Завеса спала с моих глаз.

В конце-концов я убедился в том, что социал-демократическая пресса находится всецело в руках евреев.

Более того, – я убедился в том, что вообще ни одна газета, к которой имели какое-нибудь отношение евреи, не могла называться действительно националистической в том смысле, в каком я привык понимать.

Что же касается чисто марксистской прессы, то в ней все, начиная с редакторов и кончая самыми младшими сотрудниками были евреи.

Авторы всех социал-демократических брошюр были евреями. Статьи социал-демократических газет почти всегда имели подписи журналистов-евреев.

Чем больше я заинтересовывался в деятельности еврейства, тем больше убеждался в том, что не ошибаюсь.

Евреи доминировали в рейхсрате, в рабочих союзах,

председательствовали в различных организациях, выступали уличными агитаторами.

Все это в конце-концов убедило меня в том, что евреи никогда не будут немцами.

И привело меня к мысли, что они являются элементом, разлагающим нашу нацию.

Чем более интересовался я евреями, тем более узнавал их особенности.

Так, например, в диспутах они всегда полагались на глупость оппонентов, а если этот способ терпел неудачу, они сами прикидывались дурачками. Если же и здесь следовала неудача, они просто «переводили стрелку» на другой предмет. Встречая неодобрение слушателей, они на другой день с неподражаемой легкостью отрекались от своих слов и даже возмущались теми мыслями, которые сами высказывали накануне.

Их ловкость, изворотливость, лживость сделали в конце-концов то, что я их возненавидел.

Эта ненависть имела однако и свою хорошую сторону, т.к. чем более ненавидел я их, тем более проникался любовью к собственному народу.

Итак, из равнодушного наблюдателя я сделался фанатиком-антисемитом.

Еврейская доктрина марксизма отвергает принцип аристократизма в природе и вместо вечной привилегии силы индивидуумов выдвигает мертвый вес масс. Иными словами, марксизм отрицает ценность индивидуальности, лишая всякого значения тех, кто вел и ведет человечество к высшей культуре. Его стремление навязать миру свои законы может привести только к хаосу.

Если еврейство с помощью марксизма победит все нации мира, его корона будет погребальным венком для человечества и наша планета станет снова безлюдной, как миллионы лет назад.

Природа должна будет отомстить за всякую узурпацию своих прав.

И теперь я верю в то. что действую так, как угодно Всемогущему. Борясь с евреями, я делаю Божье дело!

3. Австрия и немцы

Политическая мысль работала в старом дунайском государстве гораздо ярче и сильнее, чем в Германии, исключая конечно Пруссию, Гамбург и северное побережье.

Австрияк-немец, живший в границах Австрийской империи, никогда не терял сознания своего расового долга. Несмотря на то,

что судьба оторвала его от общегерманского отечества, он всегда мечтал о разрешении огромной задачи – об объединении Германии, разодранной политическими смутами.

Кругозор австрийских немцев шире границ их государства. Они играли в стране первенствующую роль, занимая ответственные посты в правительстве. Они сосредоточили в своих руках внешнюю торговлю, вопреки происках евреев, также занимавшихся торговлей. Они составляли, главным образом, кадр офицерства. Науку и искусство двигали также они.

В музыке, архитектуре, скульптуре Вена могла гордиться именами германцев.

И, наконец, внешней политикой ведали немцы, хотя в министерство иностранных дел и проникали еще иногда венгры.

И все-таки попытки сохранить австрийскую монархию были тщетны: империя расползалась и это видел сам император.

Венгерский Будапешт начинал превращаться в настоящую столицу и рост ею становился угрожающим для старой Вены. За Будапештом стала поднимать голову чешская Прага. Львов и Лайбах стали также тянуться за ними.

Если бы работа по сохранению австрийского государства велась серьезно, то цель была бы достигнута. Но такой работы не велось.

В стране должен быть установлен действительно единый язык и единый принцип школьного воспитания.

Через 10–20 лет это несомненно не дало бы настоящих результатов. Нужно было рассчитать работу на столетие и проводить ее неуклонно. Но правительство было слишком слабо. Каждая из рас, составлявших империю, жила своей собственной жизнью и в результате Габсбурская монархия пала.

Иосиф II, римский император Германской империи, скончавшийся в 1790 году, понимал хорошо опасность, угрожавшую его династии.

С нечеловеческой энергией пытался он исправить промахи своих предшественников, но с его смертью снова все пошло по старому. Его преемники по тем или иным причинам своей миссии не выполнили.

Революция 1848 года должна была послужить началом классовой борьбы по всему миру, но в Австрии она явилась началом борьбы народностей ее составляющих.

К сожалению, немцы, очевидно, не понимая сущности движения в Австрии, отдали себя в распоряжение революционного движения и тем самым определили свою судьбу. Они сыграли важную роль в поднятии духа мировой демократии, который вскоре же поколебал основы их собственного

существования.

Сформирование парламента, в котором не был установлен единый государственный язык, положило конец доминированию германской расы в Австрии. С этого момента империя покатилась к гибели.

Я не хочу останавливаться здесь на деталях падения австрийской монархии, т.к. это не является целью моей книги. Я хочу только указать здесь на факты, имевшие значение для нашей эпохи и сформировавшие мою политическую мысль.

Среди учреждений, которые привели австрийскую монархию к гибели, каждый человек, мало-мальски разбирающийся в политике, прежде всего укажет на австрийский парламент, или как его называли рейхсрат.

Отцом этого учреждения является, конечно, парламент Англии, этой страны «классической демократии».

Подобно английскому парламенту, австрийский состоял из двух палат – «Абгеорднетенхауза» и «Херренхауза».

Но обе эти палаты сильно разнились от английских. Даже по внешнему виду они были глубоко отличны.

Архитектор, создавший здание английского парламента, озаботился тем, чтобы это здание, украшенное эмблемами, иллюстрирующими мощь Британской империи, было как бы храмом национальной славы.

Здание австрийского парламента было построено архитектором датчанином, который украсил стены своего творения орнаментом, изображающим эпизоды из античной эпохи.

Судьба германской расы в австрийском государстве зависела от ее влияния в рейхсрате.

До введения всеобщего избирательного права и тайного голосования в рейхсрате доминировали немцы.

Но благодаря проискам социал-демократов, положение стало меняться и в конце-концов рейхсрат потерял свою немецкую «окраску».

Если бы я предварительно ознакомился с берлинским парламентом, я мог бы легко впасть в заблуждение, считая, что парламент и династия вовсе не зависимы друг от друга.

Но мое первое знакомство с парламентской системой произошло в Вене и я пришел к заключению, что если австрийский парламент не много стоит, то еще меньше стоят Габсбурги!

Мое знакомство с парламентом навело меня на новую пытливую мысль:

– Является ли прогресс результатом умственной

деятельности масс или индивидуумов?

Своим отрицанием авторитета индивидуумов и предпочтением весу масс парламентская система подрывает основной принцип аристократизма в природе.

Читателю еврейских газет трудно представить себе, как много зла таится в модной системе парламентов!

Парламенты являются главной причиной, по которой наша политическая жизнь оказалась так усложнена.

Самое главное, что должен всегда помнить человек, это:

– Масса никогда не может заменить человека!

– Масса всегда скорее склонна к глупости и трусости!

И так же точно, как сто дураков не сделают мудреца, так и сотней трусов никогда не будет принято героическое решение.

Для того, чтобы понять всю глубину извращения идеи демократизма, достаточно сравнить демократическую парламентскую систему с настоящей немецкой демократией.

Целью современного демократического парламента является вовсе не собрание «мудрейших», а просто сформированные группы или толпы, которые легко можно вести в любом направлении. Только при таком положении партии могут проводить свои задачи.

При этом положении ответственность, которая должна бы лежать на парламенте, фактически снимается.

Прямые, честные люди, готовые принять на себя самую тяжелую ответственность, не пойдут заниматься болтовней в парламентах, где приятно проводят время лица, лишенные чувства ответственности.

Таким образом, для настоящей демократии парламент не может быть нужен ни на один момент.

Но кому же он может тогда понадобиться?

Конечно, только еврею: он один оценит это фальшивое грязное учреждение!

Полным противоречием парламентской системе является система немецкой демократии с ее свободным выбором вождя, который готов отдать всю свою жизнь национальному делу.

Общий тон австрийского парламента за последние перед войной годы был направлен против Германии.

Особенно это стало заметно, когда наследником габсбургского трона сделался эрцгерцог Франц-Фердинанд. Благодаря ему, в Австрии стало сильно увеличиваться чешское влияние. Так, в деревнях, раньше совершенно немецких, стал укрепляться чешский язык. В Нижней же Австрии чехи до такой степени подняли голову, что стали уже считать Вену «своей» столицей.

Морганатическая супруга наследника была уроженкой Чехии и ее кружок был резко антинемецким.

Идеалом этого кружка было учреждение независимого славянского католического государства.

К этому плану была притянута и католическая церковь, которая так же, как и Габсбургский дом, ничего от него не выиграла. Результаты получились наоборот совершенно трагические:

– Габсбурги потеряли трон.

У католической же церкви выскользнуло из-под влияния большое государство.

Попытка искоренить «германизм» в старой австрийской монархии привела лишь к созданию пангерманского движения.

Впервые за весь период существования истории германский народ отказался от династического патриотизма для защиты своей национальности.

Рост пангерманского движения с одной стороны и христианско-социалистической партии с другой оказались объектами моего глубокого внимания.

Лидерами обоих этих движений являются Георг фон Шренер и доктор Карл Люгер.

Каждый из этих людей высоко поднимается над уровнем обыкновенных парламентских деятелей.

Среди грязи и злоупотреблений, окружавших их, они одни были чистыми!

Первоначально мои симпатии были отданы Георгу фон Шренеру, но позднее я стал также симпатизировать и д-ру Люгеру.

Шренер казался мне более глубоким мыслителем. Он представлял себе конец австрийской монархии яснее и правильнее, чем кто бы то ни было.

Если бы Габсбургская монархия прислушивалась к его голосу, то никогда не произошло бы ни Великой войны, ни крушения Австро-Венгрии.

Но Шренер был не понят «верхами».

Несмотря на неоспоримость своих теорий, он не умел излагать их удобопонятным языком. Таким образом, его мудрость осталась тайной мудростью, никогда не сообщенной массам и не давшей никаких практических результатов.

Доктор Люгер был полной противоположностью Шренеру. Он прекрасно понимал, что боеспособность высших классов в наши дни далеко недостаточна для того, чтобы выиграть большую социальную победу.

Поэтому Люгер сделал базой для своей работы средний класс и вскоре создал монолитную массу, которую трудно было поколебать. Тонкий дипломат – он сумел наладить хорошие отношения с католической церковью и привлечь в свои ряды представителей молодого духовенства. Староклерикальная партия предпочла «оставить поле», высказывая однако по временам благосклонное отношение к новому движению.

Люгер был однако не только замечательным тактиком. Он был также и большим реформатором.

Цели этого человека были глубоко практическими. Прежде всего он желал «завоевать» Вену, сердце монархии, из которого политические идеи разливались бы по всему организму государства.

Он справедливо рассуждал, что если «сердце» выдержит, то и весь организм будет спасен. Но «сердце» не выдержало. Вмешательство д-ра Люгера пришло слишком поздно! Его соперник Шренер сделал лучший расчет, чем он. Они оба потерпели фиаско. Люгер не спас австрийского « государства от развала, Шренер не оградил германский народ от тяжелых испытаний.

Сейчас, когда все это ушло в прошлое, небезынтересно заняться изучением судеб обеих партий. В них можно найти много поучительного.

В период зарождения пангерманского движения, германская позиция в Австрии была совершенно безнадежна.

Парламент был определенно антигерманским и прежде всего нужно было покончить с ним: но это было невозможно. Пангерманисты в парламенте были скоро «биты». Для пангерманистов выступления перед парламентом не сулили ничего хорошего, т.к. аудитория была им совершенно чужда по духу. Это было равносильно метанью бисера перед свиньями.

Пангерманисты только озлоблялись, но не прибавляли себе никакого веса. Пресса их игнорировала. Непосредственное обращение к народным массам было невозможно. И их дело провалилось.

С католической церковью пангерманисты вели жестокую борьбу.

Назначение священников-чехов в приходы должно было рано или поздно привести к «ославяненью» Австрии. Церкви с чехами-священниками становились как бы ячейками антигерманизма.

Немецкое духовенство шаг за шагом сдавало свои позиции.

Георг фон Шренер не побоялся борьбы с церковью, но борьба эта была ему не по силам. Выдвинутый им принцип – освобождения от влияния Рима – потерпел фиаско.

Изучая пангерманское движение и его борьбу с Римом, я пришел к следующему заключению:

– Благодаря плохому пониманию социальных проблем, это движение потеряло боеспособность масс; благодаря вступлению своих членов в парламент, оно лишилось своей динамичности и унаследовало от парламентских деятелей их вялость. Борьбой с церковью оно дискредитировало себя в глазах средних и низших классов и утеряло те свои черты, которые были наиболее ценны для национального дела.

Политические партии не должны никоим образом касаться религиозных проблем до тех пор, пока эти проблемы не представляют собой опасности для существования нации. Точно так же и религиозный элемент никогда не должен вноситься в борьбу партий.

Политический лидер никогда не должен вмешиваться в жизнь религиозных учреждений своего народа, т.к. в таком случае он будет не лидером, а реформатором. Для этого же нужно иметь специальные качества.

Нарушение этих принципов неминуемо приведет к катастрофе.

Протестантизм всегда будет содействовать всему немецкому, будь это вопрос повышения национального чувства или защиты немецкой жизни, языка и свободы. Но он абсолютно враждебен всякой попытке вырвать нацию из когтей иудаизма, наиболее страшного врага нации.

Почти везде и всюду, где пангерманское движение терпело неудачу, ходы христианско-социалистической партии были строго продуманы.

Завоевав симпатии средних и низших классов, эта партия получила верных и преданных защитников.

Ошибка ее заключалась в том, что она не стала на национальную базу. Борьба, которую она повела против еврейства, была борьбой чисто религиозного порядка.

Вена в то время была так сильно населена чехами, что в партию влилось значительное их количество: таким образом вскоре эта партия приняла и антинемецкую окраску.

Неудивительно, что борьба начавшаяся на таких основаниях, мало беспокоила евреев: в крайнем случае для них всегда оставался выход – несколько капель святой воды, и они, сохраняя все свои расовые особенности, становились желательным в государстве элементом.

Таким образом значимость христианско-социалистической партии была в скором времени убита.

Если бы доктор Карл Люгер жил в Германии, то он в скором времени стал бы там великим человеком. Но по несчастью, ареной его работы оказалась Австрия.

Он успел умереть тогда, когда балканское пламя еще только начинало разгораться; таким образом, он не увидел всех тех печальных событий, которые произошли за эти годы. Вывод из всего сказанного такой: пангерманское движение имело вполне определенно поставленные цели, но его методы были слишком нежизненными – поэтому оно и провалилось.

Христианско-социалистическая партия располагала прекрасной тактикой, но ее цели были слишком неопределенны и туманны, поэтому она также потерпела неудачу.

Наблюдая за течением государственной жизни Австрии, я все более и более приходил к заключению, что это государство спасти нельзя.

Сам я это государство ненавидел. Мне было ненавистно это сборище чехов, поляков, венгров, сербов, кроатов, евреев и снова евреев.

Мое сердце никогда не лежало и к австрийской монархии. Отдав его Германской Империи, я мог только мечтать о том, чтобы австрийское государство поскорее развалилось.

Я мечтал также и о том, чтобы переселиться в Германию, сделаться архитектором и отдать мои труды немецкому народу.

Вене же я был благодарен за то, чему она меня научила – за ознакомление с политическими вопросами и за воспитанное во мне чувство дисциплины, которое определило мою дальнейшую жизнь.

4. Мюнхен

Весной 1912 года я отправился в Мюнхен.

Немецкий город! Совершенно отличный от Вены. Я чувствовал себя плохо, когда вспоминал об этом Вавилоне. Этот город вскоре стал мне бесконечно дорог и я принадлежу ему более, чем какому бы то ни было месту в мире.

В Австрии единственными сторонниками идеи союза с Германией были Габсбургский дом и немцы. Это объясняется, во-первых, создавшейся обстановкой, а во-вторых, легковерностью и политической глупостью.

Габсбурги воображали, что окажут большую услугу Германской империи своим вступлением в Тройственное Согласие, не замечая того, что фактически они хотели привязать империю к мертвому трупу австрийского государства, летевшего уже в пропасть.

Расчет Габсбургов базировался на том, что союз с Германской Империей оградит их от вмешательства последней в дела Австрии. В этом случае они, к сожалению, были правы. Закончив союз с Германией, они не могли бояться протеста последней по поводу подавления немцев внутри Австрии, зная «объективность» суждений своей союзницы.

Тот, кто когда-либо изучал расовую психологию немецкого такого факта – что римский Квиринал и венский Гофбург могут объединиться против какого-то врага, в то время как итальянский народ фанатически ненавидел австрийское государство.

Вековые погрешения Габсбургского дома против итальянской независимости и свободы были слишком велики, чтобы их можно было забыть.

Ни итальянский народ, ни правительство не были расположены к этому союзу, но для Италии оставалось только две альтернативы – союз или война. Италия выбрала первое, чтобы спокойнее подготовиться ко второму.

Немецкая политика «союза» была бессмысленной и рискованной особенно с того момента, когда стало ясно, что Австрия идет к войне с Россией.

Зачем понадобился Германии этот союз?

Для обеспечения будущности государства, которое и так стояло на своих ногах.

Население Германии ежегодно увеличивается на 900 тыс. душ. Трудность пропитания этой новой армии граждан, естественно, увеличивается с каждым годом и должна привести к катастрофе, если своевременно не будут приняты меры.

Остается только два способа для прокормления этих «новых людей» – территориальная экспансия или колониальная торговля. Оба эти способа были всесторонне рассмотрены и изучены, и в конце-концов выбор был остановлен на втором. Между тем первый способ был бы несравненно здоровее.

Приобретение новых территорий для распределения на ней излишков населения представляет собой несравненно большие возможности для будущего.

Но успех может быть достигнут только в том случае, если территориальная экспансия будет произведена в Европе, а не где-нибудь в Африке.

Наше решение бороться за свое существование вполне естественно.

Многие европейские государства в наши дни представляют собой пирамиды, перевернутые вверх ногами. Их владения в Европе смешно и сравнивать с теми богатейшими колониями, которыми они располагают. Из всех иностранных держав,

имеющих заморские владения, одни только США имеют базу у себя в Америке и вершину на другой части глобуса. У остальных же держав вершины расположены на нашем континенте, а базы в далеких странах.

Для Германии колонии не нужны, т.к. в них нельзя расселять людей в большом количестве. Колониальная политика означает жестокую борьбу, которую лучше обратить на дело завоевания территории на материке. Для такой политики есть только один возможный способ – это союз с Англией. Она единственная держава, которая может стать на нашу сторону, если мы начнем новое немецкое завоевательное движение (Германецуг!).

Мы имеем на это движение такое же право, «ак и наши предки!

Наши пацифисты не стесняются есть хлеб, взращенный на востоке, хотя поля для него были вспаханы впервые не плугом, а мечом.

Для завоевания расположения Англии никакая жертва не может быть достаточна велика.

Нужно будет отказаться от колоний и удержаться от торговой конкуренции с Англией.

Был один момент, когда Англия могла предоставить нам возможность высказаться по этому вопросу.

Англия прекрасно понимает, что благодаря увеличению населения Германии придется принять какое-то решение территориальной проблемы.

В начале этого столетия Англией была сделана попытка сближения с Германией. Но Англия могла пойти на уступки только на принципе взаимности. Английская дипломатия издавна отличается своей тонкостью. Если бы в 1904 году мы располагали такой же дипломатией, неизвестно, каковы были бы последующие события.

Быть может тогда не произошло бы и мировой войны!

5. Мировая война

В ранней молодости меня сильно угнетала мысль о том, что я родился в век коммерсантов и чиновников.

Я жестоко жалел, что не родился сто лет тому назад, когда можно было применить свои способности в войне.

Когда известие об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда достигло Мюнхена, я первоначально испугался – не от немецкой ли пули погиб эрцгерцог? Это было бы ужасно. Когда же я узнал, что эрцгерцог был убит славянином-сербом, я почувствовал в этом руку Провидения.

Лучший друг славян погиб от пули фанатика-славянина.

Старому правительству Австрии до сих пор ставят в упрек резкость ультиматума по поводу убийства эрцгерцога.

Никакая другая держава иначе бы не поступила при тех же обстоятельствах.

На южной границе Австрия имела смертельного врага, угрожавшего существованию монархии. Смерть императора, который был уже в преклонном возрасте, могла вызвать катастрофу ежеминутно.

Кроме того, мировая война была вообще неизбежна.

Если бы она не последовала после Сараевского убийства, ее вызвало бы какое-нибудь другое событие.

В течение ряда лет социал-демократы агитировали в Германии за войну с Россией. Теперь приходится лишь терпеть последствия того, что произошло.

На германском правительстве лежит вина за то, что оно, желая сохранить мир в Европе, связало себя ненужным союзом и, таким образом, восстановило против себя коалицию держав.

Война 1914 года не была навязана германским массам. Ее наоборот страстно желала вся нация, стремившаяся к прекращению того непрочного положения, в котором она находилась. И два миллиона германской молодежи как один человек стали под знамена, чтобы защищать германское дело своей кровью. Это была война за германскую свободу!

Сам я смотрел на положение именно так. В моих глазах не Австрия искала удовлетворения от Сербии, но Германия отстаивала свое будущее. Германия должна была идти по путям, проложенным Бисмарком. На долю молодого германца выпала задача защищать то, за что сражались его деды под Вейсбургом, Седаном и Парижем.

Если бы мировая война закончилась для Германии победой, германское государство заняло бы первое место среди других держав.

3 августа 1914 года я обратился с прошением к королю Баварии Людовику III о зачислении меня в Баварский полк. К моей великой радости разрешение мне было дано в тот же день.

С этого дня для меня, как и для каждого германца начался незабываемый период моей жизни. С гордостью вспоминаю я теперь об этих днях, которые подарила мне судьба.

Началась война. Романтика ее вскоре сменилась ужасом. Энтузиазм стал остывать и радость подвигов вскоре сменилась агонией.

Наконец настал и такой момент, когда в противовес долгу появилась мысль о самосохранении. Зимой 1915–1916 гг.

пережил такую внутреннюю борьбу и я, и должен сказать, что моя воля победила.

Если в первые дни я шел в атаку со смехом и радостным кликом, то теперь мною овладела мрачная решимость – довести борьбу до конца.

Молодой доброволец обратился в закаленного солдата.

Эта перемена произошла со всеми солдатами, во всей армии. Война, сломившая одних – закалила других.

Голод, лишения, недостаток оружия – могли быть засчитан только в плюс армии, прошедшей через них.

Пройдут тысячи лет, но каждый раз при упоминании о героизме, будет вставать память о германской армии в мировой войне!

В те дни я не увлекался политикой. Я был только солдатом.

Идеи марксизма тем временем стали уже реять в воздухе.

Марксизм – конечная цель еврейства, который должен был разрушить все ие еврейские государства, все больше и больше распространялся среди рабочих классов.

Зараза распространялась все сильнее, ведя государство к гибели.

Теперь настал момент рассчитаться с отравителями нашей нации.

Я говорю теперь, потому что германские рабочие начали свой путь – путь национализма!

Германское правительство тех дней совершило непоправимую ошибку тем, что не поставило преград распространению заразы с места же и не вырвало этой заразы с корнем.

Вместо того, чтобы стать на защиту сохранения нации, его Величество Кайзер лично протянул руку старым преступникам против национального дела, взял их под свое покровительство и дал им возможность довершить свое разрушительное дело.

6. Революция

Летом 1915 года неприятель стал сбрасывать с аэропланов летучки. Содержание почти всех летучек было одинаково.

Германскому населению указывалось в них, что в Германии увеличивается голод, что война затягивается, а надежда на успех у Германии все уменьшается, что народ борется за мир, тогда как Кайзер, настроенный милитаристски, вовсе в этом не заинтересован и т.д.

Интересна одна черта в этой пропаганде.

В этой части фронта, где стояли баварские войска, летучки

изобиловали нападками на пруссаков, а прусским войскам посылались летучки с нападками на баварцев.

В конце концов эти летучки сделали свое дело. Антагонизм между пруссаками и баварцами все увеличивался, а начальство не находило нужным делать что-нибудь для его прекращения.

В 1916 году солдаты на фронте стали получать деморализующие их письма из дому, в которых говорилось о голоде, нужде и т.п. Здесь летучки оказались уже ненужными, дух армии стал падать сам собой. Так глупые письма германских баб помогали разрушать фронт.

В армии стал раздаваться ропот, сначала тихий, потом все более и более громкий. Солдаты не стеснялись уже ругаться и проклинать вслух. В то время, как они страдали и гибли в окопах и их семьи умирали с голоду, кто-то жил себе в свое удовольствие.

Кризис надвигался, но еще медленно. Ругающиеся и проклинающие солдаты тем не менее выполняли свой долг. Когда начинался бой – это были еще те же герои.

В октябре 1916 года я был ранен. С какой радостью оставил я фронт и отправился домой в поезде Красного Креста. Два года не видал я мирной обстановки.

Меня доставили в госпиталь под Берлином. Но, Боже, какую перемену застал я там!

Первое, что поразило меня, это огромная разница в выражении лиц. В то время, как на фронте все лица были исполнены решимости, здесь я видел жалкие, трусливые физиономии.

Как только я мог уже ходить, я испросил отпуск и отправился в Берлин. Всюду в глаза била страшная бедность.

Миллионный город голодал. Недовольство царило повсюду.

В некоторых домах раздавались те же речи, что я слышал в госпитале – впечатление создавалось такое, что шла уже планомерная агитация.

В Мюнхене положение было еще хуже.

Когда я, выздоровев и выписавшись из госпиталя, был отправлен туда, в состав резервного батальона, я не узнал моего города, до такой степени он был ужасен, – беден, оборван и обозлен.

Солдаты резерва и солдаты, вернувшиеся с фронта, говорили на разных языках. Тыл был уже развален, все гражданские учреждения переполнены евреями.

Наша преданность долгу, наша самоотверженность встречались насмешками.

В 1917 году началась забастовка оружейников. Она не дала

ожидавшихся результатов, – полного обезоруживания армии и прорыва фронта. Но она оказала невероятное деморализующее влияние на население и на фронтовиков.

С каким настроением должен был солдат идти в бой, когда его собственный народ не желал уже победы?

Зато врагу все это было конечно очень приятно.

Зима 1917–1918 гг. принесла союзникам жестокие потрясения. Надежды, которые возлагались на русский фронт – рухнули.

Союзник, принесший самые огромные, кровавые жертвы на алтарь общих интересов, неожиданно потерял всю свою силу и упал сдавшись на милость врага.

Союзные армии дрогнули. Теперь, когда русский фронт не представлял больше опасности для Германии, все силы германцев должны были обрушиться на них.

Но в тот момент, когда германские дивизии должны были повести последнее наступление, внутри страны разразилась всеобщая забастовка. Вражеская пропаганда сделала свое дело.

Британская, французская и американская пресса с восторгом подхватила известие о забастовке. По всему миру прокатились ликующие телеграммы:

– Германия накануне революции! Победа союзников близка!

Эти телеграммы были лучшим средством для ободрения начавших падать духом французских «паулто» и британских «Томи».

Судьба судила мне принять участие в последнем наступлении.

Лето 1918 года было жарким на фронте. Из дома приходили самые разнообразные сообщения. Нам сообщалось, что война безнадежна, что только дураки могут рассчитывать на победу, что народ вовсе не желал войны, которую затеяли монархия и капиталисты.

В начале фронт реагировал на все это очень слабо.

Имена Эберта, Шейдемана, Барта и Либкнехта нам ничего не говорили, и мы не могли понять, почему совершенно никому неизвестные имена должны стать у кормила государственного управления.

Мое политическое кредо сложилось в те дни уже вполне определенно. Я прекрасно видел, что вся эта шайка нисколько не думает о благе государства, а стремится лишь набить свои собственные карманы.

К счастью многие солдаты думали так же, как и я, и благодаря этому фронт держался. Мы только чувствовали себя более озлобленными.

В конце сентября моя дивизия в третий раз пришла на позиции. Настроение у нас было тогда, как у молодых волонтеров – мы рвались в бой.

Но спустя короткое время это настроение упало. В войсках пошли разговоры на политические темы. Новобранцы, приходившие на пополнение частей, сеяли смуту, и по фронту снова пошел ропот.

В ночь с 13 на 14 октября на южном фронте под Ипром англичане стали засыпать нас газовыми бомбами.

К полуночи наши ряды сильно поредели. К утру свалился и я, корчась в судорогах; глаза у меня горели, точно к ним были приставлены раскаленные угли и я ничего не видел. Это был мой последний опыт. Я был отправлен в госпиталь в Померании, где мне суждено было увидеть революцию.

Из фронта тем временем доходили скверные слухи, но мне казалось тогда, что они преувеличены.

Сам я в то время не мог еще читать газет, и потому не мог быть в курсе событий.

В ноябре положение достигло наивысшего напряжения.

И вдруг, в один прекрасный день, совершенно неожиданно разыгралась катастрофа.

На улице появились грузовики с матросами, призывавшими к революции. Почти в каждом грузовике было по еврейчику, которые призывали к борьбе за «свободу, красоту и достоинство» нашей национальной жизни.

Ни один из этих молодых людей, конечно, никогда и в глаза не видел фронта.

Последующие дни были ужаснейшими в моей жизни.

Слухи становились все мрачнее и мрачнее. То, что я считал просто местным бунтом, оказалось настоящей революцией.

Революционеры требовали прекращения войны – мне это казалось невозможным.

10 ноября к нам в госпиталь пришел старый пастор. От него мы узнали все и были потрясены.

Бедный старик трясущимися губами сообщил нам, что императорская корона не принадлежит больше дому Гогенцоллеров и что наше отечество превратилось в республику.

Итак, все было напрасно! Напрасны наши лишения и жертвы, наши страдания, которые мы терпели в течение этих лет, напрасна была гибель двух миллионов людей.

А великое прошлое нашей страны? Страницы, записанные в историю? Были ли мы теперь их достойны, несчастные, бесправные преступники?

Я был так потрясен, я так горел от бешенства и стыда, что

совершенно забывал боль моих обожженных английскими газами глаз.

Всю ночь я не спал, не будучи в силах отделаться от мысли:

– А что будет с нашей страной?

Император Вильгельм был первым германским императором, который протянул руку марксистам. Приняв руку императора, они, однако, занесли над его спиной кинжал.

Это еще лишний раз убедило меня, что с евреями не может быть никакого сговора, а только жестокое «или-или».

В эту ночь я решил посвятить себя политике.

7. Начало моей политической жизни

В конце ноября 1918 года я возвратился в Мюнхен. Я вошел в состав резервного батальона моего полка, который находился уже в руках солдатского совета.

Обстановка была настолько отвратительной, что я решил оставить полк. С моим верным товарищем Эрнестом Шмидтом я отправился в Траунштейн, где оставался до 1919 года. После этого я снова вернулся в Мюнхен.

Революция тем временем углублялась. Смерть Эйзенера ускорила ход событий и привела к диктатуре советов или, выражаясь точнее, к еврейской власти.

Мои отношения с центральным советом сразу же сделались очень «натянутыми». С марта 1919 года ко мне на квартиру чуть ли не каждое утро являлись уполномоченные совета, чтобы арестовать меня, но я наставлял на них винтовку и тем дело и кончалось.

Спустя несколько дней после освобождения Мюнхена я был назначен в состав комиссии по расследованию революционных эксцессов во 2-ом пехотном полку.

Это было мое первое вступление на политическое поприще.

Несколько недель спустя мне был дан приказ поступить на «Курсы Обороны».

Целью этих курсов было воспитание в солдатах гражданского духа. На этих курсах я встретил несколько единомышленников, с которыми нередко обменивался мыслями относительно создавшегося положения.

Все мы в более или менее равной мере были убеждены, что Германию не спасут от разрухи «ноябрьские преступники» – центристы и социал-демократы. Что касается так называемых буржуазных групп, то они были слишком слабы.

В нашем маленьком кружке мы стали обсуждать создание новой партии.

Основные принципы этой партии должны были быть таковы, чтобы импонировать массам, так как мы намечали социальную перестройку, то решили назвать партию «Социал-Революционной».

До того времени я еще не различал ясно разницы между капиталом, как целью творческого труда и капиталом рожденным из спекуляций.

Мои глаза на этот вопрос раскрылись лишь после того, как я посетил первую лекцию Готтфрида Федера. Я понял также обязательства государства по отношению к капиталу. Они были очень просты.

Капитал должен был оставаться слугой государства и не иметь никакой власти над страной.

Наше политическое кредо было определено в те дни уже вполне твердо. Оно заключалось лишь в двух словах: Нация и Отечество.

Нашей задачей было бороться за существование нашей расы и нации, за прокормление наших детей, за чистоту нашей крови, за свободу и независимость нашего отечества и за выполнение миссии, возложенной на нас Творцом.

Я стал заново изучать труды еврея Карла Маркса и на этот раз понял его по-настоящему.

Я понял, что борясь с экономикой национальной, социал-демократия подготовляет почву для торжества интернационального капитала.

До сих пор я еще ни разу не выступал с речами, но, наконец, подошел день, когда я решился заговорить.

Мне пришлось дискутировать с защитником евреев и вскоре аудитория оказалась на моей стороне.

Несколько дней спустя я был назначен инструктором в один из полков, стоявших в Мюнхене.

Дисциплина в войсках в те дни была слаба. Солдатские советы сильно расшатали ее. Втягивать солдат в дисциплину приходилось медленно, осторожно, но упорно.

Я подошел к солдатам открыто и с любовью, я старался разбудить в их душах чувство любви к родине и должен сказать, что добился замечательных успехов.

В короткое время я национализировал наш полк. Более того, я подобрал себе стойкую группу сподвижников, которые впоследствии вместе со мной основали новое движение.

Следя с большим вниманием за политическими событиями, я сильно интересовался и вопросом постановки пропаганды.

Социал-марксистские организации умели применять инструмент пропаганды. Я вскоре понял, что правильное

применение пропаганды есть искусство почти неизвестное буржуазным партиям. Одно христианско-социалистическое движение, да и то во времена Лютера применяло пропаганду с большим уменьем и имело от нее значительную пользу.

Но была ли пропаганда у нас? Увы! – Нет!

Многие у нас даже не знают, является ли пропаганда целью или только методом.

Конечно, пропаганду нужно считать методом, который должен служить для достижения определенной цели. Пропаганда может иметь тот или иной характер в зависимости от цели, которой она служит. Цель наша в период Великой Войны была самой благородной, какую только можно себе представить. Мы воевали за свободу и независимость нашей нации, за обеспечение нашего пропитания в будущем и за национальную честь.

Рассуждая с точки зрения чисто гуманитарной, Мольтке один раз указал, что войны необходимы для быстрого разрешения насущных вопросов.

Всякая пропаганда должна быть прежде всего популярной и соответствовать способности восприятия теми, к кому она адресована.

Способность восприятия у масс обычно бывает очень ограничена. Массы обладают к тому же свойством быстро все забывать. Ввиду этого, пропаганда чтобы иметь необходимое действие, должна быть базирована на нескольких ясных положениях, выраженных в форме решительных лозунгов.

Вести пропаганду подробную и разностороннюю – значит провалить дело.

Совершенно неполезна и скорее даже вредна бывает пропаганда неумелая.

Так, например, вредна пропаганда юмористического характера. В период войны австрийские и германские журналы пестрели карикатурами и куплетами на неприятеля, что создавало неверное представление об этом неприятеле.

При первой же встрече с неприятелем германскому солдату приходилось резко менять мнение о его боеспособности и возмущаться против тех, кто вводил его в заблуждение.

Английская и американская военная пропаганда были психологически гораздо правильнее. Выставляя германца варваром, чуть ли не гуннского типа, английские и американские газеты подготовляли своих солдат заранее ко всем ужасам войны, а также развивали в нем чувство злобы к неприятелю и стремление как можно скорее сокрушить последнего.

Таким образом английский солдат никогда не чувствовал, что информация, получаемая им с родины, была неверна, тогда

как германский постоянно чувствовал себя обманутым.

Ошибочно было также признавать, что часть вины за Великую Войну лежала на самой Германии. Если это даже было и так, нужно было во что бы то ни стало свалить эту вину на неприятеля.

Нельзя никогда забывать, что массы наделены «женским характером».

Их действия в большинстве случаев происходят от чувств, а не от рассудка, и притом от чувств не сложных, а совершенно цельных. Чувства эти могут быть позитивны или негативны, как например, любовь или ненависть, но никогда не бывают смешанны.

Основываясь на этом, английская пропаганда была также вполне цельной, строясь на чистой правде или чистой лжи, но никогда не на смеси этих двух элементов.

8. Германская рабочая партия

Однажды я получил приказ из штаба ознакомиться с одним политическим обществом, которое называлось «Германской рабочей партией». В скором времени должно было состояться собрание этой партии, на котором должен был выступать Годфрид Федер.

Мне было поручено присутствовать на этом собрании и сделать о нем доклад.

Интерес, который высказывала армия к политическим партиям, был вполне понятен. Революция дала солдатам право участвовать в политике. И до тех пор, пока Центр и социал-демократы не убедились к великому своему огорчению, что симпатии солдат обращаются в сторону национального движения, они не видели причин отнимать у солдат это право.

Нечего и говорить, что я с огромным удовольствием отправился на этот митинг.

После длинной речи Федера я собрался было уйти, т.к. направление партии для меня было ясно, как вдруг было объявлено, что каждый желающий может выступить.

Тогда встал один профессор и начал доказывать, что новое движение посеет рознь между Баварией и Пруссией и приведет Баварию к слиянию с германской Австрией.

Тогда встал я, и так горячо ответил этому оратору, что он, как облитый водой пудель, выскочил из зала.

Неделю спустя, к великому моему изумлению, я получил карточку удостоверяющую мое вступление в состав «Германской рабочей партии» и приглашение на митинг, назначенный на

ближайшую среду.

Меня тогда очень поразил такой способ вербования членов и я не зиал злиться ли мне или смеяться. Я никогда не представлял себе, что могу войти в «готовую» партию.

Мне всегда казалось, что я должен создать таковую сам.

Наступила среда. Как мне сообщили, на митинге должен был присутствовать председатель всегерманской рабочей партии.

Председателем партии оказался тот самый господин, который открыл предыдущее собрание.

Мне сообщили все имена лидеров. Председателем всегерманской партии был Харер, а председателем мюнхенского отдела – Антон Дрекслер.

На этом собрании, где мне была предоставлена возможность говорить, я задал несколько вопросов. И я был сразу же подкуплен системой организации.

У партии не было никакой напечатанной программы, ничего печатного вообще, но все что говорилось, было проникнуто твердой верой.

Мне уже больше не хотелось улыбаться. Чувства этих людей передались мне.

Передо мной встал решительный вопрос – присоединяться к ним или нет.

Чем больше я думал над этим вопросом, тем больше приходил к заключению, что маленькая группа, еще не разросшаяся в настоящую организацию, вполне жизнеспособна и, пожалуй, может привести к национальному возрождению, на что, по-моему, были абсолютно неспособны большие партии.

Два дня спустя я принял окончательное решение войти в партию. Это решение сделалось поворотным пунктом в моей жизни.

Мне был выдан временный членский билет за номером 7.

9. Признаки распада

Теперь, когда мы далеко отошли от прошлого, небезынтересно вспомнить, как постепенно шла разрушительная работа внутри государственного организма, приведшая к развалу империи.

Многие германцы до сих пор ошибочно считают, что причиной падения империи явилось общее экономическое истощение.

Это мнение совершенно ошибочно...

Причины экономические всегда стоят на втором, а то и на третьем плане. На первом же плане стоит духовная мощь страны.

Точно также неверно объяснение развала потерей войны.

Особенно смехотворно это заявление в устах тех, которые заявляли, что потеря войны была наоборот выгодна для Германии, т.к. поставила конец милитаризму.

Потеря войны вовсе не явилась причиной развала страны. Она сама была следствием целого ряда причин, о которых мы сейчас не задумываемся.

Потеря войны не может разрушить нацию – если только война проиграна не из-за лености, трусости и эгоизма народа.

Проигрыш войны был для Германии не незаслуженной катастрофой, а заслуженным наказанием за целый ряд проступков против нашей родины.

Если бы разруха, которая началась в стране, имела причиной только проигранную войну, то германцы приняли бы ее совершенно иначе. Они бы смирились, подчинились обстоятельствам, а не сжали зубы и не стали бороться за свое будущее. Потеря войны была, конечно, только следствием ряда причин.

Сильное увеличение германского населения перед Великой Войной привело к проблеме, как прокормить излишек населения. Отказ от расширения территории привел страну к индустриализации. Это ослабило земледельческий класс. Население стало отливать в города, которые росли и, наконец, город задавил деревню.

Жестокий контраст между богатыми и бедными стал еще заметнее. Безработица и бедность озлобляли народ, на глазах у которого немногие счастливцы купались в роскоши. Деньги сделались кумиром, которому в жертву приносилось все. И народ начал постепенно разлагаться.

Тем временем промышленность Германии стала принимать интернациональный оттенок. Часть германских промышленников делали все возможное для того, чтобы спасти страну от нашествия иностранного капитала, но попытки их были тщетными – жадные дельцы делали свое дело.

Война против тяжелой промышленности в Германии была началом интернационализации промышленности, которая производилась при содействии марксистов, мечтавших завершить свою работу революцией.

В то время, как я пишу эти строки, на германские государственные железные дороги ведется наступление со стороны капиталистов-интернационалистов. Отнести этот факт можно только за счет успеха социал-демократов.

Лучшим доказательством успеха индустриализации Германии является заявление Гуго Штиннеса о том, что только

коммерция поставит страну снова на ноги.

Слова эти произвели сенсацию, были подхвачены и вскоре превращены в лозунг теми болтунами, которые под видом «государственных людей» взялись за судьбу Германии после революции.

Одной из причин начавшегося в Германии разложения была дурная система воспитания.

Германское воспитание до войны имело слишком много слабых сторон.

Оно было построено, главным образом, на начинении ребенка всякими знаниями без практического их применения. У нас почти ничего не делалось для сформирования характера ребенка. Ребенку не давалось возможности выявить свое «я» или взять на себя какую-нибудь ответственность. В результате получался не сильный человек, а несчастный заморыш, перегруженный знаниями. Отсюда репутация, которую приобрел немец за границей.

Немца любили потому, что он был полезен, но благодаря его слабости, его не уважали.

Второй недостаток воспитательной системы было безграничное преклонение перед волей монарха. Эта рабская подчиненность должна была конечно привести в один прекрасный день к падению монархии.

Идея монархизма вполне выявляется только тогда, когда Провидению бывает угодно возложить корону на голову такого блестящего героя как Фридрих Великий или мудрого государственного деятеля как Вильгельм I.

Но такие монархи появляются раз в несколько столетий.

Не располагающий исключительными государственными и личными качествами монарх должен входить в состав государственной машины и служить ей также, как и другие.

Много вреда причинила Германии неправильная организация прессы и отношение к ней.

В журнальных кругах прессу часто называют Великой Державой. Значение прессы действительно велико, но оно не должно переоцениваться.

Государство должно следить за тем, чтобы идея и процесс народного просвещения никогда не принимали ложного направления и ввиду этого все время держать в фокусе своего зрения прессу.

Государство должно поставить дело так, чтобы пресса была абсолютной слугой государства и нации.

Так называемая либеральная пресса довоенного периода копала могилу германской нации и германскому государству. О

марксистских газетах нечего и говорить: им ложь присуща также, как кошке ее мяуканье.

Что же делало государство для спасения народа от отравления. Ничего, абсолютно ничего, если не считать изредка слабых предупреждений или грошовых штрафов.

Мало осведомленный поверхностным читатель приходит в восторг от «Франкфутер Цайтунга».

Эта газета никогда не употребляет резких выражений, осуждает грубую силу.

Она является образцом так называемой «интеллигентской прессы». В том же духе работает и «Берлинер Тагеблатт». Но избегая грубостей языка, эти газеты отравляют умы и сердца читателей, убаюкивая их сознание и снабжают ложными сведениями. В этих газетах работают евреи.

Полумеры были всегда признаком приближающегося разложения государственности, за которым следовала катастрофа.

Я считаю, что наше поколение будет спасено от такой опасности. Оно имело уже опыт, который закалил его нервы.

Конечно, в один прекрасный день евреи громко завопят, когда их газеты будут «прибраны к рукам», но это не важно. 30-сантиметровая граната шипит громче, чем тысяча еврейских газетных змей, а потому пускай они шипят.

Но вернемся к вопросу воспитания юношества.

Воспитание ребенка должно быть построено так, чтобы все свободные часы были употреблены на развитие тела.

Вместо того, чтобы бродить по улицам или кинематографам, мальчик должен закаливать свое тело. Никто не имеет права распоряжаться своим телом во вред ему, – оно принадлежит расе.

Закаливание тела должно производиться параллельно с закаливанием духа.

Нужно отметить, что современные кинотеатры и т.п. учреждения предоставляют молодому поколению далеко не полезные, а абсолютно вредные развлечения.

По мере того, как расшатывались общие устои, отмечалось в Германии и сильное падение искусства.

Я представляю себе, как вознегодовали бы Шиллер и Гете, если бы увидели на дверях «Паноптикума» бесстыдную надпись – «Только для взрослых».

Но конечно голоса Шиллера и Гете никто бы не услышал, т.к. они были бы заглушены голосами новых германских «поэтов».

Перед Великой Войной Германия продемонстрировала в области культуры и искусства полнейшую творческую импотенцию.

Такое же положение увидим мы и в области религии,

Вера в массах народа пошатнулась. Большинство относилось к религиозным обязанностям поверхностно. В то время, как в Азии и Африке миссионеры набирали новых адептов – в Европе церковь все больше и больше оскудевала верующими.

В области политики как внешней, так и внутренней шли неурядицы, которые также вели страну к гибели. Политика империи в отношении других держав была вся соткана из полумер. С одной стороны правительство желало мира, а с другой оно не могло остановить течения в направлении войны.

Польская политика была также половинчатой. Она не разрешала польской проблемы в корне и только раздражала поляков.

В результате германцы не побеждали, а поляки не подчинялись.

Вопрос с Эльзасом и Лотарингией также не был разрешен.

Вместо того, чтобы разбить наголову французскую гидру, предоставив эльзасцам равные права с остальными германцами – принимались опять-таки полумеры.

Предатели типа Веттерле занимали места в рядах крупных партий как например центовики.

Армии внушались преданность отечеству и самопожертвование, в то время когда страну охватывала жадность к наживе и грубые личные просчеты.

Такова была школа, которую проходила Германия перед войной.

10. Нация и раса

История дает нам множество примеров, показывающих со страшной ясностью какие губительные результаты дает смесь арийской крови с низшими расами. Северная Америка, население которой состоит, главным образом, из германского элемента, мало смешанного с цветными расами, резко отличается по своему культурному развитию от Центральной и Южной Америки, аборигены которых главным образом, романского происхождения, сильно перемешались с туземцами.

В результате получилось то, что человек германской расы, сохранивший чистоту своей крови, сделался подлинным господином Америки и останется им до тех пор, пока будет продолжать охранять эту кровь.

Идея пацифизма быть может не так плоха, если она проводится завоевателями. Иными словами: сначала борьба, а затем пацифизм.

Ведь все, что есть прекрасного на земле – науки, искусства, техника – все это является продуктом творчества ограниченного числа народов, принадлежащих по происхождению к одной расе. Поэтому существование культуры зависит от существования и преуспеяния этой расы. Если эта раса погибнет – с ней уйдет в могилу и все прекрасное, что ею было создано.

Если мы разделим человеческий род на три категории – основателей, хранителей и разрушителей, то арианскую расу нам придется отнести к первой категории.

Завоеватели – арийцы иногда часто грешат против принципа чистоты крови и за это жестоко платятся. За грех, совершенный в раю, они подвергаются изгнанию из рая.

Для развития высшей культуры было необходимо, чтобы существовали народы низшего порядка.

Так, успех и работа людей часто зависят от числа имеющихся в их распоряжении домашних животных.

Подобных примеров мы найдем в истории бесконечное количество. Достаточно вспомнить хотя бы, что прежде чем лошадь была впряжена в плуг, этот плуг тащил на себе раб.

Прогресс человечества напоминает собой нечто вроде лестницы. Нельзя добраться до высших ступеней прежде чем не пройдены низшие. Арийская раса была первой, добравшейся до вершины этой лестницы. Поэтому-то каждый ариец и обязан защищать чистоту своей крови. Нельзя никогда забывать, что не войны разрушают страны, а потеря силы сопротивляемости, разрушающая волю.

На германском языке есть одно слово – «Пфлихтерфуллунг», которое можно перевести только приблизительно, как «готовность служить долгу».

В основе этого термина лежит не эгоизм, а идеализм. Это слово можно перевести также как способность на самопожертвование для блага своих братьев по крови.

Полной неожиданностью арийцу является еврей.

Трудно найти в мире какую-либо расу, у которой инстинкт самосохранения был бы развит столь сильно сколько у этого «избранного» народа.

Лучшим доказательством к этому служит то, что эта раса продолжает существовать.

Можно ли найти в мире другой народ, который на протяжении двух тысяч лет так мало утратил бы свои наиболее характерные черты?

Если сейчас мы считаем еврея лукавым, то таким он был и во все другие времена.

Это его внутреннее качество.

Что же касается его интеллектуальных качеств, то они развивались благодаря сближению с другими цивилизациями, т.к. евреи никогда не имели собственной культуры.

Как известно арийцы были первоначально кочевниками и стали оседлыми только с течением времени. Одно это уже показывает, что они никогда не имели ничего общего с евреями.

Что касается еврея, то он никогда не был кочевником. Он, наоборот, был всегда паразитом на теле других народов.

Для того, чтобы ему было удобнее жить паразитом на других нациях, еврей должен отрицать свою внутреннюю природу. Чем умнее и интеллигентнее еврей, тем легче ему это удается.

Благодаря этому многие верят в то, что еврей может быть и французом, и немцем, и германцем, и итальянцем, только отличным от них всех по вере.

Сейчас во всем мире наблюдается социальная ломка.

Мелкая промышленность отмирает, открывая путь крупной, и вместе с этим возрастает значение рабочего класса.

Расчет евреев в данном случае таков:

Еврей обращается к рабочим, притворяется сочувствующим им, возмущается их бедностью и, таким образом, завоевывает их доверие.

Он поднимает вопрос о социальной справедливости и подстрекает рабочих на борьбу с существующим порядком. Иными словами он проповедует марксизм. Работа еврея в мировом масштабе разделяется на две фазы, фактически очень тесно связанные между собой. Это общеполитическое движение и рабочее движение.

Через посредство рабочих союзов еврей подводит мину под экономическое основание всех стран.

Что касается общеполитической работы еврея, то она заключается в насильственном втягивании недовольных элементов в государственный механизм. При этом евреи широко пользуются своим главным оружием – общими забастовкам. Еврейская пресса при этом оказывается, конечно, к услугам таких политиков.

Благодаря общему невежеству масс и недостатку инстинкта самосохранения, широкие классы легко попадаются в сети, расставленные евреями.

11. Зарождение Национал-социалистической партии

Молодое движение, имеющее целью восстановление германского государства с независимым правительством должно иметь поддержку народных масс.

Наша буржуазия так безнадежна, так бедна национальными чувствами, что конечно с ее стороны можно ожидать оппозиции истинно-национальному делу.

Но оппозиция эта может быть только пассивной, как и во дни Бисмарка.

С 1919 года стало уже ясно, что новое движение должно опереться на массы.

Национализация масс никогда не может быть половинчатой, она должна быть определенной и фанатической.

Нужно всегда помнить, что массы состоят не из дипломатов и профессоров: человек, который желает руководить массами, должен прежде всего иметь ключ к их сердцам.

Главная масса, которую должно было завоевать молодое движение – масса рабочих. Рабочие должны были быть выведены из состояния бедности, в котором они находились, освобождены от ереси интернационализма, подняты на более высокий культурный уровень, сплочены в одно твердое и ценное целое и исполнены национального чувства.

Достигнуть всего этого можно было отчасти при помощи пропаганды. Особенно хороши в таких случаях митинги, причем нужно помнить, что более всего успеха имеет тот оратор, который делает расчет не на умнейшего, а на непосредственного слушателя.

Будущие движения зависят от фанатизма, от нетерпимости, с которой каждый его защитник будет отстаивать свое дело.

Защитники движения не должны бояться ненависти врагов нашей нации; наоборот, они должны искать этой ненависти.

Человек, на которого не нападают в еврейской прессе, не настоящий германец и не настоящий национал-социалист. Лучшая рекомендация для каждого нашего соратника – это ненависть к нему со стороны его противников.

Наше движение началось в Мюнхене. В первое время нас было очень мало и нас никто не знал. Постепенно мы стали однако расширять этот ограниченный круг.

Приглашения на наши собрания мы писали от руки или на машине, т.к. не имели возможности печатать их типографским способом. Помню однажды я лично доставил 80 таких приглашений. Мы ожидали тогда, что публики на это собрание соберется Бог знает сколько, увы – мы прождали целый час и начали собрание с семью членами организаторами.

На следующий раз мы по подписке собрали между собой небольшую сумму денег и дали объявление в независимой газете «Мюнхенер Беобахатер». На этот раз успех наш был огромен.

В комнате, специально нанятой для собрания, сошлось, как

сейчас помню, 111 человек.

Первая речь была произнесена мюнхенским профессором; я выступил вторым. Я говорил полчаса и тут только инстинктивно понял, что умею говорить. По окончании моей речи слушатели были настолько наэлектризованы, что немедленно собрали между собой 300 марок, чтобы заплатить за помещение, сняв с нас, таким образом, большую тяжесть.

Председатель нашей партии был тогда Харрер, опытный журналист, но совершенно бездарный оратор.

Вице-председатель Дрекслер был простым рабочим, не умевшим связать пару слов. Кроме того, он никогда не был солдатом и потому страдал нерешительностью. Таким образом, я, в то время простой солдат, сделался постоянным оратором. Марксисты ненавидели нас уже тогда. Самое наше название «Германская рабочая партия» возмущали их, как интернационалистов.

В начале 1920 года я настоял на созыве большого первого массового митинга. Харрер не соглашался со мной заявляя, что для такого митинга время еще не настало, и подал в отставку. Место Харрера занял Дрекслер, а я взял на себя пропагандную сторону движения, которое с тех пор стало неуклонно развиваться.

24 февраля 1920 года состоялся наш первый массовый митинг. Для того, чтобы наш флаг больше бил в глаза, мы остановились на красном цвете.

Митинг был назначен на 7:30 вечера.

Когда в 7:15 я вошел в зал, мое сердце забилось от радости – публики было столько, что буквально яблоку негде было упасть.

Я выступил вторым оратором. В начале меня несколько раз прервали мои противники и моим товарищам с трудом удалось восстановить порядок.

Спустя полчаса, когда я объяснил все 25 пунктов нашей программы, зал гремел аплодисментами.

Передо мною была толпа, обращенная в новую политическую веру.

Часть 2

1. О марксизме, расе и государстве

Совершенно бесспорно, что новое движение не могло иметь какой-либо надежды на развитие и успех, если бы в сердцах его последователей с самого начала не было укреплено твердое убеждение, что это движение не является «предвыборной приманкой», а представляет собой совершенно новое учение.

Давно известно, что как только кончается предвыборная горячка, начинается рутина. Парламентарий, избранный на срок в пять лет, отправляется в парламент как в контору. Часто он только расписывается в членской книге и возвращается домой.

При таком отношении парламентариев к работе неудивительно, что у парламента нет достаточно сил для того, чтобы бороться с марксизмом.

Поэтому создается такое положение – с одной стороны слабая, безвольная, парламентская масса, а с другой – тысячи прекрасно вооруженных знанием и техникой борьбы преступников, которые отбрасывают слабых и застенчивых со своего пути, как ненужный балласт.

Мировые идеалы, как бы они ни были прекрасны и возвышенны, никогда не могут быть применимыми в жизни человечества, если они не базированы на принципе борьбы за прочную государственность.

К числу таких нежизненных теорий принадлежит теория интернационального марксизма, выдвинутая евреем Карлом Марксом.

Нечего и говорить о том, что Карл Маркс оказался дальновидным, как может быть дальновиден лишь пророк, сделав ставку на слабость и развращенность лиц, стоявших у власти. Его расчет был правилен до малейших деталей. Что же касается его цели, то таковой конечно был лишь торжеством его расы:

В моей работе я базировался совершенно на обратном.

Взяв из бесформенной массы идей об универсальном благе несколько самых главных, я перековал их в сжатую, почти догматическую форму.

Так создалась доктрина Национал-социалистической германской рабочей партии.

В германском народе можно резко различить три группы.

Первая – это та, которая представляет собою людей охотно подчиняющихся правительству. Для них государство есть нечто

неприкосновенное, а потому они часто бывают совершенно по-собачьи преданы властям.

Вторая группа считает, что народ не должен служить государству, становясь при этом на ту же точку зрения, что государство должно служить народу.

Эти люди нередко высказывают критические взгляды по-адресу правительства. Это нормальные германские буржуа, а также так называемые либеральные демократы.

Третья группа – это люди смотрящие на государство, как на экипаж, в котором они могут ехать куда захотят к своим собственным, зачастую совершенно туманным целям.

В период до Великой Войны эти люди совершенно безответственно жонглировали идеей германизма считая, что германца можно сделать из кого угодно: из китайца, из негра, если он только изучит немецкий язык и выразит согласие голосовать за какую-либо политическую партию.

Такой процесс, если бы он имел успех, привел бы не к торжеству германской расы, а наоборот, к ее упадку и вырождению.

Мы должны заботиться не о германизации других народов, а о германизации наших земель, памятуя, что чужая кровь может оказать только дурное влияние на нашу расу.

Что касается государственного аппарата, то мы должны относиться к нему, не как к цели, а как к способу.

Государство есть базис, на котором должна стоять культура нации, а вовсе не источник культуры, как предполагается некоторыми.

В мире может быть сотня образцовых государств, но если заглохнет источник арийской культуры, то самые передовые нации падут вниз.

Отсюда вывод – нужно заботиться не о благе государства, а о качестве расы.

Главной задачей национального государства должно быть собрание и охранение древнейших расовых элементов, которые составляют красоту и гордость высшей породы человечества.

Так целью германского государства является собрать всех германцев в своих пределах, отобрать из них лучшие расовые элементы и сохранить их чистыми от примеси чужих кровей для того, чтобы они могли со временем занять подобающее им доминирующее положение.

Нет никакого сомнения в том, что чиновники, управляющие в настоящий момент нашим государством, прекрасно себя чувствуют предоставляя все «самотеку».

Необходимость борьбы за новый порядок не привела бы их в

восторг. Ведь гораздо легче смотреть на государство, как на автоматическую машину, которая тебя кормит, чем играть какую-то активную роль в работе этой машины.

Немудрено поэтому, что когда нам бывают нужны люди для проведения нашей работы, мы должны их долго искать. Большей частью к нам примыкает молодежь и только в редких случаях мы находим последователей среди людей старого поколения, пожилых годами, но юных и горячих душами.

2. Государство и народ

Первой обязанностью всякого государства является создание такого положения, при котором граждане не могли бы вступать в позорящие их страну браки.

В государстве, заботящемся о чистоте крови своего народа, не должно разрешаться вступать в брак слабоумным, сифилитикам, туберкулезным и т.д.

Все вступающие в брак должны прежде всего помнить, что цель брака – дети, но только здоровые дети.

На детей страна должна смотреть, как на самое ценное
свое достояние.

Государство должно также заботиться о предоставлении крепким и здоровым женщинам рожать как можно больше детей для того, чтобы благословение Божие не обращалось для них в проклятие из-за недостатка средств.

Что касается людей, любящих детей, но не имеющих возможности родить здоровое потомство, то для таких самое лучшее брать приемных детей, которых они могли бы воспитать достойными гражданами государства.

Государство обязано помнить и о необходимости улучшения физической природы своих граждан.

Воспитание детей должно быть построено так, чтобы культуре их тела уделялось не меньшее внимание, чем культуре духа. Школы националистического государства должны взять на себя обязанность следить за этим.

Каждый мальчик должен уделять в день хотя бы час физическим упражнениям, а также принимать участие в гимнастических играх.

Чрезвычайно важно, чтобы при этом мальчику не вкладывалось в голову вздорных идей. Так, по мнению некоторых, фехтование спорт красивый, а бокс – уродливый.

Такой взгляд совершенно абсурден. Всякий спорт одинаково красив и полезен, а спорт, который учит человека самозащите и подавно полезен. Что же касается применимости фехтования или

бокса для разрешения вопросов чести, то пусть уж лучше молодые люди разрешают такие вопросы кулаками, чем шпагой.

Если бы в Германии в свое время бокс занимал соответствующее ему положение, в Германии не было бы столько непригодных к жизни людей.

Трагедия Германии была в том, что она имела чиновников, инженеров, химиков, юристов, литераторов, профессоров, но очень мало мужчин в полном смысле этого слова.

Насколько высоко стояла наша страна в интеллектуальном отношении, настолько же низко стояла она в отношении культуры тела.

Германская нация, находящаяся сейчас в положении «падшей», которую может толкнуть каждый, должна сейчас напрячь все силы для того, чтобы вернуть веру в себя.

Эта вера ,в силу своего народа должна культивироваться в каждом ребенке с самого раннего детства.

Все воспитание ребенка должно быть направлено к тому, чтобы убедить его, что его народ выше всех других. При таком физическом и духовном воспитании будет со временем достигнута непобедимость страны.

Мы должны всегда помнить одно.

Насколько сильно было крушение нашей нации, настолько же силен должен быть и подъем. Но этого подъема можно достигнуть лишь при максимальном напряжении нашей воли и безграничной преданности родине.

Государство должно со своей стороны делать все для того, чтобы содействовать соответствующему воспитанию молодежи. Нельзя думать, что с окончанием школы молодой человек уже подготовлен для служения своей родине. Именно в этот-то момент и начинается для него самая настоящая пора работы над собой. Он должен начать учиться маршировать и обращаться с оружием, для того чтобы, когда родина призовет его, он был уже настоящим солдатом.

Когда окончится срок военной подготовки, молодой человек должен иметь при себе два документа: паспорт, который дает ему право принимать участие в строительстве его страны и удостоверение о здоровье, разрешающее ему вступить в брак.

Что касается воспитания девушек, то здесь главное внимание воспитателя должно быть обращено на физическое развитие и характер: что касается интеллектуального развития, то оно для женщины стоит на последнем плане.

Главная идея воспитания девушки – это создание будущей матери.

Чисто научная программа воспитания молодежи должна быть

сокращена. Прежде всего мозги молодежи не должны переобременяться знаниями, которые очень скоро забываются.

Средняя школа должна давать своим питомцам только те знания, которые могут быть им полезны по выходу в жизнь.

Особенное внимание должно быть обращено на курс истории. В 99-ти случаях из 100 школ, молодой человек по окончании школы помнит несколько имен, дат и эпизодов. Главные же факты, которые он должен знать и помнить твердо, часто им совершенно не уяснены.

Целью изучения истории является не ознакомление ученика с прошлым, а приобретение опыта на будущее время. Поэтому большое внимание должно быть уделено истории Рима, которая дает огромный опыт.

Что же касается наук совершенно социального характера, то они должны быть совершенно исключены из программы средней школы.

С точки зрения общенациональной, курс образования молодого германца должен заканчиваться военной школой.

Государство однако при этом не должно забывать об особенно талантливых молодых людях и давать им возможность специализироваться дальше в той области, к которой их больше всего влечет.

Двери высшей школы должны быть открыты для всех, достойных ее, независимо от социального происхождения.

3. О «гражданах» и «подданных»

Учреждение, которое сейчас ошибочно называется «государством», имеет в себе два сорта людей – своих граждан и иностранцев.

Граждане – это те, кто путем рождения или натурализации пользуются всеми правами гражданства страны. Иностранцы – это те, кто пользуются такими же правами в других странах.

В настоящее время право гражданства приобретается путем рождения в пределах данного государства. Так, ребенок негра, родившийся в Германии, становится автоматически германским гражданином. Таким образом, стать гражданином чужой страны оказывается ничуть не труднее, чем войти в члены какого-нибудь клуба.

Я знаю, что многим то, о чем я говорю, очень неприятно.

Но тем не менее, я не могу не задумываться над глупостью современных законов о натурализации.

Впрочем есть на свете одна страна, где принимаются уже меры к охране чистоты крови. Я говорю в данном случае не о

германской республике, а о Соединенных Штатах. Америка уже отказывает в разрешении на иммиграцию элементам, которые могут быть опасны для здоровья коренного населения, а также абсолютно запрещает натурализацию представителей целого ряда рас.

Наше национальное государство разделяет свое население на три класса – граждане, подданные и иностранцы. В принципе натурализация или рождение в пределах государства не дает подданному равных прав с гражданином. Так, пользуясь покровительством законов данной страны, он в то же время не имеет права участвовать в выборах или служить на государственной службе.

В то же время подданный пользуется свободой отказа от своего подданства и может в любое время принять гражданство страны, с которой он связан кровными узами.

Что касается иностранца, проживающего в пределах данного государства, то его статус фактически тот же, что и у подданного, но лишь на тот период времени, пока он не выедет за границу.

Молодой германский подданный должен проходить тот же курс обучения, что и гражданин. По окончании средней школы, он должен также проходить курс военного обучения, которое обязательно для всех, и отбыть ценз в армии. По окончании срока военной службы, он, при условии безупречной аттестации, может получить права гражданина.

Каждый, приобретающий права германского гражданина, должен помнить о том, что эта высокая честь и что лучше быть в Германии подметальщиком улиц, чем королем в другом государстве.

Германская девушка является только подданной, но с выходом замуж, она приобретает права гражданки.

4. Начало борьбы

Нельзя рассматривать человека с точки зрения его расового происхождения и в то же время принимать марксистскую аксиому: «все люди равны».

Каждый, кто верит в национал-социалистическое государство, должен отличать его от других стран.

Другие государства могут строить свою жизнь на базе чисто экономической, но национал-социалистическое государство не может, так как его цель заключается не во временном благополучии народа, а в вечном существовании нации.

Никакая организация не может быть сильной, если она не использует всех творческих сил своих членов.

Лучшая форма государства это такая, при которой используются все лучшие силы нации как физические, так и духовные.

Ответственные решения в таком государстве должны приниматься не большинством голосов, а ответственной группой лиц, причем окончательное решение должно в конце-концов выноситься одним человеком.

Ни Палата, ни Сенат никогда не должны-принимать никаких решений. Их обязанность – не решать, а работать. В лучшем случае они могут советовать.

История показывает нам, что парламентская система в жизни народов играла сравнительно небольшую роль.

Эта система выходила на арену истории обычно тогда, когда принималась обычно какой-либо страной в том случае, если эта страна начинала деградировать.

Национал-социалистическое государство должно быть построено на принципе единовластия.

Кроме того, оно должно быть национальным по своему составу.

В противовес социал-демократической организации, при которой вождями были бы евреи, а рядовыми членами германцы, в нацистском государстве все ответственные посты могут быть заняты только германцами.

Нужно отметить, что католическая церковь дает нам весьма ценные примеры организации. Эта церковь обладает удивительно стройным механизмом, благодаря которому она и является одной из сильнейших организаций мира.

Главная сила каждой организации – это внутренняя убежденность ее членов в ее правоте и непобедимости. Только при таком положении партия может действительно быть непобедимой.

Этим внутренним убеждением была пропитана наша маленькая горсточка, начавшая свое дело по восстановлению германской нации. Как сейчас помню, 24 февраля 1920 года состоялся наш первый большой митинг в Мюнхене. После того, как он прошел, мы сейчас же взялись за подготовку второго митинга.

До 24 февраля мы мечтали устраивать такие митинги хотя бы раз в месяц, но после того, как мы увидели успех, мы решили устраивать их регулярно каждую неделю.

Каждый из наших митингов проходил все с большим и большим успехом. В зале становилось все теснее.

Почти все митинги начинались с рассмотрения только что отшумевшей войны и Версальского договора.

Речи говорились самые резкие – ораторы не стеснялись в выражениях и это способствовало поднятию настроения.

В те дни вообще нельзя было представить себе пролетарского митинга, на котором не обсуждались бы условия мира.

Но нередко мы нарывались на «мирные элементы», которые в ответ на речи о позоре Версаля кричали:

– А Брест-Литовск?

Марксистский яд слишком глубоко проник в толщу населения и иногда нашим ораторам казалось, что они никогда не продолбят этой живой человеческой стены.

Прислушиваясь к другим ораторам, я вскоре понял их ошибку.

Нужно было говорить так, чтобы каждое слово шло непосредственно к сердцу слушателя и затем уже проникало в его мозг.

Я горжусь теперь этим изобретенным мной способом. Два года спустя меня считали уже мастером ораторского исскуства.

Где бы я ни выступал, я всегда умел построить свою речь так, что она воспринималась именно, как должно было быть.

Одной из моих самых удачных речей была речь «О Версале и Брест-Литовске». После этой речи я понял, что аудитория, которая столь горячо защищала брест-литовский мир, никакого понятия о нем не имела.

Мне пришлось вынести однако немало трудностей в борьбе с марксистским влиянием.

Марксистская пропаганда проводилась в стране главным образом через посредство еврейской интеллигенции.

Марксистская пресса была прекрасно организована, в ней печатались огненные статьи, производившие впечатление на умы. Что касается нашей буржуазной прессы, то, увы, она была очень вялой, и нашему молодому движению рассчитывать на ее поддержку не приходилось.

Если мы сумели выйти в конце-концов победителями, то только потому, что в те трудные дни мы напрягали всю нашу волю, все наши силы в борьбе с врагами нации.

5. Борьба с красными

С 1919 по 1921 год я неоднократно посещал буржуазные митинги. Из этих посещений я вынес заключение о том, что буржуазные ораторы придавали ценности сказанного слова очень мало значения.

Я присутствовал на митингах демократов, германских

националистов, германской народной партии и баварской народной партии (баварские центровики).

Главное, что поражало меня на этих митингах, было полное отсутствие единодушия у присутствующих.

Никакой дисциплины не наблюдалось, присутствующие не стеснялись держать себя так, как им хотелось и председатели надрывали глотки для того, чтобы создать хоть какое-то подобие порядка.

Ораторы напоминали больше декламаторов, но публика обращала на них очень мало внимания, позволяя себе зевать во все горло и вставлять комические реплики.

Когда же по окончании митинга председатель предлагал присутствующим исполнить национальный гимн, публика бросалась к выходу.

Национал-социалистические митинги не были похожи на эти. Они проходили в полном порядке, несмотря на то, что на них действительно бушевали страсти.

На этих митингах председатель был полновластным хозяином, которого аудитория слушалась беспрекословно.

Иногда к нам врывались красные агитаторы.

Они грозили нам расправой и только твердая власть председателя удерживала присутствующих от того, чтобы они сами не расправились раньше с непрошенными гостями.

Наши собрания проходили под красным флагом, так как мы были революционерами.

Красный цвет мы избрали и для плакатов и афиш. Это дико раздражало левых, но в то же время привлекало их на наши митинги.

В заключение получалось совершенно обратное тому, к чему они стремились. Вместо того, чтобы срывать наши митинги, они начинали прислушиваться к тому, что у нас говорилось.

На наши митинги публика собиралась за три четверти часа до начала и постепенно они становились все популярнее. Так, многие бывшие враги обращались в друзей.

Нужно принять во внимание, что нашим митингам, как и всему нашему движению никто не покровительствовал. Защита нашей работы лежала на нас самих, – так как мы не могли рассчитывать даже на полицию.

Но у нас была решительная группа, сначала очень маленькая, затем уже достаточно сильная – человек около восьмидесяти, которые готовы были по приказу председателя пойти на любой риск и, если нужно, сложить головы за дело партии.

Нечего и говорить, что революция в нашей стране произошла только потому, что у власти стояла вялая буржуазия.

Настроение в нашей партии становилось все горячее.

По мере того, как росли эти настроения, у нашей молодежи отращивались также когти и зубы. Они без всякого труда воспринимали теорию необходимости борьбы, прекрасно понимая, что под покровительством тихой богини мира нельзя достичь ничего.

К 1920 году наша группа стала уже на прочное основание, а к весне 1921 года была разделена на целый ряд ячеек. Это было необходимо, так как сфера нашей работы стала расширяться.

Первоначально наша организация не имела никакой эмблемы. Позднее это стало необходимо, поскольку мне приходилось наблюдать, как флаги, так эмблемы и значки имеют на толпу какое-то странное психологическое действие. Поэтому и нашей группе нужно было иметь какую-то собственную эмблему.

Наша буржуазия, представлявшая собой остатки старой империи, присвоила себе и старый императорский бело-красно-черный флаг.

Мы националисты, поставившие себе задачей возрождение нашей родины революционным путем, не могли взять этого флага, так как он ассоциировал бы нас с бездейственными, пассивными элементами страны.

Мне самому это было не слишком приятно – я был очень привязан к старому имперскому флагу. Но в конце-концов я пришел также к заключению, что нужно придумать нечто новое.

Для нового флага мы избрали красный революционный цвет, с белым диском посредине, в центре которого был помешен черный знак свастики. Таким образом, были скомбинированы три цвета старой Германии.

Такие же самые значки были изготовлены для ношения на рукаве.

Новый флаг впервые был выкинут летом 1920 года.

Два года спустя у нас уже был и штандарт.

Январь 1921 года был для Германии тревожным.

Парижское соглашение, по которому Германия должна была уплатить союзникам абсурдную сумму в 226 биллионов золотых марок, было утверждено Лондоном и предъявлено нам в ультимативной форме.

Дни шли за днями и ни одна из больших партий не заботилась о том, куда идет страна.

Нас, националистов, это однако не могло не заботить.

Нам нужно было организовать массовый митинг, на котором были бы поставлены на обсуждение вопросы, являвшиеся для нашей страны вопросами жизни и смерти.

Я стал настаивать на скорейшем созыве такого митинга, но

почему-то вопрос с ним затягивался. Во вторник 1 февраля я потребовал от партии решительного ответа – когда будет созван митинг. Мне сказали, что ответ будет дан в среду. В среду я повторил свой вопрос и мне ответили уклончиво: оказалось, что нужно было выждать, пока все это не будет решено советом партии.

Тут я потерял терпение и решил организовать демонстрацию протеста на собственный риск.

В полдень я составил текст афиш и снял цирк Крона на четверг 3 февраля.

В те дни это было большим риском. Я не мог иметь никакой уверенности в том, что такой огромный зал будет полон. Кроме того, митинг мог оказаться просто сорванным.

В моем распоряжении был только один день для расклейки афиш. Как назло, к тому же пошел дождь и можно было рассчитывать, что публика на митинг не соберется.

В четверг я достал два грузовика. Грузовики были задрапированы красным и на них поставлены красные флаги. В каждый из грузовиков разместилось по 20 человек наиболее энергичных членов партии, которым был дан приказ объехать весь город и разбросать летучки о том, что вечером будет созван митинг.

Это был первый случай, когда по городу проехались грузовики с агитаторами – не коммунистами.

Не без волнения вошел я вечером в цирк. Какова же была моя радость, когда я увидел, что он был полон. Публики собралось несколько тысяч человек.

Темой моего доклада было «Будущее Рейна».

Я говорил около двух с половиной часов. Нечто подсознательное указало мне, что я сразу же овладел вниманием аудитории и это придало мне смелости.

На следующий день буржуазные газеты поместили отчет об этом митинге. Они назвали его «чисто национальным», но вероятно «из скромности» не указали кто его организовал.

С этого времени наши митинги в Мюнхене стали посещаться очень широко. Мы стали устраивать их раз в неделю, а иногда и два раза.

Постоянным местом этих митингов был Цирк Крона.

Нашим противникам этот успех вовсе не улыбался, и они решили вставить нам палки в колеса.

4 ноября 1921 года мы должны были устроить митинг в Гофбрейхаусзале. На нем должен был выступить и я.

Около шести часов вечера я получил уведомление о том, что наши недруги намерены сорвать митинг.

К несчастью мы узнали об этом слишком поздно.

Когда я вошел в зал, то моим глазам представилась такая картина. Зал был переполнен и полиция больше никого не впускала. Оказалось, что наши враги заранее заполнили зал, а наши последователи оказались за дверьми.

Но это не испугало меня. Я подошел к нескольким юношам и отдал им категорический приказ:

Стоять у дверей и наблюдать. Как только в зале начнется волнение, ворваться и восстановить порядок.

Каждый из этих молодых людей знал, что приказ был нешуточным – в случае неповиновения с виновного сорвали бы значок.

Меня выслушали не моргнув глазом, а затем прокричали «ура». Имея за дверью такую резервную силу, я вошел в зал. Взгляды, с которыми я встретился, были далеко не приветливы. На некоторых лицах я читал самую открытую, непримиримую ненависть.

Тем не менее митинг нужно было начинать.

Я вышел на трибуну и начал говорить.

В самом разгаре моей речи из толпы раздались крики «Свобода» и присутствующие стали вскакивать с мест.

Через минуту в зале начался беспорядок, стали ломать стулья, в воздухе засвистели чернильницы, пепельницы и т.п.

Но это продолжалось недолго.

Мои молодые львята ворвались в зал и через пять минут из носов, голов и глаз непрошенных гостей полилась кровь. Особенно хорошо работал Морис Гесс, мой личный секретарь, которому однако тоже досталось в свалке.

В углу зала столпилась небольшая группа людей, которые жестоко отбивались от моей молодежи.

Неожиданно раздалось два револьверных выстрела.

С чьей стороны они раздались, так никогда и не было выяснено, но во всяком случае они еще больше разгорячили драку. Наши юноши взялись колотить противников с еще большим рвением и вскоре зал был очищен.

Через двадцать пять минут зал был уже всецело в нашем распоряжении. Тогда на трибуну вышел председатель Герман Эссен, который заявил:

– Митинг будет продолжаться!

После этого я снова занял свое место и продолжал прерванную речь.

Когда митинг был уже закончен, в зал ворвались полисмены, которые потрясая оружием объявили нам, что митинг закрывается. Я мог только от души посмеяться, что власть

запоздала вмешаться.

В тот вечер мы многому научились сами и дали хороший урок противнику.

6. Вождь и движение

Обычно обыватель радуется, когда узнает о том, что несколько рабочих групп сплотилось в один большой союз. С обывательской точки зрения слабые группировки могут приобрести силу путем объединения в большую организацию. Такое мнение однако совершенно неверно.

Из слабых элементов никогда не будет создано ничего сильного. Только тогда союз может быть прочен, если в него влились элементы сильные и волевые!

Кроме того, твердая организация может быть создана только тогда, когда инициатива исходит от одного человека, который имеет перед собой одну определенную задачу. Этот человек набрасывает план работы и создает движение. Вокруг него объединяются сочувствующие ему элементы и таким образом сформировывается прочное ядро.

Такое движение является жизнеспособным и может рассчитывать не только на существование, но и на доминирующую роль в своей стране.

Необходимо при этом, чтобы каждый последовавший за движением, сливался с ним всецело, чувствовал себя атомом в одном общем организме.

В случае неудачи судьба такого движения бывает трагична.

Но судьба движения, основанного не на таком принципе, а принципе просто классовой общности, всегда бывает только жалка.

Иными словами, не объединение создает одну волю, а одна воля создает объединение!

Точно также в борьбе побеждает та сторона, которая руководствуется одной определенной идеей.

Так, создание Великой Германской Империи произошло не благодаря ряду благоприятных обстоятельств, а благодаря тому, что Пруссия имела перед собой определенную задачу.

Точно также теперь в Германии победила партия наци, объединенная одной великой идеей, в то время, как другие партии руководствовались соображениями более мелкого характера.

Итак, нужно всегда помнить, что никакое большое достижение не было достоянием коалиции. Оно было всегда фактически триумфом одного человека.

Даже в том случае, когда коалиция достигла успеха, в этом успехе «рылись уже зародыши будущего разъединения на почве взаимной зависти, ревности и т.п.

Что касается национального государства, то оно никогда не может быть создано шаткими объединениями и союзами: для этого нужна твердая железная воля одного человека, сковавшего из массы нечто монолитное.

7. О федерализме

Зимой 1919 года, а еще более того весной 1920 года молодая партия оказалась поставленной лицом к лицу с вопросом, – фактически зародившимся еще в период войны.

В первой части книги я отметил, какую роль в падении Германской империи сыграла пропаганда англичан и французов против нашего правительства. В период 1915–1916 гг. Германия забрасывалась всевозможными пропагандными летучками, памфлетами, брошюрами и т.п. Содержание этой литературы было рассчитано на самые низкие инстинкты толпы и вскоре агитация дала свои плоды.

Ни правительство, ни наше командование, главным образом баварское, не могут снять с себя ответственности за недостаток бдительности и попустительство в отношении этой агитации. Они наоборот считали, что никакая пропаганда не может разрушить единства империи и закрывали на все глаза. Нечего и говорить, что такое отношение к долгу заслуживало самого жестокого наказания.

Ослабление Пруссии отразилось вскоре и на всей Германии. Оно ускорило развал страны и оказало губительное влияние не только на целость всей империи, но и на положение каждой из ее составных частей.

Итак, революция оказалась совершившимся фактом!

Интернационалист еврей Курт Эйзнер стал натравливать Баварию против Пруссии. Раздувая революционное движение в Баварии он, конечно, не думал ни о Баварии, ни о Германии, ни о благе германского народа: он только выполнял свою еврейскую миссию.

Настроение баварского населения было им использовано исключительно для того, чтобы разъединить всю страну. Разваленная Германия, конечно, должна была бы попасть в руки большевиков.

Работа большевистских агитаторов, которые стремились превратить германскую империю в советскую республику, проводилась с большим искусством.

Первоначально в Баварии на стороне Эйзнера было только десять тысяч человек, а на стороне коммунистов – три тысячи. Тогда оба эти лагеря работали самостоятельно. Но потом они сплотились, приобрели новых последователей и создали крупную силу в 100000 человек.

Мне кажется, никогда в моей жизни не брался я за более неблагодарную задачу чем тогда. Настроения против Пруссии были таковы, что каждый пруссак, попадавший на баварский митинг, рисковал жизнью. И тем не менее я выступил против антипрусского движения.

Баварские митинги в те дни кончались каждый раз неизменно демонстрациями против Пруссии.

– Освободиться от Пруссии! – Долой Пруссию! Война Пруссии! – кричала толпа.

Лозунгами баварцев было в те дни:

– «Лучше умереть баварцем, чем оставаться гнить с пруссаками!»

Это была совершенно дикая агитация и я горжусь тем, что наше молодое движение взялось ее искоренить и искоренило медленно, но верно.

Нечего и говорить о том, что агитация против Пруссии фактически не имела ничего общего с так называемым федерализмом.

Для подлинного сторонника федерации бисмарковский принцип единой Германии – не пустая фраза и потому он не может смотреть равнодушно на расчленение Империи. Сепаратистские тенденции не совместимы с федерализмом.

Поэтому с ноябрьской демократией могли пойти только лжефедералисты. Они подняли войну не против старой консервативной Пруссии – являвшейся антиподом этой конституции.

Целью евреев было столкнуть национальные элементы Германии, консервативную Баварию с консервативной Пруссией. И они добились успеха.

Зимой 1918 года в Германии начал зарождаться антисемитизм. Тогда евреи прибегали к своим старым методам. Они быстро влились в демократическое движение и начали сеять смуту.

Подобно тому, как еврей наслаждается политическим столкновением сторон, он наслаждается и религиозной борьбой между христианами.

Когда католик и протестант ссорятся между собой – еврей смеется в рукав.

Ни одна из христианских церквей этого не замечает. А между

тем следовало бы заметить опасность этого положения.

В конце-концов для мира совершенно безразлично, победит ли католическая или протестантская церковь. Важно, что идет борьба арийцев между собой и что если арийцы перегрызут друг друга, то торжествовать будет не ариец.

В Америке не отдельные штаты создали США, а США создали эти штаты.

Различные права, которыми пользуются штаты, подчеркивают лишь свойство этого государства, которое построено на принципе соответствия характерным особенностям населения каждой из своих территорий. Таким образом эти права вытекают из общей конституции.

В Германии положение было совершенно иным. Отдельные части империи были суверенными государствами, которые сами сформировали эту империю. Правда нужно отметить, что эти государства не сами пожелали такого объединения: объединены они были Пруссией, которая желала гегемонии над ними.

Большое различие между Америкой и Германией представляют собой размеры территории каждого из этих государств. Более того – несмотря на то, что каждый из штатов Америки имеет большую территорию, чем имело каждое из суверенных государств, входивших в состав Германской Империи, ни один из этих Штатов никогда не имел настоящей независимости.

Суверенные права, которыми пользовались отдельные германские государства, были отданы ими не по собственной воле, а под давлением объединившей их Пруссии. Принципом Бисмарка было требование абсолютного подчинения Империи. Бисмарк знал, чего добивался и в конце-концов добился успеха.

С падением империи стройный порядок германской федерации развалился.

Удар еще более тяжелый, чем революция, нанесен Германии принятием мирного договора.

Было совершенно естественным, что в тот период времени, когда отдельные государства входили в состав империи, их финансовая жизнь контролировалась центральной властью. Теперь, когда они приобрели независимость, казалось бессмыслицей принятие ими финансовых обязательств, наложенных на уже несуществующую Империю.

Империя Бисмарка была построена на принципе известной свободы. Над ней не тяготело никаких финансовых обязательств, вроде тех, которые наложил на революционную Германию план Дауэса.

Расходы государства шли на его собственные нужды.

Государство могло, не прибегая к помощи извне, жить на собственные средства.

После резолюции картина резко изменилась. Государство оказалось вынужденным выжимать из своих граждан последнюю копейку для покрытия внешних обязательств. Такое положение не могло не вызвать возмущения населения.

Мы – национал-социалисты выставляем поэтому следующие принципы:

– Могущественное национальное государство защищает и охраняет интересы своих граждан за границей в самом широком смысле этого слова и предоставляет им свободу в своих собственных пределах. При таком положении нечего бояться за прочность государства.

С другой стороны, твердое национальное правительство берет на себя полную ответственность в том случае, если ему необходимо урезать личную свободу своих граждан или свободу своих отдельных территорий, поскольку это необходимо в целях величия нации.

Все большие державы стремятся объединить в политическом отношении свои отдельные территории; то же самое должна сделать и Германия.

По этой причине государство намерено сейчас сконцентрировать в своих руках контроль над железными дорогами, почтой, финансами и т.д., так как только таким образом оно может выполнять все свои обязательства.

Еврейско-демократические крути, конечно, всегда будут противиться такому объединению, в виду чего государство должно раз и навсегда уничтожить эту оппозицию.

Наша политика была всегда высоко национальной и потому она никогда не может быть узкой.

В Германии будущего самостоятельность каждого из отдельных государств будет основана, главным образом, на его культурной роли. Между прочим, можно отметить, что монархом, наиболее симпатизировавшим идее великой Германии, был Людовик I Баварский.

Но что бы ни было потом, армия должна находиться вне сепаратистских влияний. Роль германской армии заключается не только в защите государства, но и в том, чтобы насаждать в германском народе идею единства.

Германскому солдату должны быть дороги границы не только его родной области, но и всей Германии.

Поэтому каждый молодой германец должен как можно больше путешествовать по своей стране.

8. Работа агитационная и работа организационная

Образованию каждой партии должна предшествовать хорошо поставленная пропаганда. Я лично всегда был врагом педантически построенных организаций, работа которых ведется механически мертво. Кроме того, очень часто бывает, что люди, неспособные к кропотливой работе, оказываются прекрасными вожаками.

В то же время теоретики чистой воды редко бывают хорошими вождями.

Хорошим вождем скорее может сделаться агитатор, умеющий бросать идею в массы, хотя бы она была демагогической.

Агитатор может скорей изучить психологию массы, чем теоретик.

Но, если в одном человеке соединится теоретик, организатор и агитатор, то он даст идеального вождя.

Еще в самом зарождении нашего движения, я придавал огромное значение пропаганде.

Цель пропаганды, как я уже говорил, подготовлять людей, внедряя в их умы соответствующие идеи.

Цель организации делать отбор лучших для составления кадров партии.

Агитатор не должен задумываться над личными качествами каждого из своих новообращенных – этим займутся организаторы.

Итак, агитатор привлекает, а организатор формирует.

Одной из главных задач организации является поддержание единства в рядах своих членов для того, чтобы объединение не ослабело.

Организация также должна следить за тем, чтобы движение всегда было бодрым и здоровым.

Работая в организации, я всегда обращал внимание на отбор наилучших.

До 1921 года организационная и пропагандная работа нашего движения шли в ногу, но позднее успех пропагандной работы оказался более значительным.

Дело в том, что движение наше контролировалось организацией почти парламентской системы. В конце концов стало очевидным, что такое ведение работы невозможно, и я стал вести пропаганду на собственный риск. После реорганизации нашего движения, я был избран председателем партии и тогда все пошло по-иному.

Вся ответственность за успех движения легла на председателя, то есть, на меня.

В декабре 20-го года мы приобрели газету «Фолкишер

Беобахтер». Эта газета стала органом национал-социалистической германской рабочей партии. Снача она выходила два раза в неделю, потом стала выходить ежедневно и, наконец, в увеличенном формате. Моим ближайшим помощником по организации газеты был Макс Аман – мой старый боевой товарищ.

К ноябрю 1923 года наша партия располагала солидным активом. За четыре года до этого у нас не было даже резинового штемпеля.

Но, увы, 9 ноября наша партия была разгромлена и все ее имущество, в том числе и газета, конфискованы.

Таким образом, мы потеряли 170000 золотых марок.

9. О роли и организации штурмовиков

Сила старого государства покоилась на трех основах: монархе, административном аппарате и армии.

Революция 1917 года смела монархию, дезорганизовала армию и развалила правительство, отдав его в руки партий.

Власть, существовавшая веками, перестала существовать.

Развал старой империи, поколебавший ее бывшее величие, забытые традиции – все это было жестоко и трагично, но едва ли не самым трагичным во всем этом был распад армии.

Каждая нация может быть разделена на три класса.

С одной стороны лучшие ее элементы, ее цвет, готовый на самопожертвование, на подвиги, с другой стороны – самые худшие трусы, мелкие эгоисты, лишенные чувства ответственности за родину и посредине обывательский класс ни плохой, ни хороший, не герои и не преступники.

Народная масса является этим самым классом. Эта масса никогда не имеет настоящего значения, за исключением тех случаев, когда два крайние класса сталкиваются между собой. Обычно эта масса всегда готова примкнуть к победителю, что она и делает. Если торжествуют лучшие – она идет за ними и пользуется плодами их побед, если торжествуют худшие – она трусливо покоряется им и несет все последствия этого.

После окончания Великой Войны Германия представляла собой следующее зрелище.

Лучшие элементы отдали стране все, что могли и были почти истреблены. Худшие, наоборот, уцелели. Что касается массы, то она была сильно ослаблена мучительной войной. Таким образом, когда разразилась революция, худшие элементы без труда взяли верх в стране.

Элементы, зараженные духом революции, не могли дать

солдат. Более того, они вовсе не желали создавать государства, они желали дезорганизовать то, что еще как-то существовало. Их лозунгом было не строительство германской республики, а разрушение ее.

Но оставалась в стране еще молодежь. Эта молодежь, поняв происходившее, оказалась готовой по первому требованию надеть свои стальные шлемы, взять на плечи винтовки и выступить против врагов родины.

Таким образом стали организовываться добровольческие отряды, пронизанные жестокой ненавистью к революции.

Действительным организатором революции и ее первым поборником оказался «интернационалист еврей», который прекрасно учел положение.

Но Германия еще не была готова к падению в лапы большевизма, как Россия.

В Германии еврей встретился с солдатом-фронтовиком и перед ним встал вопрос – за кем пойдет этот солдат?

Поэтому революция в Германии должна была пройти под знаком уверенности, т.к. иначе она бы просто провалилась.

Это соображение конечно не могло пугать организатора революции – еврея.

Черная работа революции была сделана руками отбросов общества – разбойниками, бунтовщиками и т.п. Эти элементы жадно набросились на дело разрушения.

По мере того, как революция углублялась, меняли ее и характер.

Если мы задумаемся не над причинами революции, а над тем, как она произошла, то придем к следующим выводам.

Революция произошла из-за того, что мы забыли наш долг и дисциплину.

И из-за пассивности партий, которые как предполагалось, «поддерживали» государство.

Первое произошло оттого, что воспитание, которое давалось молодому поколению, было ни национальным, ни государственным.

Революция имела успех оттого, что и народ и, еще больше его, правительство потеряли сознание своих обязанностей и стали относиться к ним вяло и формально.

Если у движения нет новой и великой идеи, оно обречено на неудачу. Побеждают те, кто фанатически зажжены идеей.

Секрет успеха Великой Французской Революции в том, что эта революция выкинула новые идеи. То же самое можно применить и к русской революции и нашей фашистской, – только, конечно, идеи были разными.

Германская Национал-социалистическая партия с самого начала своего существования показала, что она имеет целью не реставрацию старого (подобно буржуазным партиям), а организацию нового националистического государства. Те, кто пошли за этим движением, считали, что никакая жертва не могла быть достаточно велика для их дела. Те, кто изучал историю знают, что террор никогда не может исходить от власти уже прочно утвержденной.

Террор нужен тогда, когда этой власти нужно еще только пробивать дорогу.

Для германских Наци террор никогда не был целью, но ОН был способом, посредством которого они должны были достигнуть своей цели.

Отряды штурмовиков являются в нашем движении только одним из его способов, как пропаганда, пресса и т. п.

В основу формирования отрядов штурмовиков была положена твердая дисциплина. Каждый штурмовик должен быть абсолютно убежден в правоте защищаемого им дела, а также быть подготовленным к этому делу соответствующим образом.

Отряды штурмовиков однако совершенно нельзя считать организациями военными. Их цель защищать и воспитывать нацистское движение.

Военными их нельзя называть еще потому, что защита границ государства их не касается. Их обязанность поддерживать порядок внутри страны путем борьбы с враждебными нацизму элементами.

Никак нельзя назвать штурмовиков и тайной организацией, т.к. цели тайных организаций могут быть дурными и противозаконными.

Основание, на котором организованы отряды штурмовиков, следующие:

1. Их подготовка должна проводиться не на чисто военных принципах, а на принципе наиболее приемлемых для партии. Штурмовики должны уделять внимание не столько чисто военному обучению, сколько спорту.

Так, с моей точки зрения, бокс и джиу-джитцу гораздо важнее фехтования.

2. Для того, чтобы организацию не считали тайной, штурмовики должны иметь общепризнанную форму.

3. Ни организация, ни форма, ни экипировка штурмовиков не должны быть заимствованы у старой армии.

В развитии отрядов штурмовиков сыграли важную роль следующие события.

Летом 1922 года в Мюнхене, на Кенигсплаце состоялась

общая демонстрация патриотических обществ против закона об Обороне Республики. В процессии демонстрантов приняли участие и наци. На состоявшемся затем митинге, где собралось шестьдесят тысяч человек, выступал и я. Эта демонстрация имела колоссальный успех, т. к. она доказала в первый раз, что несмотря на угрозы красных, националистический Мюнхен не побоялся выйти на улицы.

Второе событие относится к тому же году. В октябре этого года несколько националистических партий в кавычках, решили организовать в Кобурге «День Германии». Я был приглашен принять участие в торжестве, причем мне было предложено привести с собой несколько друзей.

Я принял приглашение и пригласил 800 человек штурмовиков.

В Кобург мы отправились в специальном поезде.

На вокзале нас встретила депутация организаторов «Дня Германии». Депутаты заявили нам, что по постановлению местного Рабочего Союза (в который входили независимые и коммунисты), мы не должны входить в город с нашими флагами и оркестром (у нас было 42 человека в оркестре), и, кроме того, не должны идти строем.

Я конечно, отверг эти постыдные условия, выразил депутатам свое удивление по этому поводу, и тут же заявил, что штурмовики конечно войдут в город с флагами и музыкой.

Едва мы покинули здание вокзала, как нас встретила толпа в несколько тысяч человек, поднявшая дикий рев «Убийцы», «Бандиты», «Преступники», «Разбойники» и прочие ласковые имена сыпались на нас со всех сторон.

Несмотря на такую милую встречу, мы шли по улицам в полном порядке. Так дошли мы до центра города к знаменитому Хофбрейхаузкеллеру.

Когда мы вошли на его широкий двор, полиция заперла ворота, чтобы толпа не ворвалась за нами. Но это создало нелепое положение и я просил полицию открыть ворота. После некоторого колебания полиция согласилась.

Назад мы вышли по той же дороге, направившись к своему лагерю.

Там нас встретили социалисты.

Очевидно в знак равенства и братства они стали бросать в нас камнями.

Тут наше терпение лопнуло и мы принялись за них как следует. Драка продолжалась недолго – через четверть часа на нашей улице был полный порядок.

Ночью однако произошли новые столкновения. Патруль

Штурмовиков нашел на одной из улиц «национал-социалиста», на которого перед тем напало несколько человек. Он был в ужасном состоянии и наши молодцы настигнув нападавших жестоко их отделали.

На следующее утро красный террор давно уже существовавший в Кобурте был прикончен.

Днем на плацу должна была состояться большая демонстрация рабочих. Вместо 10 000 человек там собралось однако лишь несколько сот.

Они встретили нас в молчании, но без враждебности.

Несколько мелких групп красных агитаторов пытались организовать возмущение против нас, но мы их скоро уняли.

Нам стало тогда совершенно ясно, что красные просто держали население в руках.

К концу дня настроение населения обратилось в нашу пользу и когда мы уезжали, нас приветствовали криками «ура».

После этого опыта в Кобурге мы решили, что необходимо ввести для штурмовиков особую форму, не только для того, чтобы укрепить их настроения, но и для того чтобы в драках они не смешивались с неприятельскими отрядами и не колотили своих.

Последнее событие, сыгравшее в развитии отрядов штурмовиков не менее важную роль, произошло в марте 1923 года.

Как известно, в начале этого года Рур был оккупирован французскими войсками.

Говорить об этой оккупации сейчас невозможно и не в интересах нации.

Скажу только, что эта оккупация дала нам возможность надеяться, что Германия в конце концов откажется от трусливого подчинения. В Руре было положение, при котором штурмовики были превращены в боевую военную организацию.

События 1928 года на первый взгляд могут показаться просто отвратительными, но они были нужны, т.к. они решительно положили конец трансформации штурмовиков в военную организацию, что было вредно для общего дела.

В 1925 году партия Национал-Социалистов была переформирована и твердо взяла в свои руки руководство штурмовиками.

Так штурмовики были обращены в инструмент партии, необходимый для ее укрепления.

10. Рабочие союзы

Быстрый рост движения вынудил нас в 1922 году принять

определенную позицию в отношении вопроса, который однако и теперь еще многим совершенно не ясен.

Стараясь как можно скорее овладеть способами, которые помогли бы нашему движению утвердиться в сердцах рабочей массы, мы убеждались, что рабочий никогда не станет действительно нашим до тех пор, пока его профессиональные и экономические интересы будут зависеть от групп и организаций, чуждых нам.

В первой части этой книги я говорил о том, что представляли собой рабочие союзы.

Я лично стал на ту точку зрения, что пока работодатель не изменит своего отношения к рабочему, последний должен будет всегда становиться на защиту своих интересов сам, если на его сторону не выступит государство.

Более того, я находил что рабочие союзы должны существовать до тех пор, пока работодатели не поймут своих социальных обязанностей и не проникнутся хотя бы элементарными принципами гуманности. Я и до сих пор считаю, что рабочие союзы должны существовать, т.к. в экономической жизни страны они играют большую роль.

Национал-социалистическое движение, имеющее целью создание национал-социалистического народного государства, развивается однако таким образом, что в будущем всякие учреждения будут зарождаться непосредственно из него самого. И здесь должен будет восторжествовать принцип зарождения от духа, который затем материализуется.

Национал-социалистическая партия не будет производить экспериментов, подобных тем, которые уже имели место в истории и давали печальные результаты.

Национал-социалистическое государство скоро вырастет из организаций и учреждений, основанных ранее и партия наци будет иметь свои собственные рабочие союзы.

Каковы же должны быть национал-социалистические рабочие союзы и в чем будет заключаться их цель?

Наши рабочие союзы прежде всего не будут орудием классовой войны. Их цель будет заключаться в том, чтобы представлять рабочую массу и защищать ее интересы;

Национал-социалистическое государство не делит своих граждан на классы. Оно делит население лишь политически: на полноправных граждан, которые все равны между собой и подданных, не имеющих политических прав.

Первоначальной целью рабочих союзов не была классовая война.

Союзы были превращены в орудие такой войны уже

марксистами.

Марксисты намеревались обратить это орудие на служение международному еврейству в целях уничтожения экономической базы свободного национального государства и разрушения национальной промышленности и торговли.

Иными словами, всемирное финансовое еврейство, не имеющее никаких территориальных границ, намеревалось таким образом обратить нашу страну в страну рабов.

В руках национал-социалистических рабочих союзов даже забастовка не является инструментом для разрушения национальной промышленности.

В их руках забастовка – инструмент, посредством которого они борются с существующими социальными и иными несправедливостями, мешающими как нормальному правильному развитию дела, так и всей жизни страны.

Рабочий (национал-социалист) должен знать, что благоденствие государства означает и его собственное материальное благополучие. Работодатель (национал-социалист) должен в свою очередь знать, что благоденствие и счастье его рабочих – первое условие для существования и развития его собственных предприятий.

Существование национал-социалистических рабочих союзов наравне с другими союзами было бы однако совершенно бессмысленным.

Цель нацистских союзов настолько универсальна, что их работа ни в коем случае не должна задерживаться другими союзами дай с такими же, ни с иными целями.

Поэтому в нашем государстве не должно быть никаких компромиссов.

С точки зрения рабочего, я считал просто преступлением платить членские взносы организации, в целях которой я не был бы абсолютно уверен.

Наши действия в 1922 году были основаны именно на таких соображениях.

И мы оказались правы – не обманув ни себя, ни других.

11. Германская политика союзов после войны

Слабость государства в области внешней политики и полное непонимание политики союзов продолжались и после революции, но в еще худшей форме.

Но если до войны такое положение объяснялось просто сумбурностью идей и мнений, то после войны его можно было объяснить лишь отсутствием хороших и честных намерений по

отношению к стране.

Было совершенно ясно, что партия, ставшая у кормила правления, не была заинтересована в политике, которая привела бы к действительной перестройке Германского Независимого Государства.

Пока германская социалистическая рабочая партия была только маленьким никому не известным обществом, проблемы иностранной политики не могли ее захватывать.

Но с того времени, когда эта партия разрослась в нечто большое и сильное, ей пришлось заняться вопросом и такой политики. Мы должны были вырешить принципы внешней политики, которые не противоречили бы нашим основным задачам, а, наоборот, выявляли бы их.

Для нас внешняя политика никогда не являлась задачей, а лишь способом. Поэтому мы ее построили таким образом, чтобы она служила благу нашего государства.

Политика, построенная на рискованном вопросе:

– «Будет ли потом польза или вред?» – нами была определенно отвергнута.

Перед нашим движением встала проблема о восстановлении наших потерянных территорий, а также восстановлении нашей политической независимости и мощи.

Нельзя забывать, что потерянные нами территории были отрезаны от государства не по собственной воле их населения, а ударом меча.

В этой книге я уже говорил о нашей неудачной политике союзов перед войной. Вместо того, чтобы проводить здоровую территориальную политику в Европе, наши политические деятели предпочли обратить внимание на колонии и иностранную торговлю. В результате такой неудачной политики и вспыхнула Мировая Война.

Германия должна была бы заняться укреплением своей империи на Континенте путем завоевания новых территорий.

Но наши парламентские деятели не пожелали санкционировать подготовку к войне за территориальную экспансию и пренебрегли прекрасными возможностями заключения союза с Англией. С другой стороны они также не сумели заручиться безусловной поддержкой России.

В результате, когда настал час войны – Германия оказалась лишь в обществе злосчастной Габсбургской династии.

Британская дипломатия издавна еще со времени королевы Елизаветы, усвоила себе традицию мешать возвышению какой бы то ни было европейской державы.

При этом Британия применяла самые разнообразные способы.

После того, как Испания и Нидерланды потеряли свое былое значение и перешли на положение второстепенных держав, все помыслы Англии обратились на то, чтобы прекратить рост французской мощи. После падения Наполеона, которого она боялась больше всего, Англия несколько успокоилась в отношении Франции и обратила внимание на другие державы.

В первое время Англия обращала сравнительно мало внимания на Германию, т.к. последняя, благодаря отсутствию объединенности, не могла представлять собой какой-то опасности. В 1870 году Англия однако переменила свое отношение к Германии.

Успех Германии во внешней торговле, а следовательно и поднятие ее веса в международной политике стали казаться Англии угрожающими.

Политика мирного завоевания рынков, которую наши государственные деятели считали верхом мудрости, не могла не вызвать со стороны Англии соответствующего противодействия.

Со своей стороны Англия стремилась к такому же «мирному завоеванию» мира, которое, иными словами, означало гегемонию над всем миром.

Тот факт, что вокруг Англии сгруппировались против Германии другие державы, лишний раз показывает насколько дальновидно велась политика первой. Англия употребила все ресурсы, которые были в ее распоряжении для того, чтобы разбить своего противника – Германию.

После революции Германия перестала пугать английских государственных деятелей. Но не в интересах Англии было, чтобы Германия исчезла совершенно с карты Европы. Наоборот, после германской катастрофы 1918 года Англия задумалась. Положение предстало перед ней в следующем виде:

С одной стороны разрушенная Германия, а с другой стороны – Франция – сильная держава на континенте.

Если бы Германия была стерта с лица земли, то враги Англии от этого только бы выиграли.

Но все же английская дипломатия сразу не могла переменить курса в отношении Германии. Более того, чтобы не дать Франции получить слишком много выгоды от разгрома Германии,– Англия сама очень охотно приняла участие в дележе.

Нужно отметить, что Англия оказалась после войны лицом к лицу с фактами, далеко не желательными для нее. Укрепление и восхождение Франции вовсе не входило в ее расчеты.

В настоящее время Франция занимает в Европе совершенно исключительное положение. В отношении вооружения она

является первой державой на европейском материке и не имеет себе равного противника. На итальянской и испанской границах у нее все обстоит благополучно. От Германии она отделена нейтральной полосой земли, от Англии проливами. В отношении Германии стремления Франции и Англии совершенно различны.

Для Англии важно, чтобы европейские державы сохранял» между собой равновесие и соответствие сил: это нужно ей для ее гегемонии.

Что касается Франции, то ее самым горячим желанием является не допустить до того, чтобы Германия превратилась в сильную державу. Она также желает гегемонии в Европе и для этого ей необходимо, чтобы левый берег Рейна перешел в ее руки.

Таким образом, между британской и французской дипломатией особенного согласия быть не может.

Ни в Англии, ни в Америке, ни в Италии нельзя конечно найти ни одного государственного деятеля, которого можно было бы назвать сторонником Германии.

Каждый английский государственный деятель – прежде всего англичанин. То же самое можно сказать и об американцах, и об итальянцах.

Таким образом, тот, кто надеется найти в этих странах прогерманца, является или ослом или изменником.

Ни для кого не секрет, что Франция является старым и заклятым врагом Германии.

Англия не желает видеть Германию в роли мировой державы, а Франция просто не желает видеть Германию державой. В настоящий момент мы однако боремся не за патент на мировую державу, а за существование нашей родины, за наше национальное объединение, за хлеб наших детей. Таким образом, нам волей-неволей приходится обращаться в сторону Англии и Италии.

Будущее Италии будет зависеть от развития событий в Средиземном бассейне. Вступая в Великую Войну Италия думала, конечно, не о расширении территории Франции, а о том, чтобы нанести удар своему старому врагу на Адриатическом побережье.

Теперь рассмотрим вопрос: может ли какая-нибудь из держав вступить в союз с Германией сегодняшнего дня?

Нет! Ни одна держава, заботящаяся о своем достоинстве, не войдет в союз с Германией, пока она находится в ее теперешнем состоянии.

Именно потому, что мы сейчас не годимся в союзники, против нас организовался такой сильный блок.

Такое положение может быть только выгодно для международной еврейской финансовой группы. Еврейские

финансисты, также, как и британское государство желают не только германского экономического снижения, но и полного политического рабства. Поэтому евреи так охотно агитируют за уничтожение Германии.

Еврейская мысль вполне ясна:

Большевизировать Германию, то есть – разложить германскую интеллигенцию и раздавить германскую рабочую силу еврейским финансовым молотом – вот первый этап еврейского плана завоевания мира.

Но в Англии и в Италии солидные государственные деятели и группа еврейских финансистов находятся часто в резком противоречии друг к другу.

Зато во Франции между еврейскими биржевиками и настроенными шовинистически государственными деятелями наблюдается контакт, представляющий большую опасность для Германии.

Вот почему Франция является самым страшным врагом Германии.

Конечно национал-социалистам не так-то легко представить себе Англию в роли будущего союзника. Наша еврейская пресса сумела сконцентрировать ненависть на Англию и в эту ловушку попало немало тупоумных германцев, которые подняли протест против потери наших колоний и стали кричать о необходимости вернуть эти колонии и воссоздать наш флот. Этим они только дали евреям козырь, который те немедленно же применили в Англии в качестве пропаганды против нас же. Нашим «умным политикам» следует раз навсегда внушить мысль, что наша цель вовсе не борьба за положение Германии как морской державы. Еще до Великой Войны было ясно безумие устремления к такой цели, когда наша позиция в Европе не была как следует утверждена. Подобные глупости в политике носят название преступления.

Я должен указать еще на одну цель, ловко указанную евреями за последние годы, а именно на Южный Тироль.

Евреи и австрийские легитимисты, сторонники Габсбургов, весьма заинтересованы в том, чтобы не допустить германо-австрийского союза, т.к. таковой мог бы со временем привести к созданию объединения между этими двумя странами.

Конечно, вовсе не любовь к Южному Тиролю побудила указанные элементы вести пропаганду в его пользу, а опасность возможного взаимопонимания между Германией и Италией.

Итак – Южный Тироль!

Я был одним из тех, кто в период защиты судьбы Южного Тироля 1914–1918 гг. защищал его на практике в рядах армии.

Сражаясь за эту область, я имел в виду конечно только ее сохранение для нашего отечества. Ведь Южный Тироль достался нашей стране не благодаря речам парламентариев в Вене, а силой оружия. Сила оружия должна была его и сохранить.

Следовало бы вообще помнить, что потерянные территории никогда не возвращаются на конференциях Лиги Наций, а только посредством оружия!

Самое позорное на таких конференциях это то, что сами господа «говорящие» не верят в возможность достигнуть чего-нибудь путем словесных протестов. Они прекрасно знают насколько бесполезны их речи, но все же говорят.

Но каждый делает то, что ему предназначено – один говорит, а другой сражается.

Если Германская нация желает положить конец падению, которое угрожает Европе, она должна удержаться во что бы то ни стало от ошибок довоенного периода и не вооружать против себя весь мир. Она должна выяснить, кто именно является ее злейшим врагом и сокрушить этого врага.

Если Германия поступит именно таким образом, она будет вознаграждена сторицей.

Германию развалила фантастическая идея союза с трупом Габсбургской династии.

В наши дни такую же опасность для Германии представляет увлечение ложными идеями иностранной политики.

В 1919 году, когда германская нация оказалась раздавлена мирным договором, можно было надеяться, что этот жестокий документ явится импульсом для восстановления свободы страны.

Истории известны такие моменты, когда унижение от мирного договора служит первым сигналом к возмущению побежденной стороны.

Как много можно было сделать из Версальского договора!

Каждый пункт этого документа можно было выжигать в мозгу нации раскаленным клеймом, пока народная ненависть не разрослась бы в пожар и не охватила собой шестьдесят миллионов мужчин и женщин. Из этой пылающей массы вырвался бы тогда крик:

– Снова к оружию!

Но прекрасная возможность была потеряна и для освобождения Германии не было сделано ничего.

Потому, что никто не подумал о том, чем должна была быть наша страна.

Теперь она в таком положении, что никто не захочет вступить с нами в союз до тех пор, пока правительство и народ не сойдутся

на одной мысли – борьбе за свободу.

Крики о восстановлении флота и возврате колоний и т.д. никому не нужны. Те, кто выступают с такими криками, забывают главный принцип:

То, что ты делаешь, – делай как следует.

Возбуждая свой гнев сразу против пяти, а то и десяти стран, мы отвлекаем силы и волю от удара в сердце нашего самого заклятого врага и жертвуем возможностью считаться с ними.

Миссия национал-социалистического движения заключается в том, чтобы научить народ не обращать внимания на пустяки и обратить все помыслы к действительно великой задаче. Задача, за которую мы боремся – существование нашей страны, и у нас есть только один враг, который мешает нам существовать.

Германская нация не имеет права жаловаться на отношение к ней со стороны остального мира, пока она не накажет преступников, которые продали свою родину.

Борьба, поднятая итальянскими фашистами против еврейства, – лучшее доказательство необходимости борьбы с этим элементом.

Италия решительно подавила у себя все тайные общества, взяла под контроль прессу и оторвала голову интернациональному марксизму.

В Англии наблюдается иное положение. Там евреи держат в своих руках «свободную демократию» и, таким образом, косвенно влияют на общественное мнение. Даже в свободной Англии ведется борьба между интересами британского государства и евреями, стремящимися к установлению своей диктатуры.

Столкновение британских и еврейских элементов в Англии было впервые продемонстрировано после Великой Войны в японской проблеме.

Не успела война окончиться, как между Америкой и Японией стало назревать старое раздражение.

Рост Америки в экономическом и политическом отношениях не мог не вызвать к себе зависти. Вполне понятно поэтому, что Англия забеспокоилась, так как старая формула «Великая Британия владычествует на морях» могла оказаться замененной такой «Океаны – Америке».

Подобно тому, как уничтожение Германии было нужно не Британии, а еврейству, в настоящее время уничтожение Японии нужно также не ей, а еврейству.

Итак, в то время, как Британия напрягает все свои силы к тому, чтобы сохранить свое положение в мире, еврей со своей стороны подготавливается к завоеванию мира.

Еврей знает прекрасно, что после тысячи лет своего

паразитического существования, он в состоянии взорвать существующие европейские государства и превратить народы Европы в каких-то незаконных детей без рода и племени.

Ничего подобного он, однако, не сможет сделать с азиатской Японией, проникнутой духом национализма.

Поэтому евреи возбуждают другие народы против Японии, как некогда они возбуждали их против Германии.

И пока британские государственные деятели стараются заключить с Японией союз, еврейская пресса Англии призывает к борьбе с Японией и выкидывает демократический лозунг:

– Долой японский милитаризм и империализм.

Таким образом еврей в Англии является сейчас бунтовщиком.

Поэтому в Англии будет также начата борьба с еврейством.

12. Восточная политика

Главный принцип внешней политики национального государства заключается в сохранении расы, составляющей это государство Путем сохранения, естественно, пропорционального соотношения между численностью населения и его приростом с одной стороны и площадью и качеством земли с другой.

Главное условие для существования государства – это обеспечение населения землей. Только имея достаточно земли германская нация может превратиться в мировую державу.

В течение ряда веков внешняя политика нашего народа играла видную роль в мировой истории. И к тому времени, когда началась Великая Война, Германия была почти мировой державой. Я говорю почти, т.к. она все-таки была настоящей мировой державой.

Но если бы Германия заботилась о сохранении пропорциональных соотношений, о которых я говорил выше, то она действительно была бы такой державой и выиграла войну.

В наши дни Германия также не мировая держава. В отношении чисто территориальном германское государство весьма незначительно по сравнению с другими державами.

Я не говорю об Англии, т.к. ее собственная территория является только столицей Британской империи, занимающей на земном шаре четверть площади.

Но если мы посмотрим на колоссальные территории Америки, России и Китая, то увидим, что каждая Из них в десять раз больше нашей страны. Францию можно также отнести к числу больших держав. Если она будет продолжать внешнюю политику также успешно, то у нее вскоре будет огромная территория от Рейна и до Конго. Но принимая во внимание ее колониальную

политику, она потеряет чистоту крови своего населения.

В нашу политику не входит усиление страны за счет вливания в нацию чужой крови.

Одним из главных достижений германской политики было создание Прусского государства, а также создание прекрасной армии.

Германская
нация, разъединенная индивидуальными течениями, оказалась прусской. Германскую нацию, разъединенную индивидуальными течениями, дисциплинировала прусская армия. Военная муштра оказала таким образом, благотворное влияние на все население страны. Но вернемся к вопросам сегодняшнего дня. Требования о восстановлении наших границ до границ 1914 года политически совершенно безумны. Такие требования только восстановят против нас другие страны.

Нельзя забывать того, что падение Германии принесло союзным державам только выгоду. С нашим падением настал конец зависти и опасениям этих держав. Эти державы считали, что раздел нашей империи будет лучшей гарантией против нового восстания Германии.

Но границы 1914 года не имеют никакого отношения к нашему будущему. Эти границы никогда не были для нас защитой в прошлом и не будут означать нашего усиления в будущем. Они не дадут германской нации внутренней солидарности и не дадут ей пропитания. С точки зрения чисто военной, они не улучшат нашего стратегического положения в отношении других держав или вернее мировых держав: расстояние от Англии этим путем не уменьшится, наша территория не сделается такой большой, как американская, а Франция не потеряет от этого своего значения в мировой политике.

Зато одна вещь вполне очевидна.

Всякая попытка восстановить наше государство в границах 1914 года, даже успешная, приведет только к лишнему пролитию крови.

Поэтому задача национал-социалистического движения заключается в том, чтобы прежде всего закрепить за германской нацией ту территорию, на которую она сейчас имеет право.

Когда же мы говорим о новых германских территориальных владениях в Европе, мы прежде всего думаем о России и ее пограничных государствах, здесь сама судьба указывает нам путь.

Когда судьба бросила Россию в руки большевизма, она отняла у русского народа его интеллигентный класс, создавший когда-то русское государство.

Организацией своего государства Россия обязана не способностям славянской расы, но удивительному примеру германскою элемента. Этот германский элемент теперь почти выметен из России.

Его место заняли евреи.

Россия не может стряхнуть еврейское иго своими собственными силами, т.к. еврей слишком захватил ее в свои руки.

Огромная страна созрела для падения и конец еврейской власти будет вообще означать конец России.

Наша национальная политика, конечно, сильно не нравится евреям.

Они часто прибегают к аргументации Бисмарка, употребляя ее однако во зло стране. Они заявляют, что Бисмарк был чрезвычайно мудр, сохраняя добрые отношения с Россией. Это без сомнения правильно. Но они совершенно забывают, что Бисмарк придавал огромное значение хорошим отношениям с Италией и даже вступил с последней в союз для того, чтобы легче покончить с Австрией.

Почему эта политика не продолжается сейчас?

Потому, могут ответить, что сейчас Италия не Италия прошлых дней.

Хорошо. Но позвольте мне заметить, что сейчас и Россия не Россия прошлых дней!

Итак, не надо задумываться над вопросом: что сделал бы Бисмарк тогда?

Лучше подумать: что сделал бы Бисмарк теперь? Ответить на это легко.

Бисмарк никогда не пожелал бы союза со страной, обреченной на падение.

Итак, что могло быть полезно тогда, принесло бы только вред теперь.

В период 1920–1921 гг. народилось новое движение: «ассоциация угнетенных народов».

В состав ее вошли главным образом представители Балканских государств, а также представители Индии и Египта. Вошли в эту ассоциацию и некоторые легковерные немцы, но в очень небольшом числе.

Я помню детские надежды, зародившиеся от этого движения о падении Англии из-за Индии.

Индия слишком нужна Англии и, конечно, те, кто знают характер англосаксов, не допустят мысли о том, что Англия может расстаться с этим своим владением. Англия никогда не потеряет Индии, если только не произойдет взрыва в ее

собственном административном механизме. Индийские же восстания сами по себе никогда не дадут никакого успеха. Мы, германцы, по себе знаем как трудно бороться с английской рукой.

Сам я, несмотря на то, что немец, конечно желал бы скорее видеть Индию под рукой Англии, чем под рукой какой-нибудь другой державы.

Что касается возможности отторжения Египта от Англии, то это также вздорные мечты.

Но вернемся снова к России.

В настоящие дни правители России не имеют намерения входить в какой бы то ни было честный союз. Мы не должны забывать, что они являются запятнанными кровью преступниками, которым повезло в трагический час.

Эти преступники разрушили большое государство, пере били весь цвет населения и вот уже много лет тиранят его.

Мы не должны также забывать, что международное, еврейство, которое держит в своих руках Россию, не смотрит па Германию как на будущего союзника, а как на страну, которая должна также большевизироваться.

Угроза несчастья, пережитого Россией, висит и над Германией.

Германия – вторая цель большевизма. Поэтому с нашей стороны было бы безумием искать союза с Россией.

Признаюсь откровенно, до войны я считал, что было бы гораздо лучше, если бы Германия отказалась от своей глупой морской и колониальной политики и вступила бы в союз с Англией против России для того, чтобы проводить политику увеличения своей территории на европейском материке.

Я не могу забыть тех вечных наглых оскорблений, которые посылала Германии Панславянская Россия. Я не забываю вечных постоянных пробных мобилизаций, которые так раздражали Германию. Я не забываю настроений русского общества, которое до войны напало на нашу империю и нацию, а также не забываю, что русская пресса всегда была настроена больше в пользу Франции, чем в нашу.

Но перед Великой Войной Германия имела еще одну альтернативу: она могла склонить в свою пользу Россию и настроить ее против Англии.

Нынешнее согласие Великих держав есть последний сигнал предупреждения нам, который может вызвать нашу страну из состояния дремоты, показать ей жестокую правду и указать путь, по которому старое государство может пойти к новому расцвету.

Если национал-социалистическое государство отбросит все иллюзии и проникнется решимостью, также как и ее вождь,

катастрофа 1918 года не только будет забыта, но еще явится благословением для страны. Мы можем получить тогда то, что имеет теперь Англия, то чем владела Россия– политическую традицию.

Путь Германии ясен.

Она никогда не должна допускать возвышения двух континентальных держав. Она должна организовать оборону своих границ и охранять их, даже если бы пришлось прибегнуть к силе оружия.

Результаты союза с Англией и Италией будут для Германии абсолютно противоположны тем, которые она получит от союза с Россией, самое главное в первом союзе это то, что он не угрожает риском войны. Франция может не обрадоваться этому союзу, но и не помешает ему. Такой союз дал бы Германии возможность спокойно подготовиться к разрешению ее проблемы с Францией.

Более того, он автоматически взорвал бы Малую Антанту, изолировал бы Францию и вложил руль управления европейскими делами в руки Англии, Германии и Италии.

Конечно, возможно, что внутри Германии такой союз вызвал бы дикий вой со стороны врагов нашей нации.

Но мы должны приучить наше общественное мнение к освобождению от влияний еврейской мысли.

13. На суд истории

Зимой 1922-1923 гг. стало ясно, что Франция снова устремляется к своей первоначальной цели. Программа Франции была такова – разделить Германию на ряд мелких государств. Стремясь к этому, шовинистическая Франция воистину становилась вассалом мирового еврейства.

Германия действительно пала в 18-м году в результате революции, но ее войска в то время все еще находились на территории неприятеля. Задачей Франции в тот момент было вытеснение германских войск из пределов как своих, так и Бельгии. До тех пор, пока эти войска не оставили ее пределов, она не могла думать ни о каких достижениях, поэтому Франции нужно было прежде всего заключить мир.

Декларация Клемансо о том, что для него мир означает лишь продолжение войны, приобретает, таким образом, большое значение.

До тех пор, пока извечный конфликт между Германией и Францией заключается только в нашей обороне против французской агрессии, мы не будем иметь никаких положительных результатов.

Германия должна понять одно, что она не может больше тратить времени на пассивную оборону.

Она должна готовиться к решительному расчету с Францией.

В декабре 1922 года положение между Германией и Францией снова осложнилось. Франция решила принять ряд мер против Германии, надеясь, что путем оккупации Рура сломает спинной хребет противника и приведет его экономику в хаотическое состояние.

Оккупацией Рура судьба предоставила Германии новый случай покончить с создавшимся положением.

Впервые за все это время Франция раздражила Англию, смотревшую на все более холодно и расчетливо. Оккупация рурских угольных копей лишила Англию выгод войны.

Италия также настроилась против Франции. И розовая дружба союзных держав превратилась в ненависть. Если положение не было использовано Германией, то только потому, что во главе ее стоял не Энвер-паша, а только канцлер Куно. Положение в 23-м году очень напоминало положение 1918 года. Марксистский яд вошел слишком глубоко в организм нации.

Я считал, что первым долгом национального правительства было найти силы, могущие уничтожить марксизм и предоставить этим силам свободу действий. Но этого не было сделано и таким образом германская буржуазия похоронила себя политически.

В тот год я с восторгом смотрел на великого человека по ту сторону Альп. В сравнении с Муссолини наши государственные деятели казались карликами. Имея таких государственных деятелей было, конечно, безумием начинать новую войну.

Когда началась всеобщая забастовка, нужная, конечно, марксистам, господину Куно следовало бы потребовать от каждого германца еще двух лишних часов работы, указав, I что свобода нации покупается только жертвами,

Но, вместо этого, Куно поощрял забастовку и красные шакалы подняли голову. В результате Куно сконфуженно стушевался, а Германия получила одним опытом больше за счет одной потерянной надежды.

Мне остается закончить свою книгу словами из моей речи, сказанной весной 1924 года:

– Хотя судьи этого государства могут быть счастливы осуждением нас и наших действий, история-богиня высшей правды и наилучшего закона с улыбкой разорвет этот приговор и оправдает нас от клеветы.

Розенберг Альфред
Русско-еврейская революция

«Русско-еврейская революция» Альфреда Розенберга, вышедшая в феврале 1919 г., – первая публикация будущего главного идеолога нацизма. В 20-е годы Розенберг вместе с Эккартом оказывали большое влияние на Гитлера. По-видимому, именно от балта Гитлер воспринял и мысль о том, что большевизм – явление исключительно еврейское.

Приводимая ниже статья помогла Розенбергу приобрести среди нацистов репутацию эксперта по русским делам и большевистской революции. Следует, пожалуй, заметить, что информация, сообщаемая в ней, в основном, соответствует действительности.

Русско-еврейская революция

«Не думаете ли вы, что евреи даже без вашей помощи являются гражданами государства более сильного и могущественного, чем любое из ваших, и если вдобавок вы предоставите им гражданство в ваших собственных государствах, все остальные граждане окажутся у них под пятой?» С этим предупреждением, основанном на глубоком знании истории, Фихте обращался к германской нации сто лет назад. Его слова оказались неуслышанными: игнорируя потенциальную силу, заложенную в однородной расе, оглушенные лозунгами человеческого равенства, все парламенты приняли догму беспредельной терпимости. Терпимость к чуждому, враждебному и агрессивному представлялась высшим проявлением гуманности, но как показала история XIX века и особенно явно в нашем столетии, она была самой настоящей изменой в отношении самих себя.

Простодушный европеец должен был только доверчиво внимать тому, что ему напевали сирены – свобода, справедливость, братство. Плоды чрезмерного прислушивания к такого рода мотивам очевидны сегодня. Они настолько приметны, что даже те, кто не имеет понятия об идее обязательных исторических связей, начинают осознавать, что ловкие и хитроумные лидеры ведут нас к разрушению цивилизации, достигнутой неимоверным трудом, к гибели всей культуры. Доказательства этого можно видеть в жутких делах русской революции, замалчиваемых либеральной и еврейской печатью. И в течение войны газеты утаивали существенные факты, чтобы только защитить «внутренний фронт». Понимание этого пришло слишком поздно. В Германии евреи также стали противниками германского идеала.

Давайте обратимся к фактам русской революции.

Нет сомнения в том, что весь русский народ жаждал [2] положить конец царскому режиму. Каждый, кто был свидетелем этой формы правления, должен признать, что он не поощрял никакой вид независимой деятельности – экономической, общественной и интеллектуальной; вся система носила репрессивный характер. Поэтому Россия вздохнула с облегчением, когда известие о падении царя распространилось от Балтики до тихоокеанского побережья. Избавившись от гнета, люди снова поверили в самих себя, и лидеры, казалось, имели все основания с оптимизмом смотреть в будущее и надеяться, что будет возможно мирным путем разрешить их новые проблемы.

Но вскоре заработали центробежные силы, проявившиеся в форме так называемых солдатских Советов (!).

Солдаты, клявшиеся в марте 1917 г. продолжать войну до победного конца, попали под влияние ловких агитаторов, стремившихся пробудить дух неповиновения и нарушить дисциплину. Сначала солдатские и рабочие Советы возглавлялись двумя грузинами Чхеидзе и Церетели, отделявшими экономические требования от социальных. Но очень скоро они были устранены евреями, примчавшимися со всех уголков страны и из заграницы. Посредством энергичной агитации, направленной на развитие эгоистических тенденций у каждого индивидуума, им удалось расположить к себе толпу.

Отдавая дань сильным и широкораспространенным настроениям, они первоначально выступали с умеренными предложениями. Их представители Бернштейн-Коган, Либер, Дан и Гетц клялись в верности существующему порядку, но втайне, прикрываясь свободолюбивыми лозунгами, препятствовали правительству в принятии решительных мер против угрожающе растущего большевистского движения.

Душой этого движения был знаменитый Бронштейн, он же Троцкий, еврей из Екатеринославекой губернии, и его брат по крови – Апфельбаум, известный под псевдонимом Зиновьев. Они действовали с присущей евреям энергией совместно с русско-татарином Лениным. На улицах, в казармах и в госпиталях, на митингах и на фронте именно евреи обещали мир, свободу и хлеб каждому, призывая к всеобщему братанию с немцами. Короче говоря, пытались внести разлад и беспорядок с помощью заведомой лжи.

В июле 1917 г. кронштадтские матросы, ведомые печально известным Рошалем – еврейским студентом из Риги, пытались свергнуть правительство Керенского. Переворот не удался, и большевистские лидеры – евреи Бронштейн (Троцкий), Розенблюм (Каменев), Коллонтай и другие оказались в тюрьме. Но не надолго. Благодаря стараниям Либера и Дана они были освобождены слабовольным Керенским. Дан и Либер объясняли, конечно, что действовали во имя принципов свободы. Все это наглядно показывает, как хорошо иметь братьев, работающих во многих различных партиях.

После освобождения большевистские агитаторы возобновили свою деятельность с удвоенной энергией. Солдатам было сказано, что они слишком устали для продолжения войны, что пора положить конец резне и т.д. и т.п. Моральное сопротивление многих людей, понятно, было истощено за 3 года войны, и поэтому неудивительно, что они поддались соблазну мира и

вместо того, чтобы воевать, стали бросать оружие. Керенский[3] (не еврей, но масон) находился в нерешительности, не зная, чему отдать предпочтение: собственным социалистическим принципам или национальным интересам. Его истерические выступления не могли успокоить массы, и в октябре 1917 г. съезд солдатских депутатов обратился ко всем армиям с призывом бросить оружие и перестать повиноваться приказам правительства.

История этого съезда весьма показательна. На нем предполагалось обсуждение социальных и политических вопросов, но большинство его делегатов временно отказалось обсуждать политические вопросы из-за напряженной обстановки на фронте. Это отнюдь не смутило рьяных большевиков: они собрали своих представителей, и еврей Абрахам (Крыленко), никем не уполномоченный, занял председательское место и стал объявлять декреты от имени всей русской армии, от имени всего русского народа. Попытка Керенского пресечь эту неслыханную наглость позорно провалилась: Петербургский гарнизон, деморализованный праздностью и деньгами, получаемыми из неизвестного источника (в городе говорили, что он от немцев, ибо еврей Фюрстенберг-Ганецкий, судя по всему, переводил большие суммы из Стокгольма для местного солдатского совета), и хорошо вооруженный, сверг последнее русское правительство в ноябре 1917 г. Примечательно, что на последних заседаниях Государственной Думы ни один русский не выступал против правительства, только евреи.

Таким путем большевики пришли к власти, и теперь никакая сила не сдерживала евреев. Они скинули свои маски и установили чисто еврейское «русское» правительство.

Ленин[4] – единственный нееврей среди народных комиссаров. Он, как говорят, русская витрина для еврейского дела. Кто же другие? Приведем их имена, чтобы никто больше не мог отрицать того факта, что установлено еврейское правление.

Комиссар по военным и иностранным делам – уже упоминавшийся Бронштейн (Троцкий), вдохновитель красного террора; комиссар по культуре – Луначарский; комиссар образования – Коллонтай; комиссар торговли – Бронский; комиссар юстиции – Штейнберг; глава ЧК – Моисей Урицкий. В его следственной тюрьме по известному адресу Гороховая, 2 без суда убиты тысячи невинных. Абрахам (Крыленко) – о нем говорилось выше, стал главнокомандующим всех армий. После того, как обнаружилось его участие в весьма скандальной истории, он был заменен евреем Посер-ном. Председателем Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов является Апфельбаум (Зиновьев); аналогичного Московского совета –

Смидович. Делегатами на мирных переговорах в Брест-Литовске были Бронштейн (Троцкий). Иоффе и Карахан – все евреи. Первым дипломатическим курьером в Лондоне (он, вероятно, привез своим братьям по крови хорошие новости!) был еврей Хольцман. Почти все представители советского правительства за рубежом – евреи. В Берне «русский» посол – Шкловский; в Христиании – Бейтлер; в Стокгольме – Боровский; Розенблюм (Каменев) отправлен в Вену, а небезызвестный Иоффе – в Берлин.

На переговорах, где уточнялись детали Брест-Литовского соглашения, «русская сторона» была представлена уже упомянутым Воровским, к которому прибавилось около двенадцати евреев и евреек, а также два-три латыша.

В дополнение назовем имена ведущих пропагандистов, пишущих для большевистских газет: Нахамкес (Стеклов), Лурье (Ларин) и Собельсон (Радек).

В свое время во имя гуманности они требовали свободы слова и отмены смертной казни. Но как только они пришли к власти, была установлена такая цензура, которой не знали даже в самые мрачные времена царизма. Смертная казнь практически применялась повсеместно, а затем ее ввели и в «легальном» плане. Им удалось привлечь наивные массы под знамена братства и мира; незамедлительно они стали разжигать яростную ненависть ко всему «буржуазному», и вскоре началась систематическая резня и гражданская война, если кто-нибудь и может назвать таким образом одностороннее убийство. Вся русская интеллигенция, десятилетиями самоотверженно боровшаяся за права народа, подверглась безжалостному уничтожению. Кокошкин и Шингарев, лежавший в больнице, были вероломно убиты. Убийцы же, конечно, избежали наказания. На этих страницах не представляется возможным входить в детали, но можно смело сказать, что все лучшее и честное, имевшееся в русском народе, было беспощадно уничтожено. Только из-за того, что Государственная Дума – многолетняя надежда всех русских патриотов, отказалась подчиняться большевикам, она была разогнана Красной гвардией во имя свободы, и теперь истинно русские люди беспомощно стоят у могилы их разграбленной отчизны.

Рабочие и солдаты превращены в жалких рабов, находящихся в подчинении у жестокого еврейства, которое сожгло все мосты, соединявшие с прошлым... Еврейское правительство правит посредством неслыханного террора. Согласно цифрам, приводимым «Правдой» – официальной газетой, – в течение последних трех месяцев расстреляно 13 тысяч «контрреволюционеров».

Однако каждый, следящий за недавними событиями, не может не видеть, что ненависть к евреям в России, наперекор жуткому террору, постоянно растет. Даже самые мягкосердечные и терпеливые русские преисполнены этой ненавистью. Если нынешнее правительство падет, в России не останется в живых ни одного еврея. Можно с уверенностью сказать, что тех, кого не убьют, вынудят уехать. Куда? Поляки уже дали понять, что не желают их принимать. Вот поэтому-то они и направятся в старушку Германию, где мы так любим евреев, что сохраняем для них самые теплые места!

1919 год

«Секретная книга Гитлера»

Рукопись, опубликованная в начале 60-х годов под названием «Секретная книга Гитлера», диктовалась Гитлером в 1928 г. Вряд ли сам фюрер намеревался когда-либо выпускать ее в свет. Она была обнаружена одним американским офицером среди необъятной кипы нацистских документов, захваченных союзниками.

В этой книге, создававшейся уже после «Моей борьбы», основатель и вождь национал-социализма откровенно говорит о своих политических планах и о необходимости завоевания жизненного пространства на Востоке. Его взгляды поражают странным сочетанием проблесков удивительной прозорливости с крайней необъективностью, ограниченностью и фанатизмом. Как пишет автор предисловия американского издания «Секретной книги» Телфорд Тейлор, «Гитлер не был мудрым человеком и, по большому счету, ему не хватало энергии, твердости и концентрации сил для осуществления своих целей. Но хотя его видение мира было искаженным, оно было и проницательным; он видел многое из того, что оставалось скрытым для большинства».

Эти слова в какой-то степени, по-видимому, относятся и к весьма упрощенным и откровенно расистским взглядам Гитлера на Россию. Можно с сожалением заметить, что в наши дни на Западе встречаются политики, разделяющие его русофобские воззрения.

Секретная книга Гитлера

До тех пор, пока в России существует нынешний режим, у нее есть только одна цель: отравить большевистским ядом и Германию. Следовательно, только коммунисты могут выступать за германо-русский альянс. Если такой альянс будет достигнут, то в результате его в Германии наступит в точности такая же полная власть еврейства, какая существует ныне в России...

...Россия – страна, которая разрушила свою собственную национальную экономику для того, чтобы дать возможность международному капиталу захватить полным контроль...

Нужно сказать, что у славянства вообще чувствуется недостаток сил, необходимых для формирования государства. Любые правительственные формации в России всегда были пересыщены иностранными элементами. Со времени Петра Великого там неизменно присутствовало очень много немцев (балтов), которые формировали остов и мозг русского государства. В ходе столетий бесчисленные тысячи немцев русифицировались, но, по сути дела, эти искусственные русские оставались немцами, как по крови, так и по их способностям. Россия обязана этому высшему тевтонскому слою не только в области политики, но и за то немногое, чем она может гордиться в культурном плане. Великая Россия не могла бы существовать без германского влияния. До тех пор, пока Россия являлась государством с автократической формой правления, высшая прослойка, бывшая далеко не русской, оказывала решающее воздействие на жизнь гигантской империи. Даже Бисмарк, по крайней мере, частично знал эту Россию. Именно с ней государственный немецкий гений имел политические соглашения. Но и при его жизни неустойчивость и ненадежность русской политики как внутренней, так и внешней, затрудняли какие-либо расчеты.

С определенных пор возникла тенденция к подавлению высшего, немецкого слоя. Появление национальной русской интеллигенции совпало с затуханием наиболее ценных расовых сил. Офицерство, в основном, было неславянского происхождения, во всяком случае, нерусским по крови. Постепенно, однако, стали пестовать русскую по крови интеллигенцию и подготавливать для внедрения в высший слой. Это проявилось наиболее остро, по-видимому, в нигилизме русских университетов. По своей сущности, этот нигилизм – голос крови подлинно русских, вставших в оппозицию к расово

чуждому высшему слою.

Панславянская идея заключалась и в том, чтобы тевтонский слой, сформировавший Россию в государственном плане, был заменен расово чистым, русским буржуазным классом. Сразу же появились антинемецкие настроения. Антигерманская позиция русского национализма, особенно среди так называемой интеллигенции – не только рефлексивное действие против автократической чужеродной прослойки России. В ней, в глубинном смысле, можно видеть протест славянского естества против немецкого. Эти две народные души имеют очень мало общего, если вообще можно обнаружить какое-нибудь минимальное сходство... Наша склонность к порядку не найдет у них любви и понимания, а, скорее всего, вызовет явное отвращение. Поэтому славянскую Россию всегда больше тянуло к Франции. Женственность французской жизни ближе русским, чем наша суровая борьба за существование. Следовательно, далеко не случайно, что панславянская Россия с энтузиазмом относится к политическим связям с Францией, а русская интеллигенция славянской крови находит в Париже Мекку для собственного понимания цивилизации...

Мировая война привела к дальнейшему уменьшению нордических немецких элементов в жизни России. Их последние остатки были сметены революцией и большевизмом. Надо заметить, что уничтожение высшего, нерусского слоя осуществлялось не только самой славянской расой. Для этого ей понадобились новые лидеры – евреи. Еврейство, стремящееся к мировому господству, уничтожило высший чужеродный слой с помощью славянского расового инстинкта. Таким образом, совершенно понятен процесс захвата еврейством ведущих позиций во всех сферах русской жизни, произошедший в результате большевистской революции, ибо само по себе славянство не обладает организационными способностями и вместе с ними – государство-формирующей и государство-охр аняющей силами. Если изъять из славянского мира все неславянские элементы, немедленно произойдет распад государства...

Россия наших дней имеет хозяином еврейство, которое, уничтожив бывший высший слой, должно теперь доказать, что обладает собственными государетво-формирующими силами. В истории еврейство всегда было разрушительной силой, поэтому можно предположить, что и в России оно явится «ферментом разложения».

Неизбежно наступит день, когда панславянская идея восстанет против болыневистско-еврейской государственной

идеи. Это восстание закончится гибелью еврейства. Но то, что останется от России, будет иметь жалкое, малоспособное правительство, настроенное враждебно к Германии. Настанет эпоха непрекращающихся волнений и беспорядков, ибо чисто славянское государство лишено высшего, государ-ство-цементирующего слоя. Бескрайние земные просторы окажутся в жутком смятении. Вместо стабилизации в отношениях между государствами наступит период самых тревожных перемен.

Вагенер Отто
Гитлер – мемуары конфиданта

Имя Отто Вагенера (1888–1971) мало кому известно, но именно он был одним из самых близких и доверенных лиц Гитлера с осени 1929 г. до лета 1933 г. Гитлер как-то сказал ему: «В течение многих ночей мы говорили с вами так долго, что я раскрыл вам мои затаенные мысли и большинство моих самых фундаментальных идей. Может быть, я не был ни с кем столь откровенен, как с вами.»

Книга воспоминаний Вагенера вышла впервые в 1978 году. Она представляет собой, главным образом, запись бесед, точнее, монологов Гитлера.

О Христе и социализме

Когда бы я ни читал Евангелие и откровения различных пророков, я неизменно поражался тому, что сделали с учением этих боговдохновенных людей, особенно с учением Иисуса Христа, которое было предельно ясно. Эти люди создали новое мировоззрение, называемое теперь нами социализмом. Они обучали ему, жили согласно ему! Но общины, именовавшие себя христианскими церквями, не понимали его! А ежели и понимали, то отвергали Христа и изменяли ему, ибо они извращали святую идею христианского социализма! Они убили ее в точности так же, как в свое время евреи пригвоздили Христа к кресту; они похоронили в точности так же, как погребли тело Христа... В этом заключается жуткое преступление врагов христианского социализма. Они претендуют на то, что проповедуют учение Христа. Но их жизни и дела наносят постоянный ущерб этим учениям и их создателю, клевещут на Бога!

Мы – первые, кто эксгумирует эти учения! Только через нас эти учения отпразднуют свое возрождение. Мария и Магдалина стояли у пустой гробницы, ибо они искали мертвого человека. Но мы намерены раскопать сокровища живого Христа!

В этом состоит существенный элемент нашей миссии: мы должны привести германский народ к признанию этих учений! К чему привела фальсификация первоначальной концепции христианской любви и социализма? По плодам узнаете их! Подавление свободы мнений, преследования истинных христиан, массовые убийства Инквизиции и сжигания ведьм... и многое, многое другое. Вот подлинные деяния церквей, поставивших себя между Богом и человеком. Движимые крайним эгоизмом и личной жадностью, они извратили глубокое понимание Христом необходимости социалистической общины людей и народов. Мы должны по-новому интерпретировать заповеди: любите друг друга, помните, что вы братья! Молодежь с проклятием и презрением отвернется от лицемеров, имеющих Христа на устах, но дьявола в сердце...

Наша миссия носит не только экономический характер. Дать народу возрожденную веру – превыше всего. С такой верой наша молодежь завоюет подлинное царство небесное для своего народа и для всего человечества!

Исключая Россию!

Я не верю в появление новой славянской культуры. Культура никогда не зарождалась под еврейским руководством. Наоборот, как известно из истории, они разрушали ее. Я верю в возрождение старой арийской культуры. Оно произойдет на социалистической основе...

Но даже если бы и не было евреев, все равно славяне не годятся для того, чтобы быть носителями новой культуры. Да, славяне много страдали, но они – не творческий народ: стадные животные, а не личности!

...У меня нет никакого сомнения в том, что социалистическая реорганизация постепенно произойдет во всех демократических странах. Исключая Россию! Там стадо все больше будет управляться с помощью кнута.

О расовом смешении

Личность должна быть безупречна в расовом отношении. Пускай человек будет немцем, индейцем или негром и т.д. и т.п. Я одинаково уважаю всех. Мы можем работать и полагаться на каждого из них. У каждой нации есть вполне определенные черты. Соответственно им можно сказать, что какую-то работу один человек выполнит лучше, чем другой. В данном отношении люди не отличаются от собак или лошадей. Способности и черты каждой расы четко установлены, и всегда можно заранее знать, на что можно рассчитывать в том или ином случае.

Но если имеет место расовое смешение, неважно – какое, никогда нельзя знать, какие расовые черты будут действовать в ответственный момент, в особенности, тогда, когда предстоит принятие важных решений. На работе, выполненной монгрелом, всегда лежит отпечаток обеих рас, чья кровь течет в его жилах. Если вы предоставите ему ответственный и влиятельный пост, то обнаружите бессознательную борьбу, происходящую в его смешанной крови и отражающуюся на его делах, поступках и решениях. Ленин являет собой самый превосходный пример. Вся большевистская революция представляется отражением борьбы, происходившей у него в крови: борьба между азиатской жаждой разрушения и европейской тягой к культуре.

Вот поэтому-то никогда всерьез не следует полагаться на полукровок.

Период радикальных перемен

Гитлер часто подчеркивал, что мы живем в период радикальных перемен во всем мире, когда происходит трансформация от индивидуализма к социализму, от ощущения «я» к ощущению «мы», от либералистических прав личности к верности долгу и ответственности перед обществом. Теперь, с одной стороны, Англия – типичный представитель либерализма и индивидуализма, в то время как Россия представляет социализм, хотя в примитивной и экстремальной форме.

Если основная, великая идея Гитлера правильна, мировая история движется в направлении от Англии к России, которая, конечно, должна быть очищена таким же образом, как и наша страна... История мира, подобно движению звезд, идет по необратимому пути. Каждый, кто марширует в противоположном направлении, будет подмят и раздавлен, ибо бороться против естественного хода событий – грех против духа.

Еврейство и цель сионизма

В тот вечер мы читали газеты и пили чай, в который я добавил немного рома. От пива устаешь, а чай, наоборот, тем более, с ромом, придает силы.

– Опять Литвинов угодил в новости, – прервал молчание Гитлер. – Этот Финкельштейн. Кто-нибудь знает, как все эти евреи впервые попали в Россию?

– Могу рассказать вам, – ответил я. – В XVI или XVII столетии их изгнали из Рейнской долины. Тогда польский король, находившийся под влиянием еврейских банкиров, принял этих беженцев. Они поселились в юго-восточной Польше и в западной части Украины, являвшейся в то время частью Польши, и уже оттуда они распространились по всей России. Вот поэтому-то все русские евреи говорят по-немецки. В России их язык называется идиш. По сей день евреи сохранили знание немецкого.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Гитлер. – Это совершенно ново для меня. Но, вероятно, так оно и есть.

Может быть, поэтому-то все восточные евреи желают вернуться в Германию.

– Мне теперь трудно сказать, откуда я знаю это, – ответил я. – Но на протяжении ряда лет я много читал и познакомился с самыми разными вещами и людьми. Может быть, даже, что я узнал обо всем этом от самих евреев. Но и исторические записи говорят о том же самом.

– Изгнание евреев всегда считалось универсальным средством, когда их становилось слишком много, – сказал Гитлер. – Но потом они всегда возвращались.

– Они возвращались через длительные периоды времени и, как правило, один за другим, – подчеркнул я. – В долине Рейна процент еврейского населения еще очень мал, в других местах значительно выше.

– В наши дни нельзя просто взять да выгнать евреев из большой страны, – заметил Гитлер. – Куда они денутся? Другие тоже не слишком стремятся раскрыть им свои объятья.

– Британская идея создания еврейского государства, вероятно, заслуживает внимания. Но является ли Палестина именно той страной, какая нужна, и может ли она абсорбировать 10–15 миллионов евреев?

– Но, прежде всего, этих 10–15 миллионов не будет, – ответил Гитлер. – Например, Соединенные Штаты следует исключить. Евреи уже захватили там почти все ключевые позиции. Обещание, данное им в Ветхом Завете, реализовалось в Соединенных

Штатах: все народы подчинятся вам! Поэтому американские евреи не уедут из Америки.

Действительно, трудно представить, что евреи всерьез говорят о еврейском государстве в том плане, в котором о нем пишут газеты, Видели ли вы когда-нибудь лес, состоящий исключительно из деревьев-паразитов? Такого в природе не встречается. Паразит всегда должен иметь жертву, которая бы обеспечивала ему существование. И паразиты могут существовать только в определенной пропорции к населению жертв. Заметьте также, что паразиты, как правило, скопляются в больших городах. Так, население в Будапеште вроде бы уже состоит на 60% из евреев. Но в деревнях их процент минимален. То же самое происходит и в Северной Америке. В Нью-Йорке, например, проживает около трех миллионов евреев. Они устроились там, подобно глистам в огромном желудке.

– Но все это лишь доказывает, что Палестина – неподходящее место для еврейской колонии, – отметил я. – Что они будут пожирать там?

– Я полностью разделяю вашу точку зрения, Вагенер. Вот поэтому-то идея еврейского государства там, на мой взгляд, имеет совсем иной смысл. Евреи предпочитают оставаться незамеченными до тех пор, пока они не обладают властью. Они сбрасывают маски сразу же после того, как достигают ее или полагают, что достигли ее. После войны, кажется, пришло время для евреев изображать из себя хозяев. В Германии это неоспоримо. Затем, когда они захватят власть над всеми белыми народами, им лишь останется создать штаб-квартиру для управления всем миром. В этом смысл еврейского государства. До определенной поры такое государство лишено смысла. Более того, его создание было бы ошибкой.

Дитрих Отто
Воспоминания о гитлере

Отто Дитрих руководил прессой Третьего Рейха с 1933 г. по 1945 г. Согласно его воле, написанная им книга воспоминаний о Гитлере, была опубликована только после смерти автора в 1955 г.

Воспоминания о Гитлере

Гитлер вышел из мелкобуржуазной австрийской среды. Фактически он никогда не оставлял ее, даже достигнув пика в своей политической карьере...

Австрийство Гитлера безошибочно обнаруживалось в двух чертах его характера. Первая – обвораживающие манеры, присущие ему в личной жизни и столь контрастирующие с неуступчивостью и отсутствием гибкости в политике. По отношению к женщинам и художникам он, в основном, проявлял чуть ли не чрезмерную учтивость. И вторая – его полная неспособность придерживаться хоть какого-нибудь расписания, распорядка дня.

Во время его жизни многие, особенно журналисты, стремились получить информацию о личной жизни Гитлера, его привычках, времяпрепровождении и т.п. Иногда обращались к самому Гитлеру за ответом на такого рода вопросы. Он же всегда был против публикации фактов, связанных с его личной жизнью.

На мой взгляд, он вел страннейшую личную жизнь. Казалось, что не было никакого разграничения между его личной и официальной жизнью. Возможно, что это частично объясняется тем, что Гитлер сам возложил на себя ответственность принимать решения по политическим, военным, культурным и всем прочим важным проблемам. Неизбежное последствие такого абсолютизма – постоянная занятость. Вследствие того, что он возложил на свои плечи чрезмерную ношу, у него не было времени на личную жизнь. Как он часто говорил, его жизнь была отдана служению народу.

По натуре Гитлер являлся человеком богемного склада. Можно сказать, что им управляли эмоции. Регулярная работа внушала ему отвращение. Он любил повторять, что одна

блестящая идея имеет большую ценность, чем жизнь, проведенная в кропотливой работе в конторе. Только во время дипломатических приемов он соблюдал пунктуальность. Большинство посетителей часами ожидали в приемной. Министры и другие высокопоставленные лица часто не могли добиться приема в течение недель и даже месяцев, несмотря на проявлявшуюся ими настойчивость. Адъютантам были отданы строжайшие приказания, чтобы пускать только с его личного разрешения. Если Гитлер не хотел видеть кого-нибудь, этот человек мог ожидать напрасно долгие годы.

С другой стороны, Гитлера никак нельзя было зачислить в разряд антисоциальных людей. Более того, он терпеть не мог оставаться наедине с собой. Его страх одиночества был поразительным. Казалось, что он боялся лицезреть самого себя. Из-за этого он никогда не ложился спать раньше, чем в 3–4 часа ночи, и, естественно, люди из его окружения были вынуждены бодрствовать до столь позднего часа.

Гитлер буквально обращал день в ночь и поэтому не поднимался до полудня. Обычно он выходил из своей спальной еще позже. Его завтрак состоял из стакана молока или чашки чая, при этом он съедал еще один-два сухарика. Затем немедленно отправлялся в канцелярию, где к этому времени уже скапливалась груда неотложной работы. В результате этого странного распорядка авторитарная государственная машина, как правило, не функционировала в утренние часы. Каждый, кто понимает важность утренних часов дня для работы в государственных и военных учреждениях, может представить себе, какая царила неразбериха в начале дня! Прежде всего Гитлер говорил с адъютантами, обычно ожидавшими его в коридоре с вопросами, требующими срочного рассмотрения. Потом он давал распоряжения относительно посетителей. Гитлер сам составлял списки тех, кого намеревался принять. У него не было определенных часов приема. Все зависело от того, как он чувствовал себя и в каком настроении находился. Он никогда не считал нужным объяснять свои решения в каких-либо делах...

Гитлер не работал за столом, хотя некоторые его кабинеты были меблированы по его эскизам. Эти кабинеты действительно существовали для мебели. Гитлер был не в состоянии сконцентрироваться сидя и молча; ему были необходимы движение и разговор.

Гитлер много читал, обычно ночью, когда удалялся к себе, и долго не мог заснуть. Он читал биографии самых разных людей, а также книги по искусству: архитектура, живопись, скульптура, музыка, театр и кино. Но принципиально игнорировал

теоретические или беллетристические работы. У него была особая антипатия к романам, которых он никогда не читал, и к поэзии: стихи вызывали у него чувство отвращения. В первые годы своего правления он перечитал все книги Карла Мая об индейцах – любимое чтение детских лет. С энтузиазмом он относился к сатирическим работам Бернарда Шоу.

Он чувствовал сродство со всеми гигантами немецкой литературы. С националистической точки зрения Шиллеру отдавалось предпочтение перед универсальным и космополитичным Гете. Я никогда не слышал, чтобы Гитлер хоть слово произнес о Гете.

Во время визитов в Веймар Гитлер почти всегда навещал фрау Фюрстер-Ницше – сестру Ницше. Но из трудов Ницше Гитлер воспринял только культ личности и учение о сверхчеловеке; он не интересовался другими аспектами произведений философа. В день рождения Муссолини Гитлер преподнес ему исключительно дорогое издание собраний сочинений Ницше. Помимо Ницше, единственный философ, о котором упоминал Гитлер, был Шопенгауэр. Он часто рассказывал о том, что, отправившись на войну 1914 г., он положил в свой вещевой мешок дешевое издание работ Шопенгауэра. Но его не интересовала ни этика Шопенгауэра, ни доктрина пессимизма, а только лишь отточенный язык афоризмов философа, его безжалостный критицизм и полемический стиль, пронизанный ядовитым сарказмом. Таков был лимит контактов Гитлера с миром интеллекта.

Он провозгласил создание нового мировоззрения, но вряд ли хоть раз помянул великих мыслителей человечества от Платона до Канта и Гете. Глубокие прозрения и величайшая мудрость, накопленные за столетия, просто не существовали для Гитлера, если они не укладывались в рамки его националистической идеологии.

Он строил храмы искусства, но презирал собор духа! Несмотря на подчеркивание им важности культуры и любви к искусству, он не имел малейшего понятия о духовных ценностях или этике. Взамен этого, заявлял он, ему дано шестое чувство, позволяющее распознать то, что является высшим благом для его народа...

Гитлер любил идеи космического размаха. Он говорил о человеческих существах, как о «планетных бациллах», и был страстным поклонником «ледяной теории» Хорбигера. Его точка зрения относительно естественного отбора и выживания сильнейших совпадала со взглядами Дарвина и Геккеля. Тем не менее, Гитлер не был атеистом. Он исповедовал весьма общую,

монотеистическую веру. Он верил в руководство свыше и в существование Всевышнего, чья мудрость и воля создали законы, необходимые для сохранения и эволюции человеческого рода. Он верил, что основная цель человечества состоит в том, чтобы выжить и достичь прогресса и совершенства. Из этой веры происходило непосредственно ощущение им собственной миссии, заключавшейся в том, чтобы быть вождем немецкого народа. Он считал, что действует по повелению Всевышнего. У него имелось представление о Высшем Творении, которое ничто не может изменить. В его выступлениях он часто говорил о Всемогущем и Провидении. Он лично был настроен резко враждебно к христианству и церквям, хотя в партийной программе говорилось о «положительном» христианстве. В частных разговорах он часто бросал саркастические реплики в адрес церквей и священнослужителей – тех, кто «на крючке у Бога». Раннее христианство, по его словам, «первая еврейская коммунистическая ячейка». И он отрицал, что христианская церковь создала подлинные моральные основы. Процессы над католическими священниками, обвинявшимися в аморальном поведении, были использованы им для более широких обобщений. Он рассматривал Реформацию в Германии, как величайшее национальное бедствие, ибо из-за нее была «раздроблена страна, и в течение столетий не могло произойти объединение...»

Принимая во внимание чувства верующих, Гитлер проявлял сдержанность в отношении религиозных организаций. Он разрешил публикацию «Мифа XX века» Розенберга только под упорным давлением автора. Гитлер сам имел серьезные сомнения в доктринах, провозглашаемых Розенбергом, и утверждал, что их нельзя рассматривать, как официальные. С другой стороны, он не остужал горячие головы в партии Гиммлера и особенно Бормана, которые беспрерывно выступали с нападками на церковь. Наоборот, он поддерживал их и поощрял в личных беседах, употребляя откровенно антицерковные замечания. В ранний период он выстоял против атак на национал-социализм со стороны епископов и кардиналов. Он не мог предпринять меры против них, ибо опасался, что это вызовет враждебность некоторых его последователей. Но он угрожал, что впоследствии обязательно отомстит...

Гитлер был убежден в том, что христианство устарело и умирает. Он полагал, что мог ускорить его смерть посредством соответствующего образования немецкой молодежи. Христианство, по его мысли, должно быть заменено новым героическим, расовым представлением о Боге.

Гитлер был полным вегетарианцем. Он никогда не ел мяса или рыбы. Он питался исключительно овощами и определенными кашами. Даже хлеб и масло могли вызвать у него несварение. Сухари, мед, помидорный соус, грибы, творог и простокваша являлись основным его питанием. В последние годы он отказался от кофе и пил молоко лишь в очень небольшом количестве. Вся его пища была особо приготовлена, даже его супы отличались от тех, что подавались гостям. В последние годы у него был диетический повар из Вены, который готовил еду исключительно для фюрера. Припоминаю, что в 1932 г., когда Гитлер жил в гостинице «Кайзерхоф» в Берлине и подозревал, что его намереваются отравить, фрау Геббельс часто готовила ему у себя дома и затем подогревала ему в его гостиничном номере.

Я нередко удивлялся тому, что несмотря на суровую диету и бессонницу, Гитлер обладал поразительной энергией и невероятной силой воли, выказывавшихся им на протяжении многих лет. Его энергия, казалось, далеко превышала пределы нормальной...

Гитлер не давил на своих гостей в плане вегетарианства, хотя часто говорил с ними об этом и посмеивался над некоторыми пристрастиями в еде, называя их «пожирателями трупов». Всего лишь несколько человек следовали его примеру за столом. Среди них был Борман, но все знали, что дома он не отказывался от хорошего бифштекса. Гитлер предлагал своим гостям основательную, но вовсе не изысканную еду, и, конечно, соблюдал обычай военного времени – подавалось не больше одного основного блюда вместе с закуской, супом и сладким. Однажды врачи порекомендовали ему есть икру из-за ее ценных питательных качеств. Икра принесла ему пользу, но вскоре он отказался от нее, заметив при этом, что она стоит «греховно дорого».

Гитлер не мог терпеть алкоголь, вкус которого был ему омерзителен. На различных церемониях, когда провозглашались тосты, его бокал всегда наполнялся минеральной водой. Но и в этом отношении он не давил на гостей, позволяя им следовать собственным вкусам и привычкам. Однако за его столом их ограничивали в употреблении алкоголя. К курению он относился еще строже. Он считал никотин исключительно вредным и говорил, что может предложить сигары и сигареты лишь своим худшим врагам, но никогда – друзьям. Курить в его комнатах запрещалось... У входа в бункер в Берлине висела табличка «Не курить».

Много написано и много говорилось о вспышках гнева у Гитлера. Мне часто приходилось быть их свидетелем, иногда же его ярость была направлена против меня самого. Это была вспышка его демонической энергии против мира грубой реальности. Эмоции же направлялись против того, кому пришлось оказаться в его присутствии. Ярость обрушивалась в виде урагана слов. В такие моменты он отметал любые возражения простым усилением голоса.

Подобные сцены могли быть вызваны как большими, так и совсем ничтожными событиями. Однажды в Оберзальцберге я наблюдал, как его собака Блонди отказалась повиноваться приказу. Кровь бросилась в лицо Гитлера, и несмотря на огромную толпу присутствующих, он начал бешено орать на одного из своих помощников, оказавшегося рядом с ним. Без всякого объяснения, не обращая внимания на удивление толпы, он обрушил на него поток гневных слов.

Трудно вообразить столь большой контраст у одного и того же человека: нередко жестокий, бесчувственный, бессмысленно гневный, он мог быть исключительно обаятельным, тонким, понимающим, добрым отцом для своего народа, был готов протянуть руку помощи тем, кто попал в затруднительное положение. Люди, знавшие его только с одной стороны, не могли даже представить себе, как Гитлер может выглядеть с другой стороны.

После смерти Гитлера много понаписано о его амурных связях с актрисами, балеринами и другими женщинами. Если мы будем придерживаться трезвых фактов, эти разговоры следует отнести к области чистой фантазии. Исключая то время, которое он проводил с Евой Браун, вряд ли был хоть час в жизни Гитлера, когда бы его не окружали люди. В тех условиях у него просто не было никакой возможности...

В чем бы ни обвиняли Гитлера как человека и политика, в моральной сфере и личных отношениях с женщинами никто не может бросить в него камень.

Вне всякого сомнения Гитлер был храбрым человеком. Его смелость поражала всех. И в своих чаяниях для народа он был также глубоко искренен. Душой и сердцем он верил в миссию немецкого народа, в его особый дар к организации и управлению, в призвание нордической расы к духовному лидерству и в предназначение немецкого народа быть создателем культуры. И он верил, что его собственным призванием было руководить миссией своего народа.

Феномену, каким был Гитлер, нет равных в истории. По

беспрерывным перепадам от добра к злу, по суровости и демонизму характера и по тому влиянию, какое он оказывал на мир, он был уникальным явлением среди всех исторических личностей.

Риббентроп Иоахим фон
Это был великий человек

Иоахим фон Риббентроп был министром иностранных дел с 1938 г. и до самых последних дней Третьего Рейха. Во время Нюрнбергского процесса по просьбе своего адвоката он написал воспоминания о Гитлере.

Это был великий человек

Я впервые увидел Адольфа Гитлера в августе 1922 года. Он произвел на меня сильное впечатление... Особенно поразили меня его властные голубые глаза. Уже тогда я понял, что этот человек, чьи речи я читал с таким интересом, представляет собой совершенно необычный феномен. Больше всего меня поразили его тщательно продуманные, сдержанные манеры. Не только мысли, ,но также способ, каким он выражал их, резко отличали его от всех других людей. Они, казалось, исходили из самых глубин его существа. Они были простыми, ясными и вместе с тем убедительными. Другая вещь, поразившая меня – убежденность в собственной правоте. Не было никакой возможности противоречить ему, вести с ним дискуссию. Он просто утверждал факты, которые его слушатели были обязаны признать. Никто не мог оказать на него влияния, вынудить пойти на компромисс. Таково было мое даже первое впечатление...

Несмотря на то, что я провел с ним много времени, никогда в течение всех тех лет я не узнал его лучше, ближе, чем при той первой встрече. Он был неописуемо далек от всех. Хотя миллионы людей преклонялись перед ним, Адольф Гитлер был одиноким человеком... Он не хотел быть недосягаемым, но именно таковым его сотворила природа. Я думаю, что он сам страдал от этого. Несмотря на все, однако, он мог быть трогательно дружелюбным, сердечным и веселым... Когда он хотел расположить к себе кого-нибудь или добиться чего-нибудь, он мог быть весьма чарующим и настойчивым. Я знал сильных людей, которые шли к нему, полные решительных намерений заставить его отказаться от тех или иных планов. Через полчаса они выходили от него сияющие и довольные, со всем согласные и

во всем готовые поддержать Адольфа Гитлера.

Адольф Гитлер также мог захватывать внимание, проявлять удивительное чувство юмора и быть чрезвычайно красноречивым, особенно в беседах с молодежью. Когда он рассказывал о Первой мировой войне и своей политической борьбе, все слушали затаив дыхание. И когда он говорил об искусстве и архитектуре, становилась очевидной его артистическая натура... и слушатели чувствовали себя неразрывно связанными с ним...

Для того, чтобы правильно понять Гитлера как личность, необходимо упомянуть еще об одной характерной его особенности: у него был горячий темперамент, и он не всегда мог себя сдерживать. Иногда это становилось очевидным во время дипломатических переговоров. Например, в Бад Годесберге (22 сентября 1938 г.) он хотел прервать совещание с Чемберленом (британский премьер-министр), когда поступило известие о мобилизации чехов. Его лицо покраснело, как обычно при гневе, и он вскочил со своего места. Поднялся и Чемберлен. Я вмешался и этим спас совещание. Адольф Гитлер (позже) поблагодарил меня. В период войны он однажды сказал мне откровенно: «Знаете, Риббентроп, иногда я просто не могу контролировать себя...»

Нет никакого сомнения в том, что Гитлер посвятил всю свою жизнь только одной цели: служению немецкому народу. Он жил, не щадя себя, жертвуя своим здоровьем, и до последнего вздоха не думал ни о чем, кроме будущего народа, который любил превыше всего. Эта любовь руководила его мыслями и действиями. До самого конца он принимал важные решения в международных отношениях. Его неудача, как он сказал мне, была предопределена судьбой. Почему его постигло поражение – пусть определят грядущие историки.

Очень трудно судить о характере феномена, гения, каким был Гитлер. Его нельзя измерять обычными мерками. Наиболее примечательными в нем были горячий патриотизм и фанатичная воля, с помощью которых он пытался сделать Германию великой. Он был убежден в своей миссии, для осуществления которой, он полагал, его избрало Провидение. Его несгибаемая воля и энергия с трудом поддаются воображению. Поражали сила его разума и интеллигентность. Он всегда мыслил в рамках больших исторических перспектив и проводил исторические параллели. Для него образцом служил Фридрих Великий.

Несмотря на склонность к фантазированию, он был всегда реалистом и умел трезво оценивать ситуацию. Тем не менее, когда предпринимал ответственные шаги, неизменно рассматривал себя посланцем судьбы, предназначенным

Всевышним для Германии. Однажды он сказал мне, что всегда перед принятием важных решений (обычно ночью), на него нисходило состояние гипнотической уверенности, и благодаря этому он точно знал, что ему надлежит делать, чтобы исполнить свой долг. Он был полностью предан интересам немецкого народа... и потому полагал, что даже насильственные меры были полностью оправданными...

В заключение могу сказать лишь следующее: я не знаю, кто он был; знаю только – это был великий человек!

notes

Примечания

1

В книге использованы материалы Министерства пропаганды Германского рейха 1933–1945 гг., а также издательства «Гонг». Шанхай. 1935 г.

2

За дилетантский подход А. Розенберга к психологии русского человека Германия позже заплатит жестоким поражением. – Примечание редактора.

3

Не только масон, но и еврей Аарон Кирбиц. – Примечание редактора.

4

Еврей по матери. – Примечание редактора.